

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 3 / 2018

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2018

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Медведев С. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2018

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Medvedev S. N.** – Doctor of Law, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshv A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агафонов А. И. Войсковые и полковые храмы Войска Донского и их роль в окормлении казачества в XVIII – начале XX вв.	8
Айдунова Т. Ю. Трансформация образа Петра I в исторических представлениях российских монархов XVIII – XIX вв.	17
Аникеев А. А. Внешнеполитические условия образования Третьего Рейха в 30-х г. XX в.	23
Апрыщенко В. Ю. «Модель разрыва» как аналитический инструмент изучения миграционной политики в конце XX века	29
Баглай В. Е. Археология Соноры: древние культуры северной Мексики и их роль в становлении связей Месоамерики и американского Юго-Запада	35
Величко Л. Н. Роль польской политической элиты в актуализации идеи «Кавказского дома» в среде национальной иммиграции в 20-е гг. XX века	42
Гаврилов С. Н. Справедливая война руками частника: «приватизация» военных действий на море в Англии в 1585–1603 гг.	49
Джуккаева Э. Б. «...Старики как государственные деятели ... и равноправные женщины-горянки...»: анализ особенностей государственной трудовой мобилизации населения Карачая в экстремальных условиях 1943 года	57
Елдинов О. А. Сравнительный анализ политического участия посткоммунистических сил в электоральном пространстве: на примере «Партии демократического социализма» (ФРГ) и Коммунистической партии Российской Федерации (Российская Федерация) в первой половине 1990-х гг.	63
Зайцев Д. В. Предложения о прекращении осады Трои в «Илиаде»: к проблеме воинской этики у Гомера	71
Зубариев Р. Б. Российский и зарубежный взгляд на феномен колонизации и переселенческих процессов в российской истории	78
Карташев А. В. Пятый гвардейский Донской кавалерийский корпус в боях за освобождение Ставрополя в конце ноября – декабре 1942 года	87
Коробейникова Д. Ю. Колонизационно-переселенческая деформация северокавказского региона в процессе его адаптации к имперскому миросоциуму	98
Максименко М. А. К вопросу о социально-экономических аспектах индустриальной революции в Шотландии в XIX веке	104
Панарина Е. В. Организация помощи семьям военнослужащих на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	109
Пантюхина Т. В. Американо-мексиканская граница: история формирования в контексте континентальной экспансии США XIX века	116
Рубинина Э. Р. Актуальные проблемы изучения истории статистических комитетов юга России в XIX веке	122
Рудая О. И. Нацистская агитация и пропаганда в Веймарской республике	128
Судаев Н. Д. Битва за Кавказ в исторических судьбах народов региона	134

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абезин Д.А., Анисимов А.П. Теория циркулярной экономики и перспективы ее влияния на законодательство об отходах производства и потребления	143
Вышеславова Т. Ф., Лукинова С. А. Формальная определенность в институте трудового договора	150
Мелекаев Р. К. Антикоррупционная экспертиза законодательства органами прокуратуры как средство повышения законности и правопорядка в современной России	156

Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В. Некоторые аспекты совершенствования российского законодательства о курортах на современном этапе	162
Суворов В. А. Цели и место совершения акта международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества	168
Тазиева М. М. Анализ конституционно-правовых основ права граждан на доступ к информации о деятельности органов государственной власти в Соединенных Штатах Америки	175

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белевцова Т. Б. Когнитивная зооморфная метафора в русском литературном языке (на примере энтонимов в поэзии)	181
Вартанова Л. Р. Переводческая специфика романа Ричарда Руссо «Эмпайер фоллс»	188
Картавцева И. В. Эпические включения в языке драматургического текста Б. Брехта	193
Туболи А. Сравнительный анализ актуализации глагольных значений в переводах русских и венгерских новостных газетных статей	198

РЕЦЕНЗИИ

Клычников Ю. Ю., Колесникова М. Е. «Сладкая песня отчизны...»: О новой книге по кавказоведению [Рец. на монографию Дударев Д. С., Дударев С. Л. «Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX в.» Армавир; Ставрополь: Дизайн студия Б, 2017. – 402 с.]	208
---	-----

Информация об авторах	213
--	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Agafonov A. I. Military and regimental churches of the Don Cossacks and their role in the spiritual guidance of the Cossacks in the XVIII – early XX centuries	8
Aidunova T. Yu. Image transformation of Peter the first in historical views of Russian Emperors during XVIII–XIX century	17
Anikeev A. A. Foreign policy circumstances of the Third Reich emergence in 1930s.	23
Apryshchenko V. Yu. The “gap model” as an analytical tool to study migration policy in the end of XX century	29
Baglay V. E. Archaeology of Sonora: ancient cultures of Northern Mexico and their role in establishing ties between Mesoamerica and the American southwest	35
Velichko L. N. The role of the Polish political elite in updating the idea of the «Caucasian house» in the environment of national immigration in the 1920s.	42
Gavrilov S. N. Rightful war by the hands of private owner: “privatization” of naval actions in England of 1585–1603	49
Dzhukkaeva E. B. “... The old men as statesmen ... and the emancipated mountain woman ...”: the analysis of the state labor mobilization features of the Karachai population in the extreme conditions of 1943	57
Eldinov O. A. Comparative analysis of political participation of postcommunist powers in electoral space: by the example of “The party of democratic socialism” (GDR) and the communist party of the Russian Federation (The Russian Federation) in the first half of the 1990s.	63
Zaytsev D. V. Proposals on the lifting of the siege of Troy in the «Iliad»: the problem of military ethics in Homer	71
Zubariev R. B. Russian and foreign views on the colonization phenomenon and resettlement processes in the Russian history	78
Kartashov A. V. The Fifth Guards Cavalry Corps in struggle for the liberation of Stavropol at the end of November – December 1942	87
Korobeynikova D. Yu. Colonizing and resettlement deformation of the North Caucasus region in the process of its adaptation to the imperial micro-society	98
Maximenko M. A. On socio-economic aspects of the industrial revolution in Scotland in the XIX century	104
Panarina E. V. The aid to military families in the North Caucasus during the Great Patriotic war	109
Pantyukhina T. V. The US-Mexico border: the history of shaping in the context of the US continental expansion in the XIX century	116
Rubinina E. R. Topical issues of studying the history of statistical committees of the south of Russia in the XIX century	122
Rudaya O. I. Nazi agitation and propaganda in the Weimar Republic	128
Sudavtsov N. D. Battle for the Caucasus in the historical fate of the peoples of the region	134

LEGAL SCIENCES

Abezin D. A., Anisimov A. P. The theory of circular economy and prospects of its influence on production and consumption waste legislation	143
Vysheslavova T. F., Lukinova S. A. Formal definition in the institute of labour contract	150
Melekayev R. K. Anti-corruption examination of the legislation by bodies of prosecutor’s office as a means to enhance legality and law order in modern Russia	156
Navasardova E. S., Nutrikhin R. V. Some aspects of improvement of the Russian legislation on resorts at the present stage	162

Suvorov V. A. The purposes and the place of committing the act of international terrorism as a crime against peace and security of mankind	168
Tazieva M. M. Analysis of constitutional and legal foundations of the right of citizens to access the information on the activities of public authorities in the United States of America	175

PHILOLOGICAL SCIENCES

Belevtsova T. B. Cognitive zoomorphic metaphor in Russian literary language (by the example of entomonimes in poetry)	181
Vartanova L. R. Translation features of Richard Russo's novel "Empire falls"	188
Kartavtseva I. V. Epic inclusions in the language of B. Brecht's dramatic text	193
Tuboly A. Comparative analysis of the actualization of verbal values in translation of the Russian and Hungarian newspapers	198

REVIEW

Klychnikov Yu. Yu., Kolesnikova M. E. "Sweet song of Russia": about the new book on Caucasus studies	208
Information about the authors	215

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470+57) «17/1917»

А. И. Агафонов

ВОЙСКОВЫЕ И ПОЛКОВЫЕ ХРАМЫ ВОЙСКА ДОНСКОГО И ИХ РОЛЬ В ОКОРМЛЕНИИ КАЗАЧЕСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.

В результате включения Земли Донского Войска в государственно-правовое пространство России на казачество распространялись основные имперские принципы и требования церковной организации и военного управления, как составной части духовно-нравственной политики государства. В статье исследуются основные направления церковно-храмового строительства и формирования войскового и полкового духовенства с учетом особенностей развития казачества, превращения его в военно-служилое сословие. Автор пришел к выводам, что в результате политики правительства и Св. Синода в XVIII – начале XX веков в Земле Войска Донского сложилась церковная жизнь, включавшая стройную систему епархиального управления и формирования духовенства, возведения и функционирования

церквей, храмов и монастырей. Войсковые храмы часто выполняли функции полковых церквей для казачьих полков, служивших в Области Войска Донского. Донские полковые храмы и полковое духовенство образовывались на тех же условиях, что и таковые в русской регулярной армии, но имели некоторые отличия, обусловленные особенностями призыва, формирования, дислокации полков, несения казаками службы. Войсковые и полковые храмы являлись центрами образования, духовного окормления и воспитания, хранителями военных трофеев и музейных реликвий, исторических традиций казачества.

Ключевые слова: Российская империя, военная история донского казачества, войсковые и полковые храмы, духовно-нравственное воспитание, Войско Донское, полковые священники.

A. I. Agafonov

MILITARY AND REGIMENTAL CHURCHES OF THE DON COSSACKS AND THEIR ROLE IN THE SPIRITUAL GUIDANCE OF THE COSSACKS IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES

As a result of the inclusion of the land of the Don Army in the state-legal space of Russia, the Cossacks were subject to the basic Imperial principles and requirements of the Church organization and military administration, as part of the spiritual and moral policy of the state. The article examines the main directions of church-temple construction and formation of military and regimental clergy, taking into account the peculiarities of development of the Cossacks, its transformation into a military-serving class. The author concludes that the government and Synod policies in the XVIII – early XX centuries resulted the establishment of the Church life in the land of the Don Cossacks, including a coherent system of diocesan administration and the formation of the clergy, the construction and operation of

churches, temples and monasteries. Military temples often served as regimental churches for Cossack regiments serving in the area of the Don Army. The Don regimental churches and regimental clergy were formed on the same conditions as those in the Russian regular army, but had some differences due to the peculiarities of the call, formation, deployment of regiments, and the performance of service by the Cossacks. Military and regimental churches were the centers of education, spiritual care and education, the keepers of military trophies and Museum relics, historical traditions of the Cossacks.

Key words: the Russian Empire, the military history of the Don Cossacks, military and regimental churches, spiritual and moral education, the Don Army, regimental priests.

Церковно-храмовому строительству в Епархии Донской и Новочеркасской посвящены статьи, монографии и диссертации [6, с. 18–28; 7, с. 103–111; 8; 12; 35; 38; 45], в то же время полковые храмы и военное духовенство Войска Донского является одной из слабо изученных страниц истории казачества и русской православной церкви [11; 40. с. 683–684; 14; 20]. В исследованиях о военном духовенстве Российской империи эта тема также не нашла отражения, преимущественно рассматривались отношения казачества, церкви и государства [1, с. 24–26; 10; 33; 39; 42; 43].

Военное духовенство, по мнению А. С. Павлова, Т. В. Барсова представляло собой особый класс, образованный царем Петром Великим, стоящий вне епархий, особое сословие в среде православного духовного ведомства [11, с. 1; 24, с. 181]. На Дону, по нашему мнению, его формирование тесно связано с генезисом казачества, оно являлось составной частью и в то же время определенной сословной группой российского епархиального и военного духовенства.

Полковая система донского казачества стала складываться в XVII в., прошла путь от ватаг, общин, отрядов и артелей к русско-польской войне 1654–1666 гг. к полкам трехсотенного состава, она имела особенности призыва, комплектования, вооружения, материального и военно-технического обеспечения, управления.

Одновременно формировалась система духовного окормления казачества. В XVI–XVII вв. не существовало в Земля Донских казаков епархий, она канонически подчинялась главе Русской православной церкви. Сношения архипастыря с паствой происходили через посредство Посольского приказа, который направлял все духовные дела казаков патриарху. Его Святейшество разрешал постройку церквей и их освящение, назначал по приглашению Войска священников [13, с. 54, 56].

В общей практике Донского Войска церковно- и священнослужители избирались или назначались Войсковым кругом преимущественно из казачьего сословия, он также принимал и исключал из состава Войска беспоместных священнослужителей, которые приходили из центральных уездов России и Малороссии на Дон. Войсковой круг определял их в приходы, следил за отправлением служб, в случае неудовлетворительного исполнения отстранял священнослужителей от службы и даже лишал духовного сана. Войсковой круг поддерживал отношения по духовным делам с Московской Патриархией, принимал или отсылал обратно

назначавшихся в Войско священнослужителей, получал из Патриархии Священные книги и оклады для них, колокола и медь для колоколов, кресты, иконы, церковную утварь и т.д. [13, с. 57–58].

Действительно, Войско Донское следило за духовным окормлением казачества. Так, в 1630 г. прибыла в Москву станица под начальством атамана Наума Васильева. При обыске были обнаружены «псалтыри, часовники, минеи, апостол, все печатные». На допросе в Посольском приказе атаман сказал, что это имущество принадлежит Донскому Войску. Казаки имели небольшие иконы: «образы складни писаны на краске; образы складни тройня на краске писаны; складни тройные обложены серебром и сканью, другие двойные в киоте ис краске; образ Богородицы, обложен серебром, жемчугом да 4 камнями; образы Николы чудотворца, Евангелие на престольное» [36, Стб. 323–334].

После реформ патриарха Никона в 1650-х – 1660-х гг. сложились в Земле Донских казаков первые раскольничьи скиты, пустыни и обители на реках Дон, Медведица и Чир, образовалась одна из крупнейших в России староверческая община, влившаяся в казачество. Она имела свои моленные дома, храмы и монастыри, многочисленные вероисповедные и культовые отличия, подняла в 1688–1689 гг. на юге страны мощное восстание защитников «старой веры» [13, с. 68–101, 172–213; 37, с. 111–114].

Следует иметь в виду, что по указам Петра I и российским законам вплоть до начала XX в. староверы (раскольники) не имели права занимать офицерские, какие-либо священнические и общественные должности, раскольникам ограничивалось открытие моленных домов, запрещалось строительство новых церквей и иметь при них колокола, совершать крестные ходы и публичные процессии в церковных обителях, публичное ношение икон, и т.д. [24, с. 369–370; 27, с. 946; 30, с. 347–348], но при этом, будучи казаками, они несли все тяготы военной службы [29, с. 58–60].

Должность старообрядческого священника, несмотря на большое количество паствы, в армии не предусматривалось. Старообрядческие священнослужители до 1913 г. не признавались государством в качестве духовных лиц. Только во время Первой Мировой войны правительство учредило должности старообрядческих священнослужителей [14, с. 47].

В конце XVIII – начале XIX вв. на Дону широкое распространение получило движение духоборцев и молокан. В 1826 г. правительство приняло специальный указ о высылке духобор-

цев, как представителей одной из опасных ересей, из Земли Войска Донского на Кавказскую линию и в Закавказье. Здесь они обязывались жить, служить, воевать и охранять станицы и селения от мятежных горцев [26, с. 187–192]. В это же время на Дону возникла секта духовосцев, ее основателем и идеологом являлся есаул Е. Н. Кательников. Несмотря на то, что учение духовосцев имело незначительное число последователей, их резкая критика канонических основ русской православной церкви представляла большую опасность для государства. Правительство приняло самые жесткие меры против распространения учения и для ликвидации секты [22].

Таким образом, донское казачество в XVI–XVII вв. и формировавшееся в дальнейшем не представляло собой единой в конфессиональном отношении общины, что учитывалось государством и Св. Синодом при проведении духовной политики на Дону.

После Азовских походов 1695–1696 гг. царя Петра I Земля Донских казаков была административно включена в состав Российской империи, а с 18 марта 1718 г. канонически подчинялась епархии Воронежской и Елецкой. С 28 января 1724 г. донские церкви и монастыри также подчинялись данной епархии [9, с. 306–307]. На Дону стали формироваться два вида духовенства – войсковое и епархиальное, первое – включало лиц казачьего происхождения, второе – казачьего и переселенцев из различных губерний Российской империи. К тому же войсковое духовенство представляло ортодоксальное христианство и различные православные староверческие (раскольнические) течения.

30 марта 1716 г. царь Петр I «учинил Воинский устав, чтобы всякий чин знал свою должность». «Устав» устанавливал в российской регулярной армии должность обер-полевого священника и закладывал основы института полковых священников, определял требования к их личным качествам и основные обязанности [25, с. 204, 240]. Эти положения Воинского устава не распространялись на Войско Донское, правительству только предстояло создать церковную жизнь и сформировать духовенство на имперских условиях, правилах и требованиях.

Важными направлениями духовной политики правительства на Дону являлись храмовое строительство и формирование духовенства. В XVII в. во многих казачьих городках ставились деревянные часовни и церкви, они неоднократно горели, разрушались, гибли от вет-

хости [13, с. 6–7]. Такое же положение было почти во всей стране, поэтому в 1700 г. царь Петр I запретил возводить деревянные церкви. Несмотря на царский указ, в казачьих станицах в XVIII – начале XIX вв. преобладало деревянное храмовое строительство из дубового леса, не хватало «мастеров каменного дела».

В 1709 г. в Земле Войска Донского находились 24 церкви, из них 2 монастырских и 5 часовен. Ко времени образования самостоятельной епархии Новочеркасской и Георгиевской (1829 г.) в Земле Войска Донского насчитывалось каменных храмов в Новочеркасске – 2, станицах – 53, слободах – 29, деревянных – 194 [17, с. 1–48; 18, с. 13–35].

В результате широкого строительства церквей, соборов и монастырей, создания новых приходов и причтов усилилось влияние христианства на население края, началась активная миссионерская деятельность по обращению старообрядцев, представителей других конфессий в ортодоксальное православие. В 1904–1911 гг. в Области Войска Донского насчитывалось 770 православных церквей, 7 монастырей и 61 часовня, 923 церковные школы, 485 церковно-приходских попечительств; кроме того, единоверческих – 35 церквей и 1 монастырь. К началу 1917 г. епархия Донская и Новочеркасская подразделялась на 43 благочиния, включала Аксайское викариатство и Таганрогское викариатство епархии Екатеринославской и Мариупольской.

В епархии Донской и Новочеркасской служили 938 священников, 191 диакон, 927 псаломщиков. В ее состав входили также Донская духовная семинария, 2 духовных училища (Новочеркасское и Усть-Медведицкое) и епархиальное женское училище в Новочеркасске. Практически все священнослужители имели духовное семинарское, а некоторые и академическое образование. Донскую и Новочеркасскую кафедры с 1915 г. возглавлял Высокопреосвященный Митрофан (Симашкевич), Архиепископ Донской и Новочеркасский [15, с. 169; 16, с. 170–192; 23, с. 51–52].

Следует иметь в виду, что возведение церквей и их функционирование сопровождалось созданием церковно-храмовой инфраструктуры – определение штата церковно- и священнослужителей, формирование причта, организация материально-технического обеспечения комплекса, взаимодействие с государственными и войсковыми органами власти и управления, духовными и иными организациями, и т.д.

Храмы подразделялись по принадлежности и функциональному назначению – на войско-

вые, станичные, епархиальные и военные полковые, а также на неподвижные и походные. Войсковые и станичные храмы возводились на войсковые и станичные средства, епархиальные – государственные и Св. Синода, полковые военные – Св. Синода, запасных капиталов Войска Донского и денег, собранных генералами, офицерами и казаками полков.

Недвижимые полковые храмы строились каменные и деревянные, временные (палаточные и деревянные), разворачивались по месту дислокации полка (лагерные, на походе, во время боевых действий, сражений и проч.).

Походные переносные церкви, как правило, представляли собой вместительные палатки с престолом, антиминсом, складным иконостасом и иконой – покровительницей части. В 1916 г. был образован Комитет по сооружению подвижных храмов на фронте. На передовой линии фронта богослужение нередко совершалось под открытым небом [41, с. 112].

Неподвижные полковые храмы были в Войске Донском весьма редкими, возникли во второй половине XIX в., прежде всего принадлежали частям гвардии (Лейб-гвардии казачий и Лейб-гвардии Атаманский полки), а также нескольким строевым казачьим полкам (3-го Донского казачьего полка в честь Св. Владимира Равноапостольного, 4-го Донского казачьего полка в честь Св. Николая Чудотворца, 9-го Донского казачьего полка в честь Св. Иоанна Предтечи, 14-го Донского казачьего войскового атамана Ефремова полка в честь Св. Троицы) и Новочеркасскому казачьему юнкерскому училищу в честь Св. Архистратига Михаила [41, с. 58, 143–144, 236–237, 246–247].

Следует подчеркнуть, что в систему имперского духовного военного управления одним из первых донских полков вошел Лейб-гвардии Казачий полк. В 1816 г., при императоре Александре I, из ведомства Обер-священника армии и флота отчислено было духовенство гвардейских полков и подчинено ведомству особого, вновь учрежденного Обер-священника Главного Штаба и гвардии, который соединял в своем лице и звание царского духовника [24, с. 181–182].

В конце XIX – начале XX вв. в России широко развернулось строительство храмов для армии и флота, был разработан по инициативе военного министра генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина особый тип военной церкви – в нововизантийском стиле, недорогой и вместительный. Образцом стала церковь, построенная для 148-го Пехотного Каспийского полка. В это время было построено храмов больше,

чем за два предшествовавших столетия [41, с. 13–14].

В связи с масштабным перемещением войск в конце XIX – начале XX вв. в приграничных районах страны, значительная часть неподвижных полковых церквей, принадлежавших регулярным полкам российской армии, была передана казачьим полкам, для них также выкупались, а затем перестраивались в православные храмы польские костелы. Однако правительство не имело возможности наделить все казачьи полки самостоятельными храмами. Большинство казаков строевых полков причислялись в причты недвижимых храмов полков регулярной армии и состояли их прихожанами [41, с. 3–520].

Казаки, офицеры и генералы гвардейских частей Войска Донского, дислоцировавшихся в Петербурге, Придворной Донской казачьей команды – Лейб-гвардии Казачьего, с 1832 г. – Лейб-гвардии Атаманского полков являлись в разные годы прихожанами церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и Св. Благоверного кн. Александра Невского, затем Троицкого собора Александра-Невской Лавры. 3 октября 1860 г. церковь, построенная на третьем этаже углового корпуса казарм на войсковые и казаков средства, была освящена протопресвитером Василием Борисовичем Бажановым, в присутствии атамана казачьих войск Российской империи, наследника престола цесаревича Николая Александровича. Церковь Гвардейских казачьих частей в честь Священномученика Иерофея, епископа Афинского стала полковым храмом для Лейб-гвардии Казачьего и Лейб-гвардии Атаманского полков.

Церковь выполняла не только функции духовного наставничества, но и являлась хранилищем казачьих реликвий. В начале XX в. в церкви содержались штандарт, украшенный георгиевским крестом, в память Лейпцигской битвы, гвардейские казацкие мундиры государей императоров Александра I, Николая I, Александра II и Наследника Цесаревича Николая Александровича. При церкви действовала библиотека, включавшая 1125 томов [2, с. 167–168; 41, с. 58–59].

Четыре сотни Атаманского полка, оставшиеся в Новочеркасске, служили при войсковых атаманах, полковым храмом становится деревянный (позднее каменный) войсковой кафедральный собор в честь Вознесения Господня [21, с. 62–63, 71–72, 76, 86–87].

Казаки-артиллеристы Лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества батареи Гвардейской конноартиллерийской бригады со-

стояли прихожанами Павловской гарнизонной церкви в честь Св. Николая Чудотворца (г. Павловск С-Петербургской губ.) [41, с. 80–81]. По мнению священника А.Г. Цитовича, большинство полковых храмов возводились в честь Св. Николая Чудотворца, Св. Александра Невского и Св. Георгия Победоносца [41, с. 3–520]. Это замечание относится и к большинству донских полковых храмов.

Войско Донское и полковые командиры стремились связать полковые праздники и полковые иконы с боевыми традициями подразделений, с посвящением престолов полковых храмов. В частности, в 1883 г. командир 5-го Донского казачьего полка полковник П. В. Протопопов ходатайствовал перед начальником 5-й Кавалерийской дивизии об установлении полкового праздника 28 ноября, в день Св. Первомученика Стефана, и написания иконы для полка. Эту дату командир обосновывал блистательными победами полка 28 ноября 1812 г. в сражениях при Вильно и Ковно. Обращение полковника П. В. Протопопова осталось без внимания. Только 26 августа 1904 г. Военное министерство установило день полкового праздника 17(30) октября – праздник Войска Донского и назначило Вечным шефом полка генерала от кавалерии войскового атамана М. Г. Власова [34, с. 521–522, 529].

В течение XIX – начала XX вв. большинство донских казачьих строевых полков не имели неизменно закрепленных за ними недвижимых полковых храмов, переход от системы лагерной (походной) дислокации к постоянному расквартированию в населенных местах завершился после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Участие в войнах Российской империи и особенности несения службы – Польша, Финляндия, западная граница с Пруссией и Австрией, Молдавия, Валахия, Северный Кавказ и Закавказье, заграничные походы, столичные, губернские и уездные города, большие и малые сельские населенные места, часто определяли условия прикрепления казаков к причтам, характер и содержание их духовного наставничества.

Длительное время церкви и храмы, строившиеся на Дону, не имели единой системы подчинения и управления. Учреждение в 1716 г. в российской регулярной армии должности Обер-полевого священника и института полковых священников не затронули Донское Войско [25, с. 240].

Согласно «Положению об управлении Донского Войска» от 26 мая 1835 г. все духовен-

ство как казачьего происхождения, так и иногороднее подчинялось местному епархиальному начальству (епархии Новочеркасской и Георгиевской), подлежало его распоряжению и суду. В тоже время в специальной главе «Положения...» «Об отношении Войскового начальства к духовной части» вопрос о военном (полковом) духовенстве не рассматривался [28, с. 141–145].

В XIX в. система военного духовенства совершенствовалась, распространялась на донские казачьи полки и конноартиллерийские батареи. Утвержденное 26 февраля 1890 г. «Положение о Полевом Управлении войск в военное время» определяло полномочия, права и обязанности Полевого Главного священника, а также его отношения с Благодичными и полковыми священниками, их место и действия во время сражения [31, с. 133–134].

12 июня 1890 г. император Александр III утвердил Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств [32, с. 470–481]. Заведование всеми церквами и духовенством военного и морского ведомства вверялось духовному лицу, который именовался «Протопресвитер военного и морского духовенства». «Положение...» определило организацию военного духовенства, его управление, права и обязанности должностных лиц в мирное и военное время, характер и содержание отношений между военным и епархиальным духовенством, чинопроизводство, награждение, материальное и пенсионное обеспечение, систему управления военными храмами и причтами при них, и т.д. «Положение...» стирало различия и особенности в духовном кормлении, существовавшие в российской армии, стало обязательным к исполнению в Войске Донском.

В течение XVIII – начала XX вв. объем полномочий и обязанностей полковых священников изменялся, дополнялся и совершенствовался. Они обязаны были проводить службы, наблюдать за нравственностью военнослужащих, соблюдать посты, бороться с прелюбодеянием, осуществлять миссионерскую деятельность, заниматься просвещением и образованием казаков, вести беседы на религиозные темы, быть примером к соблюдению военной дисциплины и уважения к закону. Военные священники могли совершать духовные требы только для лиц, состоящих в одном с ними ведомстве, но им не разрешалось совершать эти требы в приходах церквей епархиальных [24, с. 182].

Богослужения в полках совершались, как правило, в воскресные и праздничные дни, в так называемые высокочестивые дни:

имени членов императорской семьи, в годовщины побед русского оружия и в праздники воинских частей. Посещение богослужений являлось обязательным для всего личного состава войск православного исповедания, что подкреплялось специальными распоряжениями командиров воинских частей [44].

Следует отметить, что в XIX – начале XX вв. некоторые епархиальные и полковые церкви и соборы Земли (Области) Войска Донского превращаются в храмово-мемориальные комплексы, выполняют функции усыпальниц. В оградах станичных и городских церквей осуществлялись захоронения генералов и офицеров, в Войсковом кафедральном соборе Вознесения Господня перезахоронения войскового атамана, генерала от кавалерии М. И. Платова, выдающихся донских военачальников – генерала-адъютанта, генерала от кавалерии В. В. Орлова-Денисова, генерал-лейтенанта И. Е. Ефремова, генерал-лейтенанта Я. П. Бакланова [3, с. 149–152, 153–155, 182–183; 4, с. 106 – 107, 111–114; 5, с. 356–357, 477–479].

Часто храмы осуществляли музейные функции, становились хранилищами казачьих реликвий, в некоторых устанавливались памятные мраморные доски с фамилиями погибших

и умерших от ран в войнах – Отечественной 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг., в революционных событиях 1905–1907 гг. [34, с. 548–549, 555; 19, с. 81].

В 2012 г., в год 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813 и 1814 гг., в нижнем храме Патриаршего Вознесенского войскового всеказацкого собора (с 2014 г.) в Новочеркасске были установлены памятные доски со списками кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия – участников этих событий.

В годы Гражданской войны институт военного духовенства и духовное окормление казачества разрушились, а затем Советская власть их полностью уничтожила. Такая же участь постигла войсковые и полковые храмы. Некоторые полковые священники эмигрировали, большинство подверглись репрессиям в 20-х – 30-х гг. XX вв. Их духовный подвиг сохранился в народной памяти и в условиях возрождения российского и зарубежного казачества нуждается в тщательном научном изучении и сохранении.

Источники и литература

1. Аверьянов Ю. Казаки и церковь (из истории) // Вера и мужество. 1994. №4. С. 24–26.
2. Агафонов А. И. Дом русской славы в Париже // Пространство и время. 2017. №2–3–4 (28–29–30). С. 167–168.
3. Агафонов А. И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2012. 388 с.
4. Агафонов А. И. Донская геральдика. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2016. С. 106–107, 111–114.
5. Агафонов А. И. Донские казаки. Грудь в крестах... (Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества XVI–XIX вв.). Ростов н/Д.: ЮФУ, 2011. 552 с.
6. Агафонов А. И. Политика российского правительства на Дону в конце XVIII – начале XX вв. по отношению к неправославным этноконфессиональным группам населения // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (К 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) / Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2014. С. 18–28.
7. Агафонов А. И. Роль русской православной церкви в окормлении донских полковых музеев в России и эмиграции // Война и воинские традиции в культурах народов юга России. VI-е Токаревские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (г. Ростов-на-Дону. 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д.: Альтаир, 2017. С. 103–111.
8. Агафонов А. И. Участие епархии Донской и Новочеркасской в сохранении духовного и культурно-исторического наследия донского казачества в XIX – начале XX вв. URL: <http://www.skvk.org/52859> (Дата обращения: 10.04.2018).
9. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск: Тип. А. А. Карасева, 1891. С. 306–307.
10. Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индик. 2011. 920 с., ил.
11. Барсов Т. В. Об управлении русским военным духовенством. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К., 1879. 174 с.
12. Горбачев Д. А. Власть и Русская Православная Церковь на Дону 1917–1923 гг.: автореф. дисс. ... канд. исторических наук. Ростов н/Д.: РГУ, 2006. 19 с.
13. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 1889. 335 с.
14. Капков К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М.: Информационный центр «Летопись». 2008. 752 с. 40 ил.
15. Кириллов А. А. Список благочиний Донской епархии (по данным за 1905 год // Донская церковная старина. Вып. 1. Новочеркасск: [б.и.], 1906. С. 169.
16. Кириллов А. А. Список церквей по благочиниям (по данным за 1904 год) // Донская церковная старина. Вып. 1. Новочеркасск: [б.и.], 1906. С. 170–192.
17. Кириллов А. А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // Сборник Областного войска Донского статистического комитета (далее – СОВДСК). Вып. 6. Новочеркасск: [б.и.], 1906. С. 1–48.

18. Кириллов А. А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // СОВДСК. Вып. 7. Новочеркасск: [б.и.], 1907. С. 13–35.
19. [Кострюков И. Т.] XLII. 1869 – 1910. Новочеркасское казачье юнкерское училище. Краткая историческая записка. Составил И. Т. Кострюков. С. Новочеркасск: Тип. В. И. Бабенко. 1910. С. 81.
20. Котков В. М. Военное духовенство России: Страницы истории: кн. 1. СПб.: Нестор, 2004. 319 с.; кн. 2. 317 с.
21. Краснов П. Н. Атаманская памятка. Краткий очерк истории Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1775–1900. М.: Белая армия, 1992. 192 с.
22. Мининков Н. А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д.: Логос. 2011. 170 с.
23. Отец Владимир (Тер-Аракельянц). К вопросу об изучении истории православной церкви на Донской земле // Южнороссийское обозрение. 2004. Вып. 20. С. 51–52.
24. Павлов А. С. Курс церковного права. Переизд. СПб.: Лань. 2002. 181 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (Далее – IПСЗ). 1830. Т.V. №3006. С. 204, 240.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830–1884. (Далее – 2ПСЗ.) Т. I. № 126. С. 187–192.
27. 2ПСЗ. Т. I. №584. С. 946.
28. 2ПСЗ. Т. X. № 8163. Ч. 2. Штаты и табели. С. 141–145.
29. 2ПСЗ. Т. XL. Ч.1. № 41688. С.58 – 60.
30. 2ПСЗ.Т. XXVII. Ч. 1. № 26276. С.347 – 348.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1884–1916 (Далее – 3ПСЗ.) 3ПСЗ. Т. X. Ч. 1. № 6609. С. 133–134.
32. 3ПСЗ. Т. X. Ч. 1. № 6924. С. 470–481.
33. Поляков Георгий, протоиерей. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. 536 с.
34. [Пузанов В. В.]. История 5-го Донского казачьего полка. 1812–1912. Составил сотник В. В. Пузанов. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1913. 689 с.
35. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия от прошлого к настоящему. Ростов н/Д.: Гефест, 1998. 336 с.
36. Русская историческая библиотека. Том 18. Донские дела. Книга 1. Изд. Археографической Комиссии. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1898. 586 с.
37. Сень Д. В. Старообрядчество на Дону в конце XVII века. Часть 1–2 // Донской временник. Год 2013-й. Ростов н/Д.: ДГПБ. 2012. С. 111–114.
38. Сизенко А. Г. Церковный клир церкви Войска Донского (городские, станичные, хуторские, слободские, станиционные, поселковые и сельские) XVIII – 1918 г.: Фактографический справочник. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2018. 964 с.
39. Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 13. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства: исторический очерк / сост. протопресвитер А.А. Желобовский сотрудники: протоиерей Н. Каллестов и священник Ф. Ласкеев. СПб.: Синодальная типография. 1902. [5], 130, IV, IV с., [3] л. портр.: ил. – В сигнатуре: XIII, Кн. 1.
40. Столетие Военного Министерства. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк / сост. А. И. Никольский. Т. XI. Ч. 1. СПб.: Синодальная типография, 1902. С. 683–684.
41. Цитович Г. А., священник. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. В двух частях. Пятигорск: Типолиитография б. А. А. Нагорова, 1913. 520 с.
42. Чимаров С. Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. 272 с. [10] л. ил.
43. Шавельский Г. И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. СПб.: Тип. И. Д. Сытина. 1912. 31 с.
44. [Шавельский Г. И.] Воспоминания последнего протопресвитера русской армии Г. И. Шавельского URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavel'sky_gi/24.html (Дата обращения: 102018 г.).
45. Шадрин А. В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии (конец XVII века – 1920 г.). Справочник. Ростов н/Д.: Антей, 2014. 437 с.: ил.

References

1. Averyanov Yu. Kazaki i cerkov' (iz istorii) (*Cossacks and the Church (from history)*) // Vera i muzhestvo. 1994. No. 4. P. 24–26. (In Russian).
2. Agafonov A. I. Dom russkoj slavy v Parizhe (*House of Russian glory in Paris*) // Prostranstvo i vremya (*Space and Time*). 2017. No. 2–3–4 (28–29–30). P. 167–168. (In Russian).
3. Agafonov A. I. Donskie generaly v Voennomj galeree Zimnego dvorca (*Don generals in the Military gallery of the Winter Palace*). Ростов н/Д.: Omega Publisher, 2012. 388 p. (In Russian)
4. Agafonov A. I. Donskaya geral'dika (*The Don heraldry*). Ростов on Don: Omega Publisher. 2016. 552 с. (In Russian).
5. Agafonov A. I. Donskie kazaki. Grud' v krestah... (Iz istorii pozhalovanij, nagrad i znakov otlichiya donskogo kazachestva XVI–XIX vv.) (*The Don Cossacks. The chest in crosses... (From the history of the awards, decorations and badges of the Don Cossacks of the XVI – XIX centuries)*). Ростов on Don: SFEDU. 2011. P. 356–357, 477–479. (In Russian).
6. Agafonov A. I. Politika rossijskogo pravitel'stva na Donu v konce XVIII – nachale XX vv. po otnosheniju k nepravoslavnyj ehtnokonfessional'nyj gruppam naseleniya (*Policy of the Russian government on the Don in the end of XVIII – early XX centuries towards non-Orthodox ethno-confessional groups*) // Scientific heritage of Professor A. P. Pronstein and actual problems of development of historical science (To the 95th anniversary of the birth of the outstanding Russian scientist) // Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshtejna i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoj nauki (K 95-letiju so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossijskogo uchenogo) / Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii (*Materials of all-Russian (with international participation) scientific-practical conference*). Ростов on Don: Al'tair, 2014. P. 18–28. (In Russian).

7. Agafonov A. I. Rol' russkoj pravoslavnoj cerkvi v okormlenii donskih polkovykh muzeev v Rossii i ehmigracii (*The Role of the Russian Orthodox Church in the care of the Don regimental museums in Russia and emigration*) // *Vojna i voinskie tradicii v kul'turah narodov yuga Rossii. VI-e Tokarevskie chteniya. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (War and military traditions in the cultures of the South of Russia / VI Tokarev readings)*. Rostov on Don: Altair. 2017. P. 103–111. (In Russian).
8. Agafonov A. I. Uchastie eparhii Donskoj i Novoherkasskoj v sohranении duhovnogo i kul'turno-istoricheskogo naslediya donskogo kazachestva v XIX – nachale XX vv. (*The role of the Don and Novoherkassk diocese in the preservation of the spiritual, cultural and historical heritage of the Don Cossacks in the XIX – early XX centuries*). URL: <http://www.skvk.org/52859> (Accessed: 10.04.2018). (In Russian).
9. Akty, otnosyashchiesya k istorii Vojska Donskogo, sobrannye general-majorom A. A. Lishinyim (*Acts relating to the history of the Don Army, collected by major General A. A. Lishin*). Vol. 1. Novoherkassk: A. A. Karasev's printing house, 1891. P. 306–307. (In Russian).
10. Babkin M. A. Ob upravlenii russkim voennym duhovenstvom (*Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of XX century – 1918). Research and materials*). Moscow: Indrik. 2011. 920 P., ll. (In Russian).
11. Barsov T. V. Ob upravlenii russkim voennym duhovenstvom (*On the management of the Russian military clergy*). St. Petersburg: F.G. Eleonskii and K printing office, 1879. 174 p. (In Russian).
12. Gorbachev D. A. Vlast' i Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' na Donu 1917–1923 (*Power and the Russian Orthodox Church on the Don 1917–1923): abstract of thesis*. Rostov on Don: RSU publ. 2006. 19 p. (In Russian).
13. Druzhinin V. G. Raskol na Donu v konce XVII veka (*Split on the Don at the end of XVII century*). St. Petersburg: I. N. Skorokhodov's printing house, 1889. 335 p. (In Russian).
14. Kapkov Kg. Pamyatnaya kniga Rossijskogo voennogo i morskogo duhovenstva XIX – nachala XX vekov. Spravochnye materialy (*Memorable book Of the Russian military and naval clergy of XIX – early XX centuries. Resource materials*). Moscow: Information center «Chronicle», 2008. 752 P. 40 ll. (In Russian).
15. Kirillov A. A. Spisok blagochinij Donskoj eparhii (po dannym za 1905 god) (*List of deaneries of the Don diocese (as of 1905) // Don Church antiquity*. Issue. 1. Novoherkassk: 1906. P. 169. (In Russian).
16. Kirillov A. A. Spisok cerkvej po blagochinijam (po dannym za 1904 god) (*List of churches on deaneries (as of 1904) // Don Church antiquity*. Issue. 1. Novoherkassk: 1906. P. 170–192. (In Russian).
17. Kirillov A. A. CHasovni, cerkvi i monastyri na Donu ot nachala ih poyavleniya do konca XIX veka (*Chapels, churches and monasteries on the Don from the beginning of its appearance until the end of the XIX century*) // SOUDS. Issue. 6. Novoherkassk: 1906. P. 1–48. (In Russian).
18. Kirillov A. A. Chapels, churches and monasteries on the Don from the beginning of its appearance until the end of the XIX century // SOUDS. Issue. 7. Novoherkassk: 1907. P.13 – 35. (In Russian).
19. [Kostrjukov I. T.] XLII. 1869–1910. Novoherkasskoe kazach'e yunkerskoe uchilishche. Kratkaya istoricheskaya zapiska. Sostavil I. T. Kostryukov. S. ([*Kostrjukov I. T.] XLII. 1869–1910. Novoherkassk Cossack cadet school. Brief historical note. Compiled by I. T. Kostryukov. S.*). Novoherkassk: Type. V.I. Babenko. 1910. P.81. (In Russian).
20. Kotkov V. M. Voennoe duhovenstvo Rossii: Stranicy istorii (*Military clergy of Russia: pages of history*). Book 1. St. Petersburg: Nestor, 2004. 319 p.; Book 2. 317 p. (In Russian).
21. Krasnov P. N. Atamanskaya pamyatka. Kratkij ocherk istorii Lejb-gvardii Atamanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Cesarevicha polka. 1775–1900 (*Ataman memo. A brief essay on the history of the Life guards ataman of his Imperial Highness, the Emperor Heir to the Crown Prince of the regiment. 1775–1900*). Moscow: Belaya armiy, 1992. 192 p. (In Russian).
22. Mininkov N. A. Donskoj istorik esaul Evlampij Nikiforovich Katel'nikov (*Don historian captain Eulampios Nikiforovich Katelnikov*). Rostov on Don: Logos. 2011. 170 p. (In Russian).
23. Otec Vladimir (Ter-Arakil'yanc). K voprosu ob izuchenii istorii pravoslavnoj cerkvi na Donskoj zemle (*Father Vladimir (Ter-Arakil'yants)*). On the study of the history of the Orthodox Church on the Don land // South Russian review. 2004. Issue. 20. P. 51–52. (In Russian).
24. Pavlov A. S. Kurs cerkovnogo prava (*The Course of Church law. Reissue*). St.Petersburg: Lan'. 2002. 181 p. (In Russian).
25. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (*Full collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. 1830*) (Hereinafter – PSS.) Vol. V. No. 3006. P. 204, 240. (In Russian).
26. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. 1830–1884 (*Full collection of laws of the Russian Empire. Collection 2). 1830–1884. (Hereinafter – 2PSZ.) 2PSZ. Vol. I. No. 126. P. 187–192. (In Russian).*
27. 2PSZ. Vol. I. No. 584. P. 946. (In Russian).
28. 2PSZ. Vol. X. No. 8163. Part 2. States and timesheets. P. 141–145. (In Russian).
29. 2PSZ. Vol. XL. Part 1. No. 41688. P. 58–60. (In Russian).
30. 2PSZ. Vol. XXVII. Part 1. No.26276. P. 347–348. (In Russian).
31. Full collection of laws of the Russian Empire. Meeting three. St. Petersburg: 1884–1916 (Hereinafter – 3PSZ.) 3PSZ. Vol. X. Part 1. No.6609. P. 133–134.
32. 3PSZ. Vol. X. Part 1. No.6924. P. 470–481. (In Russian).
33. Polyakov Georgij, protoierej. Voennoe duhovenstvo Rossii (*Polyakov George. Archpriest. Russian military clergy*). Moscow: TIIZ. 2002. 536 p. (In Russian).
34. [Puzanov V. V.]. Istoriya 5-go Donskogo kazach'ego polka. 1812–1912. Sostavil sotnik V. V. Puzanov (*History of the 5th Don Cossack regiment. 1812–1912. Made centurion V. V. Puzanov*). Saratov: Type. PS. Theokritov, 1913. 689 p. (In Russian).
35. Rimsky S. V. Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo v XIX veke. Donskaya eparhiya ot proshlogo k nastoyashchemu (*Orthodox Church and the state in the XIX century. The Don diocese from the past to the present*). Rostov on Don, 1998. 336 p. (In Russian).

36. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Tom 18. Donskie dela. Kniga 1. Izd. Arheograficheskoy Komissii (*Russian historical library. Volume 18. The Don business. Book 1. Ed. Of the archeological commission*). St. Petersburg: 1898. 586 p.
37. Sen D. V. Staroobryadchestvo na Donu v konce XVII veka. CHast' 1–2 (*The old Believers on the Don at the end of the XVII century. Part 1 – 2*) // Donskoy Vremennik. Year 2013. Rostov on Don: DGPB. 2012. P. 111–114. (In Russian).
38. Sizenko A. G. Cerkovnyj kliir cerkvej Vojska Donskogo (gorodskie, stanichnye, hutorskie, slobodskie, stacionnye, poselkovye i sel'skie) XVIII – 1918 g.: Faktograficheskij spravochnik (*The church clergy of the Don Army churches (town, stanitsa, farm, sloboda, station and village) XVIII – 1918: Fact guide*). Rostov on Don: Don publishing house. 2018. 964 p. (In Russian).
39. Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. T. 13. Upravlenie cerkvami i pravoslavnym duhovenstvom voennogo vedomstva: istoricheskij ocherk (*Century of the Ministry of War 1802–1902. Vol.13. Management of churches and Orthodox clergy of the military Department: historical essay*). St. Petersburg: Synodal printing house. 1902. [5], 130, IV, IV p., [3] L. portr.: slime. Signature: XIII, Book. 1. (In Russian).
40. Stoletie Voennogo Ministerstva. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk (*Century of the Ministry of War. The main office of the Cossack troops. Historical essay*). Vol. XI. Part 1. St. Petersburg: Synodal printing house. 1902. P. 683–684. (In Russian).
41. Tsitovich G. A., Priest. Hramy armii i flota. Istoriko-statisticheskoe opisaniye. V dvuh chastyah (*Army and Navy temples. Historical and statistical description. In two parts*). Pyatigorsk: Typo-lithography b. A. A. Nagorova. 1913. 520 p. (In Russian).
42. Chimarov S. Yu. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i Vooruzhennye Sily Rossii v 1800–1917 gg. (*Russian Orthodox Church and Armed Forces of Russia in 1800–1917*). St. Petersburg: Nestor, 1999. 272 p. [10] l. ll. (In Russian).
43. Shavel'sky G. I. Voennoe duhovenstvo v bor'be Rossii s Napoleonom (*Military clergy in Russia's struggle with Napoleon*). St. Petersburg: I.D. Sytin's printing house, 1912. 31 p. (In Russian).
44. [Shavel'skij G. I.] Vospominaniya poslednego protopresvitera russoj armii G. I. Shavel'skogo ([*Shavel'sky G. I.] Memories of the last protopresbyter of the Russian army G. I. Shavel'sky*). URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavel'sky_gi/24.html (Accessed: 10.04.2018). (In Russian).
45. Shadrina A. V. Hramy Donskoj i Novoherkasskoj eparhii (konec XVII veka – 1920 g.). Spravochnik (*Temples of the Don and Novoherkassk diocese (late XVII century – 1920). Handbook*). Rostov on Don: Antey 2014. 437 p.: ll. (In Russian).

УДК 94

Т. Ю. Айдунова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА I В ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ XVIII – XIX ВВ.**

Статья посвящена трансформации образа Петра I в историческом сознании правителей России XVIII–XIX в. На широком круге источников автор прослеживает факторы, механизмы и формы формирования образа Петра I. В соответствии с теорией М. Хальбвакса, автор объясняет трансформацию образа Петра I внешнеполитическими задачами и мероприятиями, осуществляемыми российскими императорами. Автор приходит к выводу о том, что образ Петра I занимал особое место в мемориальной культуре российских правителей XVIII–XIX вв. Истории известны случаи, когда правитель продолжал оставлять свое заметное влияние и после передачи правления наследникам. Одним из таких пример, безусловно, является первый российский император Петр I. Деяния Императора были настолько масштабны, что не могли не быть оценены будущими монархами. Даже сегодня образ того, кто «прорубил окно в Европу» не остается без внимания, дискуссии на тему масштаба его личности имеют место и на научном, и на обывательском, и даже, на политико-идеологическом пространстве. Конечно, оценки его личности не могут и не могли быть объективными, однако это не мешает автору проследить факторы, механизмы и формы

формирования образа Петра I на широком круге источников. Как замечает автор, почтительное отношение к Петру I на протяжении XVIII в. может быть объяснено с точки зрения генетических уз. Интересно, что при первом же приемнике Петра Великого, его образ был сразу же увековечен в культурном наследии Российской Империи. Автор замечает смену парадигмы восприятия Петра I начиная с Александра II, которому приходилось думать уже не о дальнейшем укреплении начал самодержавия, а об удовлетворении потребности общества участвовать в общественно-политической жизни и влиять на судьбы страны. Императора Александра III отделяло от Петра I принципиальное направление его внутренней политики и культурно-исторический идеал. Если говорить о последнем монархе из рода Романовых, то автор уверяет, что он и вовсе вынашивал отрицательное отношение не к самой европеизации России, но к методам внутренней политики ее первого императора, направленной на проведение европеизации.

Ключевые слова: историческое сознание, Российская империя, Петр I, российское самодержавие, империя.

T. Yu. Aidunova

**IMAGE TRANSFORMATION OF PETER THE FIRST IN HISTORICAL VIEWS
OF RUSSIAN EMPERORS DURING XVIII – XIX CENTURY**

The article studies image transformation of Peter I in historical views of Russian rulers during XVIII–XIX century. The author analyzes factors, instruments and methods of modeling Peter I's image by using various sources. According to Maurice Halbwachs' theory, the author explains the transformation of Peter I's image connected with foreign and inner policy tasks, implemented by the Russian Emperor. In the conclusion the author dwells on the special place of Peter I in memorial culture of Russian rulers during XVIII–XIX century. There are some cases in history when the ruler continued to have an impact on the society after the transfer the board to the heirs. One of such examples, of course, is the first Russian emperor Peter I. The Emperor's acts were so great that they could go unnoticed by the future monarchs.

Even today, the image of the one who “cut through the window to Europe” is not left behind, discussions about his personality take place in the scientific, common and even political and ideological space. The evaluations of his personality could not be objective, but this does not prevent the author from tracing the factors, mechanisms and forms of forming the image of Peter I with a wide range of sources. As the author observes, respectful attitude towards Peter I during the 18th century can be explained from the point of view of genetic bonds. Most notably, the first successor of Peter the Great immortalized his image in the cultural heritage of the Russian Empire. The author notices the change in the paradigm of the perception of Peter I beginning with Alexander II, who had to think not of strengthening the principles of the

autocracy, but of meeting the society needs to participate in social and political life and influence the fate of the country. Emperor Alexander III differed from Peter I as regards the key direction of the domestic policy and cultural-historical ideal. Speaking about the last monarch of the Romanovs family, the author assures that he had a negative attitude to the meth-

Отношение русских самодержцев к Петру Великому не было одинаковым. Оно в значительной степени зависело от культурно-исторической ситуации определенного времени, от направления внутренней и внешней политики, от характера самих монархов.

Монархи XVIII в. отличались исключительно позитивным отношением к первому российскому императору. Особенно это стало сказываться при вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны и за весь период ее царствования. Вызывалось это несколькими причинами. Первой из них была генеалогия, сама Елизавета ее использовала и перед гвардейцами всегда подчеркивала, что она «дщерь Петрова». Вторая состояла в том, что указание на свою прямую генеалогическую связь с императором она могла подчеркивать постольку, поскольку среди гвардейцев лейб-компания была велика популярность Петра, который противопоставлялся существующему правительству, а популярность Петра была одной из причин популярности самой Елизаветы. «Ничтожность Брауншвейгской фамилии как бы подчеркивала в их глазах величие облика Петра» [1, р. 28], – подчеркивал Е. В. Анисимов. Поэтому гвардия решительно поддержала ее во время дворцового переворота 25 ноября 1741 г. После вступления Елизаветы на престол не случайно «осуществилась политическая канонизация Петра Великого» [1, р. 45]. Выражением официального его культа должен был стать памятник. Для него предназначалась бронзовая фигура императора, сделанная выдающимся мастером К. Б. Растрелли, который подготовил проект конного монумента, с чертежами и глиняной моделью. Конная статуя была отлита в 1743 г. итальянским мастером А. Мартелли. Однако при Елизавете Петровне памятник так и не был установлен. Не был он установлен и при Екатерине II, когда распространилось другое художественное направление, и памятник в стиле барокко уже не соответствовал искусству времени, а на смену стилю барокко пришел классицизм.

Не менее почтительным было отношение к Петру I Екатерины II. Она старалась защи-

ods of domestic policy of its first Emperor, aimed at Europeanization, rather than to the europeanization of Russia.

Key words: historical consciousness, the Russian Empire, Peter the First, Russian absolutism, the Empire.

тить его от обвинения со стороны французского автора «Путешествия в Сибирь» аббата Ж. Шаппа д'Отероша в том, что он, «будучи наисамовластнейшим государем из всех своих предшественников, ... еще туже затянул петлю рабства». Решительно отвергая это обвинение аббата, императрица заявляла, что этого не мог сделать «Петр Великий, учредивший Сенат, давший ему право делать замечания государю» [3, р. 225–425]. Конечно же, ответ Екатерины II был неточным с исторической точки зрения. Она приписала царю, учредившему в 1711 г. Сенат, политическое мышление века Просвещения, в котором созданию учреждений, способных ограничить монархическую власть и при необходимости защитить общества от проявлений тирании и деспотизма. Но в политическом мышлении Петра I такая идея отсутствовала. Екатерина II очень высоко ценила стремление Петра I провести европеизацию внутренней жизни России. В своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. она заявляла, что «Россия есть Европейская Держава». «Доказательство» этому она видела такое: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» [3, р. 225–425]. Этот вывод, сделанный императрицей в соответствии с распространенной в то время теорией естественного права, с представлением о природно-географической предопределенности государственного строя и самого характера народа, стал обоснованием для позитивного отношения к Петру I. Он состоял в том, что европеизация страны, которую он проводил, была успешной, соответствовала ее характеру и потребностям и принесла ей в конечном счете пользу. Но при этом по поводу некоторых мероприятий императора она готова была делиться своими сомнениями. Это, например, относилось к оценке переноса столицы государства из Москвы в Санкт-Петер-

бург. Это ей напоминало «предприятие Константина, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим». В результате, по ее словам, «римляне не знали, где искать свою отчизну, и так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало по малу падали и, наконец, совершенно уничтожились». Однако и такой перенос, сделанный царем, имел, по словам императрицы, в конечном счете, положительные последствия. По ее впечатлениям, «Москва – столица безделья» [5, р. 811]. Но «Петербург в течение сорока лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет» [5, р. 812].

Об очень высокой оценке Екатериной II всего того, что сделал Петр I, лучше всего свидетельствует установление в Петербурге Медного Всадника.

Свое столь же почтительное отношение к Петру I выразил и Павел I, при котором во дворе Михайловского замка был поставлен памятник императору с надписью «Градеду-правнук», с бронзовой фигурой, созданной еще К. Б. Растрелли. Однако при Александре I почитание первого российского императора было несколько менее заметно. В значительной степени это может объясняться особенностями характера самого Александра I, который по своему психологическому типу очень сильно отличался от Петра Великого. Прежде всего, Петр I был тружеником и старался вникать в любое дело, от кораблестроения до реформирования русской азбуки. «То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник, Он всеобъемлющей душой. На троне вечный был работник» [11, р. 90], – совершенно справедливо отмечал А. С. Пушкин. В такой же степени Александр I был ленив, «враг труда» [9, р. 175], по выражению А. С. Пушкина. Очень различались методы воздействия на окружающих. Петр I полностью опирался на свое самовластье. Как отмечал А. С. Пушкин, «все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось» [10, р. 162]. Александр I был, как и Петр I, абсолютным монархом. Однако между двумя российскими самодержцами лежала эпоха Просвещения. То, что ранее могло казаться нормой в отношениях между властью и обществом, под влиянием идей Просвещения уже расценивалось как прямое проявление тирании и деспотизма. Поэтому общение с окружающими Александр I строил совершенно по-иному, чем Петр I. Он умел очаровывать лю-

дей. Не случайно, как указывала О. В. Эйдельман, в своем дневнике цесаревич Николай Павлович «ни разу не называл его ни братом, ни Александром – всегда только ангелом» [13, р. 67]. Наконец, если Петр I был совершенно понятен всем, все знали, что он ждет от своих подданных, то Александр I был нередко просто непонятен. Так, М. М. Сперанский слишком напрямую понял его конституционные мечтания, и составил свой конституционный проект с выборной законосовещательной Думой. Отсюда его репутация «византийца», лукавого и хитрого, неразгаданного сфинкса. Есть еще одна причина отчуждения Александра I от Петра Великого. Так, А. Архангельский приводит дворцовую легенду, согласно которой Павел I увидел на столе сына, цесаревича Александра, книгу о Бруте, после чего дал ему книгу о царевиче Алексее [2, р. 125]. Намек совершенно очевиден. В определенном случае царь мог поступить с сыном-наследником, особенно если он увлекается Брутом, точно так же, как поступил с сыном Петр I, допустивший его гибель. Тем не менее, общую тенденцию идеологии династии Романовых, в которой почитание Петра Великого занимало очень большое место, Александр I переломить не мог. Да и не желал, поскольку память о первом российском императоре составляла одну из основ легитимности монархии в историческом сознании населения страны. Поэтому при Александре I продолжали возводиться памятники Петру I.

Николай I по своим психологическим особенностям был значительно ближе к Петру I, чем Александр I. Очень четко подметил это наблюдательный французский путешественник маркиз А. де Кюстин. По его словам, «Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него (на Петра I – Т. А.) нынче куда большая мода» [7, р. 178]. Как и великому императору, ему было присуще чувство долга, который имел монарх перед государством. И, как и Петр I, Николай I рассматривал свою власть как не только самодержавную но и неограниченную, что и было выражено в первой статье Основных государственных законов Российской империи в редакции 1832 г. Отсюда не случайно, что Николай I стремился показать себя достойным преемником Петра Великого. На это прямо указывал А. де Кюстин, когда писал, что император ему будто бы прямо заявил: «вы можете меня понять: мы продолжаем дело Петра Великого» [7, р. 167]. Но слова царя соответствовали собственным наблюдениям маркиза. «В России дух Петра Великого вездесущ и всемогущ» [7, р. 167], – писал он. В идеоло-

гии николаевского царствования образ Петра Великого занимал не меньшее место, чем теория «православие-самодержавие-народность» графа С. С. Уварова.

Взошедший на престол в 1855 г. император Александр II царствовал уже в совершенно иных условиях, чем его отец. Как и Петру Великому, ему приходилось проводить реформы, направленные на европеизацию страны, что было предопределено глубоким системным кризисом, в котором оказалась проигравшая Крымскую войну крепостническая* империя к середине столетия. На этом основании император, с помощью преобразований вводивший Россию в начале XVIII в. в круг европейских стран, не мог не быть близок Александру II. Кроме того, следует иметь в виду, что учителем великого князя Александра Николаевича в то время, когда он был наследником цесаревичем, был историк-юрист и западник К. Д. Кавелин. Во всяком случае, учитель вполне мог внушить наследнику такой взгляд на Петра I, согласно которому «Петр – новое, небывалое, чрезвычайное явление в русской истории. Он – целая революция, и как всякая революция – более программа для будущего, которую пришлось выполнять последующему времени» [6, р. 182]. И, по-видимому, при проведении реформ императору Александру II приходилось вспоминать некоторые оценки, которые давал учитель. По словам К. Д. Кавелина, Петр I «выразил собою стремление прогрессивного меньшинства, которое тяготилось бытом тогдашнего времени, и стоял в его главе» [6, р. 183]. Эти слова можно было отнести и к самому Александру II. В самом деле, ему приходилось преодолевать серьезное сопротивление дворянских консерваторов при проведении не только отмены крепостного права, но и других буржуазных реформ. В этом отношении Петр I выступал для Александра II в качестве исторического примера, или монарха, который умел преодолевать консервативное противодействие. Не случайно в этой связи в 1872 г. было торжественно отмечено двухсотлетие со дня рождения Петра I. Была выпущена юбилейная медаль, посвященная этому юбилею. В Санкт-Петербурге и в ряде других городов России были проведены праздничные юбилейные мероприятия. Но при этом невозможно считать, что Александр II мог полностью соглашаться со всеми сторонами внутренней политики Петра I, и во всем ориентироваться на его пример. Так, Петр I всемерно укреплял самодержавную власть, в годы его царствования сложился режим российской абсолютной монархии. Но Александру II приходи-

лось думать уже не о дальнейшем укреплении начал самодержавия, что делалось при Николае I, но об удовлетворении потребности общества участвовать в общественно-политической жизни и влиять на судьбы страны. Отсюда – создание земств и городских дум, а также сама возможность появления проекта реформы центрального управления с введением в Государственный совет выборных от земств, который предлагал военный министр граф Д. А. Милютин [14, р. 164], проекта, который предполагал участие представителей общества в обсуждении законов.

В меньшей степени соответствовал Петр I личности, характеру и направлениям деятельности двух последних российских самодержцев. Императора Александра III отделяло от Петра I принципиальное направление его внутренней политики и культурно-исторический идеал. Если не только Петр I, но и последующие монархи многое пытались делать для сближения между Россией и странами Западной Европы, для утверждения ее положения как европейской страны, то Александр III по существу пошел вопреки этому устоявшемуся направлению. Это, конечно же, не касалось внешней политики. Договор с Францией 1893 г., заключенный им, положил начало формированию блока Антанты. Но во внутренней политике курсом его было не дальнейшее развитие европеизации страны, но закрепление в жизни ее традиционных русских начал, в том виде, как они представлялись ему самому и наиболее консервативной части его ближайшего окружения во главе с его учителем, обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Косвенной формой такой критики петровских преобразований, связанных с европеизацией, явилось противопоставление К. П. Победоносцевым ««патриархальной» Москвы и «космополитического» Петербурга», его симпатии к сохранявшей старинный облик Москве, о которой он, по замечанию А. В. Репникова, «всегда отзывался в теплых тонах» [12, р. 18]. Но Санкт-Петербург был общим символом личности и деятельности своего создателя. Поэтому, заявляя о своем предпочтении Москвы по отношению к новой столице, К. П. Победоносцев проводил мысль о своей симпатии русской старине и традиции, но не самому европейскому городу России и новой ее столице, созданной по воле Петра Великого. Эта мысль полностью соответствовала настроениям Александра III, который считал ценностью русскую старину, символом которой выступала в данном случае Москва.

Отношение Николая II к Петру I, также не вполне позитивное, имело несколько иную основу, чем отношение Александра III. При всем своем консерватизме последний российский император вынашивал отрицательное отношение не к самой европеизации России, но к методам внутренней политики ее первого императора, направленной на проведение европеизации. Но, кроме того, следует учитывать то, что для Николая II очень многое значила его семья. И то, что свою первую жену, Евдокию Лопухину, Петр I отправил в монастырь, что по существу согласился на убийство сына, было для Николая II неприемлемо. Идеалом государя для Николая II был вовсе не Петр I, но его Тишайший отец, царь Алексей Михайлович. Отсюда и имя сына, наследника цесаревича Алексея. Тем самым царь как бы давал сигнал обществу, что в ходе своего правления он будет ориентироваться на царя Алексея Михайловича, но не на Петра Великого. Это означало, что тем самым Николай II исключал возможность каких-либо крутых изменений сверху в сложившихся основах существования общества, в жизненном укладе разных слоев населения, что его царствование будет по преимуществу консервативным. Все это несколько не исключало позитивного отношения к некоторым сторонам деятельности Петра I. Так, было торжественно отмечено двухсотлетие Полтавской битвы, и была выпущена в честь этого события юбилейная медаль. На церемонии празднования в Полтаве присутствовал Николай II. Юбилейная медаль и рубль были выпущены в 1914 г. в честь двухсотлетия победы русского флота при мысе Гангут. В некоторых городах появились новые памятники Петру I. Это дает основание для выделения двух сторон в отношении последнего российского императора к

первому. Он не мог принять некоторые стороны отношения Петра I к своей семье и вообще грубых методов его внутренней политики. Но, с другой стороны, Николай II готов был принять на себя отблеск военной славы Петра Великого, достигнутой им в войне со Швецией. Этот отблеск был необходим не только для него самого. Он был необходим для устойчивости монархии в условиях, когда в стране все более заметным становилось обострение кризиса монархической системы правления, когда в обществе был по существу поставлен вопрос о замене монархии новым политическим строем, в большей степени соответствующим характеру и особенностям общественных отношений и культуры своего времени.

Таким образом, в сознании российских самодержцев, находившихся на престоле после Петра I, образ первого российского императора занимал очень большое место. С ним связывались идеи самодержавия и славы России. Самое почтительное отношение к нему имело место в сознании императриц и императоров XVIII в. начиная с Елизаветы Петровны, а также Николая I, причем в государственной идеологии николаевского времени образ Петра Великого занимал очень большое место. В сознании двух последних монархов Российской империи отношение к Петру I было более сложным. Так, по-прежнему в полной мере они готовы были учитывать заслуги его в военных победах России и в строительстве основ империи. Но появились некоторые обстоятельства, которые затрудняли для них давать первому российскому императору исключительно позитивную оценку. Для Александра III это была европеизация страны, для Николая II – отношение его к первой жене и к сыну и грубые методы преобразований.

Источники и литература

1. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.
2. Александр I / Александр Архангельский. М.: Молодая гвардия, 2012. 444 с.
3. Екатерина II. Антидот // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М.: Олма-Пресс, 2005.
4. Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 448 с.
5. Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Екатерина II. Избранное. Б.м.1797. С. 809–816.
6. Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К. Д. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 117–179.
7. Кюстин А. де Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
8. Петтинова Е. Ф. К. Б. Растрелли. 1675-1744. Л.: Художник РСФСР, 1979. 79 с.
9. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти т. Т.4. М.: Художественная литература, 1975. С. 167–179.
10. Пушкин А. С. О русской истории XVIII века. М.: Мысль, 1985. 560 с.
11. Репников А. В. Константин Петрович Победоносцев // Победоносцев К. П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 87–98.
12. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 2248 с.
13. Эйдельман О. Воцарение с междоусобицей. Новое прочтение дневника Николая Павловича // Родина. 2009. №3. С. 58–186.

References

1. Anisimov E. V. Rossiya v seredine XVIII veka. Bor'ba za nasledie Petra (*Russia in the middle of the XVIII century. The struggle for the legacy of Peter*). Moscow: Mysl', 1986. 239 p. (In Russian).
2. Aleksandr I (*Alexander I*) / Aleksandr Arhangel'skij. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. 444 p. (In Russian).
3. Ekaterina II. Antidot (*Catherine II. Antidote*) // Karrer d'Ankoss EH. Imperatrica i abbat. Neizdannaya literaturnaya duehl' Ekateriny II i abbata SHappa d'Oterosha. Moscow: Olma-Press, 2005. (In Russian).
4. Ekaterina II. Izbrannoe (*Catherine II. Selection*). Moscow: ROSSPEHN, 2010. 448 p. (In Russian).
5. Ekaterina II. Razmyshleniya o Peterburge i Moskve (*Reflections on St. Petersburg and Moscow*) // Ekaterina II. Izbrannoe, 1797. P. 809–816. (In Russian).
6. Kavelin K. D. Kratkij vzglyad na russkuyu istoriyu (*A Brief Look at Russian History*) // Kavelin K. D. Izbrannoe. Moscow: ROSSPEHN, 2010. P. 117–179. (In Russian).
7. Kyustin A. de Rossiya v 1839 godu (*Russia in 1839*). Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. 528 p. (In Russian).
8. Petinova E. F. K. B. Rastrelli. 1675–1744 (*Rastrelli K.B. 1675–1744*). Leningrad: Hudozhnik RSFSR, 1979. 79 p. (In Russian).
9. Pushkin A. S. Evgenij Onegin (*Eugene Onegin*) // Pushkin A.S. Sbranie sochinenij. In 10 Vols. Vol.4. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. P. 167–179. (In Russian).
10. Pushkin A. S. O russkoj istorii XVIII veka (*On the Russian history of the 18th century*). Moscow: Mysl', 1985. 560 p. (In Russian).
11. Repnikov A. V. Konstantin Petrovich Pobedonoscev // Pobedonoscev K. P. Izbrannoe. Moscow: ROSSPEHN, 2010. P. 87–98. (In Russian).
12. Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca XX v. (*Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century*). V 4-h t. Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya, 2016. 2248 p. (In Russian).
13. Ehjdel'man O. Vocarenie s mezhducarstviem. Novoe prochtenie dnevnika Nikolaya Pavlovicha (*Accession with interregnum. New reading of the diary of Nikolai Pavlovich*) // Rodina. 2009. No.3. P.58 – 186. (In Russian).

УДК 94(430).086

А. А. Аникеев

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА В 30-х г. XX в.

Одной из важнейших проблем современной международной историографии нацистской Германии является выявление идеологических, экономических и военно-политических основ возникновения Третьего рейха. В статье рассматриваются идеологические и политические доктрины, принципы внутренней и внешней политики, экономики и военной организации положенные в основу государственного устройства национал-социалистической Германии. Автор анализирует идеологические концепции идеологов третьего рейха (А. Розенберга, А. Гитлера, Й. Геббельса), основные принципы внешнеполитической доктрины нацистов. Основываясь на обширной источниковой базе рассматриваются основные этапы внешнеполитической деятельности нацистов до начала Второй мировой войны. Исследованы основные направления внешней политики третьего рейха в 1933–1935 гг. и в 1936–1939 гг. Проанализированы дипломатические, военно-политические и экономические меры, направленные на аннулирование условий Версальского договора 1919 г., показана реакция представителей европейских

государств на односторонний выход Германии из Версальских соглашений. Рассмотрены основные направления внешней политики нацистской Германии после краха Версальской системы: проблема вооружения германской армии, отказ Германии от выполнения условий Рейнского гарантийного пакта 1925 г. (ввод войск в демилитаризованную Рейнскую область), попытка и осуществление аншлюса Австрии в 1934 г. и в 1938 г., поддержка франкистов в гражданской войне в Испании, начало формирования военно-политических союзнических отношений нацистской Германии с фашистской Италией и Японией, что привело формированию блока агрессивных держав (страны «оси», «ось: Рим-Берлин-Токио») и началу Второй мировой войны.

Ключевые слова: Третий рейх, НСДАП, Версальский мирный договор, милитаризация, всеобщая воинская повинность, Лига Наций, Локарнские соглашения, Рейнская область, Антикоминтерновский пакт, блок агрессивных держав, система коллективной безопасности.

А. А. Anikeev

FOREIGN POLICY CIRCUMSTANCES OF THE THIRD REICH EMERGENCE IN 1930s

One of the most important problems of modern international historiography of Nazi Germany is the identification of the ideological, economic and military-political foundations for the emergence of the Third Reich. The article examines ideological and political doctrines, the principles of domestic and foreign policy, economics and military organization, which served the basis for the state structure of National Socialist Germany. The author analyzes the ideological concepts of the Third Reich ideologists (A. Rosenberg, A. Hitler, J. Goebbels), the main principles of the foreign policy doctrine of the Nazis. Based on sources, the main stages of Nazi foreign policy activity are considered prior to the outbreak of World War II. The main directions of the Third Reich foreign policy in 1933–1935 and in 1936–1939 are studied. The diplomatic, military-political and economic measures aimed at cancelling the terms of the

Treaty of Versailles in 1919 are analyzed, and the reaction of the representatives of European states to the unilateral withdrawal of Germany from the Versailles agreements is shown. The main directions of the foreign policy of Nazi Germany after the collapse of the Versailles system are considered: the problem of armament of the German army, Germany's refusal to comply with the terms of the 1921 Rhine Warranty Pact (the introduction of troops into the demilitarized Rhineland), the attempt and implementation of the Anschluss of Austria in 1934 and in 1938, support for the Franco in the civil war in Spain, the emergence of military-political alliance of Nazi Germany with fascist Italy and Japan, which led to the formation of axis powers (the "axis" country, the "Rome-Berlin-Tokyo axis") and the beginning of World War II.

Key words: the Third Reich, National Socialist German Workers' Party, Treaty of Versailles, milita-

rization, compulsory universal military obligation, the League of Nations, Locarno agreements, Rhineland,

Anti-Comintern Pact, the block of aggressive powers, collective security system.

После Первой мировой войны, стоившей Германии двух миллионов жизней, в стране появились идеологии, пробуждавшие миф крови, призывавшие к расовой мировой революции и созданию новой «Великой Германии». «Мировой пожар закончился, – вещал Розенберг, – безмянные жертвы были востребованы и принесены всеми, но тогда оказалось, что в тылу армии демонические силы победили силы божественные¹. Безудержнее, чем когда-либо, они раскованно бушевали в мире, вызывали новые волнения, новые пожары, новые разрушения» [4, с. 540]. И далее нацистский идеолог пишет: «Но в то же время в склонённых душах родственников погибших воинов тот миф крови, за который герои умирали, воспринимался и ощущался заново и более углублённо. Этот внутренний голос требует сегодня, чтобы миф крови и миф души, расы и понятия «Я», народа и личности, крови и чести, один, совершенно один и бескомпромиссно проходил через всю жизнь, нёс её и определял. Он требует от немецкого народа, чтобы смерть двух миллионов героев была не напрасной, он требует мировой революции и не терпит больше другой высшей ценности рядом с собой» [4, с. 540]. И, наконец, Розенберг в завершение призывает: «Эта сила, которая с 1914 по 1918 г. приносила жертвы, хочет теперь создавать. Она борется против всех сил, которые не хотят признавать её первой и высшей ценностью. Она существует и не позволит больше изгнать себя. Она уже указывает пути, на которые будут вынуждены ступить даже её сегодняшние заблуждающиеся германские противники». Следовательно, сокрушительные поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне являются для А. Розенберга и других идеологов НСДАП исходной точкой для выработки внешнеполитического курса страны. По их мнению, только пробудившийся миф крови и «расовая мировая революция» позволят обосновать идею нового Рейха и мобилизовать немцев на борьбу за чуждые им интересы².

¹ Таким образом, Розенберг оценивает победу Ноябрьской революции 1918 г.

² По словам Розенберга, «святой час для немца наступит тогда, когда символ пробуждения (свастика – А. А.) и знамя со знаком возникающей жизни станут единственной господствующей верой в империю» [4, с. 512]. Это, кстати, указывает на глубинные причины запрета всех политических партий в Германии, кроме НСДАП, погромы церковных организаций и др.

Более прагматичную программу внешней политики нацистской Германии сформулировал А. Гитлер. «В чём заключалась задача германской внешней политики до войны?» – ставил он вопрос. И демагогически отвечал: «В том, чтобы обеспечить прокормление нашего народа и его детей на этой земле, для чего соответствующей политикой необходимо было обеспечить Германии полезных союзников» [1, с. 515].

И далее нацистский фюрер конкретизировал задачи внешнеполитического курса: «В конце концов, задача германской внешней политики и ныне сводится к тому же, с одной только разницей: до войны мы могли бороться за сохранение и укрепление немецкой нации, опираясь на силу существовавшего тогда независимого государства; ныне приходится ещё сначала добиться восстановления нашей государственной независимости и тем самым создать предпосылку для дальнейшего проведения правильной внешней политики, способной обеспечить в будущем пропитание и укрепление нашего народа. Другими словами, целью современной германской внешней политики является подготовка условий, необходимых для восстановления независимости и свободы нашего государства» [1, с. 515–516].

Итак, под словесной риторикой о «восстановлении независимости и свободы» Германии (которые, кстати, не были нарушены Версальским договором, им были лишь введены военные ограничения), Гитлер обосновывал задачи и новые направления внешнеполитической экспансии германского национал-социализма. При этом главным орудием достижения внешнеполитических целей нацистский фюрер провозглашал хорошо отточенный меч. «Отточить этот меч – такова задача внутренней политики данного народа» [1, с. 517].

Для достижения вышеназванных целей уже 4 апреля 1933 г. в Германии был создан тайный военный кабинет, в который вошли Бломберг, Геббельс, Фрик и другие ведущие министры, а также представители монополий. Этот орган, по словам Б. Мюллера-Гиллебранда, «являлся своего рода узким военным кабинетом министров и должен был координировать чисто военные мероприятия по подготовке к войне с политическими, экономическими мероприятиями и мероприятиями в области пропаганды» [3, с. 126]. Этот кабинет явился ещё одним

образцом сращивания верхушки НСДАП, государственного аппарата и монополий.

Для координации экономики в масштабе всей страны был создан Генеральный совет германского хозяйства, который по заявлениям лидеров НСДАП был призван устранить классовые противоречия и установить социальный мир в экономике страны, поставить экономику на службу народу [10, с. 299–235].

Нацистское государство стимулировало концентрацию производства. В первую очередь она была проведена в сталелитейной промышленности. Общее число картелей выросло с 2200 в 1935 г. до 2500 в 1936 г. Число акционерных обществ сократилось с 9184 в 1933 г. до 8618 в 1934 г.

Ведущие позиции в экономике Германии заняли концерны Рейнско-Вестфальского промышленного района, «ИГ Фарбениндустри», «Дойче банк», «Дрезденер банк», которые осуществляли не только восстановление экономики страны, но и её милитаризацию.

Одновременно с подъёмом военной экономики нацистское руководство активно перестраивало систему пропаганды в стране. Созданная под руководством Геббельса, система нацистской пропаганды смогла манипулировать общественным мнением страны, оправдывая любые действия нацистского режима. Заслуга идеологического обоснования идеи создания Третьего рейха в Германии принадлежала Геббельсу. В качестве «научного основания» была положена расовая теория. Сознание немцев систематически отравлялось угаром шовинизма, воспевания войны и насилия.

Объектом захвата Гитлер считал СССР. «Если мы хотим захватить земли и территории в Европе, – писал фюрер, – то это может произойти только за счет России». Поэтому новая империя решила двинуться по пути прежних орденов рыцарей, чтобы добыть немецким мечом землю для немецкого плуга, а для народа – хлеб насыщенный [1, с. 145]. И, завершая «упражнения Гитлера о Третьем рейхе», приведём его слова о том, что «без господства над Европой – мы пропадём. Германия – есть Европа» [10, р. 30].

Разумеется, эти «откровения» нацистских фюреров в 30-е гг. находились в тайниках НСДАП и не выносились на публичное обсуждение. Но они лежали в основе многих внутри- и внешнеполитических акций германского руководства.

Гитлер никогда не отходил от плана создания Третьего рейха в центре Европы, как за счёт «объединения народов, говорящих по-не-

мецки», так и путём захвата других территорий. При этом он надеялся сделать своими партнёрами не только фашистские и профашистские режимы Италии, Венгрии, Болгарии, но и западные демократии, в частности Великобританию. Англии была отведена роль «тихого партнёра» как в борьбе с Францией, так и в борьбе с Советским Союзом. Расчёт был таков: Германия господствует на континенте Европы до Урала, Великобритания господствует на морях и в западных колониях. Италия была призвана «связать» Францию в Средиземном море.

Но обо всём этом пока что говорили только в «своём кругу». А для внешнего мира речь шла о стремлении Третьего рейха к мирным отношениям со всеми. В частности, в официальном заявлении новое правительство Германии сообщало, что желает «дружественных отношений» с Советским Союзом и что меры, предпринятые против коммунистов, никак не касаются СССР.

В Берлине знали, что на Западе многие политики не принимают Гитлера всерьёз. Одна из британских газет писала: «В то время как в Германии разрастается миф о фюрере, многие независимые газеты и журналы Европы подчёркивают политические аспекты немецкого диктатора. Они представляют Гитлера как комедианта, над которым из-за его серьёзности можно ещё больше смеяться» [9].

Однако уже осенью 1933 г. нацисты удивили западных наблюдателей: Берлин заявил о выходе Германии из Лиги наций. «Это необходимо сделать, чтобы подчеркнуть полное равноправие Германии». 14 октября берлинское радио заявило: «Третий рейх покидает продолжающуюся два года в Женеве конференцию по разоружению, а вместе с тем и Лигу наций».

Державы, подписавшие Версальский договор, всегда с опасением ожидали, что Германия снова начнёт вооружаться. Они втайне надеялись, что если это и случится, то не скоро. Поэтому они испытали серьёзную озабоченность, когда в Женеве был получен меморандум из Берлина.

Тревога в Женеве сменилась гневом в Париже, разочарованием в Лондоне. Поворот оказался слишком резким, и в целях доказательства своих «мирных намерений» Германии в январе 1934 г. пришлось подписать Пакт о ненападении с Польшей на 10 лет.

Британский министр иностранных дел сэра Джон Саймон вновь был доволен Германией. Он шлёт господину Гитлеру «сердечные поздравления». Однако через два месяца, 28 марта 1934 г., Берлин отклоняет предложение

Советского Союза о заключении гарантийного договора, охраняющего независимость и безопасность Прибалтийских государств, и становится очевидным, что внешнеполитическому курсу, означенному в «Майн кампф», нацисты намерены следовать неуклонно.

В первые годы после прихода к власти идеи «вооружения» Третьего рейха гитлеровцы использовали, прежде всего, для сплочения немецкой нации, подавления оппозиции, а также требований восстановления армии. Для этого использовались многие массовые мероприятия.

Так был задуман партийный съезд в Нюрнберге в 1934 г. Через несколько дней в Берлин прибыла новая высокопоставленная делегация из Лондона: министры Саймон, Иден и др. Англичане усиленно подчёркивали своё стремление к миру. «Англия хочет только мира», – заявил Саймон. Гитлер заметил: он стремится к тому же. Что касается нарушений Версальского договора, то не он ведь его подписывал: «Я лучше бы умер, чем сделал это». И снова прозвучал намёк, успокоивший англичан: «Между национал-социализмом и большевизмом сотрудничество полностью исключено!» Гости вполне поняли [13].

Саймон предложил встречу в Лондоне для обсуждения вопроса об увеличении германского флота, но при условии, что его тоннаж не превысит 35 % английского. Гитлер охотно согласился. Более того, он предложил договориться о военном равновесии сил между Германией, Англией и Францией.

Вскоре Гитлер приказал командующему флотом Редеру срочно начать программу морских вооружений. В Лондоне состоялась длительная беседа между германским послом Хешем и наследником престола принцем Уэльским. Принц сказал, что он, как всегда, проявляет «глубокое понимание к положению и стремлениям Германии» [13, p. 51].

И ещё одной уступки добился Гитлер во время встречи. Он заговорил об «австрийской проблеме». После нацистского путча в Австрии в июле 1934 г. и убийства канцлера Дольфуса Франция совместно с Италией предприняли демарш, чтобы воспрепятствовать возможному будущему немецкому вмешательству в австрийские дела. Какова будет позиция Англии? Ответ Саймона вполне удовлетворил фюрера: «Великобритания не имеет в Австрии таких интересов, как в Бельгии. Мы ограничимся надеждой, что эта проблема может быть решена» [13, p. 74].

Это стало очевидным в последующие годы, когда, опираясь на растущую мощь вермахта,

гитлеровское руководство шаг за шагом ревизует основные статьи Версальского договора и других международных соглашений. Главным исполнителем этих внешнеполитических акций Германии был её министр иностранных дел фон Нейрат (1873–1956 гг.), барон-дипломат и государственный деятель, активный проводник нацистских идей во внешней политике Германии [2, с. 487–488]. Под его руководством в 1935 г. была осуществлена дипломатическая подготовка присоединения Саарской области, в марте 1936 г. он вручил послам Франции, Великобритании и Италии ноты, в которых заявлялось об отказе Германии выполнять условия Локарнских соглашений 1925 г., и о том, что вермахт вошёл в демилитаризованную Рейнскую область.

План захвата и ремилитаризации Рейнской зоны носил зашифрованное название «операция Шулунг». В директиве имперского министра обороны от 2 мая 1935 г., адресованной главнокомандующему армией Фричу, главнокомандующему флотом Редеру и имперскому министру авиации Герингу, подчёркивалось, что «операция после передачи слов «выполнять Шулунг» должна быть проведена неожиданным ударом с молниеносной быстротой». Приказ о «неожиданном и одновременном» вводе немецких войск в Рейнскую зону был подписан генералом Бломбергом 2 марта 1936 г.

Действия Германии в Рейнской зоне вызвали оживлённую дискуссию в дипломатических кругах Запада. Полемизировали по вопросу о том, решатся ли Франция и Англия применить санкции против Германии. Бурная реакция во французской столице как будто позволяла прийти к выводу о том, что санкции будут применены. Заседания французского кабинета, начавшись 7 марта, продолжались почти непрерывно трое суток. Премьер Сарро торжественно утверждал, что его правительство полно решимости «отстаивать основные гарантии французской и бельгийской безопасности». Французское правительство приняло решение ничего не предпринимать до тех пор, пока Совет Лиги наций не вынесет своего решения.

Руководители Англии, Болдуин и Иден, выступили с осуждением одностороннего отказа Германии от обязательств по Локарнскому пакту. Однако, по мнению английского правительства, шаг, совершённый Германией, не представлял по существу военных действий и не давал оснований для вооружённого конфликта.

14 марта в Лондоне открылись заседания Совета Лиги наций. Начались бесконечные словопрения, в которых дипломаты западных

держав стремились скорее оправдать, чем осудить германскую акцию.

Нарушитель договоров снова остался безнаказанным. 21 марта 1936 г. Гитлер торжественно провозгласил в Гамбурге, что «дух Версальского договора уничтожен». На следующий день он заявил в Бреслау, что «в Европе должен возникнуть новый порядок».

Гитлеровская дипломатия давно использовала британо-французские противоречия и всячески стремилась помешать традиционному сотрудничеству Британии с Россией. Лорд Лотиан, будущий посол Англии в США, называл англо-германскую дружбу 30-х гг. «необходимым противовесом франко-русскому преобладанию». Лорд Лондодерри, бывший министр воздушных сообщений, полагал, что нельзя не верить в искренность Германии. Нацистский рейхсканцлер и его окружение воспринимались в аристократическом Лондоне как удачливые политики, энергичные люди, новаторы, с которыми можно и должно иметь дело.

Германия стремилась заручиться поддержкой и других великих держав. В марте 1934 г. Гитлер послал мирное и дружественное письмо президенту США Ф. Рузвельту, содержащее приветствия и пожелания успехов в его «героических усилиях в интересах американского народа» [12, с. 489].

Таким образом, на международной арене Гитлер действовал пока осторожно. Он считал, что борьба с Англией слишком трудная задача. Океаны и далёкие земли – не германская стихия. Колонии ей не вернуть. А Восток, заселённый к тому же «неполноценной расой», рядом. «Движение на Восток – германская традиция. Нужны завоевания до Урала».

Но прежде чем приступить к этой задаче, надо создать прочное ядро в центре Европы – «объединить все народы, говорящие по-немецки», восстановить Рейх. Для этого нужны были союзники из европейских государств. Взор Гитлера всё чаще останавливался на Италии, где уже 10 лет у власти находился Муссолини, пользовавшийся на Западе определённым авторитетом. Несмотря на сходство фашистских режимов, дуче сторонился гитлеровского Рейха, опасаясь его экспансии, заигрывания с Англией и открытых претензий на поглощение Австрии.

После заключения в 1934 г. советско-французского договора Гитлер неустанно создавал легенду об «окружении Германии», рассчитывая, что усиление позиций Франции не может не тревожить Италию, её давнюю соперницу в Средиземноморье. Союз с Италией был нужен Берлину, чтобы создать противовес Франции,

затем и Англии. Эмиссары фюрера зачастили к дуче. В июне 1934 г. состоялась первая встреча Гитлера с Муссолини. Встреча шла без переводчиков. Диктаторы плохо понимали друг друга, ни один вопрос решён не был, но первый контакт состоялся [8, р. 330].

Далее события развивались стремительно. 3 октября 1935 г. Итальянские войска вторглись в Абиссинию. Муссолини решил обосновать там «заморскую римскую империю». Однако это означало покушение на колониальные интересы Англии и Франции, угрозу Ближнему Востоку.

Лондон и Париж объявили экономические санкции против Италии. Лига Наций осудила Италию как агрессора. Лимит доверия Муссолини на Западе резко падает. Боязнь оказаться в изоляции заставляет его искать руки помощи в других местах. На помощь приходит Гитлер.

Германия не присоединилась к санкциям против Италии. Эшелоны с углем один за другим идут из Рура и Силезии в Италию. Муссолини идёт на уступки Берлину в «австрийском вопросе». 24 октября 1935 г. с визитом в Рейх прибыл итальянский министр иностранных дел Чиано, который в заключение своего визита заявил: «Я возвращаюсь в Италию с чувством глубокого восхищения всем тем, что смог увидеть в Германии. Это чувство, прежде всего, вызванное фюрером, которому я передал привет от дуче». Муссолини, подводя итоги контактов прежних лет, в ноябре 1935 г. в Милане заявил о создании «оси»: «Это взаимопонимание, эта диагональ Берлин – Рим не есть линия раздела, но ось, вокруг которой могут объединиться все европейские государства, воодушевлённые волей к сотрудничеству и миру» [5, р. 60].

Безнаказанная ревизия Версальского договора способствовала дальнейшим изменениям в международной обстановке в пользу нацистской Германии. В июле 1936 г. она совместно с Италией начала интервенцию против Испанской республики. Хотя укрепление фашистских агрессоров на Пиренейском полуострове серьёзно ослабляло стратегические позиции Англии и Франции, правительства этих стран, напуганные успехами прогрессивных сил Испании, поощряли интервентов и помогали им в удушении Испанской республики. Нацисты использовали Испанию в качестве полигона для испытания новых образцов оружия и варварских методов ведения войны. Летом 1937 г. немецкий линкор «Дойчланд» учинил зверскую бомбардировку беззащитного испанского города Альмерия. Сражавшийся на стороне испанских мятежников, гитлеровский воздуш-

ный корпус «Кондор» дотла разрушил мирный город Гернику. Общая численность немецких солдат и офицеров, принимавших участие в интервенции против Испанской республики, достигла 50 тыс. человек.

В марте 1937 г. гитлеровцы подписали с главарём мятежников генералом Франко секретный протокол, явившийся важной вехой на пути франкистской Испании в германский блок. Затем между ними было заключено секретное соглашение, которое широко открыло германским монополиям дорогу для экономической экспансии в Испанию [7].

Нацистская Германия усиленно искала союзников и на Дальнем Востоке. Ещё весной 1935 г. Берлин устанавливает первые контакты с Японией. В мае представитель Риббентропа, глава специального бюро при НСДАП по военным вопросам, Хак встретился с японским военным атташе подполковником Осимой. Они обсуждали вопрос, как и в какой форме Германия и Япония могут заключить военный пакт против Советского Союза. Риббентроп и фон Раулер разработали проект «Антикоминтерновского пакта» с Японией, который очень скоро одобрил Гитлер. При этом он заявил: «Россия должна быть расчленена на свои исторические части, чтобы мир, в конце концов, можно было бы успокоить» [7].

В середине июля 1936 г. японский Генеральный штаб предложил включить в договор указания о действиях на тот случай, если Россия нападёт на одного из партнёров. 4 сентября готовый проект договора получил одобрение японского правительства, которое надеялось, что сближение с Рейхом обеспечит благоприятную позицию Германии в агрессии Японии против Китая, и что Берлин прекратит поставку ему оружия. И оно не просчиталось. 25 сентября 1936 г. Риббентроп и Мушакои подписали договор [6, p. 256].

Таким образом, несмотря на все усилия нацистского руководства, активную военно-политическую, экономическую и дипломатическую подготовку, гитлеровской Германии в середине 30-х гг. не удалось добиться первоначальных целей: объединить все народы, говорящие по-немецки, создать в центре Европы «стальной Третий рейх», хотя многие предпосылки к этому были сформированы. Гитлер и его окружение стремились сплотить блок агрессивных государств, заинтересованных в насильственной ликвидации сложившейся системы международных отношений, а также установить тесный контакт с профашистскими правительствами в других странах.

Источники и литература

1. Гитлер А. Моя борьба. М.: Витязь, 2000. 590 с.
2. Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. М.: Астрель, АСТ, 2002. 944 с.
3. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. М.:Изографус, 2002. 855 с.
4. Розенберг А. Миф XX в. Таллинн: Shildex, 1998. 524 с.
5. Ciano'S Diplomatic Papers. L., 1948.
6. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D. Vol. II.
7. Einhorn M. Die ökonomischen Hintergründe der faschistischen Intervention in Spanien 1936–1939. Berlin, 1962.
8. Hanfstaeng E. Zwischen Weisen und Braunen Haus. München, 1970.
9. Literary Digest. 1933. Aug. 26.
10. Rauschning G. The Revolution of Nihilism. New York : Alliance book corp.: Longman, 1939. 300 с.
11. Rühle Gj. Das Dritte Reich. Das erste Jahr 1933. B., 1934.
12. Toland J. Adolf Hitler. Gladbach, 1977.
13. Zentner Ch. Die Kriegausbruch. Frankfurt-am-Main, 1979.

References

1. Gitler A. Moya borba (*My struggle*). Moscow: Vityaz. 2000. 590 p. (In Russian).
2. Zalesskiy K. A. Kto byl kto v Tretyem reykhе (*Who was who in the Third Reich*). Moscow: Astrel. AST. 2002. 944 p. (In Russian).
3. Myuller-Gillebrand B. Sukhoputnaya armiya Germanii 1933–1945 (*The Army of Germany 1933–1945*). Moscow: Izografus. 2002. 855 p. (In Russian).
4. Rozenberg A. Mif XX v. (*Myth of XX century*). Tallinn: Shildex. 1998. 524 p. (In Russian).
5. Ciano'S Diplomatic Papers. L., 1948.
6. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D. Vol. II.
7. Einhorn M. Die ökonomischen Hintergründe der faschistischen Intervention in Spanien 1936–1939. Berlin, 1962.
8. Hanfstaeng E. Zwischen Weisen und Braunen Haus. München, 1970.
9. Literary Digest. 1933. Aug. 26.
10. Rauschning G. The Revolution of Nihilism. New York : Alliance book corp.: Longman, 1939. 300 с.
11. Rühle Gj. Das Dritte Reich. Das erste Jahr 1933. B., 1934.
12. Toland J. Adolf Hitler. Gladbach, 1977.
13. Zentner Ch. Die Kriegausbruch. Frankfurt-am-Main, 1979.

УДК 930.2

В. Ю. Апрыщенко

«МОДЕЛЬ РАЗРЫВА» КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Статья посвящена изучению одной из двух моделей исследования современной миграционной политики. «Модель разрыва» основывается на представлении о существовании значительного разрыва между правительственной политикой в области миграции в большинстве стран мира, исходящего из различных групповых интересов. В статье анализируются факторы, способствующие усилению разрыва между политическими декларациями и реальной ситуацией в сфере миграционной политики. Автор приходит к выводу о том, что реальная экономическая и политическая ситуация не учитывается при анализе миграционной политики, вследствие чего, образовывается несоответствие между политическими декларациями и реально складывающейся ситуацией в среде мигрантов. На обширном фактологическом материале автор статьи анализирует эвристический потенциал модели, приходя к выводу о том, что она представляет собой важный инструмент изучения миграционной политики. Для достижения наиболее объективных и качественных научных выводов, автор обращает внимание на развитие миграционной политики в разных странах XX столетия. При анализе проблем миграционной политики, автор столкнулся с такой проблемой, как неясность алгоритма и методов установления точного размера несоответствия между официальными обещаниями со стороны власти и реальной

миграционной обстановкой. Интересно, что так называемый «метод разрыва» также позволил выявить причину проведения неудачной миграционной политики, по мнению автора она заключается в дифференциации в уровне доходов и возможности достижения желаемого уровня жизни, что, в свою очередь, приводит к незаконному пересечению границы. Изучая проблемы осуществления миграционной политики, автор находит еще одну причину, затрудняющую работу правительства по этому вопросу. «Политический провал» проводимой миграционной политики вызывает общественные недовольства со стороны коренного населения, что в свою очередь, образует новый вызов власти и пересмотр действующего миграционного законодательства. Тем не менее, автор не считает оценку общественного мнения серьезным индикатором провала иммиграционной политики, так как это не всегда эффективный критерий оценки действий национальных властей, так как эти оценки не объективны и могут проявляться во времена экономического спада, следовательно, население может связывать экономические трудности с присутствием мигрантов, что не всегда может быть объективной связью.

Ключевые слова: миграция, интеграция, иммиграционная политика, «модель разрыва», Соединенные Штаты Америки, Европа, общественное мнение.

V. Yu. Apryshchenko

THE “GAP MODEL” AS AN ANALITICAL TOOL TO STUDY MIGRATION POLICY IN THE END OF XX CENTURY

The article studies two intellectual models describing modern migration process. The “conflict model” is based on the idea about the gap between government policy in migration sphere and the public opinion. In modern countries this gap is caused by different group interests. The article analyzes different factors enhancing this gap between political declarations and the reality. With the reference to facts the author demonstrates heuristic potential of the model and concludes that in may be considered as an important instrument for the study of migration policy. To achieve the most objective and qualitative scien-

tific conclusions, the author draws attention to the development of migration policy in different countries of the XX century. Analyzing the problems of migration policy, the author faced the problem of uncertainty of the algorithm and methods to determine the exact amount of discrepancy between the official promises of the authorities and the real migration situation. Notably, the so-called “gap method” also reveals the reason of the failed migration policy; according to the author, it is the differentiation in the level of income and the possibility of achieving the desired standard of living, which, in turn, leads to illegal border

crossing. Studying the problems of implementation of migration policy, the author finds another reason that complicates the work of the government on this issue. "Political failure" of the migration policy causes public discontent on the part of indigenous population, which, in turn, poses a new challenge to the authorities and promotes the revision of the current migration legislation. Nevertheless, the author does not consider the assessment of public opinion as a

На протяжении 1990-х гг. количество людей, проживающих за пределами своей родины, выросло со 154 до 175 млн. Согласно определению ООН, данному в 2002 г., мигранты определяются как люди, проживающие за пределами страны своего рождения или гражданства на протяжении 12 месяцев и более [3, р. 3]. И хотя это составляет всего 3 % населения мира, практически нет сегодня страны, которая бы не испытала на себе последствия эмиграции или иммиграции. Практически каждый десятый житель наиболее развитых регионов мира сегодня международный иммигрант. А на протяжении последних пятнадцати лет даже такие страны как Япония или Корея, в исторической ретроспективе лишь незначительно испытывавшие воздействие иммиграции, стали иммиграционными странами.

Одна из современных моделей описания миграционного процесса заключается в разрыве между официальными декларациями, провозглашаемыми властями, и реальной миграционной политикой. Вторая модель описания этого явления («модель конвергенции») содержит о том, что на протяжении последних лет сформировались некие общие черты в странах, импортирующих труд. Во-первых, это усиление иммиграционного контроля, во-вторых, активно формирование политики, направленной на интеграцию иммигрантов в принимающее сообщество посредством предоставления им доступа к сфере социального обеспечения наряду с политическими, экономическими и социальными правами, и, в третьих, в общественном мнении иммигранты и иммиграционная политика занимают все более важное место.

«Модель разрыва» основывается на ряде посылок. Так, некоторые ученые считают, что нациям-государствам сегодня удалось установить эффективный контроль над не желаемым иммиграционным притоком рабочих и беженцев, тогда как другие считают, что правительства проиграли эту схватку с нежелательной иммиграцией [6; 8]. При этом важным представляется, что эта дискуссия связана с вопросом

serious indicator of the failure of immigration policy, as it is not always an effective criterion to assess the actions of national authorities, as these estimates are not objective and can be announced in the times of economic downturn, therefore, the population can associate economic difficulties with the presence of migrants, which may not always be an objective link.

Key words: migration, integration, immigration policy, "gap model", the USA, Europe, public opinion.

о характере современных наций-государств. По мнению ряда экспертов, нации-государства не обладали в полной степени национальным суверенитетом даже до современной эпохи глобализации, а поэтому говорить об иммигрантской угрозе национальным государствам сегодня не приходится [12].

Сегодня стало уже очевидным, что этот разрыв между официальной политикой и реальными мероприятиями порожден не столько неудавшейся политикой по регулированию иммиграционного притока, сколько потребностью в этом притоке иммигрантов. При этом часто европейские страны, сталкиваясь с проблемой недостатка высококвалифицированных специалистов и открывая им доступ в страну, не могли удовлетворить этой потребности. С другой стороны, попытки правительств привлечь низко квалифицированную рабочую силу становились слишком «успешными», вызывая неприязнь к иммигрантам.

Одной из исследовательских проблем в рамках данной модели является алгоритм и методы установления размера этой пропасти. Иногда «провал» правительственной политики может быть измерен разницей между теми квотами, которые устанавливаются на въезд иммигрантов и реальным их количеством. Точно также эти нарушения могут заключаться в превышении установленным правительством сроков пребывания иммигрантов в стране. В этих случаях, установить размер этой «ямы» помогает статистика нарушений.

Более сложно установить размер иммиграционной «пропасти» между политикой и реальностью тогда, когда не существует четко определенной политики. В странах Западной Европы таковой не существовало вплоть до 1970-х гг., хотя первые, наиболее ранние и незрелые попытки установить иммиграционный контроль предпринимались британскими властями еще с конца 1960-х гг. [1]. Но и декларируемая иммиграционная политика не соответствует истинным целям.

Еще одним показателем этого «политического провала» иммиграционной политики

может служить рост антимиграционных настроений. Чем больше пропасть, тем сильнее общественное недовольство [3, р. 6]. Так в случае, когда в страну въезжает большое количество нелегальных иммигрантов в общественном мнении создается впечатление, что правительство утратило контроль над иммиграцией. В Западной Европе такие негативные настроения начали проявляться тогда, когда стало очевидно, что те, кто въехал в страну в качестве «временных» рабочих, остались на постоянное жительство, поставив на повестку дня вопрос о необходимости их социального обеспечения, что было особенно чувствительно, когда совпадало с периодами безработицы и неконсервативной социальной политики. В 1990-е гг. источником народного недовольства стал массовый приток беженцев, которые одновременно оказывались и трудовыми иммигрантами, составлявшими конкуренцию местной рабочей силе.

В то же время общественное мнение как индикатор провала иммиграционной политики не всегда является эффективным критерием оценки действий национальных властей. Во-первых, эти настроения часто тенденциозны, особенно, тогда, когда речь идет о периодах экономического спада, и массовое недовольство может происходить тогда не столько по причине провала политики, сколько из-за восприятия этой политики как провальной. А во-вторых, общественное мнение может просто быть несогласным с политикой правительства, даже тогда, когда она успешна с точки зрения соотношения поставленных задач и результатов. И, наконец, само общественное мнение редко бывает единодушным, а в нем, как правило, существует множество течений и направлений, различных интересов и т.д. В частности, когда правительство проводит ограничительную иммиграционную политику, часть населения этим может быть удовлетворена, тогда как другие (работодатели, рассчитывающие получить более дешевую рабочую силу, или неправительственные организации, отстаивающие права иммигрантов) остаются неудовлетворенными.

Сегодня, кажется, уже очевидно, что одна из причин неэффективности иммиграционной политики заключается в том, что правительства продолжают полагаться на традиционные политические методы, призванные отпугнуть иммигрантов и сдержать их приток в страну. В некоторых случаях эта политика, основанная на применении различных ресурсов, может быть более или менее эффективной. В других

случаях, сама природа политических методов, используемых для ограничения въезда иммигрантов, предопределяет крах этих попыток.

Один из наиболее ярких примеров неэффективности политических методов ограничения иммиграции является механизм иммиграционного контроля, в рамках которого иммигрант наделяется временным правом работы на территории страны (временные рабочие, гастарбайтеры). Большое количество гастарбайтеров из временной становится постоянной рабочей силой, являясь в последующем незаконными мигрантами. Наиболее полно эта политика была разработана и проводилась в Германии в 1950–1960-е гг. и в США в 1942–1964 гг. [5, р. 25–27; 14]. В обоих случаях существовавший со стороны властей расчет на то, что приезжие рабочие будут возвращаться обратно по истечении срока своих контрактов, не оправдался. Зачастую причиной этого были работодатели, не заинтересованные в постоянной ротации рабочих и предпочитавшие оставлять приезжих даже по истечении срока действия их визы и контракта. Кроме того, такие программы временного пребывания не устранили притока нелегальных иммигрантов на рынок труда.

На протяжении 1990-х США и страны ЕС активно занимались своей пограничной политикой, направленной на установление эффективного контроля над въезжающими [18]. Эта политика включала расширения контингента пограничных патрулей, расширение воздушного и прибрежного контроля, что должно было предотвратить попытки рабочих, намеревавшихся нелегально пересечь границу. Но те, кто задавался целью непременно преодолеть все препятствия, достигал ее и попадал в страну, используя, в том числе и услуги специальных перевозчиков. В случае с США усиленной строительством сооружений на границе с Мексикой, начиная с 1993 г. привело к резкому увеличению нелегальных проникновений, связанных с ростом финансовых затрат и угрозы жизни, а также расширению количества иммигрантов, которые нелегально оставались жить на территории США. С конца 1990-х гг. и в США, и в Западной Европе количество незаконных иммигрантов стало быстро расти, ежегодно в среднем увеличиваясь на 500 тыс. В частности, в США в 2004 г. количество незаконных иммигрантов составило 9,3 млн чел., что равнялось 26 % всего иностранного (рожденного не в США) населения, 5 % всей рабочей силы и 10 % низко квалифицированных американских рабочих [15].

Кроме того, разница в уровнях развития экономик и социальных связей также снижает

эффективность правительственной политики. Огромный демографический дисбаланс (избыток населения в развивающихся и демографический спад в развитых странах), а также дифференциация в уровне доходов и возможности получения хорошей работы между этими группами стран приводит к росту незаконных пересечений границы, мешая реализации стратегий государства-нации [16]. Все попытки преодолеть эти структурные диспропорции приводят к незначительным результатам. В Западной Европе процесс создания единого экономического пространства, дополненный притоком средств от более богатых к менее богатым странам, привел к трансформации ранее стран-доноров мигрантов, в страны импортеры труда. К таким государствам, в частности, относятся современные Италия и Испания [14].

Еще одним фактором формирования разрыва между декларациями и реальностью является транснациональная экономика и глобальные социальные процессы, которые расширяют значение иммиграционных потоков. Наиболее значимым образом, эти социальные процессы реализуют себя в феномене «транснационализма», в основе которого лежат социальные связи между иммигрантами, включающие воссоединение семей, финансовые потоки создаваемые иммигрантами и другие сети [4]. Миграционная индустрия развивается, включая и нелегальные операции, и услуги по предоставлению перевозок и документов [13].

Пропась между иммиграционной политикой и реальностью увеличивается также из-за внутреннего политического давления, которое создает для правительства трудности в осуществлении эффективной иммиграционной политики. Согласно модели «клиентальной политики», разработанной Гарри Фрименом, в странах либеральной демократии иммиграционная политика направляется особыми групповыми интересами. Будучи лоббированными влиятельными группами работодателей, религиозными сообществами, объединениями по защите этнических и иммигрантских прав, и даже профсоюзами, многочисленные групповые интересы заставляют правительство проводить, скорее, политику по расширению сил принимаемых иммигрантов, даже вопреки требованиям экономики и широкому общественному мнению, которому ничего не остается как выражать свое недовольство и вражду по отношению к приезжим. Ограничения же иммиграции сводятся лишь к заявлениям, декларациям, и полумерам. Если в странах-поставщиках миграции правительства и группы интересов

образуют своеобразный союз, направленный на создание благоприятных условий для тех, кто уезжает, то в иммигрантских государствах, проиммигрантские группы, часто на транснациональной основе требуют от властей посредством давления на институты ЕС установить право свободного передвижения в Европе для выходцев из третьих стран и обеспечить их социальные права [10].

Модель «групповых интересов» с большим успехом может объяснить сложившуюся ситуацию в странах «классической иммиграции» (США, Канада, Австралия), чем положения в государствах, которые, сами того не желая, вынуждены считаться «иммиграционными» (например, большая часть Западноевропейских государств, Япония) [17, р. 170]. Степень воздействия «клиентальной политики» зависит и от традиционного режима принятия политических решений в стране. В государствах с развитой и разветвленной системой гражданского общества или там, где отношения власти и бизнеса имеют долговременный и прочный характер, правительства вынуждены прислушиваться к запросам работодателей, проводя более гибкую политику. Напротив, в таких странах, как Япония или Корея, где политические решения, в том числе, и в области иммиграционной политики принимаются государственной бюрократией, а вмешательство и влияние институтов гражданского общества минимально, возможности для лоббирования групповых интересов снижены.

Национальная политическая культура и сложившиеся политические практики также способствуют динамике иммиграционной «пропасти» посредством легального или нелегального ужесточения политического преследования иммигрантов, использования высылки и депортаций. Несмотря на то, что большинство стран иммиграции представляют собой либеральные демократии с развитыми институтами гражданского общества, по мере предоставления иммигрантам экономических, социальных, а, иногда, и политических прав, жесткие меры время от времени используются и там. Как правило, они могут осуществляться посредством попыток внесения поправок в законодательство, как, например, знаменитое 187 Предложение, внесенное в законы штата Калифорния, лишавшее иммигрантов их социальных прав, или попытки, повторяющиеся все чаще и чаще, лишить социальной поддержки европейских иммигрантов [17, р. 166].

Еще одной причиной «пропасти» становится расхождение между политическими декларациями и истинными намерениями и целями.

В дополнение к тому, что правительства закрывают глаза на нарушение прав рабочих-иммигрантов, власти не придают особого значения и другим случаям нарушения провозглашенной политики. Более того, заявления самих властей иногда противоречивы, это особенно касается тех случаев, когда иммиграционная политика затрагивает интересы разных властных институтов. Например, в Японии ее выработкой занимаются семнадцать министерств и агентств. В большинстве же других стран, в том числе и в Западной Европе, иммиграционная политика является яблоком раздора, как правило, между экономическими, включая трудовые, и правовыми легислатурами [2]. Дополнительные проблемы связаны с тем, что в выработке этой политики не принимают участие те, кто ее будет реализовывать.

То же самое относится и к отношениям между центральными и местными властями по вопросу иммиграционной политики. Хотя ее разработкой и занимаются преимущественно центральные власти, не консультируясь с местными учреждениями, наднациональные организации и агентства предпочитают сотрудничать с местными правительствами, которые более осведомлены о положении иммигрантов, и, соответственно, более компетентны [11]. В случае разногласий местной и центральной власти, местные органы могут быть просто лишены финансирования и утратить возможность вообще проведения какой-либо политики.

Наконец, международное давление также оказывает влияние на несоответствие иммиграционной политики и реального состояния. И ООН, и Международная организация труда, и различные региональные организации и объединения, включая ЕС, являются источниками многочисленных правовых актов, направленных на регулирование прав трудовых иммигрантов. Наиболее значительными из этих документов являются Международная конвенция ООН по защите прав мигрантских рабочих и членов их семей, Конвенция ООН о статусе беженцев, Международная конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а также Европейская конвенция прав человека.

Однако, до сих пор не существует глобального механизма, который бы гарантировал исполнение и соблюдение всех этих прав. В частности, в рамках ЕС до сих пор существует политика, согласно которой государства

самостоятельно определяют направления иммиграционной политики [10, р. 31]. Лишь Европейская конвенция по защите прав человека располагает наднациональным юридическим механизмом, использующим Европейский суд по правам человека, который обладает ограниченными полномочиями по контролю над национальными иммиграционными политиками. До тех пор, пока государства-нации будут оставаться единственными политическими акторами, следящими за исполнением миграционного законодательства проблема международного согласия в этой области решена не будет. До начала 2004 г. лишь тридцать стран мира ратифицировали Конвенцию ООН о правах мигрантов, причем среди этих тридцати были далеко не все наиболее важные страны иммиграции. Лишь в незначительном количестве случаев ратифицировавших Конвенцию стран, ее положения противоречат национальным законодательствам. Другая Конвенция ООН по защите от расовой дискриминации о статусе беженцев, хотя и была ратифицирована большинством стран, лишь в незначительном числе государств стала предметом истинной заботы о ее соблюдении. Более того, лишь небольшое число стран постаралось привести свои национальные законодательства в соответствие с этими международными документами.

Права иммигрантов и этнических меньшинств в демократических государствах чаще отстаиваются не собственно властями, а различными группами, правозащитными организациями. Эти объединения защищают права иммигрантов в судах, апеллируя к международным конвенциям, ратифицированным правительствами, но слабо реализуемым на практике. И в некоторых случаях суды способствуют изменению внутренних законов, противоречащих международным положениям.

Таким образом, «модель разрыва», описанная в данной статье, может быть использована при анализе миграционной политике в разных странах в конце XX столетия. Миграционная политика, в рамках которой декларируются ограничительные меры, направленные на снижение количества иммигрантов, как правило, не учитывают реальной экономической и политической ситуации, а значит, обречены на корректировку, а между декларациями и реальностью образуется пропасть, препятствующая решению проблем адаптации иммигрантов.

Источники и литература / References

1. Апрыщенко В. Ю. Иммиграционная политика Великобритании во второй половине XX в.: Контроль и интеграция // Британские исследования. Вып. II. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. С. 209–229.

- Apy' shhenko V. Yu. Immigracionnaya politika Velikobritanii vo 2 polovine XX v.: Kontrol' i integraciya (*Politics of Immigration of Great Britain in the second half of 20th century: Control and Integration*) // Britanskiye issledovaniya. Issue. II. Rostov on Don: Logos, 2008. P. 209–229. (In Russian).
2. Cornelius W. The Uneasy Transition from Labor Exporter to Labor Importer // *Controlling Immigration. A global Perspective*. Stanford, 2004.
 3. Cornelius W. Tsuda T. Controlling Immigration: The Limits of Government Intervention // *Controlling Immigration. A global Perspective*. Stanford, 2004.
 4. Fawcett J. Networks, Linkages, and Migration Systems // *International Migration Review*. 1989. №3.
 5. Freeman G. Can Liberal States Control Unwanted Migration? // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 534. Thousand Oaks, 1994.
 6. Freeman G. The Decline of Sovereignty? Politics and Immigration Restriction in Liberal States // *Challenge to the Nation-State: Immigration in Western Europe and the United States*. Oxford, 1998.
 7. Martin Ph., Lowell L., Taylor E. Migration Outcomes of Guest Worker and Free Trade Regimes: The Case of Mexico-US Migration // *Managing Migration: Time for a New International Regime?* Oxford, 2000.
 8. *Controlling a New Migration World*. Ed. by V. Guiraudon, Ch. Joppke. NY., 2001.
 9. Freeman G. Winners and Losers: Politics and the Costs and Benefits of Migration // *West European Immigration and Immigrant Policy in the New Century*. Westport, 2002.
 10. Geddes A. *Immigration and European Integration: Towards Fortress Europe?* Manchester, 2000.
 11. Guiraudon V. De-nationalizing Control: Analyzing State Responses to Constraints on Migration Control // *Controlling a New Migration World*. NY., 2001.
 12. Joppke Ch. Why Liberal States Accept Unwanted Immigration // *World Politics*. 1998. №50.
 13. Kyle D., Liang Z. Migration Merchants: Human Smuggling from Ecuador and China to the United States // *Controlling a New Migration World*. L., 2001.
 14. Martin Ph., Lowell L., Taylor E. Migration Outcomes of Guest Worker and Free Trade Regimes: The Case of Mexico-US Migration // *Managing Migration: Time for a New International Regime?* Oxford, 2000.
 15. Passel J., Capps R., Fix M. *Undocumented Immigrants: Facts and Figures*. Washington, 2004.
 16. Sassen S. The De Facto Transnationalizing of Immigration Policy // *Challenge to the Nation-State: Immigration in Western Europe and the United States*. Oxford, 1998.
 17. Statham P. Understanding Anti-Asylum Rhetoric: Restrictive Politics or Racist Politics? // *The Politics of Migration: Managing Opportunity, Conflict and Change*. Malden, 2003.
 18. *The Rebordering of North America: Integration and Exclusion on a New Security Context*. Ed. by P. Andreas., Th. Biersteker. NY., 2003.

УДК 903.1
 903.2

В. Е. Баглай

АРХЕОЛОГИЯ СОНОРЫ: ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ МЕКСИКИ И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ СВЯЗЕЙ МЕСОАМЕРИКИ И АМЕРИКАНСКОГО ЮГО-ЗАПАДА

Исследователям культур доколониальной Мексики хорошо известны месоамериканские цивилизации майя, ацтеков, ольмеков и др. Однако на северных окраинах древней Мексики развивались традиции, которые были связаны, как с миром индейцев Юго-Запада (США), так и Месоамерикой. Работа посвящена изучению древних культур северо-западной Мексики на примере археологии штата Сонора с учетом исследований ученых Мексики и США. В ней констатируется незначительное влияние элементов культуры Месоамерики (ранние формы традиционного земледелия, распространение украшений из меди, керамика), взаимодействие с культурами Юго-Запада (Касас Грандес, Хохокам), анализируется материальная культура (собирачество, земледелие, рыболовство), археологические объекты и предметы (строительство террас, ранее жилище, каменные орудия, изделия и украшения из морских раковин и др.).

Доказательства начала присутствия человека на территории современного штата Сонора датируются около 10000 г. до н.э. Первые обитатели этих мест были кочевыми охотниками и собирателями, которые использовали каменные орудия и орудия из ракушечника. Самые древние из них, общие для Соноры и Аризоны – это различные наконечники, хорошо известные археологам и определяемые как кловис. Они связаны с деятельностью охотников на мамонтов и других ископаемых животных и хронологически относятся к 9500–9000 г.г. до н.э.

На территории Соноры сформировались две основные культуры, связанные с особенностями

географической среды. На засушливом побережье Калифорнийского залива жили охотники, рыболовы, собиратели морепродуктов. Они использовали моллюсков в качестве традиционной пищи, а также обменивали раковины, ракушки на прекрасную керамику, медные бубенчики и т.п. из Аризоны и Чихуахуа. Жители побережья также развивали древнюю навигацию.

На востоке Соноры в горных районах дождей выпадает больше. В этих местах создавались условия для заимствования месоамериканского типа земледелия с 1500 г. до н.э. (выращивание маиса, фасоли, тыквы). Для данной территории характерно строительство каменных террас. Показателем появления постоянных поселений и формирования земледелия является керамика. Остатки керамики здесь датируются сер. VII–XIII вв. В период XI – сер. XIV в. появляются комплексы небольших поселений с развитыми для данной эпохи торговыми (обменными) связями.

Традиции Соноры были связаны с культурами Чихуахуа (Касас Грандес), Аризоны (Хохокам), Синалоа. Особое значение в распространении влияния Месоамерики имели древние культуры штата Синалоа (роль посредника).

В работе анализируются памятники петроглифики как проявление культуры аборигенов Соноры.

Ключевые слова: древняя северо-западная Мексика, археология штата Сонора, влияние Месоамерики, культуры Юго-Запада, материальная культура, археологические объекты и предметы.

V. E. Baglay

ARCHAEOLOGY OF SONORA: ANCIENT CULTURES OF NORTHERN MEXICO AND THEIR ROLE IN ESTABLISHING TIES BETWEEN MESOAMERICA AND THE AMERICAN SOUTHWEST

Researchers of pre-colonial Mexico cultures are familiar with Mesoamerican Mayan civilization, the Aztecs, the Olmecs, etc. However, on the Northern outskirts of ancient Mexico developed traditions that were associated with the world of Indians of the South-West (USA) and Mesoamerica. The article

studies ancient cultures of northwestern Mexico by the example of archaeology of the state of Sonora, taking into account the research of Mexico and US scientists. It claims the insignificant influence of elements related to Mesoamerica culture (early forms of traditional farming, the spread of copper ornaments,

ceramics), interaction with the cultures of the South-West (Casas Grandes, Hohokam), material culture (gathering, farming, fishing), archaeological sites and objects (construction of terraces, formerly dwelling, stone tools, products and ornaments from sea shells, etc.).

There is evidence that human presence on the territory of the modern Sonora dates back as far as 10 000 BC. The first inhabitants of this area were nomadic hunters and gatherers who used stone tools made of limestone. The most ancient of these, common to Sonora and Arizona, are the various arrowheads well known to archaeologists and defined as clovis. They are associated with the activities of mammoth hunters and other fossil animals and chronologically refer to 9500-9000 BC

Two main cultures associated with the peculiarities of the geographical environment formed on the territory of Sonora. The hunters, fishermen and seafood collectors lived on the dry coast of the Gulf of California. They used shellfish as a traditional food, and traded shells, seashells on beautiful pottery, copper bells, etc. from Arizona and Chihuahua. The inhabitants of the coast also developed ancient navigation.

Исследователям культур доколониальной Мексики хорошо известны месоамериканские цивилизации майя, ацтеков, ольмеков и др. Однако на северных окраинах древней Мексики развивались культуры, которые можно рассматривать как переходные, то есть, связанные как с миром индейцев Юго-Запада, так и Месоамерики. Эти культуры, их признаки и черты не проявляются так ярко, как в историко-культурных регионах Месоамерики, однако их присутствие в доколониальной истории очевидно. Одним из таких северных регионов Мексики, где развивались указанные культуры, является штат Сонора.

Доевропейская история Соноры является сложной, а ее территория в течение тысячелетий была ареной для развития культур, которые отличались своеобразием. Их изучение имеет огромное значение для того, чтобы, как указывалось, понять историческое развитие Северо-Запада Мексики и Юго-Запада США, многообразие и своеобразие культурных форм, особенности образа жизни местных поселенцев в доиспанский период¹.

¹ Имеется два основных варианта объяснения происхождения топонима Сонора. Согласно первому, группа испанских конквистадоров во главе с Алдваром Нуньесом Кабеса де Вакой (Alvar Núñez Cabeza de Vaca) (вторая половина XVI в.) пробираясь к своей базе в Мексике после кораблекрушения, несл с собой образ Богоматери Скорбящей (Nuestra Señora de las Angustias) на

Rains are more common in the mountainous areas of the East of Sonora. In these places, there were conditions to borrow Mesoamerican type of agriculture from 1500 BC (cultivation of maize, beans, pumpkin). This area is characterized by the construction of stone terraces. Ceramics is an indicator of the emergence of permanent settlements and the formation of agriculture. Remains of pottery date back to the middle VII–XIII centuries. In the period of XI – mid. XIV complexes of small settlements with developed for that era trade (exchange) relations were constructed.

Traditions of Sonora were associated with the cultures of Chihuahua (Casas Grandes), Arizona (the Hohokam), Sinaloa. Of particular importance in the spread of the influence of Mesoamerica were ancient cultures of Sinaloa (the role of mediator).

The article analyzes the monuments of petroglyphics as a manifestation of the culture of Sonora natives.

Key words: ancient northwestern Mexico, Sonora archaeology, influence of Mesoamerica, southwestern culture, material culture, archaeological sites and objects.

Трагической датой для культур Соноры является период 1845–1853 гг., когда к США отошла треть территории Мексики. Как следствие, произошел разрыв индейских территорий, которые когда-то представляли собой единое целое, как в этническом, так и культурном отношении. В результате появились современные этнокультурные и географические единицы – Юго-Запад (США) и Северо-Запад Мексики, которые когда-то были тем самым единым целым. Особенно это касается территории мексиканских штатов Сонора и Чихуахуа и североамериканской Аризоны.

Один из мексиканских чиновников, министр образования, ученый Хосе Васконселос в 1925 г. выразился в этом отношении весьма выразительно: «На станции Дон заканчивается цивилизация и начинается жареное мясо» (Дон – это станция на ветке железной дороги между штатами Сонора и Синалоа) [4]. Сам того не ведая, автор этих слов фактически определил то, что по представлениям того времени разделяло Мексику высоких древних цивилизаций

холсте. По пути они встретили индейцев опата. Индейцы называли Богоматерь «Сенора» или «Сонора» (при устной передаче такое искажение является обычным). Второй вариант объяснения названия связан с испанским словом «sonogo», которое переводится как «звонкий», «гулкий»: очевидно оно относилось к завыванию ветров, проносащихся над открытыми степными и пустынными пространствами Соноры.

и племенные общества ее северных и северо-западных областей. Но, как увидим далее, благодаря современным археологическим исследованиям культурная картина доиспанской эпохи не является столь однозначной.

Засушливая территория Соноры в течение долгого времени не вызывала интереса у исследователей, занятых высокими культурами центральной и южной Мексики. В наши дни возможности, а также объем проводимых археологических исследований позволяют выяснить истинное место, занимаемое культурами Соноры в общей истории Мексики.

В Соноре выделяется две географических и культурных области, важных для исследования региональных доколониальных культур. На западе – это низменная, исключительно засушливая зона, которая ограничивается Калифорнийским заливом, а на востоке включает гористый район, где дождей, напротив, выпадает больше. Но в целом, Сонора и ее североамериканский двойник, штат Аризона (в смысле культурных и исторических связей) занимают наиболее засушливые территории: здесь выпадает осадков менее 400 мм в год, что является недостаточным для успешного развития земледелия. Правда, на восток от Соноры простирается горный район (Западная Сьерра Мадре), где влажность достаточная. Примечательно в этом отношении весьма точное и традиционное определение местоположения Соноры – между морем и пустыней.

Как известно, обстоятельства географической среды очень важны для развития культур в наши дни, тем более это касается древности. Поэтому в том числе на примере Соноры можно проследить влияние этого фактора на историю данного региона в доколониальный период.

Как указывалось, горные районы больше получали влаги, поэтому здесь сложились более сложные культуры, основанные на земледелии. Это, прежде всего, культура Касас Грандес (Пакиме) на территории современного мексиканского штата Чихуахуа. Она является первой земледельческой культурой, возникшей здесь под влиянием Месоамерики. Культура сформировалась в горных районах Чихуахуа около 2100 г. до н.э. В пределах этого же времени ее черты проявились в Аризоне, а оттуда в Соноре, правда, много времени спустя (начиная с 1500 г. до н.э.) как отражение и составная часть процесса передвижения на юг этнических групп юто-науа. Удивительно, что земледелие возникло сначала в более отдаленной северной Аризоне, а не южнее, в Соноре. Кстати, по

крайней мере, в XVI в. торговцы-менялы предпочитали двигаться вдоль горных районов, а не по низменным, болотистым частям соседней Соноры. И проникновение земледелия, среди прочего, осуществлялось посредством именно этого пути.

Что касается засушливой зоны, то здесь идентифицированы следы древних поселений, так называемой, культуры Хохокам (хохокам). В частности, это раннеземледельческое поселение Снейктаун в Аризоне. В Аризоне поселенцы доколониального периода строили большие ирригационные каналы. Для сравнения, в смежной с ней Соноре, такие инженерные сооружения пока не встречаются, по крайней мере до настоящего времени в отношении их отсутствуют доказательства достаточной степени убедительности¹ [1; 2; 7].

Низменные районы на западе Соноры выходят к морю, поэтому первые поселенцы, появившиеся здесь, в дальнейшем использовали рыбу и морские продукты в целом как пищевые ресурсы. Кроме того, раковины являлись сырьем, из которого делали колющие и режущие детали орудий труда и оружия, украшения и т.п. Со временем обитатели побережья Соноры использовали их при обмене с соседними группами в Хохокам (Аризона) и особенно, обитателями Касас Грандес (Чихуахуа). Прежде всего, это касалось их главного поселения, Пакиме, куда раковины тоннами поступали с побережья. Наконец, близость к морю со временем позволила также развивать древнюю, первичную навигацию, которая хорошо известна по общеисторическим источникам применительно к проживающему здесь народу сери(с).

В целом, традиции Соноры хотя культурно и связаны с Чихуахуа и Аризоной, но имеют большое сходство с соответствующим в штате Синалоа. Дело в том, что именно культуры штата Синалоа считаются наиболее важным здесь, поскольку представляются символом, свидетельством влияния Месоамерики, пусть и незначительного на северные и северо-западные районы Мексики. Теоретически такое соседство позволяло Соноре приобретать новые знания и материалы через обмен с более южными, собственно месоамериканскими культурами юга, опять же, через территорию штата Синалоа.

¹ Кроме использования собственно земледелия, в этом засушливом регионе создатели культуры хохокам отличаются тем, что построили внушительную систему ирригационных, оросительных каналов, практиковали ритуальную игру в мяч (пелота), но не имели бюрократического аппарата и могущественных властителей.

Как конкретно проходил процесс формирования культур Соноры, каковы собственно эти культуры, открытые и исследованные на настоящий момент?

Известно, что заселение континента произошло из Азии через Берингов пролив. Первоначальные арктические охотники (и их потомки) со временем стали проникать вглубь американского континента. Доказательства начала присутствия человека на территории современного штата Сонора датируются около 10000 г. до н.э. Наиболее известные места, где найдены доказательства процесса первичного освоения территории Соноры – это археологический комплекс Сан Диегито в пустыне Эль Пинакате. Первые обитатели этих мест были кочевыми охотниками и собирателями, которые использовали каменные орудия и орудия из ракушечника. Самые древние из них, общие для Соноры и Аризоны – это различные наконечники, хорошо известные археологам и определяемые как кловис. Они связаны с деятельностью охотников на мамонтов и других ископаемых животных и хронологически относятся к 9500–9000 г.г. до н.э. В течение большей части этого периода климатические условия были более благоприятными, чем ныне, и территорию покрывала густая и разнообразная растительность.

Пример культуры Соноры данного времени – Эль Фин дель Мундо. Ее расположение и археологические компоненты делают это место уникальным для изучения трансформации среды, выживания первых поселенцев, региональной интеграции и взаимосвязей между этническими группами и ролью человека в процессе вымирания животных периода плейстоцена.

Археологический объект, зона Эль Фин дель Мундо был обнаружен в 2007 г. Часть этой археологической зоны – лагерь охотников. Речь идет о первом месте охоты на стадо мегафауны эпохи плейстоцена; правда, аналогичный объект в Мексике уже был открыт еще в 1957 г. Согласно данным исследований, обосновавшиеся здесь носители культуры кловис, охотились на американских мастодонтов и других животных эпохи плейстоцена. Их ископаемые останки (в частности, в виде костей мамонтов) были обнаружены в трясине. Находки показывают, что охотники делали из кварца наконечники и другие предметы [8].

В следующий период происходило медленное, но неуклонное развитие обществ охотников и собирателей. На протяжении длительного

времени, как и в других местах северо-западной Мексики, этот исторический отрезок характеризуется использованием поселенцами камня в качестве основного приспособления для размельчения зерен и материала для изготовления наконечников и других колющих и режущих приспособлений. Данный этап разделяется на несколько фаз, которые получили свои названия от топонимов мест обнаружения артефактов в Аризоне того же периода. Эта эпоха имела принципиальное значение для развития, поскольку к ее окончанию формируется традиция возделывания культурных растений и начало строительства постоянных поселений.

Около IV в. до н.э. – II в. н.э. начинает проявляться традиция земледелия, определенная исследователями как Ранний земледельческий период. В Соноре эпоха Раннего земледельческого периода совпадает с продвижением сюда, на юг, начиная с 1500 г. до н.э. носителей языка юто-науа (юто-ацтека). Земледелие произошло из Месоамерики в соседнюю Чихуахуа и на юг Аризоны еще раньше. Речь идет о маисе (кукуруза) и тыкве, а также фасоли и хлопке, которые появились здесь, по меньшей мере, около 2100 г. до н.э. Затем появилась и ирригация, хронологически определенная как 1200 г. до н.э.

Таким образом, земледелие не пришло в Сонору непосредственно из Месоамерики, а соседней, более северной Аризоны. Важно напомнить, что земледелие в Аризоне было более успешным, чем в Соноре из-за развития упомянутой ирригационной системы. Она представляла собой систему каналов, подающих речную воду на поля. Но таких каналов, как указывалось выше, не было на территории древней Соноры.

Известно, показателем появления постоянных поселений и, следовательно, формирования земледелия является керамика. Остатки керамики здесь датируются сер. VII–XIII вв. В период XI – сер. XIV в. в регионе фиксируется появление комплекса небольших поселений с достаточно развитыми для данной эпохи торговыми (обменными) связями.

Однако в низменных районах побережья Калифорнийского залива земледелие не отмечено, поскольку здешние поселенцы, как указывалось, занимались рыболовством и сбором моллюсков. Болотистое, поросшее растительностью пространство побережья Калифорнийского залива позволяло заниматься рыболовством и особенно, сбором моллюсков всех видов. Они служили не только пищей, но

также были бесценным материалом, которым жители этого региона Соноры могли обмениваться со своими соседями из Касас Грандес, Хохокам и группой небольших поселений на реке Гила и ее притоков. Одно из мест на реке Алтар, притоке реки Консепсион (задокументированное археологами под названием F.2.2-Atil) превратилось в настоящий «коммерческий центр», где выходцы из Соноры обменивали свои раковины, ракушки, выловленные в Калифорнийском заливе, на прекрасную керамику, происходящую из Аризоны и Чихуахуа (рис. 1).

Рис. 1. Типичная керамика в системе обмена северо-западной Мексики

Это также изящные медные бубенчики, которые они получали, в частности, через культуру Касас Грандес, а также Снейктаун культуры Хохокам. Из этих мест в Соноре и получали разнообразные маленькие диски из сланца, декорированные мозаикой, браслеты из бирюзы, раковин, каменные скребки. Кроме того, близость к морю со временем позволило обитателям Соноры развивать навигацию, причем, наиболее удачливые и опытные представители народа сери(с) даже достигали острова Сан Эстабан и, возможно, Нижней Калифорнии.

Здесь же, как и в культурах Касас Грандес и Хохокам, очевидно, была известна ритуальная игра в мяч (пелота) месоамериканского происхождения, впрочем, со своими правилами.

Конкретным примером указанных в Соноре процессов является и культура Ла Плайя. На настоящий момент она считается одним из самых известных археологических объектов на Северо-Западе Мексики и Юго-Западе США Раннего земледельческого периода. Ла Плайя располагается в окрестностях реки Магдалена, в Тринчерас на высоте 515 м над уровнем моря и занимает площади около 12 кв. км. Большая часть культурных памятников этого археологического объекта открыты в окрестностях горы Сиерра Бокильяс. Кроме традиционных для этих мест находок, а именно, выступающих на поверхности костей ископаемых животных (мамонты, бизоны, верблюды лошади, антилопы, олени, кабаны, черепахи). Здесь встречаются и те, что имеют отношение к культуре поселенцев Ла Плайи. В рамках специального археологического проекта здесь исследовано около

530 археологических объектов, среди которых 283 погребений (250 погребенных и 33 кремнированных), 30 погребений собак и 114 очагов. Количество последних свидетельствует об активной хозяйственной деятельности, ее масштабах [5]. В Ла Плайя находят остатки жилищ, большое число орнаментированных морских раковин. Знак того, что их изготовление было значительным по объемам свидетельствуют мастерские, как места, в которых обрабатывались раковины для производства бусинок, серег, браслетов. Собрано также значительное количество наконечников кловис. Следует отметить, что сходные наконечники встречаются на Юго-Западе США.

Обнаруженные предметы и объекты позволили утвердить и определить хронологию Ла Плайя. Археологи предположили, что она развивалась около 10000 лет. Ла Плайя пережила ряд периодов, занимающим в целом хронологический период 12500 г. до н.э. – 200 г. н.э. Этот временной отрезок охватывает разные геологические, культурные и исторические периоды (в частности, и то время, когда люди здесь еще не поселились, а хозяевами были ископаемые животные).

В этот период здесь, как и в целом на Северо-Западе Мексики, также происходило изменение климата в виде потепления, сокращения объема осадков.

С постепенным разрушением культуры Ла Плайя, на историко-культурном пространстве Соноры также постепенно начинает формироваться традиция, известная как культура Тринчерас (1300–1450 г.г.).

Тринчерас (Серро де Тринчерас) – это доиспанское поселение и региональный центр такой же важности, культурного и исторического значения в Соноре, как, например, Касас Грандес в штате Чихуахуа. Памятник находится в среднем течении реки Магдалена в северо-западной Соноре.

Основу культуры составляют около 900 террас, которые формируют архитектуру конструкций и архитектонику пространства территории. Открытые археологические памятники были названы археологами «Площадка», «Раковина» и «Наблюдательный пункт» и др.

Земледельческие общины традиции Тринчерас сначала представляли собой небольшие поселения. С этим этапом связана керамика, получившая название «керамика Тринчерас пурпурный по красному» и хронологически относящаяся к 200–800 г.г. В период 800–1300 г.г. жители стали строить большие поселения, что свидетельствует о возросших возможно-

стях для выживания. Как черта погребальной практики, исследователями отмечена замена подземных захоронений кремацией. В период 1300–1450 гг., культура претерпевает еще одну трансформацию. Это доказывается заменой практики изготовления разноцветной керамики монохромной и распространением традиции использования сосудов больших размеров (порой в рост человека), которые использовались для хранения запасов кукурузы (в том числе и после прихода европейцев).

Известное изменение климата с середины XV в. привело к опустыниванию и, как следствие, стало одной из причин уменьшения населения, снижения количества и размеров поселений. Очевидно, как и в других местах в северо-западной Мексике в целом население вернулось к менее сложной социальной организации, образу жизни и хозяйству.

Культуры древней западной Мексики, а также Аризоны знамениты своими петроглифами. До настоящего времени самые раннее упоминание, которое мы знаем относительно петроглифов на Северо-Западе Мексики, связано с именем иезуита Андрес Переса де Риваса (перв. полов. XVI в.). В XVII в. Якобо Зедельмейер сообщал в своем дневнике, что аборигены покрывали камни и скалы знаками и изображениями фигур. В 1890 Карл Лумхольц, норвежский путешественник и исследователь, прошедший по территории Соноры, упоминает каменную резьбу, увиденную им в районе поселения Гранадос. В 1909 г., а также позднее он вновь оказался в этих местах и оставил описание петроглифов в окрестностях рек Магдалена, Алтар, Концепсион, Соноито и др. местах. Правда, подлинное описание и изучение петроглифов на Северо-Западе Мексики осуществлялось и позже, вплоть до настоящего времени [6; 11]. Здесь представлены выцарапанные (граффити), написанные или нарисованные краской (дипинти) изображения. В широком смысле, это то же, что и петроглифы – писаницы, наскальные изображения, выбитые или нанесенные краской изображения на камне. Разница в названиях (в самом общем смысле) связана с тем, что за основу взяты термины на основе итальянского или греческого языка (во втором случае).

По части этих памятников в национальном и международном отношении наиболее известен район полуострова Нижняя Калифорния. Наличие аналогичных культурных проявлений есть и в штатах Чихуахуа и Синалоа.

В настоящее время на территории Соноры известно более двух сотен памятников с петро-

глифами. Некоторые из них имеют считанное число фигур, другие содержат до сотни изображений (рис. 2). Большую часть рисунков и петроглифов можно объединить в группы: антропоморфные изображения, изображения животных, растений (цветов), геометрические фигуры; также встречаются реалистические изображения (правда, весьма редкие).

Рис. 2. Петроглиф. Нижняя Калифорния

При изучении петроглифов исследователи отмечают различную технику, стиль исполнения, а также размеры (от нескольких сантиметров до нескольких метров). Различаются они и композиционно: одни фигуры представлены изолированно, другие скомпонованы в виде настоящих картин площадью несколько метров (например, в районе Каборка есть подобный памятник площадью почти десять квадратных метров) [9; 10].

Памятниками, символами и образами, богатством и разнообразием петроглифов в штате Сонора особенно выделяется археологическая зона Ла Пинтада. Красноречив перевод топонима на русский язык – «Граффити». Петроглифы расположены в каньоне того же названия, который составляет часть небольшого горного массива Сиерра Либре в прибрежной равнине Соноры.

Почему эти памятники появились именно здесь? Чтобы понять это необходимо отметить, что их создателями были охотники и собиратели, которые собирали семена дикорастущих растений, ловили рыбу, охотились. Для выживания в условиях пустынной местности им важно было знать места, где находятся водные источники. Как раз в Сиерра Либре находились естественные сборники воды (так называемые, «кадки», «бочки», исп. tinajas): она собиралась в них во время сезонных дождей.

В каньоне Ла Пинтада на скалах, обрывах и др. можно видеть разные петроглифы. Это, например, изображение персонажа в массивном головном уборе, который держит под уздцы животное; на противоположной стороне изображена птица (в белом цвете). К несчастью, эта часть каньона в наши дни во время дождя постоянно подтапливается. Здесь же находятся объекты, свидетельствующие о местах длительного пребывания указанных групп охотников и собирателей. Отмечается значительная концентрация археологического материала: керамика, каменные орудия, морские раковины и камни, когда-то использовавшиеся для размалывания, растирания зерен.

Большая часть этих археологических материалов описывается учеными как относящаяся к археологической традиции, известной, как культура Центрального побережья. По своим признакам артефакты сходны с находками, сделанными в Тастиота и Пунта Сан Антонио в южной части Центрального побережья. Это показывает, что в доиспанский здесь образовалось некое общее культурное пространство охотников и собирателей.

К настоящему времени исследователями доказано, что наиболее интенсивное заселение района проходило в период 700–1600 г.г., судя по обилию керамики. Это же подтверждает культурную непрерывность, которая позволяет сделать вывод о присутствии здесь носителей традиции Центрального побережья, которыми считаются упоминавшиеся выше сери(с). Подтверждено, что они были единственными поселенцами и, таким образом, петроглифы Ла Пинтады были результатом их деятельности.

Представленный анализ культур древней Соноры показывает как успехи в их исследовании, так и большой круг проблем, задач, которые еще предстоит сделать ученым, прежде всего, археологам Мексики и США. Примечательно, что общей тенденцией современных археологических исследований является внимание к окраинам месоамериканского мира. Хотя ученые осознают, что едва ли следует ожидать сенсационных находок, эффектных открытий от этих исследований, однако благодаря им историческая картина и культурная карта доколониальной Америки станет более ясной и основательной [3].

Источники и литература / References

1. Баглай В. Е. Традиционные общества древней Западной Мексики: история, археология, этнография тарасков: монография. СПб: Планета музыки, Лань, 2017. 614 с.
2. Baglay V. E. Traditsionnye obschestva drevney Zapadnoy Meksiki istoriya arheologiya etnografiya taraskov (*Traditional societies of ancient Western Mexico: history, archeology, ethnography of Tarascans*). St.Petersburg: Planeta muzyki; Lan, 2017. 614 p. (In Russian).
3. Баглай В. Е. Исторический Дуранго: между Месоамерикой и американским Юго-Западом // Латинская Америка. 2018. №8. С.86 – 93.
4. Baglay V. E. Istoricheskiy Durango mezhdru Mesoamerikoy i amerikanskim Yugo-Zapadom (*Historical Durango: between Mesoamerica and the American Southwest*) // Latinskaya Amerika. 2018. No.8. P. 86–93. (In Russian).
5. Acosta C.V. Región y cosiedad. Año XXVI. No 59. 2014. P. 215–254. URL: <https://www.colson.edu.mx:4433/Revista/Articulos/59/7Villalobos.pdf> (Accessed: 12.09. 2018).
6. Braniff B. C. La historia prehispánica de Sonora // Arqueología Mexicana, índice 97, México. Mayo – junio. 2009. P.1–6. URL: <https://arqueologiamexicana.mx/ediciones-regulares/97-las-culturas-de-sonora> (Accessed: 18.03. 2018).
7. Carpenter J. S. La Playa, Sonora // Arqueología Mexicana, índice 97, México. Mayo – junio. 2009. P.1–3. URL: http://www.academia.edu/9955307/La_Playa_Sonora._Arqueolog%C3%ADa_Mexicana_Vol._XVII_N%C3%99AM_97_5053_2009 (Accessed: 28.04.2017).
8. Contreras B. E. B., Téllez M. G., García D. E. B. La Pintada, Sonora. Voces en el viento, señales en tierra y roca // Arqueología Mexicana. Índice 97. México. Mayo – junio. 2009. P.1–3. URL: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/la-pintada-sonora-voces-en-el-viento-senales-en-tierra-y-roca> (Accessed: 14.11. 2016).
9. Fish P. R., Fish S. K. La cultura Hohokam del sur de Arisona // Arqueología Mexicana, índice 97, México. Mayo – junio. 2009. P. 1–3. URL: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/la-historia-prehispanica-de-sonora> (Accessed: 14.08.2018).
10. Sánchez G. M., Gainez E. P., Vance T. Holiday. El Fin del Mundo, Sonora. Cazadores clovis de megafauna del Pleistoceno Terminal // Arqueología Mexicana, índice 97, México. Mayo – junio. 2009. P.1–3. URL: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/la-historia-prehispanica-de-sonora> (Accessed: 14.08.2018).
11. Quijada C. A. L. Las investigaciones arqueológicas en Sonora // Actualidades arqueológicas. №22. México. Abril-junio del 2000. P. 1–13. URL: <http://www.iaa.unam.mx/actualidades/Actualidades/22/texto22/sonora.html> <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/la-historia-prehispanica-de-sonora> (Accessed: 17.10.2017).
12. Quijada C. A. L. Las manifestaciones gráfico rupustres en Sonora. // Arqueología Mexicana, índice 97, México. Mayo – junio. 2009. P. 1–4. URL: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/la-historia-prehispanica-de-sonora> (Accessed: 21.11.2017).
13. Villapando M. E. Cerro de Trincheras, Sonora. Muros de piedra que acogen la espiral del mar // Arqueología Mexicana, índice 97, México. Mayo – junio. 2009. P. 1–2. URL: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/la-historia-prehispanica-de-sonora> (Accessed: 09.12.2017).

УДК 94(47).084

Л. Н. Величко

РОЛЬ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В АКТУАЛИЗАЦИИ ИДЕИ «КАВКАЗСКОГО ДОМА» В СРЕДЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В 20-е гг. XX ВЕКА¹

В статье рассматривается исторический контекст формирования стратегии построения единого кавказского государства в среде национальной иммиграции и определяется роль польского государства в этом процессе в 20-е гг. XX в. Поднимаемая автором проблема участия польских дипломатических и военных представителей в этом процессе актуализируется возрождением идеи «Кавказского дома» и проблем интеграции государств Южного Кавказа.

Как и на современном этапе, так и в 1920-е гг. «польский фактор» играл значительную роль в формировании идеологического фона процесса интеграции кавказских народов в единое политическое пространство. Преследуя собственные геостратегические цели, польское руководство активно продвигало план создания вокруг Советской России «пояса» государств, зависимых от Польши и поддерживало идеи формирования

федеративных объединений. Это нашло широкий отклик среди эмигрантских кругов, в том числе представителей Грузии, Армении, Азербайджана и горских народов Северного Кавказа. Автор статьи подчёркивает ключевую роль польских посредников в создании Комитета независимости Кавказа, сформированного не по партийному, а по национальному принципу именно под их давлением, что позволило этому объединению иметь статус общекавказского. Кроме того, благодаря усердию польских дипломатов Р. Кнолля, Т. Говурко и Т. Шетцеля стало возможным создание журнала «Прометей», ставшего не только официальным печатным органом Комитета, но и давшего начала такому общественно-политическому движению как «прометеизм».

Ключевые слова: «прометеизм», Объединённый комитет кавказских народов, Комитет независимости Кавказа.

L. N. Velichko

THE ROLE OF THE POLISH POLITICAL ELITE IN UPDATING THE IDEA OF THE «CAUCASIAN HOUSE» IN THE ENVIRONMENT OF NATIONAL IMMIGRATION IN THE 1920s

The article examines the historical context of forming the strategy to building a unified Caucasian state in the context of national emigration and defines the role of the Polish state in this process in the 1920s. The problem of participation of Polish diplomatic and military representatives in the process is actualized by the revival of the idea of the “Caucasian House” and the problems of integration of the states of the South Caucasus.

Both at present and in the 1920s the “Polish factor” played a significant role in shaping the ideological background of the process of integrating the Caucasian peoples in a single political space. Pursuing its own geostrategic goals, the Polish leadership actively promoted the plan to create a “belt” of states around the Soviet Russia that were dependent on Poland and supported the idea of forming federative associations. The idea was widely enjoyed by

emigrant circles, including representatives of Georgia, Armenia, Azerbaijan and the mountain peoples of the North Caucasus. The author stresses the key role of the Polish mediators in the establishment of the Caucasus Independence Committee that was based not on the party but on the national principle precisely under their pressure, which allowed this association to have the status of a common Caucasian one. In addition, thanks to the diligence of Polish diplomats R. Knoll, T. Govurko and T. Shetzel, it became possible to found the magazine Prometheus, which became not only the official publication of the Committee, but also launched such a social and political movement as “Prometheism”.

Key words: “Prometheism”, the United Committee of Caucasian Peoples, the Committee for the Independence of the Caucasus.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», подержанного РФФИ (18-09-00444).

Идеи автономизации и федерализации национальных окраин Российской империи стали звучать из уст национальных политических элит уже в начале XX в. Так Арчил Джорджадзе, лидер грузинских социалистов-федералистов, полагал, что «национальный вопрос» возможно решить путём автономизации и федерализации. «На первом этапе в рамках федерализма объединятся народы Закавказья, как наиболее близкие и связанные друг с другом. Затем постепенно рамки федеративного организма расширяться и в него будут включены народы всего Кавказа». Несмотря на то, что на первоначальном этапе подобное федеративное объединение должно было являться частью России, в будущем планировалось создать самостоятельное государственное объединение «закавказских и северокавказских народов» [6, с. 93–94]. Подобные идеи содержались и в программных требованиях армянской революционной партии «Дашнакцутюн» [6, с. 167–169].

Смена власти в октябре 1917 г. повлекла за собой создание Закавказской Демократической Федеративной Республики в апреле 1918 г., распавшуюся через месяц не без вмешательства Турции на три самостоятельных государства: Грузинскую Демократическую Республику, Азербайджанскую Демократическую Республику и Республику Армения. Одновременно с этим, по другую сторону Кавказского хребта была образована независимая Горская Республика (1918–1920 гг.) так же искавшая поддержки у Турции и Германии.

Однако, несмотря на большое стратегическое значение этого региона и условия Гражданской войны в России, иностранные державы не стремились к активной поддержке идеи интеграции Кавказа, придерживаясь собственных коммерческих и политических интересов, соперничая между собой за лидерство в этом регионе.

Между тем, частая апелляция политической элиты национальных объединений к представителям крупных зарубежных государств и поиск в их лице дипломатической и военной поддержки, даёт основание говорить о том, что возможность создания интеграционных объединений на Кавказе тесным образом была связана с одной стороны с политическими позициями России, с другой стороны, прямой или косвенной заинтересованностью в этом регионе крупных внешнеполитических игроков таких как Османская империя, а затем Турция, Германия, Великобритания и США. О той роли, которую сами представители кавказских эми-

грантских политических кругов отводили позиции глав США, Великобритании и Франции в вопросе объединения Кавказа, можно судить по речам А. М. Топчибаши, председателя парламента Азербайджанской республики, представлявшей её в Париже [10, с. 219–225].

Однако противоречия между самими кавказскими государствами, [10, с.232] проявившиеся уже на Парижской конференции, заставили президента США В. Вильсона заявить, что: «Конфедерация могла бы находиться под покровительством какой-нибудь державы, по поручению Лига Наций» [8, с. 22]. Между тем, из уст представителей кавказских правительств звучали призывы действовать самостоятельно без ожиданий поддержки от иностранных держав. Глава Первой Армянской республики А. Агаронян сделал попытку заявить о самостоятельном объединении кавказских территорий на совещании представителей Кавказских Республик 15 мая 1921 г. в Париже: «При совершении объединения и заключении союза нужно избегать, чтобы не повторились те ошибки, что и при Закавказском сейме. Тяготение народов тогда было разное. Армяне тянули к Антанте, Азербайджан к туркам, Грузия не определила своей ориентации [...]. Мы не хотим ни в чьих интересах быть ни буфером, ни мячом, ничем другим. Мы руководимся единственно тем, что отделились от России, мы можем устроиться и получить устойчивость в дальнейшем, лишь объединившись» [11, с. 40–41].

Западные дипломаты не рассматривали государства Кавказа как самостоятельную политическую силу, поскольку на протяжении 1919–1921 гг. они не пришли к единому мнению по ряду ключевых вопросов и прежде всего территориальных, что не могло сделать их поддержку в борьбе с большевиками за независимость эффективной. Особенно остро противоречия проявились на конференции в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920 г.), в ходе которой делегации Грузии и Армении не смогли разрешить территориальный спор по Батумской области. Севрский договор (10 августа 1920 г.), который так и не воплотился в конкретных решениях, окончательно показал нежелание государств Антанты активно вмешиваться в решение противоречий на Кавказе и содействовать идеям интеграции [7]. С укреплением позиции большевиков и активной советизации Кавказа интеграционные процессы приняли «управляемый» характер и контролировались Москвой. Так в составе РСФСР с 1921 по 1924 гг. находилась Горская Автономная Советской Социалистическая Республика, а в 1922 году создаётся Закавказская

Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР), в состав которой вошли уже советские республики – Азербайджан, Грузия и Армения. Целью организации подобных интеграционных объединений было создание советским правительством эффективной модели управления «ситуацией турбулентности», сложившейся в регионе в 1920-е гг.

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация в Советской России оставляла эмигрантам надежду на возможный провал большевистского режима, поэтому, идеи интеграции Кавказа «без большевиков» стали активно обсуждаться в среде кавказской иммиграции, сосредоточенной в Варшаве и Париже, что находило поддержку среди руководства молодой Польской республики, получившей самостоятельность в результате распада Российской империи и стремящейся занять ключевую роль в изменившемся геополитическом пространстве Европы.

Внешнюю политику Польской республики в межвоенный период следует соотносить с двумя геополитическими доктринами: идеями «Междуморья» и «прометеизма», окончательное оформление которых польская историография связывает с именем Ю. Пилсудского. Единомышленник Пилсудского Юлиан Стахевич, полагал, что целью создания независимых государств на Востоке может стать не только слом силы России, но и укрепление мощи Польского государства, которое должно взять на себя миссию организатора освободительного движения. Для самого же Ю. Пилсудского появление независимых государств, находящихся под влиянием Польши, означало геополитическую победу над Россией, возможное абсолютное лидерство Варшавы [1, с. 318–414].

Если доктрина «Междуморья» представляла собой идею создания конфедерации государств от Балтийского до Чёрного моря, некую буферную зону между Советской Россией и Польской республикой, то идея «прометеизма» несла в себе зерно мессианства, согласно которому Польше отводилась роль государства-борца с «имперскими амбициями Советской России». Доктрина «прометеизма» затрагивала всю территорию РСФСР/СССР и предполагала расчленение Союза на национальные образования, уничтожение возможности возрождения государства в границах Российской империи [14]. Воплощением в жизнь этих геополитических идей явилась советско-польская война 1919–1921 гг., окончившаяся Рижским миром, дававшим возможность в дальнейшем продвигать «прометеевскую»

стратегию на различных уровнях, в том числе используя ресурсы иммиграции из национальных центров России.

Программа «прометеизма» определяла Польшу координатором в вопросах организации национальной иммиграции, её финансирования и информационной поддержки, в свою очередь эмигрантам отводилась роль детонатора оппозиционно настроенных кругов, прежде всего в Белоруссии, на Украине, в Крыму и на Кавказе. Хотя польские власти напрямую не участвовали в организации работы с кавказской эмиграцией до 1924 г., ими велся активный мониторинг ситуации на Кавказе и в среде национальной иммиграции в Турции через военного атташе в Константинополе Леона Бабицкого, отправлявшего подробные отчёты о настроениях эмигрантов и ситуации на подконтрольной большевикам территории [15]. Начало активной деятельности в отношении кавказской иммиграции со стороны военного и дипломатического представительств Польши начинается после подписания польско-турецких соглашений 23 июля 1923 г., сменяемые польского дипломатического руководства в июле 1924 г. и неудачной попытки мятежа оппозиционных сил Грузии в августе – сентябре 1924 г. Занявший пост министра иностранных дел Польши в январе 1924 г. Маврикий Замойский, полагал, что влияние Советской России на Востоке следует ограничить, организовав «антисоветский фронт», а его приемник Александр Скшинский начал воплощать этот план уже летом 1924 г. Польские политические деятели полагали, что только объединённые силы кавказской иммиграции могут быть полезными, поскольку они должны подготовить почву для создания единого государства в случае отторжения Кавказа от Советской России.

Объединение иммиграции по замыслу польских военных и дипломатических представителей должно было идти по двум направлениям. Первое – западное, фактическим центром которого стал Париж. Здесь проходила Парижская конференция, и располагались уполномоченные прежними кавказскими правительствами делегации, пытавшиеся отстаивать право на независимость своих государств, и строивших планы по объединению Кавказа в конфедерацию. Но, подписав 27 сентября 1924 г. в Париже Декларацию о создании объединённого кавказского государства, представители кавказских эмигрантских элит не смогли преодолеть политических разногласий и территориальных претензий, исходивших, прежде всего, со стороны Армении, которая вышла из договора [12, с. 49–54].

Тем не менее, уже в ноябре 1924 г., с целью координации дипломатической работы за рубежом и руководства национально-освободительным движением в целом, в Париже формируется Кавказский комитет, который наметил контуры будущей Конфедерации, а основную свою задачу видел в подготовке и руководстве народами Кавказа в борьбе за независимость. Поляки решили использовать настроения национальной иммиграции, начавшей выработку общих принципов интеграции и борьбы за создание единого, независимого государства на Кавказе [4].

Второе направление – восточное, с центром в Константинополе, на которое польское правительство возлагало большие надежды, поскольку сюда прибывали беженцы из «оккупированных Советами районов» и наиболее остро ощущались последствия репрессивной политики советского правительства. Кроме того, географическая близость к Кавказу делала возможным сохранение контактов с оставшимися на родине соратниками и близкими, что не могло не интересовать польскую военную разведку, активно действующую в этом регионе.

Первым посланником Польши в Турции был назначен Роман Кнолль, которому было среди прочего, поручено организовать каналы влияния Турции на мусульманские народы, проживающие на юге и юго-востоке СССР и создать политический союз кавказских эмигрантов. В инструкциях Замойского, адресованных Кноллю указывалось так же, что народы Кавказа должны видеть в Польше покровителя их устремлений к независимости [13].

Кнолль активно поддерживал инициативы создания Кавказского Союза государства в иммиграции и в докладе, адресованном Министерству иностранных дел, утверждалось, что «идеи создания сильной конфедерации народов Кавказа выходят на первый план». Однако его беспокойство вызывало отсутствие политической консолидации в среде кавказских эмигрантов. Он с настороженностью относился к инициативам грузинских социал-демократов и возлагал на них ответственность за неудавшееся в 1924 г. выступление в Грузии, при этом отмечая, что и другие политические объединения виновны в том, что преследовали узконациональные цели и не задействовали силы других кавказских народов. В этой связи польский посол полагал, что необходимо создать «Союз освобождения Кавказа», в который войдут представители ключевых кавказских партий, таких как азербайджанские партии «Иттихад» («Итагат») и «Мусават», грузинские

социал-демократы и представители горских народов Северного Кавказа, объединившиеся вокруг внука имама Шамиля Сеид-бека.

Особую роль в «Союзе» следовало отвести «узкой организации», которая действовала бы в тесной связи с польским военным атташе и турецким штабом, располагая отдельным каналом связи с военными атташе в Москве и Тегеране. Основными установками «Союза» должны стать создание федерации всего Кавказа, союз с Турцией и Персией, ориентация на покровительство Польши. На «Союз» возлагалась миссия «заняться территорией Терекком, Доном и Кубанью, вплоть до Царицына. Эти земли, вследствие смешанного населения Кубани, не следует рассматривать как органически связанные с Кавказом, но они составляют его естественное продолжение и поэтому, а также по ряду других соображений, понятных, если посмотреть на карту, они должны быть вклинены в сферу всей проводимой работы, как важное предполье», писал из Анкары министру иностранных дел Польши А. Скшинскому Роман Кнолль в июне 1925 г. [2, с. 402–404].

В этой связи кавказских эмигрантов рассматривали, прежде всего, как инструмент антисоветской польской политики, а рычагом давления на неё, по мнению Кнолля, должно стать адресное финансирование. В результате, весной-летом 1925 г. в Стамбуле был организован Объединённый комитет кавказских народов (Объединённый комитет конфедератов/ Константинопольский комитет конфедератов), который должен был работать в тесной связи с созданным осенью 1924 г. в Париже Комитетом освобождения Кавказа.

Но уже в обращениях этих комитетов, присланных друг другу, наметился ряд непреодолимых препятствий для проведения конструктивной работы. Во-первых, обе организации не имели собственных источников финансирования и завесили от «некой дружественной державы», под которой подразумевалась Польша. Насколько серьёзным была роль «польских» денег можно судить по переписке представителей азербайджанской части Парижского комитета М. Э. Расулзаде, одного из лидеров «Мусават», и А. М. Топчибаши, оставшегося в статусе представителя Азербайджанской демократической республики в иммиграции. Во-вторых, пытаясь скоординировать свои действия, оба комитета не могли преодолеть внутривнутриполитических разногласий. Объединение конфедератов, по мнению руководителей Комитета освобождения Кавказа Н. Рамишвили, Г. Баммата и Д. Гаджибейли «страдало од-

ним недостатком: за исключением Северного Кавказа, все другие республики, и Азербайджан, и Грузия, в нем были представлены «однобоко» [9, с. 110–111].

В-третьих, в Парижском комитете и в Комитете конфедератов не были представлены политические силы Армении, не входившие после 1921 г. в какие-либо коалиционные объединения с другими представителями кавказских народов в связи с напряжённостью турецко-армянских отношений. В-четвёртых, попытки Парижского комитета разграничить функции, взяв на себя дипломатическую миссию, встречали непонимание у Конфедератов Кавказа, считавших, что итогом их создания должна стать единая организация с схожим функционалом двух отделений – Парижского и Константинопольского, целью которых должно было стать освобождение Кавказа.

Несмотря на серьёзные разногласия внутри кавказской иммиграции, польские власти не отказались от попытки создать единую организацию, способную под их руководством осуществлять антисоветскую деятельность. 15 июля 1926 был создан Комитет Независимости Кавказа: секретная организация, целью которой было создание подпольных антисоветских ячеек на территории Кавказа и борьба за независимость кавказских народов, с последующим образованием конфедерации кавказских республик. Заслугу в создании этой организации следует признать за начальником Второго отдела Генерального Штаба Войска Польского, военного атташе в Турции Тадеушем Шетцелем и посланником МИД Польши в Париже и Константинополе Тадеушем Голувко. В своём отчёте о поездке в Константинополь в июле 1926 года он подробно описывал обстановку в «Конфедерации», отмечая, что она «прозябала» с одной стороны, по причине отсутствия финансирования польским правительством, с другой стороны, в связи с тем, что представляла собой не союз партий и течений, а объединение личностей, с разной степенью порядочности и политической зрелости. Голувко с сожалением отмечал, что ставка на грузинских национал-демократов не оправдалась, «горская часть» во главе с Кантимировым «занималась торговлей с большевиками». Польские представители делали ставку на лидера азербайджанской иммиграции Хосров-бека Султанова, создавшего «Национал-демократическую партию Азербайджана», ставшую опорой Конфедерации в Стамбуле, и активно использовали горскую группу во главе с внуком имама Шамиля Саид-беем, который считал полков-

ника Шетцеля «своим другом и опекуном» [3, с. 32–38]. «Комитет независимости Кавказа» стал представлять различные силы, стоящие на позиции политико-пропагандистской деятельности, а польское правительство планировало использовать его в качестве козыря, при помощи которого можно вести «игру со старыми и сильными партиями Кавказа и которым можно продолжать пользоваться, если они начнут вести неприятную для Польши политику». Убеждённости в целесообразности поддержки польским правительством подобной организации, высказанное Т. Голувко предложение, должно было быть подкреплено постоянной финансовой поддержкой, поскольку «если Комитет действительно начнет работать, её нужно было бы с нового года удвоить, ибо тогда сама логика вещей приведет к развитию деятельности среди российских мусульман в Туркестане, в Крыму и на Волге».

Эти далеко идущие планы заставляли польских деятелей активнее включаться в процесс объединения эмигрантов особенно в Турции, поскольку она рассматривалась ими как плацдарм для «расшатывания Советской России». Отсюда информация шла в оба направления: на эмигрантскую сторону и проникала через советскую границу. В этой связи польские военные и дипломатические представители делали ставку на развитие печатных органов, прежде всего, газету «Новый Кавказ», редактором которой был лидер партии «Мусават» А. М. Русаладзе. Часть требуемых для «Комитета» средств Голувко предлагал направить на поддержку именно этой газеты, поскольку «деньги лично свяжут Русаладзе с Польшей, а он является человеком наиболее влиятельным среди кавказцев в Турции» [3, с. 37].

Создание Комитета независимости Кавказа, ставшего по сути партийным и общественным центром кавказской иммиграции, требовало определение субординации КНК относительно диппредставительств кавказских республик в Париже. Миссия по организации совместной работы кавказских представительств под началом КНК была возложена на Т. Голувко, которому пришлось озвучить планы польского правительства по активизации антибольшевистской деятельности «Комитета». Однако заявление польского представителя было воспринято парижскими лидерами кавказской иммиграции неоднозначно. А. М. Топчибаши оказался активным противником вмешательства «дружественной державы» в организацию объединения кавказских антибольшевистских сил. Но взятые на себя польским правительством фи-

нансовые обязательства несколько смягчили настроения [9, с. 134].

Усилия польских дипломатов натолкнулись ещё на одно препятствие. В декабре 1925 г. Москва и Анкара заключили договор о дружбе и нейтралитете, что делало затруднительным издание в Константинополе антисоветской газеты или журнала, который должен был стать официальным печатным органом Комитета независимости Кавказа. Это обстоятельство вынудило комитетчиков принять решение о переносе издания в Париж, где официально функционировало грузинское дипломатическое представительство, и председатель КНК Н. Рамишвили мог чувствовать себя уверенно. Первый номер журнала «Прометей», официального печатного органа КНК, вышел в ноябре 1926 г., а окончательный регламент издания был принят в 1927 г. «Прометей» стал «органом, проводившим популяризацию идеи независимой Кавказской Конфедерации», одновременно защищал «идеи солидарности всех поработанных российским империализмом народов, стремящихся к государственной независимости» и дал начало «прометейского движения», получившего развитие не только среди кавказских эмигрантов, но так же в среде представителей Украины, Туркестана, крымских и приволжских татар, а также части донских, кубанских и терских казаков. По сути, оно переросло в общественное движение национальной иммиграции из Российской империи и являлось противопо-

ложным по своим программным требованиям «Белому движению», выступавшему за единую и неделимую Россию.

Таким образом, роль польских представителей в консолидации кавказской иммиграции вокруг идеи создания единого кавказского государства является ключевой. Активно пропагандируя идеи федерализма среди представителей национальной иммиграции, польские политические деятели реализовывали собственные внешнеполитические цели по недопущению возрождения границ Российской империи, пусть и в пределах СССР, который так же, как и его предшественница, рассматривался главным геополитическим врагом. В свою очередь, для кавказской иммиграции польская поддержка стала цементирующим началом, позволившим построить политическую концепцию единого кавказского государства. Являясь посредником в урегулировании политических и национальных споров, оказывая финансовое и информационное содействие кавказскому движению, польские дипломаты подчёркивали, что поддержка со стороны их государства носила политический характер, не была связана с экономическими интересами, которые всегда были первичны в отношении Кавказа со стороны представителей Германии, Франции и Великобритании и направлена на поддержку создания дружественного Польше государства – Конфедерации Кавказа.

Источники и литература

1. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России — СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. 439 с.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV: Апрель 1921 г. – май 1926 г. / АН СССР, Ин-т славяноведения, Сектор истории пол.-сов. отношений; Редкол.: И. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская и др.: Изд-во АН СССР, 1966. 559 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V: май 1926 г. – декабрь 1932 г. / АН СССР, Ин-т славяноведения, Сектор истории пол.-сов. отношений; Редкол.: И. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская и др. М.: Изд-во АН СССР, 1967. 612 с.
4. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»: сб. документов / сост., пред., пер., прим. Г. Г. Мамулия. М.: Социально-политическая мысль, 2012. 240 с.
5. Мамулия Г. Г. Как самурай стал союзником Прометей: японо-кавказская смычка в годы Русско-японской войны // Исторический вестник. 2012. № 149. Т. 2. С. 90–135.
6. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.): сб. документов / сост. В. М. Фомин; ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН, 1996. 195 с.
7. Севрский договор URL: <http://genocide.ru/lib/treaties/14.htm>. (Дата обращения: 6.08.2018).
8. Топчибашев А. М. Письма из Парижа. Баку: Азернешр, 1998. 112 с.
9. Топчибаши А. М. и Расулзаде М. Э.: Переписка. 1923–1926 гг. / сост., предисл. и прим. С. М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль, 2012. 148 с.
10. Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. В 4-х кн. Кн. 1. / сост. Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введ., пер., прим. Г. Мамулия. Науч. ред. И. Агакишиев. М.: Худож. лит., 2016. 568 с.
11. Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. В 4-х кн. Кн. 2. / сост. Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введ., пер., прим. Г. Мамулия. Науч. ред. И. Агакишиев. М.: Худож. лит., 2016. 576 с.
12. Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. В 4-х кн. Кн. 3. / сост., Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введ., пер., прим. Г. Мамулия. Науч. ред. И. Агакишиев. М.: Худож. лит., 2017. 720 с.

13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2001. T. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (Дата обращения: 6.08.2018).
14. Grzechnik M. Intermarium: The Baltic and the Black Seas on the Polish mental maps in the interwar period URL: <https://www.researchgate.net/publication/273773107> (Дата обращения: 6.08.2018).
15. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.

References

1. Bylinin V. K., Zdanovich A. A., Korotaev V. I. Organizacja «Prometej» i «prometejskie» dzwizhenie v planah pol'skoj razvedki po razvalu Rossii – SSSR (*“Prometheus” and “Prometheus” movement in the plans of Polish intelligence on the collapse of Russia – USSR*) // *Trudy Obshhestva izuchenija istorii otechestvennyh specsluzhb*. Vol. 3. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 439 p. (In Russian).
2. Dokumenty i materialy po istorii sovětsko-pol'skih otnoshenij (*Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations*). Vol. V: maj 1926 g. – dekabr' 1932 Moscow: SA USSR publ., 1967. 612 p. (In Russian).
3. Dokumenty i materialy po istorii sovětsko-pol'skih otnoshenij (*Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations*). Vol. IV: Aprel' 1921 g. – maj 1926 g. Moscow: SA USSR publ., 1966. 559 p. (In Russian).
4. Kavkazskaja Konfederacija v oficial'nyh deklaracijah, tajnoj perepiske i sekretnyh dokumentah dzwizhenija «Prometej» (*The Caucasian Confederation in official declarations, secret correspondence and secret documents of the “Prometheus” movement*) / ed. by G.G. Mamulia. Moscow: Social'no-politicheskaja mysl', 2012. 240 p. (In Russian).
5. Mamulia G. Kak samuraj stal sojuznikom Prometeja: japonsko-kavkazskaja smychka v gody Russko-japonskoj vojny (*How a samurai became an ally of Prometheus: a Japanese-Caucasian bow in the years of the Russian-Japanese War*) // *Istoricheskij vestnik*. 2012. No.149. Vol. 2. P. 90–135. (In Russian).
6. Programmnye dokumenty nacional'nyh politicheskich partij i organizacij Rossii (konec XIX v. – 1917 g.) (*Program documents of national political parties and organizations of Russia (end of XIX century – 1917)*): sb. dokumentov / composed by V.M. Fomin ; ed. by V.S. Kononov. Moscow: INION publ., 1996. 195 p. (In Russian).
7. Sevrskij dogovor (*Treaty of Sevres*). URL: <http://genocide.ru/lib/treaties/14.htm>. (Accessed: 6.08.2018).
8. Topchibashev A. M. Pis'ma iz Parizha (*Letters from Paris*). Baku: Azerneshr, 1998. 112 p. (In Russian).
9. Topchibashi A. M. i Rasulzade M. Je. Perepiska. 1923–1926 gg. (*Topchibashi A.M. and Rasulzade M. Zh. Correspondence. 1923–1926*). Moscow: Socialno-politicheskaja mysl', 2012. 148 p. (In Russian).
10. Topchibashi A. M. Parizhskij arhiv 1919–1940 (*The Paris archive of 1919–1940*). In 4 book. Book 1. / composed by G. Mamulia and R. Abutalybov. Moscow: Hudozh. lit., 2016. 568 p. (In Russian).
11. Topchibashi A. M. Parizhskij arhiv 1919–1940 (*The Paris archive of 1919–1940*). In 4 Book. Book 2. / composed by G. Mamulia and R. Abutalybov. Moscow: Hudozh. lit., 2016. 576 p. (In Russian).
12. Topchibashi A.M. Parizhskij arhiv 1919–1940 (*The Paris archive of 1919–1940*). In 4 book. Book 3 / composed by G. Mamulia and R. Abutalybov. Moscow: Hudozh. lit., 2017. 720 p. (In Russian).
13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2001. T. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (Accessed: 6.08.2018).
14. Grzechnik M. Intermarium: The Baltic and the Black Seas on the Polish mental maps in the interwar period URL: <https://www.researchgate.net/publication/273773107> (Accessed: 6.08.2018).
15. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.

УДК 930.85

С. Н. Гаврилов

**СПРАВЕДЛИВАЯ ВОЙНА РУКАМИ ЧАСТНИКА: «ПРИВАТИЗАЦИЯ»
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА МОРЕ В АНГЛИИ В 1585–1603 гг.**

К концу правления Тюдоров Англия представляла собой одну из ведущих морских держав. Ее способность бросить вызов и противостоять крупнейшей колониальной империи опиралась на мощные военно-морские силы, являвшиеся значительным фактором в международных отношениях конца XVI в.

Военно-морская история тюдоровской эпохи традиционно вызывает интерес исследователей. Не осталось без внимания историков и каперство, преимущественно исследуемое как самостоятельное явление, в отрыве от истории королевского флота. Таким образом, вопрос о роли частных морских сил в англо-испанской войне, их взаимодействии с флотом по-прежнему актуален.

Генрих VIII Тюдор за короткий срок создал переломной мощной флот, превратив его из «события» феодальной эпохи в постоянно действующий государственный институт, показавший свою жизнеспособность даже в условиях частичной дезорганизации государственной власти середины века. На протяжении правления Эдуарда VI и Марии Тюдор этот флот позволял короне не зависеть в военном отношении от сил подданных, которые представляли лишь вспомогательный контингент. Но цена, которую платила корона за свое независимое положение, была высока, содержание «любимого детища Тюдоров» было чрезмерно затратным и шло второй строкой в королевском бюджете.

В правление Елизаветы Тюдор с началом англо-испанской войны расходы на флот превратились в неподъемную ношу для истощенной королевской казны. Это неизбежно привело к изменению положения военно-морских сил и к изменению отношения к ним со стороны государственной власти. Если во времена Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии Тюдор стратегия и тактика действий на море в любых условиях оставались прерогативой короны, то начиная с 1580-х гг. частные силы постепенно перехватывают инициативу. В новых условиях королева была вынуждена играть роль хоть и привилегированного, но партнера. Королевская власть с утратой контроля над частными военно-морскими силами частично теряет и монополию на определение стратегии и тактики морской войны. Отныне именно частники становятся двигателем войны, корона же превращается в одного из главных поставщиков военно-морских ресурсов, извлекающего из сложившегося положения финансовую и стратегическую выгоду. Впрочем, такое «сотрудничество» государства и частных сил вполне решало задачи, стоящие перед Англией.

В данной статье рассмотрена частная военно-морская инициатива в качестве двигателя англо-испанской войны 1585–1603 гг.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, английский флот, каперство, англо-испанская война.

S. N. Gavrilo

**RIGHTFUL WAR BY THE HANDS OF PRIVATE OWNER: “PRIVATIZATION”
OF NAVAL ACTIONS IN ENGLAND OF 1585–1603**

By the end of the Tudor rule, England was one of the leading maritime powers. Its ability to challenge and oppose the largest colonial empire rested on powerful naval forces, which were a significant factor in international relations at the end of the 16th century.

The naval history of the Tudor period traditionally attracts interest of researchers. Privateering is also an object of interest, but previously it was primarily explored as an independent phenomenon, in isolation from the history of the Royal Navy. Thus, the

issue of the role of private naval forces in the Anglo-Spanish war, their cooperation with the Navy remains relevant.

Henry VIII Tudor, in short time, created a powerful navy, turning it from an “event” of the feudal epoch into a permanent state institution that showed its viability even under conditions of partial disorganization of state power in the middle of the century. This English navy was very advanced by the standards of the early Modern times. During the reign of Edward VI and Maria Tudor, the navy allowed the

Crown to be militarily independent of the forces of its subjects, which now represented only an auxiliary contingent. However, the price paid by the crown for this independent position was very high, since the maintenance of the “beloved child of the Tudors” was excessively expensive and always ranked second in the state budget.

In the reign of Elizabeth Tudor, since the beginning of the Anglo-Spanish war, the cost of the navy turned into an unbearable burden for the almost empty royal treasury. This inevitably led to a change in the position of the naval forces and to a change in the perception of royal navy by government. While in the time of Henry VIII, Edward VI and Maria Tudor, the strategy and tactics of maritime actions in any conditions remained the prerogative of the crown, then since the 1580s onwards, private forces are

gradually intercepting the initiative. Under the new conditions, the queen was forced to play the role of a privileged, but partner. The royal power, with the loss of control over private naval forces, is also losing its monopoly on the development of a strategy and tactics of the naval war. Henceforth those were the private owners who became the engine of war, the crown turned into one of the main suppliers of naval resources, primarily royal ships. Elizabeth had financial and strategic benefits from the current situation. However, such “cooperation” between the state and private forces completely solved the problems facing England.

This article deals with the private naval initiative as the engine of the Anglo-Spanish War of 1585–1603.

Key words: England, the Tudors, the English fleet, privateering, the Anglo-Spanish war.

Эпоха правления Елизаветы Тюдор – время выхода англичан на океанские просторы. Сломив сопротивление мощных иберийских держав, Англия отстаивала свое право на открытые воды, и, благодаря победе, заложила первый камень в строительство будущей Британской империи.

Несмотря на традиционный неухаживающий интерес к различным аспектам военно-морской истории елизаветинской эпохи, вопрос о роли частных морских сил в войне с Испанией, особенно в последние годы XVI столетия, т.е. на этапе открытого конфликта, по-прежнему открыт для исследований.

Англия 1560-х гг. стала очевидцем постепенного изменения вектора внешней политики. Вспыхнувшая во Франции война между католиками и гугенотами в 1560-х гг. заметно ослабила эту страну, выступавшую на протяжении первой половины века в качестве основного противника. Отныне, она, увязшая во внутренних междоусобицах, не представляла для Англии серьезного соперника, а ее когда-то довольно сильный флот, бывший вполне достойным соперником англичанам на море, постепенно перестал рассматриваться как угроза. В конечном итоге, как и следовало ожидать, Испания, ранее воспринимавшаяся как противовес Франции, с восшествием на престол Елизаветы Тюдор постепенно возводилась в ранг основного врага. Жители Туманного Альбиона и так не питали дружеских чувств к Испании, теперь же эта нелюбовь все чаще подогревалась и оправдывалась пока еще очень осторожным, но со временем все более открыто проявляемым антииспанским политическим курсом правительства.

К началу 1580-х гг. испанская угроза резко возросла. Гизы во Франции в 1578 г. получили испанские деньги, что подлило масло в огонь междоусобной войны с гугенотами и принесло Филиппу II уверенность, что у Франции еще долго будут связаны руки на внешнеполитической арене. Придавал сил испанскому монарху и успех нового командующего герцога Пармы, усмирившего восставших в Нидерландах огнем и мечом. Присоединив к своим владениям Португалию, Филипп вместе с ней получил и португальские военные галеоны. Для английского правительства сложившаяся ситуация осложнялась восстанием Десмонда против правления англичан в Ирландии и попыткой вмешательства в этот конфликт Испании. Учитывая все это, а также чрезвычайно успешное плавание Фрэнсиса Дрейка, ставшее своеобразной пощечиной Филиппу II, уже не оставалось никаких сомнений в скоро грядущем англо-испанском столкновении.

В Англии не было секретом то, что источник могущества Испании лежит в ее колониальных владениях. Поэтому в основе стратегии борьбы с ней лежало нанесение удара по коммуникациям, связывающим Иберийский полуостров и Америку. К разработке стратегических планов войны привлекались признанные эксперты, получившие богатый опыт дальних плаваний и сражений против испанцев в открытых морях. Сэр Хэмфри Джилберт, один из «морских псов» Елизаветы, в своем трактате 1577 г. под говорящим названием «Как Ее Величество может навредить королю Испании» писал: «Затронув его в Вест-Индиях, Вы повредите его глазное яблоко; заполучив его сокровища, почти полностью поступающие из Вест-Индий и

являющиеся нервом войны, Вы принудите его распустить войско. Его планы потерпят крах, сила и мощь ослабнут, гордость будет растоптана, тирания же его будет совершенно уничтожена» [22, р. 170].

Однако осуществление этой стратегии наталкивалось на неразрешимые проблемы.

Ресурсы Испании и Англии были несоизмеримы. Филипп II в течение 1570-х гг. только серебра из Америки получил на сумму в 12 млн испанских дукатов (3 млн 300 тысяч английских фунтов). В следующие десять лет он получил серебра на 18,7 млн дукатов, а за последнее десятилетие века его казна пополнилась на 25 млн дукатов. Американское серебро было лишь малой долей в общем объеме доходов короны, большую часть которых составляли поступающие из-за рубежа налоги [23, р. 248]. Ежегодный же доход Елизаветы, например, в 1585 г. составлял около 300 тысяч фунтов, поэтому открытая война являлась непозволительной роскошью для английской казны [11, р. 55]. Английский военно-морской флот, в ходе реформ Генриха VIII превратившийся в государственный институт, представлял собой грозную силу. Но хотя по степени организации он заметно и превосходил испанский, действие его кораблей за пределами проливов, особенно в Атлантике, в военное время грозили стать неподъемной ношей. Подавляющее большинство населения страны с восторгом встречало каждую новую антииспанскую акцию, но не горело желанием оплачивать эти дорогостоящие действия из своих кошельков. Не удивительно, что сборы дополнительных денег на флот и оборону вызывали отчаянные протесты [2, с. 139–147].

Акты Тайного совета этого времени дают нам многочисленные свидетельства того, что от платежей и служб уклонялись не только «большинство лондонских докторов права, джентльменов и других людей с хорошим достатком» [3, р. 44–45, 361, 477], но и жители иных графств [4, р. 602].

В последнее десятилетие века выразителем этого общего протеста против субсидий королеве станет парламентская оппозиция, рассматривавшая себя в качестве защитника национальных интересов. Причем сопротивление в парламенте будет нарастать с каждым годом. Тройная субсидия 1593 г. принесет в казну 636500 фунтов, сумму довольно внушительную, но всего четыре года спустя такая же субсидия даст лишь 160000 фунтов [11, р. 94].

Финансовые проблемы конца века подтачивали возможность реализации большой во-

енно-морской кампании. Впрочем, проблемы, связанные с нехваткой денежных средств, начались задолго до начала открытой фазы англо-испанской войны. Даже во времена Генриха VII обеспечение матросами нескольких десятков кораблей королевского флота время от времени сталкивалось с трудностями [1, с. 59]. В елизаветинскую же эпоху нехватка матросов и управляющих кораблей постепенно превратилась в хроническую болезнь флота. Ни повышение жалованья, ни увеличение привилегий [9, р. 46–47], ни драконовские меры, обещавшие смерть за уход со службы без специального разрешения [27, р. 84–85], не могли исправить эту тяжелую ситуацию.

Причиной этого был отнюдь не рост количества кораблей. Флот Генриха VIII в количественном отношении существенно превосходил флот его дочери [13, р. 301–307; 20, р. 49–51, 120–121]. Да и количество мужчин, годных к морской службе, за 1560–1682 гг. возросло двукратно [20, р. 118]. Так что единственной причиной сложившейся ситуации являлась непопулярность службы.

Условия службы на кораблях королевского флота были действительно тяжелы даже по меркам того времени. «Ни один человек, имеющий иную профессию, не проводит свою жизнь в такой огромной и продолжительной опасности..., и... их (опасностей) так много, что лишь немногие здесь доживают до седины» [24, р. 351–367], – пишет современник. Вряд ли стоит удивляться многочисленным свидетельствам открытого неподчинения, дезертирства и даже восстаний на флоте. Весьма точную характеристику матросов дал Ричард Хоукинс, сравнивший их с неуправляемыми лошадьми, «которые, закусив узду, принуждают наездника подчиниться своей воле» [24, р. 351–367].

Интересно, что частники обычно не испытывали подобных проблем, хотя условия службы на их кораблях были гораздо тяжелее. В целях экономии они отправляли в плаванья корабли без врачей. Уровень смертности, особенно в продолжительных экспедициях, часто достигал 50 процентов. По подсчетам Ф. Дайера, за последние 12 лет XVI в. от болезней умерло не менее 10000 моряков [12, р. 135]. Но риск потерять свою жизнь не останавливал желающих, ведь участие в экспедиции могло принести большие деньги. Да и рассказы о баснословно богатых моряках, ушедших в море в долгах, а вернувшихся богатыми как восточные владыки, были весьма популярны в английском обществе. Так что привлекательность службы в королевском флоте на этом фоне явно про-

игрывала. Причем проблема набора матросов проявилась уже в середине столетия. В 1558 г. Елизавета была вынуждена запретить проведение любых частных экспедиций, поскольку «немалое число самых лучших и способных кораблестроителей, матросов, канониров, мореплавателей и лодочников, несмотря на обязанность послушания, которое должны проявлять добрые подданные, бегут со службы Ее Величества и любыми средствами нанимаются на корабли, покидающие королевство и уходящие в торговые экспедиции, а также в поисках наживы» [27, р. 89–90].

Так что именно в финансовой сфере кроется причина того, что люди предпочитали участие в частных предприятиях. В основном матрос королевского корабля мог рассчитывать лишь на жалованье. В 1582 г. оно составляло всего 10 шиллингов в месяц [19; 23, р. 500–501]. Эта скромная сумма, учитывая инфляцию, не превышала те 6 шиллингов и 8 пенсов, что платились за службу в 1546 г.

Судить о размерах жалованья на частном торговом судне довольно трудно. Оно сильно зависело от многих переменных и, в первую очередь, от статуса экспедиции, ее цели, времени проведения, направления и протяженности. Не последнюю роль играла щедрость инвесторов. Большое значение имело также и то, что матросам не возбранялось самостоятельно заниматься коммерцией [8, р. 234–246]. Доход завербовавшегося на купеческое судно мог в разы превосходить жалованье матроса королевского корабля. Не менее привлекательны были и каперские суда. При захвате приза стоимостью в 2000 фунтов каждому в команде из 50 человек причиталось по 4 фунта. Да и месячное жалованье здесь обычно составляло 8–12 фунтов. Но гораздо больший доход могло дать мародерство на верхней палубе, которое рассматривалось как вполне законное действие, ибо гарантировалось обычным правом. Пожалуй, одним из ярких примеров можно считать разграбление в 1592 г. знаменитого португальского каррака «Madre de Deus», захваченного вблизи Азорских островов большой эскадрой, включающей корабли королевы, графа Кумберленда, Уолтера Рэли, Джона Хоукинса и купцов Сити. Предварительный подсчет обещал весьма большой барыш акционерам, ведь стоимость приза была бегло оценена в 500000 фунтов. Но ночью английские матросы успели разграбить судно, так что акционерам досталось лишь около 140000 фунтов [16, р. 105–118; 25, р. 269–276]. Служба в королевском флоте не могла дать возможность такого обо-

гащения. По словам Джона Хоукинса, казначея флота, корабли не в состоянии сохранить свои команды, «ведь оплата так низка» [14, р. 33; 24, р. 354].

Высокая стоимость действий королевского флота вынуждала знающую цену деньгам королеву искать помощи подданных. Наполовину частные, наполовину государственные акционерные предприятия превратились в символ эпохи. Среди их участников была как сама Елизавета, так и флотские офицеры, должностные лица и частные предприниматели. Учитывая факт участия королевских кораблей, некоторые исследователи настаивают на выделении подобных полуофициальных предприятий из числа каперских, поскольку они всецело не финансировались частными лицами и играли роль национальных, в которых интересы королевы преобладали [5, р. 5; 6, р. 36]. Впрочем, не стоит преувеличивать это отличие, ведь если мы считаем, что война с Испанией соответствовала английским национальным интересам, то мы не можем отрицать и того, что и активность каперов была в национальных интересах. Да и в реальности инструкции Елизаветы не имели большой силы.

Практика акционерных компаний стала распространяться уже в 1560-х гг. К 1561 г. относится первое документально зафиксированное участие Елизаветы в подобном предприятии. Купцу Уильяму Честеру, намеревающемуся направиться к африканскому побережью, было выделено четыре корабля и 500 фунтов. Вклад королевы составил треть от капитала экспедиции [18]. В 1580-е гг. практика участия Елизаветы уже была поставлена на постоянную основу. Например, в знаменитом рейде Дрейка к Вест-Индиям 1585 г. участвовали королевские «Aid» и «Elizabeth Bonaventure», оцененные в 10000 фунтов. Предприятие получило еще и денежный вклад королевы в 10000 фунтов [21, р. XIII]. В Кадисской экспедиции 1587 г. вклад Елизаветы состоял из четырех кораблей и двух пинасов. Другими участниками в этом предприятии были Дрейк, лорд-адмирал Чарльз Говард, представители купеческого сообщества Лондона и члены Левантийской компании. Совместное инвестирование, впрочем, как и любая иная форма предприятия, было связано с риском. Но благодаря более широкой возможности привлечения средств такие предприятия в случае успеха обещали многократную прибыль, так что они оставались весьма привлекательными для королевы, которая, учитывая ее положение привилегированного соинвестора, всегда претендовала на солидную при-

быль даже там, где остальные участники довольствовались малым. Например, не очень прибыльная Вест-индская экспедиция 1585 г. принесла участникам лишь по 5 шиллингов на вложенный фунт, Елизавета же получила 20000 фунтов в качестве дивидендов и, помимо этого, еще 2000 фунтов за использование королевских кораблей.

В елизаветинское время многие знатные люди предпочитали «морскую охоту» иным занятиям. Наиболее видным представителем слоя нобилитета и джентльменов, бросивших себя в горнило войны с Испанией, был граф Кумберленд. Он часто завершал экспедиции триумфально, но его большие затратные предприятия финансово были убыточны. По его собственным словам, он «утопил все свои земли в море» [5, р. 79].

Активно поощрялись к участию в организации морских предприятий и люди более низких социальных слоев. Они охотно занимались каперством и, таким образом, выполняли работу военно-морского флота. Согласно подсчетам К. Эндрюса, Суд Адмиралтейства только с июля 1585 г. по март 1586 г. выдал 88 каперских писем-репрессалий. К этой цифре нужно также прибавить и те письма-патенты, что выдавались лордом-адмиралом и самой королевой [5, р. 33]. Страну охватила самая настоящая «каперская лихорадка». В 1589–1591 гг. только известных нам каперских судов насчитывалось 236, но и эта цифра далеко не полная [5, р. 32].

Доход от деятельности частных являлся весьма важным источником пополнения королевской казны. Юлий Цезарь, судья Суда Адмиралтейства, в 1590 г. сообщал лорду Говарду: «Со времени начала выдачи репрессалий Ее Величество получила более 200000 фунтов, т.е. около 40000 фунтов в год, что составило не менее двух третей стоимости действий флота» [7].

Выдача каперских свидетельств приобрела большой размах, ведь каперство давало возможность чужими руками вести затратную войну, не втягивая в нее государство. Горячий поборник развития частной инициативы сэр Джордж Кэри, губернатор острова Уайт, настаивая на необходимости выдачи свидетельств всем желающим, в письме к государственному секретарю Уолсингему в 1587 г. аргументировал: «У Ее величества нет нужды замечать недостатки тех, кто готов ей служить» [21, р. 33–36]. Выдавая мирное время свидетельства, королева «даст возможность своим подданным восполнять их потери и приобрести сверх этого, и, помимо всего, она получит возможность

досадить королю (Испании), не принимая участия в этом» [21, р. 33–36].

Ставка на частных действительно помогла отсрочить вступление государства в войну, ведь выдача свидетельств была вполне законной. В основе этой практики, получившей широкое распространение в Средневековье, лежало обычное право. Официально они выдавались только тем, кому в море был нанесен ущерб. Именно в этом контексте в Англии и рассматривали Вест-индскую экспедицию 1585 г. Дрейк получил официальный приказ проследовать в испанские порты и освободить английские корабли [21, р. XIII], задержанные во время испанского эмбарго. О тайных поручениях остается лишь догадываться. Такая тактика позволила Елизавете в ответ на все упреки и угрозы Филиппа II заявить, что Дрейк превысил свои полномочия, а поэтому ее вины нет. Испанскому монарху, вряд ли поверившему заверениям королевы, не осталось ничего иного, как признать, что повода к войне действительно нет, ведь Дрейк не имел официальных инструкций идти к Вест-Индиям.

Осознавая военную, политическую и экономическую выгоду от быстро растущей частной активности, правительство поощряет строительство частных судов. В 1582 г. в стране было двадцать купеческих кораблей свыше 200 тонн, в следующие пятнадцать лет семьдесят два было построено, и этот кораблестроительный бум продолжался до конца войны. Рост торгового флота оказывал неизгладимое впечатление. В своем сочинении «Государство Англия в год 1600 от Рождества Христова» Томас Уилсон с гордостью за страну повествует: «Весь флот королевы состоит из небольшого количества (кораблей), и это может удивить, так как она, как всем известно, имеет такую силу в море, что ни один государь не способен противостоять ей. Но причина этому ясна, и состоит она в том, что этот флот, будучи великой силой, не составляет и двадцатую часть всей мощи Англии, ведь здесь только одной Темзе приписано 2000 кораблей, и даже самые худшие из них вполне годны для службы, как военной, так и купеческой...» [31, р. 36–37].

Следствием расцвета частной инициативы на море и постепенного снижения самостоятельных действий королевского флота стала потеря монополии государства на разработку стратегии войны с Испанией. Елизавета все чаще просит совет тех, кто стоит во главе частных сил. Весьма показательна в этом отношении речь Дрэйка, произнесенная им во время кругосветной экспедиции 1577–1580 гг. перед

офицерами и матросами. Он поведал, что во время тайной встречи королева сказала ему, что за нанесенные обиды она хочет отомстить королю Испании и в этом полагается на совет Дрейка как единственного человека, способного это сделать. Дрэйк ответил Ее Величеству, что «в самой Испании вряд ли можно что-то сделать, а лучшее место для нанесения удара испанцам – их Индии» [30, р. 94].

Таким образом, «приватизация» военных действий на море в последней трети XVI в. стала основной тенденцией развития военно-морских сил в Англии. Согласно оценке Дэвида Лоудза, «с 1585 г. по 1604 г. каперы покрывали 50 процентов усилий по ведению войны, что давало возможность стране со слабой финансовой инфраструктурой выстоять в одной из длиннейших войн в ее истории и противостоять государству, чьи ресурсы были во много раз превосходящими» [17, р. 127].

На сегодняшний день большинство исследователей не склонно оспаривать большую роль частных сил в англо-испанской войне. «Елизавете удалось разгромить Испанию минимальной ценой, т.е. основываясь, главным образом, на собственном флоте и каперах» [15, р. 342–343]. Но это порождает и другой вопрос. Действительно ли Елизавета и правительство осознанно проводили такой курс? Или же опора на частные силы была следствием неспособности и невозможности обуздать и контролировать растущую частную инициативу?

Здесь вряд ли можно дать однозначный ответ. Как точно подметил Ч. Уилсон, Елизавета, прежде всего, была государыней, главная цель которой состояла в обеспечении безопасности страны [29, р. 6–7]. Елизавета Тюдор имела богатый опыт властвования. Более того, это был опыт выживания и властвования в кругу мужчин, которые, даже с учетом того, что XVI век – это время правления многих действительно незаурядных женщин, были еще не готовы целиком и полностью подчиниться женщине. Обладавшая опытом и мудростью Елизавета понимала, что управление мужчинами во власти, многие из которых были также незаурядны, задача не только сложная, но и подчас невыполнимая. Так что не препятствовать деятельности каперов, и, по возможности, извлечь из этой деятельности финансовую и политическую прибыль – лучшее, что она могла сделать.

Впрочем, нам стоит обратить внимание и на то, что «приватизация» войны на море, помимо положительных результатов, имела для короны и государства также и негативные послед-

ствия. Первые Тюдоры сохраняли монополию на определение стратегии войны и проведение военных действий на море, частные же корабли они использовали в качестве вспомогательного флота путем принудительной вербовки или найма. Елизавета утратила эту монополию, согласившись на роль привилегированного партнера. Более того, командующие считали для себя возможным игнорировать ее приказы. Они руководствовались, прежде всего, не понятием государственной необходимости, а интересами коммерческой прибыли.

Кампания 1589 г., возглавляемая Дрейком и сэром Джоном Норрисом, дает нам хороший пример того, как частные акционеры, ведомые жадной наживы, подчас действовали вразрез с интересами правительства и королевы. Истощенная в предыдущий год подготовкой к отражению Непобедимой Армады казна не давала возможность полагаться на силы королевского флота в столь важный момент. Между тем, предоставлялся действительно удобный шанс уничтожить или захватить оставшиеся после краха Армады изрядно потрепанные корабли противника, сосредоточенные в Бискайском заливе. Именно это и видела Елизавета в качестве главной задачи кампании. Лишь после выполнения этой миссии допускалась возможность попытки перехвата Серебряного флота, который, как считали англичане, в этом году будет особенно ценным и беззащитным, ибо корабли из Охраны Индий были отозваны для участия в Армаде. Предполагалась и возможность высадки десанта в Португалии с целью помощи дону Антонию в занятии трона. Интересно, что Дрейк и Норрис заверили, что понимают государственные задачи и обещали повиноваться, однако, и это очевидно, они с самого начала не собирались этого делать [23, р. 273]. Вместо того, чтобы потратить недели на уничтожение остатков испанского флота в Бискайском заливе и, тем самым, подвергнуть риску получение финансовой прибыли, они предприняли попытку высадки в Португалии для помощи дону Антонию. Эта затея окончилась полным провалом, ветер также не позволил им развернуть эскадру к Азорским островам. Экспедиция принесла убытки, шанс уничтожить испанский флот был утерян, и это тем более было плачевно, поскольку Филипп II именно в это время приступил к строительству современного флота и его администрации, частично копируя английские образцы [26, р. 33, 40, 192–193; 23, р. 279].

В словах королевы, обращенных к Дрейку и Норрису, ощущается обида и горечь: «Перед

вашим отъездом вы в не раз клятвенно обещали, уверяя нас и кое-кого из нашего Совета, что вашим первым и главным действием будет захват и нейтрализация военного флота и кораблей короля Испании в портах их нахождения; если же вы этого не сделаете, заверяли вы, вы согласитесь считаться предателями» [28, р. 99]. Но обычно командующие в подобных случаях избегали наказания. Мудрая королева отлично понимала расклад сил. Испытывая финансовые затруднения, она была вынуждена позволять служащим использовать служебное положение в личных интересах.

Жажда наживы и славы стала двигателем англо-испанской войны. Эта жажда охватила всех, начиная от мелкого торговца и заканчивая самой королевой. Не обошла она стороной и офицеров военно-морской администрации. Личные интересы в их среде присутствовали всегда, но теперь они все чаще выходят на первый план, внося разлад в единство действий Совета. В то время как ранее офицеры стремились четко выполнять задачу по обеспечению эффективной работы королевского военно-морского флота, используя для этого частные ресурсы, теперь же они все чаще воспринимают себя в качестве представителей частных сил, в интересах которых они используют королевские корабли и всю систему поддержки флота.

Впрочем, новые реалии отнюдь не умаляли значение королевского флота, который вполне успешно выполнял свои основные задачи по обороне государства [10, р. 249]. Если амбиции создания океанской империи и существовали, их воплощение в то время было невозможно. Главным приоритетом оставалась задача выживания [23, р. 197]. Статистические данные по расходным статьям королевского флота за период с 1588 г. и до конца правления Елизаветы свидетельствуют, что он оставался объектом пристального внимания. Можно без преувеличения сказать, что и выполнение оборонительных задач королевскими военно-морскими силами, находящимися в полной боеготовности, было возможным благодаря тому, что частники с успехом справлялись с задачей подрыва могущества Испании на океанских просторах.

Таким образом, говоря о роли частных военно-морских сил в англо-испанской войне, можно констатировать, что эти силы не просто помогли отстоять независимость страны и одержать победу, они, развязавшие частную войну на море, стали основным средством достижения целей государственной политики. Проявившая же мудрость Елизавета стремилась не вставать на пути этой малоуправляемой частной инициативы.

Источники и литература / References

1. Гаврилов С. Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2014. 204 с.
2. Gavrilov S. N. Angliyskiy flot epokhi Tyudorov kak gosudarstvennyy institute (*The English Navy of the Tudor period as a state institution*). Rostov-na-Donu: SFU publ., 2014. 204 p. (In Russian).
3. Дмитриева О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII в.: рукопись диссертации канд. ист. наук. М.: МГУ, 1985. 262 с.
4. Dmitriyeva O. V. Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Anglii v kontse XVI – nachale XVII v. (*Socio-political struggle in England in the late XVI – early XVII century*): thesis. Moscow: MSU publ., 1985. 262 p. (In Russian).
5. Acts of the Privy Council / ed. by J. R. Dasent. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1901. Vol. 24. 537 p.
6. Acts of the Privy Council / ed. by J. R. Dasent. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1905. Vol. 29. 812 p.
7. Andrews K. R. Elizabethan Privateering during the Spanish War, 1585–1603. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 297 p.
8. Bevan B. The Great Seamen of Elizabeth I. L., 1971.
9. British Library. Lansdowne MS. 157. f. 434.
10. Brooks F. W. A Wage-scale for seamen, 1546 // *English Historical Review*. 1945. Vol. 60. P. 234–246.
11. Collection of Admiralty Statutes, 1274–1741. L., 1755.
12. Crowson P. S. Tudor Foreign Policy. L.: Palgrave Macmillan, 1973. 302 p.
13. Dietz F. English Public Finance. L.: Frank Cass & Co Ltd, 1964. Vol. II. 478 p.
14. Dyer F. E. The Elizabethan Sailor // *Mariner's Mirror*. 1924. Vol. 10. № 2. P. 133–146.
15. Glasgow T. List of Ships of the Royal Navy from 1539 to 1588 – the Navy from its infancy to the defeat of the Spanish Armada // *Mariner's Mirror*. 1970. Vol. 56. P. 299–307.
16. The Great Enterprise. The history of the Spanish Armada as revealed in contemporary documents / ed. by Usherwood S. L.: Folio Society, 1978. 194 p.
17. Guy J. Tudor's England. Oxford: Oxford University Press, 1988. 582 p.
18. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. L.: J.M. Dent, 1907. Vol. VII.
19. Loades D. England's Maritime Empire: seapower, commerce and policy 1490 – 1690. Singapore: Longman Pub Group, 2000. 277 p.

18. The National Archives. State Papers. 12/26/43.
19. The National Archives. State Papers. 12/186/43.
20. Oppenheim M. A history of the Administration of the Royal Navy. L., N.Y.: John Lane, 1896. 444 p.
21. Papers relating to the Navy during the Spanish War, 1585–1587 / ed. by J.S Corbett. L.: Navy Record Society, 1898. 363 p.
22. Quinn D. B. The Voyages and Colonizing Enterprises of Sir H. Gilbert. L.: Hakluyt Society, 1940. Vol. I. 238 p.
23. Rodger N. A. M. The Safeguard of the Sea. A Naval history of Britain, 660-1649. L.: Penguin Books, 2004. 691 p.
24. Scammell G. V. The Sinews of War: manning and provisioning English fighting ships c. 1550 – 1650 // Mariner's Mirror. 1987. Vol. 73. N. 4. P. 351–367.
25. Sir William Monson's Naval Tracts / ed. by M. Oppenheim., L.: Navy Record Society, 1902. Vol. I. 395 p.
26. Thompson I. A. A. War and Government in Habsburg Spain, 1560–1620. L.: Athlone Press, 1976. 374 p.
27. Tudor Royal Proclamations: The later Tudors (1553–1587) / ed. by Hughes P.F., Larkin J.L. Yale.: Yale University Press, 1969. Vol. II. 548 p.
28. Wernham R. B. After the Armada: Elizabethan England and the struggle for Western Europe. Oxford.: Oxford University Press, 1984. 613 p.
29. Wilson Ch. Queen Elizabeth and Revolt of Netherlands. L.; Macmillan, 1970. 168 p.
30. Wilson D. The World Encompassed. Drake's Great Voyage 1577–1580. L.: Allison & Busby, 1998. 256 p.
31. Wilson T. The State of England, Anno Dom. 1600 / ed. by F.J. Fisher. L.: Camden Society, 1936. 54 p.

УДК 94.355.24(470.631)''1947''

Э. Б. Джуккаева

«...СТАРИКИ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ... И РАВНОПРАВНЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРЯНКИ...»: АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАРАЧАЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ 1943 ГОДА

Целью данной статьи является анализ характера и уровня взаимоотношений государства и общества. Автор предпринимает попытку ответить на вопросы о том, почему властные структуры решили использовать гендерно-возрастной подход в работе с населением, тем самым апеллируя к архаичным пластам общественного сознания; почему властью были использованы методы работы, предполагающие архаичную дифференциацию населения.

Для достижения поставленной цели был сформирован комплекс архивных документов, выполнен анализ историографических материалов, разработана методологическая концепция исследования. Включив в методологический потенциал базисные принципы научного познания (историзм, объективность), автор использовал антропологическую теорию и теорию конструирования социальной реальности, обеспечив тем самым междисциплинарный подход.

Проанализировав отчетные документы об организации и проведении совещаний и собраний населения Карачая в 1943 г., автор охарактеризовал действия региональных властей с целью трудовой мобилизации населения региона для восстановления территориального хозяйства после немецкой оккупации региона. Партийные и советские функционеры адекватно оценивали реальное состояние карачаевского социума,

признавали сохранение его прежних социальных институтов и сознательно выбрали опору на архаичные традиции, поддержали архаичные универсалии для более эффективного манипулирования массовым сознанием ради трудовой мобилизации широких слоев населения в государственных интересах.

Сохранение значительной части институтов прежнего традиционного карачаевского общества и их роли в определении социального контекста повседневности карачаевцев объяснимо тем, что антропологический тип может сохраняться и воспроизводиться в течение еще двух-трех последующих поколений, прежде чем будет окончательно разрушен. Каждое предыдущее поколение способно перебросить свой опыт и следующее поколение воспроизводит этот опыт, выстраивая и реализуя свои жизненные стратегии. Хотя выбранные государством подходы и методы откровенно противоречили декларируемой идее формирования «нового» человека и результатам культурной революции, но в то же время сохранение традиционной культуры было обусловлено природой тоталитарной системы, сложившейся в течение первых после революционных десятилетий в стране.

Ключевые слова: государство, население, трудовая мобилизация, традиционные институты, тоталитаризм, культурная революция.

E. B. Dzhukkaeva

“... THE OLD MEN AS STATESMEN ... AND THE EMANCIPATED MOUNTAIN WOMAN ...”: THE ANALYSIS OF THE STATE LABOR MOBILIZATION FEATURES OF THE KARACHAI POPULATION IN THE EXTREME CONDITIONS OF 1943

The article aims to analyze the nature and the level of relations between the state and the society. The author attempts to answer the questions why the authorities decided to use the gender-age approach in working with the population, thereby appealing to the archaic layers of the public consciousness; why the authorities used the methods of the work that imply an archaic differentiation of the population.

To achieve the goal a complex of archival documents was formed, the analysis of historiographic materials was carried out; a methodological concept of research was developed. Having included the basic principles of scientific knowledge (historicism, objectivity) in the methodological potential, the author used the anthropological theory and the theory of the

constructing social reality, thereby ensuring the interdisciplinary approach.

Having analyzed the reporting documents of the organization and the conduct of the meetings of the Karachai population in 1943, the author described the actions of regional authorities with the aim of mobilizing the population of the region for the restoration of the territorial economy after the German occupation of the region. The Party and the Soviet functionaries adequately assessed the real state of Karachai society, recognized the preservation of its former social institutions and consciously chose to rely on the archaic traditions, supported the archaic universals for more effective manipulation by the mass consciousness for the sake of labor mobilization of the broad sections of the population in the public interest.

The preservation of a significant part of the institutions of the former traditional Karachai society and

В первые месяцы 1943 г. после освобождения территории Карачаевской автономной области местные власти, представляющие партийные и советские структуры командно-административной системы, были заняты мобилизацией всех имеющихся средств для восстановления разрушенной экономики. За время оккупации с августа 1942 до конца января 1943 г. материально-производственная база области была значительно подорвана. Оккупанты разрушили промышленные предприятия, шахты, рудники. Сотни километров линий электропередач и телефонной связи были оборваны. Прекратили свою деятельность колхозы, совхозы и обслуживающие их машинно-тракторные станции, почти 80 % тракторного парка было выведено из строя. В целом, сумма ущерба превысила 3 млрд рублей. В условиях продолжавшейся войны, необходимо было восстановить жизнеобеспечение гражданского населения области и в кратчайшие сроки запустить все предприятия местной промышленности и промкооперации для выпуска продукции, необходимой фронту [3, с. 49].

Для восстановления объектов промышленности и сельского хозяйства необходимы были денежные средства. Правительство РСФСР выдало колхозам Карачая кредит на 25 млн рублей и 1500 пудов семян для весеннего сева [3, с. 49]. Кроме того, населению горных аулов были поставлены промышленные товары на несколько сотен тысяч рублей. Чтобы не допустить голода в феврале и начале весны 1943 г., правительство организовало безвозмездные поставки продовольствия для населения Ка-

рачая с территории Нагорного Карабаха. Колхозники и рабочие совхозов получили более 52 тонн пшеницы, около 8 тонн ячменя, 16 тонн проса, более 60 голов крупного и мелкого рогатого скота, а также картофель и другие продукты [3, с. 50–51].

В ситуации острой нехватки рабочих рук и техники важно было «включить» такой ресурс как способность населения к самоорганизации. Наряду с многочисленными заседаниями, совещаниями, собраниями, планерками среди членов партии, комсомольцев и пионеров, Ставропольский крайком ВКП(б) спланировал и поручил райкомам и райисполкомам национальных территорий, одной из которых была и Карачаевская автономная область, организовать и провести такие мероприятия, как совещания стариков-колхозников и собрания женщин-горянок на родном национальном языке [2, л. 61, 69].

Key words: state, population, labor mobilization, traditional institutions, totalitarianism, Cultural Revolution.

Целью таких совещаний была объявлена политическая и производственная активизация населения и мобилизация людей на выполнение очередных хозяйственно-политических задач в процессе ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации. Сначала были проведены совещания стариков-колхозников по аулам. Так с 5 апреля по 10 апреля 1943 г. состоялись совещания стариков-колхозников в аулах Мало-Карачаевского района. В рамках совещаний, организованных Мало-Карачаевским райкомом ВКП(б) были проведены беседы о роли советского народа в победе над врагом и задачах Красной Армии на ближайшее время, а также были выбраны делегаты на районное совещание [2, л. 62].

В отчетной справке по итогам заявленной акции было указано, что в Мало-Карачаевском районе в таких совещаниях приняли участие 726 человек. Информация была подана в характерном для всех советско-партийных органов бравурном тоне, а результаты проведения были оценены позитивно. Отметив, что подобные совещания проводились впервые, партийные функционеры не сомневались, что участие в таких мероприятиях очень почетно для пожилых колхозников, ведь местные власти собирали совещания с целью получить совет у самых уважаемых, умудренных богатым жизненным опытом жителей каждого аула, а также с целью донести до аудитории насколько партия и правительство доверяют им, а также надеются на них. От их числа на совещание районного масштаба были избраны 75 человек [2, л. 61–62].

Одной из задач такого рода совещания было информирование населения по военным, политическим и хозяйственно-организационным вопросам. Степень информированности была особо важным критерием, так как, по мнению партработников, в процессе информирования они готовили население к возвращению к прежней жизни: к коллективному ведению хозяйства как ближайшей цели, к строительству коммунизма – как к конечной цели. Поэтому все до единого вопросы были посчитаны, строго записаны, систематизированы с целью определения лояльности населения власти.

Судя по статистике, участники конференций были весьма активны: всего на совещаниях выступило 92 человека, было задано 175 вопросов. Некоторые из вопросов даже были приведены в тексте отчета. Это были вопросы по поводу бывшего колхозного имущества, прежде всего, вопросы колхозников о том можно ли надеяться на компенсацию затрат тем из них, кто в условиях оккупации сумел сохранить взятый домой колхозный скот и теперь был готов его вернуть, а также будет ли труд таких колхозников оплачен [2, л. 63].

В отчетной справке сообщалось, что «старика на совещаниях выступали как государственные деятели, подвергая резкой критике недочеты в работе колхозов, аулсоветов, рассказывали о злодеяниях фашистских мерзавцев, о разграблении колхозного добра, зверствах, убийствах, учиненных гитлеровцами над мирными жителями аулов». И тут же делалось дополнение по поводу того, что, во-первых, колхозники были согласны с тем, что рабочий и молочно-товарный скот следует вновь свести на колхозные животноводческие фермы; во-вторых, они пере-

давали вождю народов и героической Красной Армии горячую благодарность за освобождение от немецко-фашистского ига и колхозный привет [2, л. 63–64].

Почти через две недели после проведения аульных совещаний 23 апреля 1943 г. было созвано районное совещание, в котором помимо 75 делегатов, избранных на аульных конференциях, приняли участие 14 советско-партийных функционеров. Идеальный тон совещания – «с большим подъемом на совещании было принято приветственное письмо на имя Иосифа Виссарионовича Сталина, при воспоминании имени которого все участники совещания, стоя, тепло приветствовали любимого вождя Маршала Советского Союза товарища Сталина», – а также его задачи – «быстрейшее восстановление народного хозяйства и усиление помощи Красной Армии» – остались прежними [2, л. 63–64].

Выступавшие старики клеймили фашистских оккупантов: «Мы убедились, что немцы способны были только разорять то, что мы годами создавали. Когда они хозяйничали у нас в ауле, они разграбили все колхозное добро, а местные полицейские и старшины им помогали в этом», «Фашистские захватчики обманули карачаевский народ, а для этого Гитлер прислал нам из Берлина Коран... Но им не мусульмане нужны, а богатство наше...», «Гитлеровцы разорили наше хозяйство, разграбили наше имущество» [2, л. 64–65].

Практически каждый выступающий заявлял о готовности не только поднимать разрушенное хозяйство, но и идти на фронт: «Не смотря на мою старость, я пойду вместе с сыновьями бить немцев», «У меня несколько сыновей в РККА, если надо и я пойду на помощь моим сыновьям бить фашистов». В своих выступлениях старики-колхозники брали на себя целый ряд социалистических обязательств, основным среди которых было обязательство «скорее ликвидировать последствия немецко-фашистской оккупации во всех областях народного хозяйства в аулах». Они говорили о своей готовности восстановить конкретные животноводческие фермы и о готовности руководить хозяйством, напоминали о том, что имеют значительный практический опыт [2, л. 63–65].

С 20 мая по 25 мая 1943 г. во всех аулах Мало-Карачаевского района прошли собрания женщин-горянок, а 28 мая для них было проведено районное собрание [2, л. 69]. Уже с начала Великой Отечественной войны женщины были основной рабочей силой повсеместно во всех сферах. На их плечи легли все тяготы как

на производстве, так и в домашнем хозяйстве. Партийная информация о проводимых собраниях среди женщин-горянок, подготовленная для первого секретаря Ставропольского крайисполкома ВКП(б) Михаила Суслова была составлена со свойственной идейной патетикой [2, л. 69–72].

Повестка проводимых собраний в целом повторяла пункты повестки совещаний стариков-колхозников, т.е. обсуждали проблемы скорейшей ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации и оказания бесперебойной помощи фронту. Но так как собрания проводились накануне празднования 1 мая, то все присутствовавшие были проинформированы о содержании уже опубликованных первомайских призывов, а также заявлено об их обсуждении участниками собраний. Кроме того, повестка собрания женщин-горянок была расширена за счет таких вопросов, как «Почему не во всех колхозах организованы ясли и детские сады?», «Будут ли даны во временное пользование коровы многодетным семьям военнослужащих?», «Когда будет выпущен новый заем?» [2, л. 70–71].

В проведении аульных собраний женщин-горянок приняли участие 3078 человек. Они избрали 100 человек для участия в собрании районного масштаба, но участников следующей встречи было больше на 10 человек так же за счет представителей партийно-советских структур. В своих выступлениях женщины рассказывали о тех невзгодах и лишениях, которые выпали на их долю за время оккупации, о горьких потерях близких. Они выражали благодарность Красной Армии за освобождение от немецко-фашистских захватчиков и говорили: «ничего, что трудно, зато мы свободны». Каждая из выступающих обещала ударно трудиться, чтобы как можно быстрее восстановить хозяйство, помочь фронту, приблизить победу [2, л. 70–71].

Давая оценку активности участницам этих совещаний (на аульных собраниях выступило 87 женщин, а на районном – 62), секретарь Мало-Карачаевского райкома ВКП(б) уверял, что женщины-горянки «выступали как равноправные члены сельскохозяйственных артелей, несущие наравне с мужчинами полную ответственность за восстановление колхозного хозяйства, подвергая критике недостатки в работе правлений колхозов и отдельных руководителей» [2, л. 71–70].

По окончании совещаний районного уровня для стариков-участников секретарем Райкома ВКП(б) и председателем Райисполкома

был устроен прием с праздничным ужином, во время которого сделали общее фото [2, л. 65]. Совещание женщин-горянок завершилось вечером отдыха с играми, танцами просмотром художественного фильма и общим фото на память. [2, л. 71–72].

В отчете подчеркивалось, что рабочий язык проводимых собраний был карачаевский. Для проведения совещаний были подобраны кадры из числа партийно-советского актива и учителей, для которых карачаевский язык был родным. Они включились в работу на стадии подготовки для того, чтобы организовать обратную связь непосредственно с населением [2, л. 69]. На районном совещании женщин-горянок выступление русскоговорящего секретаря райкома было переведено на карачаевский язык [2, л. 71].

Несомненно, сразу же возникает ряд вопросов по поводу того, что властные структуры решили использовать гендерно-возрастной подход в работе с населением, тем самым апеллируя к архаичным пластам общественного сознания. На последнем предвоенном съезде ВКП(б) в 1939 г., И. В. Сталин заявил о том, что культурная революция, которая ставила своей целью разрушение прежних социальных институтов и создание человека новой формации, успешно завершена [1, с. 22]. И вдруг через 4 года после этого местные власти иницируют методы работы, предполагающие архаичную дифференциацию населения и использование национального языка на официальных мероприятиях. Почему все это стало возможным в этот период?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует напомнить о тех проектах, которые были реализованы советской властью в предвоенный период. В противовес прежнему государственному устройству, которое большевики характеризовали как «тюрьму народов», новая власть продекларировала национально-территориальный принцип создания федеративного государства. [5, с. 42]. Уже в течение 1918–1922 гг. так называемые малые народы, компактно проживавшие на изолированных территориях, получали в составе РСФСР автономию на республиканском или областном уровне. А создание СССР (30 декабря 1922 г.) стало импульсом не только для образования союзных республик, но и для разнообразия государственно-правовых форм: теперь в процессе реорганизации территорий с учетом этнического фактора создавались национальные округа, национальные районы. В условиях этого бурно развивавшегося процесса прежде созданная

Карачаево-Черкесская автономная область была разделена на два административных образования. Карачаевцы, как один из автохтонных народов Северо-Западного Кавказа, получили политическую автономию – Карачаевскую автономную область.

Так в рамках национально-государственного строительства в апреле 1926 г. на территории Северо-Западного Кавказа была образована Карачаевская автономная область. Административно территория области была поделена на 6 сельских районов – Микояновский, Преградненский, Зеленчукский, Мало-Карачаевский, Усть-Джегутинский, Учкуланский. До 1929 года на территории области не было городов: Кисловодск, где располагалась администрация Мало-Карачаевского района, в его состав не входил. Только в 1929 г. селение Георгиевское, за два года до этого переименованное в Микоян-Шахар, получило статус городского населенного пункта и стал административным центром Карачаевской автономной области [6, с. 22].

По результатам предвоенной переписи 1939 г. здесь проживало более 70 тыс. карачаевцев, т.е. через 13 лет создания автономии они составляли 46,8 % от общей численности населения области. Наряду с карачаевцами на этой административной территории проживали русские (64 596 чел, или 43 %), а также абазины (около 4 тыс. чел), осетины (свыше 3, 5 тыс. чел), а также украинцы (2 297 чел), кабардинцы (1154 чел.), ногайцы (713 чел.), греки (623 чел.) и черкесы (505 чел) [6, с. 22]. Несмотря на полиэтничный состав населения этого административно-правового образования в составе Северо-Кавказского края, «титულным» этносом стал карачаевский народ, что и предопределило название автономной области. Создание карачаевской государственности в форме автономии стало возможным пусть не в силу того, что карачаевская общность проживала на изолированной территории, а в результате того, что эта территория стала местом компактного проживания карачаевской общности.

Составной частью национально-государственного строительства было формирование «нового» человека, человека с обновленным сознанием, способным не только сохранить завоевания российской революции, но и осуществить мировую революцию. Стремясь реализовать эту цель, новая власть решительно расправлялась с социально-историческим наследием – прежними институтами. Грандиозный проект, именуемый культурной революцией, был задуман, прежде всего, для создания новых институциональных условий. Для этого

надо было разрушить прежние институты или, как минимум, начать процесс их деформации путем принудительного внедрения новых лозунгов, жесткого контроля процессов социализации и воспитания. Чтобы быстрее разрушить институты традиционного общества, власти пошли даже на физическое устранение носителей старой культуры, развернув массовые репрессии [1, с. 19–20].

Следующим вопросом, на который надо ответить, почему же случилось так, что значительная часть институтов прежнего традиционного карачаевского общества никуда не делась и продолжала определять социальный контекст повседневности карачаевцев? Прежде всего, по той причине, что антропологический тип бывает трудно разрушить, он может сохраняться и воспроизводиться в течение еще двух-трех последующих поколений, прежде чем будет окончательно разрушен. Каждое предыдущее поколение способно перебросить свой опыт и следующее поколение воспроизводит этот опыт, выстраивая и реализуя свои жизненные стратегии [7, с. 124–125]. Отчасти, сохранение прежних институциональных условий существования карачаевского народа вполне закономерно и легко объяснимо в рамках антропологической теории. Но в то же время сохранение традиционной культуры было обусловлено природой тоталитарной системы, сложившейся в течение первых после революционных десятилетий в стране.

Исследователь феномена российского тоталитаризма И. А. Семенихин отмечал, что российскому тоталитарному режиму были присущи такие черты, как «политическая однополярность, нетерпимость к альтернативным ценностям и культурным образцам, омассовленность политических субъектов, репрессивная направленность регулятивной политики и связь идеологического дискурса с архаичными пластами массовой культуры» [4, с. 29–30], а также «...был присущ пласт контрмодернистского сознания, апеллирующий к социальным параметрам традиционного общества» [4, с. 32]. Используя однажды фактор политической легитимации идеи народного суверенитета (в данном случае – создание Карачаевской автономной области), советский тоталитарный режим, наделенный «...пластом контрмодернистского сознания», то и дело апеллировал к социальным параметрам традиционного общества: «...соединял политические и экономические институты, отменял разделение публичной и частной жизни, ... объединял элитные функции политического и духовного руководства» [4, с. 33].

То, что в 1943 г. власти Карачая, обращаясь к населению, не стали собирать людей, исходя из их административно-территориальной (жителей одного аула или одного района) или профессиональной (всех колхозников, или всех служащих) принадлежности, а провели мероприятия с учетом сохранявшейся традиционной культуры, подтверждает, что советские чиновники и партийные функционеры адекватно оценивали реальное состояние карачаевского социума, признавали сохранение его прежних социальных институтов и были осведомлены об особенностях этнических традиций. Т.е. политические силы сознательно выбрали опору на архаичные традиции, поддержали архаичные универсалии, несмотря на то, что доктрина формирования «нового человека» ни в одном

из своих вариантов не одобряла примат этнической идентичности и сохранение институтов традиционного общества. Но чтобы манипулирование массовым сознанием ради трудовой мобилизации широких слоев населения в интересах советского государства было предельно успешным, власти отступились от чистоты институционального контекста, которую так энергично отстаивали накануне Великой Отечественной войны. Теперь в первой половине 1943 г. институциональный контекст мог быть «миксованным», допускал существование стариков с опытом государственного уровня (традиция почитания пожилых людей и признания ценности их жизненного опыта, институт аскальства или совет старейшин) и свободных равноправных женщин-горянок.

Источники и литература

1. Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. 272 с.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф.1. Ставропольский крайком КПСС. Оп.2. Д.566.
3. Карачаево-Черкесская автономная область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материалы областной научно-теоретической конференции, 1977 год. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. 89 с.
4. Семенихин И. А. Российский тоталитаризм: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 30 с.
5. Сухова О. А. Строительство нации в СССР в 1920-е гг.: утопия или эффективная модель социальной инженерии? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №1 (33). С. 35–45.
6. Численность населения СССР на 17 января 1939: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госпланиздат, 1941. 266 с.
7. Berger Peter L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise of Sociology Knowledge. London: Published by the Punguin Group, 1967. 249 с.

References

1. Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR (*Time, go! Cultural Policy in the USSR*) / ed. by I.V. Glushchenko, V.A. Kurenno Moscow: High economic school publ., 2013. 272 p. (In Russian).
2. State archive of contemporary history of Stavropol Territory (GANISK).F.1. Stavropol'skii kraikom KPSS. In.2. D.566. (In Russian).
3. Karachaevo-Cherkesskaya avtonomnaya oblast' v gody Vliiko Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (*Karachay-Cherkess Autonomous Region during the Great Patriotic War (1941–1945)*) // Materialy oblastnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii 1977 god. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1982. 89 p. (In Russian).
4. Semnikhin I. A. Rossiiskii totalitarizm: sotsial'no-filosofskii analizy (*Russian totalitarianism: socio-philosophical analysis*): abstract of thesis. Rostov-on-Don, 2005. 30 p. (In Russian).
5. Sukhova O. A. Stroitel'stvo natsii v SSSR v 1920-e gg.: utopiya ili effektivnaya model' sotsial'noi inzhenerii? (*Constructing a nation in the USSR in the 1920s: a utopia or an effective model of social engineering?*) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniyay. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2015. No. 1(33). P. 35–45. (In Russian).
6. Chislennost' naseleniya SSSR na 17 yanvarya 1939: po raionam, raionnym tsentram, gorodam, rabochim poselkam i krupnym sel'skim naselennym punktam. (*The population of the USSR on January 17, 1939: in districts, district centers, cities, workers' settlements and large rural settlements*). Moscow: Gosplanizdat, 1941. 266 p. (In Russian).
7. Berger Peter L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise of Sociology Knowledge. London: Published by the Penguin Group, 1967. 249 p.

УДК 94(47).084.9

О. А. Елдинов

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СИЛ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
НА ПРИМЕРЕ «ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА» (ФРГ)
И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х гг.**

В данной статье проводится анализ политической деятельности двух партий – германской Партии демократического социализма и Коммунистической партии Российской Федерации в 90-е гг. В период демократических преобразований на постсоветском пространстве происходило конструирование левых, коммунистических партий. Анализ электоральных результатов, партийных программ позволяет выявить общие и различные черты двух организаций. На начальном этапе (1990–1993 гг.) обе партии находились в сложнейших условиях кризиса левой идеологии – снизилась численность членов, велик был риск запрета деятельности партий. Второй этап эволюции (1994–1998 гг.) был связан с поиском новых идеологических ориентиров в рамках трансформации партийных систем. Обе партии прошли долгий путь структурирования партийных организаций и составления новых программ. Изучение электоральной географии позволило сделать вывод о наличии в обоих федеративных государствах особых региональных зон с устойчивой поддержкой левых («лево-традиционалистских») сил («красный пояс» и «neue Bundesländer»). При этом имелись и существенные отличия в политической истории данных предста-

вителей левого движения. В ПДС изначально допускалась фракционность, сосуществовали марксистская и демократическая платформы. КПРФ вынуждена была выстраивать собственную идентичность в условиях конкуренции с другими «посткоммунистами», такими как СКП-КПСС, РКРП, «Трудовая Россия», что заставляло партийное руководство сдержаннее относиться ко всем проявлениям внутренней оппозиции. Существенным отличием стало и то, что ПДС встраивалась в уже существовавшую послевоенную политическую систему ФРГ, а КПРФ стала значительным актором, конструирующим молодую политическую систему современной России. Обладая значительной поддержкой избирателей, КПРФ претендовала на роль правящей партии, обладала консолидирующим оппозиционным потенциалом. Этого не могла добиться ПДС, имевшая серьезного политического конкурента в лице Социал-демократической партии Германии.

Ключевые слова: политические партии, партогенез, демократический транзит, «красный пояс», Коммунистическая партия Российской Федерации, Партия демократического социализма, левое движение.

О. А. Eldinov

**COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITICAL PARTICIPATION OF POSTCOMMUNIST
POWERS IN ELECTORAL SPACE: BY THE EXAMPLE OF “THE PARTY
OF DEMOCRATIC SOCIALISM” (GDR) AND THE COMMUNIST PARTY
OF THE RUSSIAN FEDERATION (THE RUSSIAN FEDERATION) IN THE FIRST
HALF OF THE 1990s**

The analyses of political actions of the German Party of Democratic Socialism and the Communist Party of the Russian Federation in 1990s is carried out in this article. Left-wing communist parties were formed in the period of democratic transformation in post-Soviet states. The analyses of electoral results and parties' programs allows to defend the similarities and differences of these political parties.

At the beginning (1990–1993) both parties was in difficult conditions of the left-wing ideology crisis – the number of parties' members decreased and there was a risk that party practice can be closed. The second stage of evolution (1994–1998) was connected with a search of a new ideological reference point within the framework of party system transformation. Both parties have come a long way of structur-

ing party organization and creating new programs. Studying electoral geography allows to conclude that there were special regions ("red belt" and "neue Bundesländer") with sustainable left-wing (left-conservative) support in both federal states. At the same time, there were essential differences in political history of these representatives of left-wing movements. Initially there was factionalism in the Party of Democratic Socialism, there were Marxist and democratic parts. The Communist Party of the Russian Federation had to create its own identity in conditions of competitions with other postcommunists, such as the Union of Communist Parties – Communist Party of the Soviet Union, the Russian Communist Workers Party of the Communist Party of the Soviet Union, "Labour Russia". It forced caucus to be more reserved to the internal opposition. The fact that the Party of Demo-

Проблемы компаративного изучения федерализма, электоральных процессов и партийных систем Германии и Российской Федерации являются крайне важными с точки зрения понимания политических и экономических различий в тенденциях развития двух стран. Популярная в 90-е гг. XX века идея о «конце истории», победе универсального неолиберального подхода к пониманию государства уходит в прошлое. Актуальным и малоизученным остается вопрос о том, какие модели поведения выбирала предшествующая социалистическая политическая элита (по крайней мере та ее часть, которая осталась на левом фланге политического спектра) в новых социальных реалиях различных стран бывшего социалистического блока.

Серьезный удар по структурированию посткоммунистических сил был нанесен указами Президента Б. Н. Ельцина о запрете деятельности коммунистической партии после августовских событий 1991 года [10]. У сторонников коммунистической идеи в условиях распада Советского Союза имелось несколько стратегий развития: во-первых, продолжать строительство республиканской коммунистической партии (КП РСФСР – КПРФ), во-вторых продолжать линию на воссоздание КПСС (Союз коммунистических партий – КПСС), в-третьих выбрать альтернативную КПРФ модель (РКРП, Союз коммунистов, «Трудовая Россия») [1, с. 506]. В условиях конституционного кризиса осени 1993 года деятельность КПРФ на 17 дней была приостановлена, что заставило руководство КПРФ искать возможность для участия в политической жизни страны.

Еще в 1993 году один из авторов Конституции Российской Федерации В. Л. Шейнис

cratic Socialism was integrating into postwar political system was also essential difference. The Communist Party of the Russian Federation was one of those who was creating young political system of modern Russia. Having a great support from the voters, the Communist Party of the Russian Federation claimed the role of the ruling party and had consolidating opposition potential. The Party of Democratic Socialism couldn't get it, as it had important political competitor - the Social Democratic Party of Germany.

Key words: political parties, parties' genesis, democratic transit, 'red belt', the Communist Party of the Russian Federation, the Party of Democratic Socialism, Left-wing movements.

предлагал провести реформу избирательного законодательства ориентируясь на опыт стран Центральной и Восточной Европы. В качестве примера был взят политический опыт ФРГ. Конечно же, российская электоральная модель должна была иметь и свои отличия.

Во-первых, 5 %-й барьер исключал возможность представителям малых партий претендовать на долю мест в рамках пропорциональной системы, в ФРГ же партии, получившие определенное количество мест по одномандатным округам, имели право и на пропорциональное представительство. Во-вторых, партийные списки в российской политической системе были представлены в общенациональном формате, в Германии – в формате отдельных «земельных» списков. Нельзя не заметить отсутствия взаимосвязи между элементами пропорциональной и мажоритарной систем в России, причем такая взаимозависимость присутствовала в ФРГ [2, с. 50–51].

КПРФ проиграв выборы в первую Государственную Думу и оказавшись в меньшинстве, выиграла стратегически: статус парламентского меньшинства в Думе 1993 г. обеспечил публичному имиджу компартии свободу от ответственности за неудачи правительственной политики. Парадоксально, но в поставторитарных обществах для любой партии оказывается более благоприятной скорее относительная неудача, чем явный успех на «учредительных выборах» [2, с. 237]. В первые дни работы Думы сложился фактический блок шести фракций, добивавшихся избрания спикером Думы представителя оппозиции: Коммунистическая партия РФ (45 человек), Аграрная партия России (55), депутатская группа «Российский Путь»

(12), ЛДПР (64), Демократическая партия России (15), Женщины России (23). Вместе с 8 независимыми депутатами – оппозиционерами и центристами блок насчитывал 222 голоса, т.е. ровно половину депутатов. На выборах 1993 года в Курской, Тамбовской, Тверской областях и Мордовии по одномандатным округам в Думу прошли кандидаты от КПРФ. Это стало причиной формирования «красного пояса», который определял специфику развития российской региональной политики до начала 2000-х гг.

На этапе функционирования первой Думы 23–24 апреля 1994 г. прошла всероссийская конференция КПРФ, где были приняты программные тезисы «От кризиса – к устойчивому развитию, народовластию и социализму». Программа КПРФ содержала идею возвращения к советской политической традиции, отказ от рыночной модели экономики. Современный политический режим характеризовался как «режим беззакония и насилия» [6]. КПРФ не порывала со сталинским наследием, во многом ситуативно относилась к идеологическим догматам, используя национально-патриотическую риторику.

Во второй Государственной Думе левые силы имели около половины голосов. Суммарная численность фракции КПРФ, Аграрной группы и группы Народовластие составляла приблизительно 220 депутатов. За вычетом голосов нескольких депутатов из Народовластия и с присоединением голосов нескольких независимых депутатов получают около 225 голосов. Во многом, левые победили на выборах из-за открытого отступления правых: А. Б. Чубайс устранился от выборов в 1995 году, заявил о своём нейтралитете, дабы выстроить поддержку центристов и ослабить поляризацию парламента.

Благодаря деятельности оппозиции, в т.ч. КПРФ, парламент становится полновесной институциональной единицей в стране, т.к. около двадцати человек перешли в федеральные органы исполнительной власти. Безусловно, такие «переходы» не определяли факторов, влияющих на политический процесс, но создавали прецеденты рекрутирования политической элиты для исполнительной власти. Государственная Дума впервые выработала механизм отлаженных контрольных функций: органом контроля и влияния становилась Счётная палата, которая с 1995 по 2000 гг. получила 241 поручение парламента. Борьба за СМИ осуществлялась в первую очередь левой оппозицией, было принято 14 законов и постановлений, касающихся этой проблемы.

Поэтому интересны результаты голосования оппозиции по ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О СМИ» в первом чтении 14.01.98 г. Предлагаемый законопроект блокировал возможности «финансово-промышленных» групп влиять на политические СМИ, запрещал одному юридическому лицу иметь более 25 % акций вещателя на территориях свыше 10 субъектов и т.д. Через счётную палату парламентарии осуществляли проверку финансово-хозяйственной деятельности РИА «Вести», РГК «Русское видео», ОАО ОРТ.

Радикально-традиционалистский электорат в 1990-е гг., в большинстве своём левый, составлял 22–34 % от всех избирателей. На выборах Президента 1991 г. к этому направлению относились В. Жириновский, А. Макашов, Н. Рыжков, А. Тулеев. В сумме за них проголосовало 25,32 % избирателей. В свою очередь 25,16 % избирателей заявили о своём недоверии Б. Ельцину на апрельском референдуме 1993 г. В декабре 1993 г. ЛДПР, КПРФ и АПР (партии радикальной оппозиции) получили 21,92% голосов проголосовавших. 21,92 % [3, с. 33–46] – это наименьший процент голосов, который был получен когда-либо радикально-традиционалистскими партиями. Однако это было связано с тем, что часть оппозиционных голосов перешла центристским движениям. В 1993–1996 гг. в регионах (в том числе самых оппозиционных), в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, наблюдалось уменьшение лояльности к демократам. Наиболее заметно это было в прокоммунистической Тамбовской области, где число поддерживающих демократов сократилось в полтора раза. Но такая тенденция затронула не только оппозиционные регионы, но и изначально лояльно-демократические, и была наиболее заметна во Владимирской области. Также тенденция наблюдалась в Центральной России (Костромской, Калужской, Ивановской, Тульской областях), на Северном Кавказе (Ставропольском, Краснодарском краях и Северной Осетии), в Сибири (Алтайском и Красноярском край, Новосибирской, Омской областях), на Урале (Оренбургской и Свердловской областях), в Кировской и Нижегородской областях.

Очевидно, что при сокращении лояльного к демократам электората не обязательно происходит увеличение радикально-традиционалистского, поскольку может увеличиваться число населения, голосующего против всех или не голосующего. Наибольший пророст радикально-традиционалистского электората в сравнении с 1991 г. наблюдался в большин-

стве регионов «красного пояса» – от Брянска до Ульяновска и Чебоксар, за исключением Тамбовской и Смоленской областей. Но в этих областях в 1991 г. процент радикально-традиционалистского электората был небольшой. Большой рост был замечен в Липецкой области. Отсутствие поддержки президентских реформ спровоцировало рост данного электората в изначально самых продемократических регионах – Нижегородской, Самарской, Челябинской, Волгоградской (в меньшей степени) областях. На севере страны было замечено снижение радикально-традиционалистского электората. В Эвенкии, Корякском Автономном Округе, на Таймыре его число сократилось более, чем в два раза, если сравнивать с 1991 г., а в Карелии, Мурманской, Вологодской областях, Республике Коми – в полтора-два раза.

Успешным было и участие КПРФ в регионах, традиционно не относящихся к «красному поясу». Выборы декабря 1995 года в Ростовской области показали значительный уровень доверия КПРФ, коммунисты победили в голосовании по партийным спискам (27 %). Коммунистам и их союзникам удалось провести в Думу пятерых депутатов.

Таким образом, КПРФ стала партией-представительницей «системной оппозиции», уверенно заняв второе место в электоральных предпочтениях россиян. При этом КПРФ – партия, которая не вполне успешно выстраивала коалиции в федеральном центре и регионах, во второй половине 90-х имела реальный шанс стать правящей партией. КПРФ обладала думским большинством. Дума впервые создавала крупнейшие конституционные прецеденты (например, длительная процедура импичмента Президента – «медицинский импичмент»). Также произошёл перенос акцентов деятельности Думы с законотворческой на политическую, т.е. парламент, усилив позиции, выработал новую модель противостояния с исполнительной и президентской властью. Принимаемые законопроекты в области экономики не позволяли проводить реформы в том виде, в котором их видели в Правительстве.

Главным последствием объединения ФРГ и ГДР стало создание общефедеральной избирательной системы. Единственная партия, которая смогла найти себе место в партийно-политическом ландшафте ФРГ – наследница Социалистической единой партии Германии – Партия демократического социализма (ПДС). Ее программная проблематика является проблематикой ГДР, которая не соответствует состоянию дискуссий левого движения в ФРГ» [7,

с. 216]. Руководство будущей ПДС уже в 1989 г. было серьезно озабочено проблемой реформирования. На чрезвычайном съезде партии 16 декабря 1989 г., Михаэлем Шуманом, одним из основателей ПДС, был зачитан доклад, посвященный причинам кризиса и ответственности СЕПГ за общественно-политическую ситуацию в стране - доклад «Нас «сломают», если мы не развенчаем сталинизм как систему» [18, ss. 33–57]. Шуман говорил о том, что необходимо мобилизовать весь интеллектуальный потенциал партии на реализацию цели, которая должна привести в будущем к созданию платформы для радикального обновления партии. В докладе содержалась критика Политбюро за наличие «вездесущего аппарата и идеологии оправдания злоупотреблений, всеобщее одобрение» [18, s. 34]. В докладе Шумана можно выделить серьёзный барьер, разделяющий консервативное крыло СЕПГ и будущих реформаторов из ПДС. Шуман критикует отсутствие ясной программы действий у Э. Кренца. Критика сталинистских оснований СЕПГ позволила будущим протопартийным структурам чётко обособить себя от идеологии, господствующей в эпоху Хоннекера [18, s. 35].

Первый год эволюции партии (1990 г.) условно можно назвать подготовительным. Чрезвычайный съезд СЕПГ, состоявшийся в декабре 1989 года, постановил преобразовать партийные структуры в ПДС. Концептуальной основой партии продолжала оставаться плюралистическая модель, включившая в себя «социал-демократические, социалистические, коммунистические, антифашистские и пацифистские традиции» [10, s. 157]. Наиболее влиятельные лидеры новой партии были представителями второго эшелона партийной бюрократии, не потерявшие веру в социалистическое будущее страны. Среди них Ханс Модров, партийный секретарь из Саксонии, упомянутый выше Михаэль Шуман, адвокат Грегор Гизи. Реформа СЕПГ как считали партийцы, дала «шанс для радикального обновления партии» [10, s. 157].

В интервью газете «Neues Deutschland», М. Шуман говорил о необходимости конструирования новой партии на базе СЕПГ, и выступал против политики «люстрации» в отношении партийных членов: «будто бы члены СЕПГ – это тоталитарная испорченная часть этого общества, а другие граждане находились в состоянии невинности» [12].

Партия демократического социализма была окончательно сформирована 4 февраля 1990 г. на декабрьском съезде. Первые программные установки партии были концептуализированы

именно тогда. Основной акцент в них был сделан на радикальный реформизм, но в то же время признание «правил игры» в партийном и электоральном ландшафте. «Мы выступаем за радикальные реформы, имеющие своей целью революционное преобразование для достижения социалистического идеала» [16, s. 700]. При этом подчёркивалось признание многообразия форм собственности, значение экологических проблем в развитии общества. Первая Программа партии наиболее точно решала проблемы самоидентификации ПДС по отношению к СЕПГ, пыталась ответить на вопрос о месте ПДС в процессе демократизации общественной системы бывшей ГДР.

На выборах в Народную Палату в марте 1990 г. ПДС должна была представить себя электорату, и в целом, набрав 16,4 % (около 1,8 млн избирателей) [15, p. 369–393] сделала это успешно и тем самым развеяла мысли о том, что партия в скором времени уйдет с политической арены. Партия обеспечила себе 66 мест в парламенте [8]. На выборах в Городское Представительное Собрание 6 мая 1990 года ПДС выступила достаточно неудачно (14,6 %), а на выборах в ландтаги 14 октября 1990 г. набрала лишь 11 %.

В целом среди избирателей и членов партии большую часть занимала интеллигенция (люди со специальным и высшим образованием, граждане, работающие в государственных органах, в полиции, армии или системе образования). Во всех окружных центрах (кроме Эрфурта) эти социальные группы голосовали за ПДС [5]. Необходимо отметить, что в окружных центрах партия получала большее количество голосов, чем в среднем по округам, а в Берлине – чем в среднем по стране. В некоторых районах Берлина ПДС превзошла ХДС и СДПГ. Такой успех на выборах 1990 г. был связан еще и с тем, что в городских районах процент переселенцев из ГДР был гораздо выше. Рабочих среди избирателей было достаточно мало, особенно в сельских районных городах и в целом в сельских районах на юге страны. Процент голосующих рабочих за Партию достигал там от 4,8 % до 9 % [5]. В индустриальных центрах процент рабочих был значительно выше. Так, к примеру, в Айзенхюттенштадте Партия набирала 25,98 % от рабочих, в Шведте – 28,43 %, в Хойерсверде – 21,31 %, в Губене – 20,98 % [5]. В целом низкий процент среди рабочих во многом связан с внутренними проблемами партии – мировоззренческой, касающейся содержания программы, и политической, связанной с тактикой проведения избирательной

кампании. Несмотря на то, что корни партии были в рабочем движении, многие рабочие при появлении возможности вышли из нее. При проведении избирательной кампании партия ориентировалась, прежде всего, на защиту социальных прав трудящихся. Слабой стороной кампании стала предложенная концепция экономического развития, не отвечающая реалиям изменяющегося государства.

Безусловно, важной задачей для партии после объединения Германии в 1990 г. стало укрепление своей структуры на территории восточных земель, которые были готовы оказать ПДС электоральную поддержку в общегосударственном масштабе. При этом на момент объединения Германии в западных землях не существовало партии аналогичной ПДС, объединившись с которой могла бы возникнуть крупная и политическая структура. Однако потенциал старых федеральных земель был также очевиден. В связи с этим Партия демократического социализма поставила себе цели создать социальную базу и широкую организационную сеть в западных землях. Среди политических структур, в лице которых ПДС видела возможных союзников, была часть новых социальных движений, кружки марксистского толка, левоориентированные профсоюзы. Кроме того, казались возможными перспективы сотрудничества с левым крылом СДПГ и партией «зелёных» (фундаменталисты) [17, s. 33–36], а также Германской коммунистической партией (ГКП). Примечательно, что по статистике в качестве потенциального союзника 18 % граждан рассматривали СДПГ, 53 % – ГКП и 60 % – «зелёных».

Тем не менее, стремление расширить свое влияние на западные земли и позиционировать себя как основную левую политическую структуру в общегосударственном масштабе столкнулось с рядом трудностей. В основном они были связаны с особенностями и различием политических культур ГДР и ФРГ. Основные стереотипы о деятельности ПДС были связаны с тем, что партия демократического социализма – это партия ГДР, а круг проблем, рассматриваемых партией, также является исключительно проблемами ГДР, которые не могут соответствовать проблематике левых ФРГ.

На общенемецких выборах 2 декабря 1990 г. победу в объединенной ФРГ одержала консервативная коалиция Гельмута Коля, далее шли социал-демократы во главе с будущим лидеромлевой партии Оскаром Лафонтемом. ПДС получила лишь 11,1 % в восточных землях и 0,3 % – в западных. На выборах 1990 г. ПДС

ожидала получить около 1 млн. голосов, однако по факту их оказалось значительно меньше. В то же время к концу 1991 г. в 10 региональных организациях Западной Германии было около 600 человек из Левого списка/ПДС. Лишь половина из них принимала активное участие в политической жизни [17, с. 33–36]. Таким образом, несмотря на стремление активно функционировать и набирать сторонников в западной Германии, партия продолжала оставаться влиятельной лишь в новых федеральных землях.

В 1994 г. состоялась достаточно длительная избирательная кампания – к федеральным и европейским выборам добавились выборы в ландтаги и местные органы власти. Для ПДС этот период был связан с тем, что партия попыталась расширить круг своих избирателей – в предвыборных заявлениях во многом акцент был сделан на жителей западных земель. Поднимались такие вопросы, ранее сильно не затрагиваемые, как движение в защиту окружающей среды и феминизм.

Выборы в местные органы власти прошли для ПДС достаточно успешно. В Мекленбургско-западной Померании ПДС набрала 24,3 %, в Саксонии – 16,3 %, в Тюрингии – 15,7 % [4, с. 93–100]. В результате выборов 1994 г. ПДС заняла прочное положение в 6 восточных ландтагах, бесспорно, партия пользовалась популярностью в восточных землях ФРГ.

На выборах в бундестаг она сумела существенно увеличить электоральную поддержку, хотя и не перешагнула пятипроцентный порог (4,4 % голосов) [8]. Попастъ в парламент ей удалось за счет завоевания четырех персональных мандатов в восточных округах Берлина, где популярность ПДС была особенно велика. Выборы 1994 г. позволяют сделать вывод о том, что партия уже заняла определенное место в партийной системе страны. При этом необходимо учитывать ярко выраженную диспропорцию, которая заключалась в том, что политический рейтинг партии в восточных землях составлял 20 %, тогда как политический вес в стране был равен всего 5 %.

В 1995 году состоялась партийная конференция в Шверине, где были выдвинуты 10 тезисов, которыми ПДС будет в дальнейшем руководствоваться. Положения, содержащиеся в данных тезисах, никаким образом не соотносились с неолиберальной политикой Гельмута Коля, и представляли собой радикальную альтернативу в преодолении «господства капитала». При этом в тезисах существовали формулировки, которые вызывали неодобрение со стороны некоторых членов ПДС. Говорилось

о трансформации левого сегмента немецкой партийной системы. При этом партия была готова встраиваться в социально-экономическую жизнь Германии. Кроме того, речь шла о «новом общественном договоре», что также нельзя было назвать социалистическим [14, р. 81]. Данные моменты вызвали острейшее неприятие со стороны Коммунистической платформы, что вылилось в открытый конфликт между сторонами. Коммунистическая платформа полагала, что через тезисы можно было показать ПДС как оппозиционную структуру с ее политическими особенностями. В то время как, т.н. «реформаторы» рассматривали тезисы как возможность реально приобщить ПДС к политической жизни объединенной Германии.

С середины 1990-х гг. наблюдалось все большее вовлечение ПДС в политическую систему. Это проявлялось и в том, как ПДС и Зеленые были заинтересованы в усилении своего влияния на земельном уровне. К этому моменту представители ПДС уже активно принимали участие в политической жизни в восточных землях, однако вопрос создания коалиции сталкивался с большими трудностями.

Для СДПГ в восточных землях «опасность» со стороны ПДС заключалась в следующем. ПДС могла представить себя как жертву западных немецких партий в связи с последовательными требованиями многих представителей из них запретить ПДС в связи с экстремизмом и связью с ГДР. Поэтому стратегия «исключения» по отношению к ПДС со стороны СДПГ и Зеленых нуждалась в некоторой интеллектуальной перестройке.

Первые плоды этих перемен фактически проявились накануне выборов 1994 года, когда один из лидеров СДПГ Райнхард Хеппнер в Саксонии-Анхальт предложил поддержку коалиции СДПГ/Зеленые. Хеппнер пошел на это исходя из положения ПДС, поскольку она была третьей по величине парламентской фракцией, что побудило его сделать решающий шаг. Хеппнер заявлял, что при необходимости СДПГ будет искать поддержку и у ХДС, однако более прагматично было заключить союз с ПДС, чем с правыми силами. Тем не менее, союз с ПДС не был заключен. Кризис коалиции ХДС/СДПГ в апреле 1996 в Мекленбурге-Передней Померании впоследствии привел к созданию первой красно-красной коалиции.

Так как до 1994 года самой важной целью ПДС было быть представленным в Бундестаге, внутрипартийные конфликты были связаны, прежде всего, со стратегией попадания в федеральное представительство [13, с. 67].

В действительности у партийных организаций была высокая степень автономии, внутри партии продолжала сохраняться несовместимость внутрипартийных крыльев между отдельными земельными организациями. Наиболее внушительным этот феномен кажется в Мекленбурге-Передней Померании и Саксонии. На северо-востоке Германии партия предпринимала первые уже в середине 1990-х годов робкие шаги в направлении правительственного участия. Это определялось, прежде всего, двумя факторами.

С одной стороны, это была неоспоримая позиция руководства партийной организации Мекленбурга-Передней Померании, в особенности будущего министра труда Гельмута Холтера, который настойчиво и прагматично был настроен «на решение проблем для людей здесь в земле». С другой стороны, складывались благоприятные для ПДС общие условия развития партийной системы Мекленбурга-Передней Померании, вследствие выбывания СвДП из ландтага (ПДС в по-новому встроилась в возникшую трехпартийную систему). Способствовали этому и внеинституциональные связи: хорошие отношения между Хольтером и его коллегой из СДПГ, Харальдом Рингсторффом. В Саксонии, напротив, ПДС была настроена значительно более оппозиционно и потому строительство коалиции проходило сложнее. В Саксонии не было неоспоримой фигуры как Хольтер, вместо борьбы личностей этой борьба развернулась за электорат традиционалистов – жителей Лейпцига и прогрессивного Дрезденского городского союза. В это давало возможность земельной организации выделиться в ландтаге, конкурируя с могущественной ХДС и слабой в регионе СДПГ.

Фактически, стратегии и цели земельных организаций ПДС значительно отличались друг от друга в середине 1990-х годов. Неоднородность и свободное развитие региональных

организаций казались уместными, чтобы избежать расползания партии. Хорошего способа влияния на интересы отдельных земельных организаций у берлинской парторганизации также не было. В 1994 г., например, земельный съезд партии в Саксонии отказывался выставить кандидатуру из общегерманского списка в свой список на выборы в бундестаг и выдвигал на это место своих «консерваторов старого крыла» [11].

Изначально ПДС опиралась на большую поддержку электората восточных земель. Однако по мере трансформации программы Партии (от достаточно «сырого» к проработанному варианту) и формирования четкой позиции в противопоставлении себя как коммунистическому, так и социал-демократическому движению ПДС также смогла найти «небольшую» опору и в западных землях.

ПДС стала одной из основных политических партий Германии 90-х гг., показала свою способность влиять на партийные коалиции на земельном уровне. Постепенно приобретая устойчивую структуру и внутреннюю самостоятельность, партия сумела провести «ребрендинг» перед электоратом от социализма СЕПГ к современному постсоциализму, способному конкурировать с социал-демократическим прочтением левой парадигмы.

КПРФ и ПДС представляют собой различные партийные модели «выживания» социалистической идеологии в посткоммунистических странах. Общим для обеих партий была борьба за политическое сохранение в условиях желаний части новой политической элиты запретить их деятельность. Принципиально разными были социальный состав и подходы к идеологии: ПДС оказалась более гибкой по отношению к прошлому и сохранила фракционность, в отличие от КПРФ, проявившей меньшую идейную гибкость.

Источники и литература

1. Безбородов А. Б., Елисеева Н. В. История Коммунистической партии Советского Союза. М.: РОСПЭН, 2014. 671 с.
2. Гельман В. Я. Институциональный дизайн: «создавая правила игры» // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / общ. ред.: В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина. М.: Весь Мир, 2000. 248 с.
3. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Политические исследования. 1996. №4. С. 33.
4. Красинский В. В. Успехи и проблемы «левых» на выборах в Германии // Государство и право. 2010. №6. С. 93–100.
5. Кузнецов С. В. ГДР: итоги свободных выборов // Социальные проблемы зарубежных стран. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/424/699/1217/018Kuznetsov.pdf> (Дата обращения: 22.10.2018).
6. От кризиса – к устойчивому развитию, народовластию и социализму // Советская Россия. 28 апреля. 1994.
7. Орлов Б. С. Германия на пороге 21 века // Объединенная Германия: десять лет спустя. Проблемно-тематический сборник. Центр научной информации исследования глобальных и региональных проблем. Отдел Западной Европы и Америки / отв. ред. и сост. А. А. Амплеева. М.: РАН ИНИОН, 2001.
8. Спасский Е. Н. Левая партия в партийной системе ФРГ: от изоляции к укорененности // Журнал Политекс. URL: <http://www.politex.info/content/view/196/30/> (дата обращения: 25.10.2018).

9. Указы Президента РСФСР от 23 августа 1991 года «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 года «Об имуществе КПСС и КП РСФСР», от 6 ноября 1991 года «О проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №35.
10. Die PDS – Herkunft und Selbstverständnis. Hrsg. von L. Bisky, J. Czerny, H. Mayer M. Schumann. 1996.
11. Funk A. Traditionsvereinim Feindesland, in: Tagesspiegel, 14. März 1994.
12. Von der SED zur PDS – geht die Rechnung auf? / Schumann M. Interview für die Tageszeitung «Neues Deutschland» 1 vom 26. Januar 1990.
13. Neugebauer G., Stöss R. Die PDS. Organisation, Geschichte, Wähler, Opladen 1996.
14. Oswald F., The Party That Came Out of the Cold War: The Party of Democratic Socialism in United Germany (London: Praeger, 2002).
15. Roth D. 'Die Wahlen zur Volkskammer in der DDR. Der Versuch einer Erklärung', Politische Vierteljahresschrift, 31, 1990.
16. Wilke M. Ist die Partei «des demokratischen Sozialismus» (PDS) noch eine kommunistische Partei? // Politische Studien. München, 1990. № 314.
17. Willerding J. Zur Rolle der PDS als gesamtdeutsche Partei // Marxistische Blätter. Berlin, 1990. № 3.
18. Wolfram A. (Hrsg.) Schumann M. Hoffnung PDS. Reden, Aufsätze, Entwürfe 1989–2000. B. Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2004.

References

1. Bezborodov A. B., Eliseeva N. V. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (*The History of The Communist Party of the Soviet Union*). Moscow: ROSSPEN, 2014. 671 p. (In Russian).
2. Gel'man V. Y. Pervyy elektoralnyy tsikl v Rossii (1993–1996) (*The First Electoral Cycle in Russia (1993–1996)*). Moscow: Ves' Mir, 2000. 248 p. (In Russian).
3. Kolosov V. A. Turovski y R. F. Elektoralnaya karta sovremennoy Rossii: genezis. struktura i evolyutsiya (*Electoral map of modern Russia: genesis, structure and evolution*) // Polis. 1996. No.4. P. 33. (In Russian).
4. Krasinskiy V. V. Uspekhi i problemy «levykh» na vyborah v Germanii (*Left-wing's successes and problems at the elections in German*) // Gosudarstvo i pravo. 2010. No. 6. P. 93–100. (In Russian).
5. Kuznetsov S. V. GDR: itogi svobodnykh vyborov (*DDR – the results of free elections*) // Federalnyy obrazovatelnyy portal ESM. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/424/699/1217/018Kuznetsov.pdf> (Accessed: 22.10.2018). (In Russian).
6. Ot krizisa – k ustoychivomu razvitiyu, narodovlastiyu i sotsializmu (*From crisis to sustainable development, democracy and socialism*) // Sovetskaya Rossiya. 1994. April 28. (In Russian).
7. Orlov B. S. Germaniya na poroge 21 veka (*Germany on the threshold of 21 century*) // Tsentri nauchnoy informatsii issledovaniya globalnykh i regionalnykh problem. Otdel Zapadnoy Evropy i Ameriki. Moscow: RAN INION publ., 2001.
8. Spasskiy E. N. Levaya partiya v partiynoy sisteme FRG: ot izolyatsii k ukorenennosti (*Left-wing party in the West Germany parties' system*) // Zhurnal Politeks. URL: <http://www.politex.info/content/view/196/30/> (Accessed: 25.10.2018). (In Russian).
9. Ukazy Prezidenta RSFSR ot 23 avgusta 1991 goda «O priostanovlenii deyatel'nosti Kommunisticheskoy partii RSFSR», ot 25 avgusta 1991 goda «Ob imushchestve KPSS i KP RSFSR», ot 6 noyabrya 1991 goda «O proverke konstitutsionnosti KPSS i KP RSFSR» (*Presidential decrees about the suspension of the Communist Party of RSFSR dated 23.08.1991, about the property of CPSU and the Communist Party of RSFSR the dated 25.08.1991, about constitutionality's verification of CPSU and the Communist Party of RSFSR dated 6.11.1991*) // Vedomosti Syezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1991. No.35. (In Russian).
10. Die PDS – Herkunft und Selbstverständnis. Hrsg. von L. Bisky, J. Czerny, H. Mayer M. Schumann. 1996.
11. Funk A. Traditionsvereinim Feindesland, in: Tagesspiegel, 14. März 1994.
12. Von der SED zur PDS – geht die Rechnung auf? / Schumann M. Interview für die Tageszeitung «Neues Deutschland» 1 vom 26. Januar 1990.
13. Neugebauer G., Stöss R. Die PDS. Organisation, Geschichte, Wähler, Opladen 1996.
14. Oswald F. The Party That Came Out of the Cold War: The Party of Democratic Socialism in United Germany (London: Praeger, 2002).
15. Roth D. 'Die Wahlen zur Volkskammer in der DDR. Der Versuch einer Erklärung', Politische Vierteljahresschrift, 31, 1990.
16. Wilke M. Ist die Partei «des demokratischen Sozialismus» (PDS) noch eine kommunistische Partei? // Politische Studien. München, 1990. № 314.
17. Willerding J. Zur Rolle der PDS als gesamtdeutsche Partei // Marxistische Blätter. Berlin, 1990. № 3.
18. Wolfram A. (Hrsg.) Schumann M. Hoffnung PDS. Reden, Aufsätze, Entwürfe 1989–2000. B. Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2004.

УДК 94(38).02

Д. В. Зайцев

ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОСАДЫ ТРОИ В «ИЛИАДЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ВОИНСКОЙ ЭТИКИ У ГОМЕРА¹

Важными эпизодами для оценки особенностей гомеровской воинской этики являются сцены, когда один из ахейских героев предлагает другим прекратить осаду и вернуться домой. С одной стороны, эти сцены являются необходимыми элементами военных советов и используются поэтом для демонстрации сложности ситуации ахейцев под Троей перед принятием важных решений. В этом случае обычно с предложением прекратить осаду выступает тот, кто созвал собрание, чаще всего, Агамемнон. Причиной прекращения осады и бегства на родину оратор называет волю богов. Последняя может быть явно выраженной знаменами Зевса, либо следовать из общего неудачного положения дел – мором или военными поражениями. В качестве угрозы использует идею прекратить осаду Трои и вернуться домой Ахилл. В его случае угроза уйти из войска ахейцев является закономерным следствием нанесенного герою оскорбления. Этот тезис убедительно доказывает и В. Йегер, подчеркивающий важность сохранения определенной модели управления в войске и уважительного отношения к ἀρετή героев. Моральное осуждение, которые мы встречаем в отношении

Ахилла, концентрируется на том, что герой слишком упорствует в своем гневе и не идет на примирение с признающим свою вину Агамемноном. Полноценный план прекращения осады в кризисный момент формулирует Агамемнон, предлагающий спустить часть кораблей на воду и ночью бежать от троянцев. Проработанность проектов отступления нарастает по мере ухудшения положения ахейцев под Троей. Если в первых песнях никто всерьез не возражает оратору, предлагающему прекратить осаду, то впоследствии на реалистичность обсуждаемых планов указывает резкая тональность высказываний Диомеда и Одиссея, осуждающих саму идею прекратить осаду. Прекращение осады воспринимается персонажами поэмы как позор, за который их впоследствии будут упрекать в трусости. Особенно ярко эта идея прослеживается в словах Агамемнона раненому Менелая и, конечно, она ярко контрастирует с высказанной тем же Агамемноном идеей о допустимости ночного бегства ради спасения войска.

Ключевые слова: Гомер, «Илиада», бегство, Агамемнон, Троя.

D. V. Zaytsev

PROPOSALS ON THE LIFTING OF THE SIEGE OF TROY IN THE «ILIAD»: THE PROBLEM OF MILITARY ETHICS IN HOMER

Important episodes to assess the characteristics of the Homeric military ethics are the scenes when one of the Achaean heroes offers the others to stop the siege and return home. On the one hand, these scenes are necessary elements of military councils and are used by the poet to demonstrate the complexity of the situation of the Achaeans under Troy before making important decisions. In this case, the one who calls the meeting offers the cease of the siege, namely Agamemnon. He names the will of the gods the reason for the end of the siege and flight home. The latter can be clearly expressed by the signs of Zeus, or follow from the unfortunate situation – pestilence or military defeats. Achilles uses the

idea to end the siege of Troy and return home as a threat. In his case, the threat to leave the army of the Achaeans is a natural consequence of the insult inflicted on the hero. V. Yeager proves this thesis and emphasizes the importance of maintaining a management model in the army and respect for ἀρετή of heroes. The moral condemnation of Achilles focuses on the fact that the hero is too stubborn in his anger and does not go to reconciliation with the guilty Agamemnon. Agamemnon comes up with a full-fledged plan to end the siege at a crisis moment, offering to lower some of the ships on the water and to escape from the Trojans at night. The elaboration of the draft retreat is enhanced with the deterioration of the situ-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-39-50005 «Этика войны в раннегреческой эпической и лирической поэзии VIII–VI вв. до н. э.».

ation of the Achaeans under Troy. If in the first songs no one seriously objects to the speaker proposing to end the siege, then later the sharp tone of the statements of Diomedes and Odysseus, condemning the idea to end the siege, indicates the realism of the plans discussed. The lifting of the siege is perceived by the characters of the poem as a disgrace for which

Проблема Гомера и гомеровских поэм как исторического источника неоднократно поднималась в историографии [4; 5]. Главная сложность их использования в работе заключается в трудности анализа эпоса, включающего в себя разновременные реалии. Отдельные исследователи скептически относятся к существованию гомеровского общества и реконструкции исторических реалий на основе гомеровского эпоса [15]. Тем не менее, большинство ученых полагает, что, при всей неоднородности гомеровских поэм, они содержат ценную информацию, которую можно использовать как источник по греческой истории. В качестве важного метода исследования используется сопоставление реалий, описанных в «Илиаде» и «Одиссее», с археологическими материалами [1; 2] или восточными архивами [3]. Эта методика работает далеко не всегда. В частности, если предметом исследования являются социально-психологические модели, другие виды источников, кроме нарративных, становятся бесполезными для верификации полученных знаний.

Этика поведения гомеровских героев неоднократно становилась предметом изучения в исторических исследованиях [12; 13; 14]. В основном ученые пытались восстановить общую модель поведения, основные качества гомеровских героев, их систему ценностей. В рамках данной работы мы сосредоточимся только на одном аспекте гомеровской этики и проанализируем отношение персонажей «Илиады» к отступлению и бегству с поля боя. В качестве материала будут привлечены случаи, когда кто-либо из ахейцев предлагает прекратить осаду Трои и вернуться домой. При этом, тема бегства с поля боя в поэмах Гомера уже не является новой в историографии. Некоторое развитие она получила в связи с недавним открытием нового фрагмента паросского поэта Архилоха [10]. Это достаточно крупный отрывок стихотворения, в котором идет речь об ахейских героях, обращенных в бегство героем Телефом. Паросский поэт пишет, что в этой ситуации боги обернулись против ахейцев, поэтому их бегство не является позорным. Важность открытия заключается в том, что проблема

they will later be accused of cowardice. Especially vividly, this idea is traced in Agamemnon's words to the wounded Menelaus and, of course, it clearly contrasts with the idea expressed by the same Agamemnon about the admissibility of night flight for the sake of saving the army.

Key words: Homer, Iliad, flight, Agamemnon, Troy.

воинской этики в произведениях Архилоха решается неоднозначно. Ряд исследователей, на основании ранее известного творчества поэта, полагали его этику поведения антигомеровской или, по крайней мере, негомеровской [9, с. 212]. Фрагмент, в котором Архилох оправдывает бегство ахейских героев, породил новый виток споров о соотношении творчества Архилоха и гомеровских поэм, а также о том, какую именно этику поведения отражает творчество паросского поэта. С нашей точки зрения, принципиально важным является предварительный внутренний анализ гомеровского творчества на предмет отношения к отступлению и бегству с поля боя. И только после полноценного изучения гомеровских текстов необходимо переходить к компаративным исследованиям.

Первый интересный нам эпизод случается в самом начале поэмы. Во время мора, устроенного в греческом лагере Аполлоном, Ахилл созывает собрание ахейцев и начинает свое выступление с предложения оставить Трою и вернуться домой (Hom. II. I. 59–61). Продолжая речь, ахейский герой говорит, что, прежде чем принимать такое решение, необходимо выяснить причины мора и волю богов. В дальнейшем собрание обсуждает именно вторую мысль Ахилла. О предложении оставить Трою и бежать домой герои не вспоминают.

Второй раз тема возвращения домой поднимается в последовавшей за оглашением воли Аполлона перепалке Ахилла и Агамемнона. Ахилл, возмущенный угрозой царя Микен взять замену Хрисеиде из добычи других ахейцев, заявляет, что ему будет приятнее вернуться домой, нежели продолжать сражаться (Hom. II. I. 169–171). Интересно, что в последующей речи Агамемнона нет упреков Ахилла в трусости. Напротив, царь Микен осуждает героя за любовь к битвам, призывает его убежать и властвовать мирмидонцами на родине (Hom. II. I. 173–187).

Одним из наиболее важных эпизодов для нас является сцена испытания ахейского войска из второй песни «Илиады». Агамемнон, обманутый ложным сном, посланным ему Зевсом, решает перед боем с троянцами ис-

пытать войска, предложив прекратить осаду и вернуться домой. Эту уловку он формулирует сначала на совете ахейских вождей: φεύγειν σὺν νηυσὶ πολυκλήϊσι κελεύσω (Hom. II. II. 74), а затем и приводит в исполнение. Главной причиной для бегства из-под Трои Агамемнон называет дурные предзнаменования: Зевс, по словам царя Микен, обманул ахейцев и велит теперь отступать от стен Трои, не взяв города и погубив многих воинов: νῦν δὲ κακὴν ἀπάτην βουλευσάτο, καί με κελεύει δυσκλέα ἄργος ἰκέσθαι, ἐπεὶ πολὺν ὤλεσα λαόν (Hom. II. II. 114–115). Агамемнон сам полагает это отступление позором (αἰσχρὸν γὰρ τόδε γ' ἔστι), поскольку ахейцы численно намного превосходят троянцев и уже девять лет ведут войну, неся тяжелые потери (Hom. II. II. 119–130). Но город мешают взять троянские союзники, в большом числе приходящие на помощь осажденным (Hom. II. II. 130–133). Завершает свою речь Агамемнон призывом бежать из-под Трои и вернуться на родину к женам и детям: φεύγωμεν σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαίαν (Hom. II. II. 140). Главной причиной, послужившей основанием предложить прекращения осады и бегство на родину, безусловно, здесь стоит считать волю Зевса, выраженную в знаменнии. Дальнейшая речь о численном соотношении ахейцев и троянцев с союзниками призвана, как кажется, ввести слушателя поэмы в сюжет, объяснить причины длительности осады и уверенность ахейцев в конечной победе.

Реакция войск на речь Агамемнона отличается от предполагаемой им. Воины бросаются к кораблям и начинают сборы в обратную дорогу, никак не выражая желание продолжать осаду города. Успокаивает войска по просьбе Афины Одиссей. Царь Итаки забирает скипетр у Агамемнона и, уговаривая вождей и наказывая простых воинов, снова собирает ахейцев на совет. Важно отметить, что Одиссей стыдит вождей ахейского войска, упрекая их в страхе перед троянцами: δαίμονι' οὐ σε ἔοικε κακὸν ὡς δεῖδίσσεσθαι, ἀλλ' αὐτός τε κάθησο καὶ ἄλλους ἴδρουε λαούς (II. II. 190–191)

На этом сцена не заканчивается. После того как большая часть войска успокаивается, следует эпизод с Терситом, который также призывает ахейцев вернуться домой (Hom. II. II. 225–242). Терсит упрекает Агамемнона в том, что тот ведёт войну для своей выгоды, получая основную долю от добычи, а также нанёс серьёзную обиду лучшему из ахейцев – Ахиллу. Одиссей наказывает оратора за поношения в адрес Агамемнона. Интересно, что предложение прекратить осаду, высказанное Терситом,

не вызывает никакого отклика у окружающих. Ахейцы, только что бросившиеся к кораблям по предложению Агамемнона, полностью игнорируют идеи Терсита. Равно и Одиссей упрекает оратора за трусость и бесполезность на поле боя, однако не обращает внимания на предложение прекратить осаду.

В последующих выступлениях Одиссея и Нестора звучат призывы сражаться до взятия Трои. Одиссей перечисляет предзнаменования, которые сопровождали отправление ахейцев из Греции, и обещает, что их ждёт вечный позор, если перед самой победой они побегут на родину, не взяв города (Hom. II. II. 284–332). Нестор и вовсе угрожает смертью любому, кто попытается отправиться домой: εἰ δὲ τις ἐκπάγλως ἐθέλει οἶκον δὲ νέεσθαι ἀπτέσθω ἢς νηὸς εὐσσελμοιο μελαίνης, ὄφρα πρόσθ' ἄλλων θάνατον καὶ πότμον ἐπίσπη (Hom. II. II. 357–359). Схожая мысль звучит в последнем слове Агамемнона, который, призывая воинов снаряжаться в бой, угрожает смертью тем, кто будет уклоняться от сражений и останется в лагере: οὐ οἱ ἔπειτα ἄρκιον ἔσσειται φυγέειν κύνας ἢδ' οἰωνούς (Hom. II. II. 393–394).

Интересный эпизод мы встречаем в четвертой песне «Илиады», когда троянец Пандар ранит стрелой Менелая, одержавшего победу над Парисом в поединке. Агамемнон, увидев раненного брата, проклинает вероломство троянцев, нарушивших клятвы о перемирии, и сетует на возможные последствия смерти Менелая. Царь Микен начинает свою речь с того, что клятвopеступление троянцев должно получить заслуженное наказание от богов (Hom. II. IV. 155–168). Однако, если Менелай все же умрет, то Агамемнон, вынужден будет, испытывая тяжелейший стыд, вернуться на родину, поскольку ахейцы потеряют желание сражаться за Елену: καὶ κεν ἐλέγχιστος πολυδῖπιον ἄργος ἰκοίμην· αὐτίκα γὰρ μνήσονται Ἄχαιοὶ πατρίδος αἴης (Hom. II. IV. 171–172). Такой сценарий будет позором, в первую очередь, для Агамемнона, который возглавлял ахейское войско. Царь Микен рисует образ троянца, который будет гордиться победой над ахейцами, вскочив на гроб Менелая, и заключает, что тогда ему – Агамемнону – лучше провалиться сквозь землю: τότε μοι χάνοι εὐρεῖα χθῶν. Довольно интересно, что Агамемнон такое значение придает Менелая, как тому, кто удерживает ахейские войска под Троей, олицетворяет собой цель похода.

В начале девятой песни Агамемнон повторяет свое предложение бежать из-под Трои практически в той же формулировке, что и

ранее (Ном. II. IX. 17–28). Однако на этот раз предложение видится более соответствующим моменту, так как ахейцы терпят поражения, а боги посылают видимые всем воинам неблагоприятные знамения. Против Агамемнона резко выступает Диомед (Ном. II. IX. 34–49). Он упрекает царя Микен в отсутствии храбрости и заявляет, что Агамемнон может отправляться домой. Сам же Диомед собирается сражаться до самого падения Трои, даже если останется только со своим возницей Сфенелом: *εἰ δὲ καὶ αὐτοῖ φευγόντων σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν· νῶϊ δ' ἐγὼ Σθένηςός τε μαχησόμεθ' εἰς ὃ κε τέκμων Ἰλίου εὔρωμεν· σὺν γὰρ θεῶ εἰλήλουθμεν* (Ном. II. IX. 46–49). Диомед получает одобрение от всех собравшихся, после чего слово берет Нестор, который предлагает попытаться урегулировать конфликт между Ахиллом и Агамемноном. Предложение отступить из-под Трои и вернуться домой более не рассматривается.

Во время посольства к Ахиллу мы также встречаем интересный диалог. Пришедшие к герою послы – Одиссей, Феникс и Аякс – уговаривают Ахилла прекратить ссору с Агамемноном, приняв огромные дары, предложенные царем Микен (Ном. II. IX. 225–306). Ахилл в ответном слове перечисляет свои достижения и напоминает о тяжести нанесенной ему обиды. Помимо прочего, герой подчеркивает, что обильные дары Агамемнона ему не нужны, и он не планирует продолжать бои под Троей: *νῦν δ' ἐπεὶ οὐκ ἐθέλω πολεμιζέμεν Ἴκτορι δίῳ* (Ном. II. IX. 356). Затем Ахилл формулирует план своих дальнейших действий, угрожая ахейским вождям, что не просто будет продолжать уклоняться от сражений, но и снарядит корабли для возвращения на родину: *αὔριον ἱρὰ Διὶ ῥέξας καὶ πᾶσι θεοῖσι νηήσας εὔ νηας, ἐπὶν ἄλα δὲ προερεύσσω, ὄψεαι, αἶ κ' ἐθέλησθα καὶ αἶ κέν τοι τὰ μεμήλη, ἦρι μάλ' Ἑλλήσποντον ἐπ' ἰχθυόεντα πλεούσας νηας ἐμάς, ἐν δ' ἄνδρας ἐρεσσέμεναι μεμαῶτας* (Ном. II. IX. 357–361). Ахилл рассуждает, что имеющейся добычи, а также оставшегося дома достояния ему вполне хватит, и он не нуждается в дарах Агамемнона (Ном. II. IX. 364–367). Завершает свою речь Ахилл тем, что предлагает Фениксу остаться с ним и на следующий день отправиться на кораблях домой: *Φοῖνιξ δ' αὖθι παρ' ἄμμι μένων κατακοιμηθήτω, ὄφρα μοι ἐν νήεσσι φίλην ἐς πατρίδ' ἔπηται αὔριον ἦν ἐθέλησιν· ἀνάγκη δ' οὐ τί μιν ἄξω* (Ном. II. IX. 427–429).

Интересно, что в ответных словах послы признают правомерность претензий Ахилла и обоснованность его угроз, никак не критикуя планы вернуться на родину. Феникс уговаривает

героя оставить гнев, обращая внимание на то, что Агамемнон признал свою неправоту и предлагает значительные дары. В этом случае, по мнению Феникса, для Ахилла будет правильным и приличным оставить гнев (Ном. II. 513–523). При этом, Феникс готов последовать за героем домой, если тот решит не внимать мольбам ахейского войска (Ном. II. IX. 434–445). С точки зрения Феникса ошибкой Ахилла в этой ситуации может считаться только чрезмерная гневливость и упорство в отказе от войны с троянцами. В качестве примера он приводит Мелеагра, который, не получив даров в качестве компенсации за обиду, спас свой город от нашествия врагов (Ном. II. IX. 529–600). Просит Ахилла смягчить свой гнев и помочь друзьям и соратникам также Аякс (Ном. II. IX. 624–642). Он упирает на тяжесть положения ахейского войска и на то, что среди ахейцев много друзей Ахилла, тяжело страдающих в сражении с троянцами.

Важнейший диалог происходит в начале четырнадцатой песни. Нестор встречает идущих посмотреть на битву раненых вождей – Агамемнона, Диомеда и Одиссея – и просит их не рисковать жизнью, вступая на поле боя. Агамемнон, в свою очередь, предлагает новый план бегства. Он перечисляет последние неудачи ахейского войска, вынужденного оставить недавно построенную стену и отступить до самых кораблей, и приходит к заключению, что боги теперь способствуют только победам троянцев (Ном. II. XIV. 65–73). Поэтому Агамемнон предлагает спустить крайние корабли на море для того, чтобы ночью, когда трояне прекратят наступление, ахейцы могли сесть на них и бежать из-под Трои (Ном. II. XIV. 75–79). Завершает свою речь царь Микен, говоря, что нет позора в бегстве, даже ночном, и бегство лучше, чем гибель: *οὐ γάρ τις νέμεσις φυγέειν κακόν, οὐδ' ἀνὰ νύκτα. βέλτερον ὃς φεύγων προφύγη κακόν ἢ ἐ ἀλώη* (Ном. II. XIV. 80–81). Последняя фраза Агамемнона подразумевает, что ночное бегство отличается от дневного, вероятно, в худшую сторону. Однако больше в поэмах этот топос не встречается.

Интересно, что в «Илиаде», по большей части, мы встречаем и прямо противоположные суждения о бегстве. Например, альтернативную позицию формулирует Диомед. Когда на раненого героя нападают двое троянских воинов – Пандар и Эней, возница Диомеда – Сфенел – предлагает ему отступить от превосходящих противников. На это Диомед отвечает, что в его роду не принято отступать перед врагами: *μή τι φόβον δ' ἀγόρευ', ἐπεὶ οὐδὲ σὲ πεισέμεν οἴω.*

οὐ γάρ μοι γενναῖον ἀλυσκάζοντι μάχεσθαι οὐδὲ καταπτώσσειν· ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἐστίν· (Hom. II. V. 252–254).

Предложение Агамемнона также вызывает негативную реакцию окружающих. Царю Микен довольно сурово отвечает Одиссей, осуждающий высказанный план. Одиссей упирает на то, что война является главным делом ахейцев и они должны погибнуть с оружием в руках, но не бежать от противника. Кроме того, такое предложение ужасно именно со стороны Агамемнона, который является главой всего войска. Наконец, по мнению Одиссея, план Агамемнона гибелен с точки зрения того, какое влияние он окажет на текущее положение в битве. Ахейцы, увидев приготовления к отплытию, будут думать о бегстве, а не о том, как отстоять лагерь и корабли (Hom. II. XIV. 83–102). В ответном слове Агамемнон не отказывается от своего плана и предлагает другим высказать лучшую идею (Hom. II. XIV. 104–108). Прекращает дискуссию Диомед, предлагающий вождям надеть доспехи и выйти к войскам для ободрения сражающихся (Hom. II. XIV. 126–132).

Как кажется, хорошо суммирует часть вышеприведенных примеров одна из фраз, относящихся к «Долонии». В начале десятой песни Менелай и Агамемнон решают разбудить других вождей ахейцев, чтобы проверить ночную стражу и еще раз обдумать положение войска. Когда Агамемнон вместе с Нестором призывают Одиссея, Нестор предлагает царю Итаки следовать на совет, где ахейские вожди решат бежать им или сражаться: ἀλλ' ἔπε', ὄφρα καὶ ἄλλον ἐγεῖρομεν ὄν τ' ἐπέοικε βουλὰς βουλευεῖν, ἢ φευγέμεν ἢ μάχεσθαι (Hom. II. X. 146–147). Эта формула отражает содержание военных советов вождей, которые происходят в «Илиаде», хотя и встречается в «Долонии», которая, по мнению исследователей, наиболее сомнительная с точки зрения аутентичности часть поэмы [11].

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, предложение прекратить осаду и бежать на родину может высказываться на военном совете. В этом случае оно всегда формулируется в самом начале обсуждения. Как кажется, основной функцией этого предложения является указание на сложность ситуации, в которой оказываются ахейские войска. Здесь важно указать, что советы в «Илиаде» преимущественно собираются в тех случаях, когда ахейцы испытывают затруднения. В первом случае речь идет о море, который наслал Аполлон на лагерь осаждающих. Затем поводом для собраний становятся неудачи в сражениях с троянцами. Соответ-

ственно, человек, который созывает собрание, подчеркивает сложность положения предложением прекратить осаду и отступить. Это предложение, в свою очередь, вызывает возражения собравшихся, которые предлагают какой-либо альтернативный выход из ситуации.

В случае военного совета причиной прекращения осады и бегства на родину называется воля богов. Последняя может быть, как явно выраженной – например, в случаях с мором или знаменами Зевса, так и следующей из общего положения дел в битвах – например, в случае с неоднократными поражениями ахейцев и их отступлением в лагерь. Наконец, автором предложения на советах выступает тот человек, который совет собирает – однажды эту роль приходится выполнять Ахиллу, несколько раз – Агамемнону. Особняком стоит ситуация с Терситом из второй песни. В случае с его предложением стоит говорить о нарушении общего порядка выступления в военном совете, за что оратор получает побои от Одиссея. Но Терсит – это один из отрицательных героев «Илиады», не отличающийся никакими положительными качествами [8, с. 42–43].

Во-вторых, о своих планах покинуть лагерь осаждающих и вернуться на родину несколько раз говорит Ахилл. В первый раз мы встречаем эту идею в первой песне во время ссоры героя с Агамемноном. Затем он повторяет план оставить осаду Трои в разговоре с ахейскими посланцами. В случае Ахилла угроза уйти из войска ахейцев является закономерным следствием нанесенного герою оскорбления и не вызывает осуждения среди соратников. Они уговаривают его, зывают к его доброте и дружеским чувствам, однако не требуют от него отказаться от своих претензий. Это положение и аргументация послос подчеркивают, что в поэме претензии Ахилла к оскорбившему его Агамемнону являются обоснованными. Этот тезис убедительно доказывает и В. Йегер, подчеркивающий важность сохранения определенной модели управления в войске и уважительного отношения к ἀρετή героев. Оскорбление, нанесенное Ахиллу Агамемноном, с этой точки зрения, наносит ущерб всей системе отношений в ахейском войске [6, с. 29–42]. Следовательно, любые действия Ахилла, вплоть до ухода из осаждающего войска, не могут вызвать осуждения со стороны его соратников. И то моральное осуждение, которые мы встречаем в случае с Ахиллом, концентрируется на том, что герой слишком упорствует в своем гневе и не идет на примирение с признающим свою вину Агамемноном. Это очень интересно сравнить

со словами Нестора и Агамемнона, которые требуют от ахейцев сражаться с троянцами, угрожая наказанием в случае уклонения от битв. На Ахилла суровость возможного наказания не распространяется.

Особняком стоит план Агамемнона, сформулированный в четырнадцатой песне. Здесь мы не можем говорить о полноценном военном совете, поскольку обсуждают ситуацию только четверо ахейских вождей. С одной стороны, в предложении царя Микен мы можем найти еще одно дополнение к неоднозначному моральному облику Агамемнона в поэме [7, с. 285–288]. Однако, на наш взгляд, только личными качествами Агамемнона его частые предложения о прекращении осады объяснять не стоит. Важную роль играет статус царя Микен, как верховного вождя ахейцев, заботящегося о сохранении войска. Если кто-то другой из ахейцев, предложивший прекращение осады, может столкнуться с наказанием, верховный вождь от этого риска избавлен. Еще один вариант решения проблемы заключается в том, что Агамемнон, как лидер ахейцев, чаще всего в поэме выступает человеком, начинающим собрание. Следовательно, именно ему в первом слове приходится подчеркивать сложность положения осаждающего войска.

Стоит также отметить, что проработанность проектов отступления нарастает по мере ухудшения положения ахейцев под Троей. Если

в первых песнях никто всерьез не возражает оратору, предлагающему прекратить осаду, то впоследствии на реалистичность высказываний Диомеда и Одиссея. Разумеется, это связано с куда более худшим положением ахейцев в середине поэмы, нежели в ее начале.

Наконец, прекращение осады воспринимается персонажами как позор, за который их впоследствии будут упрекать в трусости. Особенно ярко эта идея прослеживается в словах Агамемнона раненому Менелая и, конечно, она ярко контрастирует с высказанной тем же Агамемноном идеей о допустимости ночного бегства ради спасения войска.

Подводя итог, следует сказать, что, конечно, предложения прекратить осаду Трои и бежать на родину часто представляют собой определенный топос, соответствующий началу военного совета в тяжелых условиях. Однако эта схема работает далеко не всегда. Отношение к предложениям прекратить осаду и конкретные обстоятельства, соответствующие каждому эпизоду, позволяют заметно уточнить и расширить наши представления о воинской этике в гомеровских поэмах. Они позволяют продемонстрировать, что, несмотря на стереотипное представление о гомеровском герое, как образце воинской доблести и чести, на деле их риторика и поведение не всегда являются столь однозначными.

Источники и литература

1. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI–VIII вв. до н.э. СПб.: Нестор-история, 2004. 496 с.
2. Андреев Ю. В. Об историзме гомеровского эпоса // Вестник древней истории. 1984. №4. С. 3–11.
3. Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Восточная литература, 1996. 328 с.
4. Гринцер Н. П. Гомер на рубеже эпох // ШАГИ. 2015. Т.1. №2. С. 23–53.
5. Зайцев А. И. Поэмы Гомера как исторический источник // Зайцев А. И. Избранные статьи / под. ред. Н. А. Алмазовой и Л. Я. Жмудя. Т.2. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 175–190.
6. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / пер. с нем. А. И. Любжина. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 608 с.
7. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
8. Туманс Х. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «Табели о рангах» // Аристей. 2011. Вып. IV. С. 27–51.
9. Ярхо В. Н. Еще раз о социальной позиции Архилоха // Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя лирика. М.: Лабиринт, 2001. С. 199–214.
10. Barker E., Christensen J. Flight Club: The New Archilochus Fragment and its Resonance with Homeric Epic // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 2006. No.57. P. 9–41.
11. Danek G. Studien zur Dolonie. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. xxxi + 248 p.
12. Nagy G. The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. Baltimore–London: Johns Hopkins University Press, 1979. xvi + 392 p.
13. Nagy G. The Epic Hero // *A Companion to Ancient Epic* / ed. by J. M. Foley. Malden–MA–Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P.71–89.
14. Schein S. L. The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad. Berkely–Los Angeles–London: Univ. of California Press, 1984. xii + 223 p.
15. Snodgrass A.M. An Historical Homeric Society? // *Journal of Hellenic Studies*. 1974. Vol. 94. P. 114–125.

References

1. Andreev Yu. V. Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii v XI–VIII vv. do n.e. (*The Homeric Society. The Baste Tendencies of the Social-Economical and Political Developments of Greece in the 11th – 8th centuries B.C.*) St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2004. 496 p. (In Russian).

2. Andreev Yu. V. Ob istorizme gomerovskogo eposa (*On the historicism of the Homeric epic*) // Vestnik drevnei istorii. 1984. No.4. P. 3–11. (In Russian).
3. Gindin L. A., Tsymburskii V. L. Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya (*Homer and the History of the East Mediterranean*). Moscow: Vost. lit., 1996. 328 p. (In Russian).
4. Grintser N. P. Gomer na rubezhe epokh (*Homer at the boundary of epochs*) // Shagi/Steps. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 23–53. (In Russian).
5. Zaitsev A. I. Poemy Gomera kak istoricheskii istochnik (*Homer's poems as a historical source*) // Zaitsev A.I. Izbrannye stat'i / ed. by N.A. Almazovoi i L.Ya. Zhmudya. Vol. 2. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. P. 175–190. (In Russian).
6. Jaeger W. Paideiya. Vospitanie antichnogo greka (*Paideia. Die Formung des griechischen Menschen*) / translated by A. I. Lyubzhina. Vol. 1. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2001. 608 p. (In Russian).
7. Losev A. F. Gomer (*Homer*). Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. 400 p. (In Russian).
8. Tumans H. «L'vy» i «volki» u Gomera: zametki k epicheskoi «Tabeli o rangakh» (*The Lions and Wolves in Homer: Notes to Epic Table of Ranks*) // Aristei. 2011. Vol. IV. P. 27–51. (In Russian).
9. Yarkho V. N. Eshche raz o sotsial'noi pozitsii Arkhilokha (*Once again on the Social Position of Archilochus*) // Yarkho V. N. Epos. Rannyya lirika. Moscow: Labirint, 2001. P. 199–214. (In Russian).
10. Barker E., Christensen J. Flight Club: The New Archilochus Fragment and its Resonance with Homeric Epic // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. 2006. No.57. P. 9–41.
11. Danek G. Studien zur Dolonie. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. xxxi + 248 s.
12. Nagy G. The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. Baltimore–London: Johns Hopkins University Press, 1979. xvi + 392 p.
13. Nagy G. The Epic Hero // A Companion to Ancient Epic / Ed. by J.M. Foley. Malden–MA–Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 71–89.
14. Schein S. L. The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad. Berkely–Los Angeles–London: Univ. of California Press, 1984. xii + 223 p.
15. Snodgrass A. M. An Historical Homeric Society? // Journal of Hellenic Studies. 1974. Vol. 94. P.114–125.

УДК 94 (470.6) "18"

Р. Б. Зубариев

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН КОЛОНИЗАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В статье подробно анализируются подходы и оценки отечественных и зарубежных ученых разных поколений, исследовавших ход, цели, формы и характер колонизации и всего переселенческого движения в истории России. Отмечаются различия в оценках сущности и направленности этих феноменов российскими и зарубежными авторами, которые сводятся к тому, что одни видят в данных процессах только экспансионистские устремленности Российской империи, желание доминировать, в то время как другие утверждают, что колонизация и переселенчество представляют собой форму государственного строительства и решения социально-хозяйственных и социально-культурных задач того или иного периода развития страны, нацеленных на преодоление кризисного состояния. Например, переселение крестьян на восточные окраины сделалось инструментом, по-

зволившим не только снять остроту земельного кризиса в губерниях Центральной России, но и позволило создавать в их лице опору правительства на новом месте их водворения. Инициатива и активность со стороны государства в организации колонизации новых земель проявлялась на этапе его военной экспансии на сопредельные территории, хотя такой тип колонизации в российской истории не имел довлеющей тенденции. Закрепив новые границы государства расселением казаков, российские власти способствовали, прямо или косвенно, хозяйственному и культурному освоению новых территорий, вводили их в гражданское существование и политико-правовую систему империи.

Ключевые слова: колонизация, миграция, переселенческое движение, Российская империя, освоение земель, государственное устройство.

R. B. Zubarev

RUSSIAN AND FOREIGN VIEWS ON THE COLONIZATION PHENOMENON AND RESETTLEMENT PROCESSES IN THE RUSSIAN HISTORY

The article scrutinizes the approaches and estimations of national and foreign scientists of different generations, investigating aims, forms and the character of colonization and resettlement movement in the history of Russia. Russian and foreign authors point to the distinctions to appraise the essence of the phenomena. Some of them consider the latter as the expansion of the Russian Empire, its desire to dominate. At the same time, the others confirm that colonization and resettlement movement are the form of state building and the way to decide social, economic and cultural tasks aimed at crisis overcoming. For instance, the peasants' migration to eastern borderlands became the instrument to tackle the acuteness of a land crisis in Central Russia provinc-

es, but as well as to create in their face the basis of the government in new residences. The initiative and activity of the state in the organization of new lands colonization actualized at the stage of its military expansion to the neighboring territories, though such type of colonization was not the dominant one in Russian history. Having consolidated new state borders by Cossacks' settling, Russian authorities, directly or indirectly, promoted industrial and cultural development of new territories, included them in the civil existence, political and judicial system of the Empire.

Key words: colonization, migration, resettlement movement, Russian Empire, land development, state system.

Колонизации, миграции и переселения проходят через всю историю человечества. Они являются важным звеном в цепи основных факторов исторического процесса. Россия в этом ряду не составляет исключения. Разме-

щение русского населения по всей территории страны совершалось в течение всей истории России. Более того, как отмечал П. Н. Милюков: «Для понимания общего хода развития русской истории знакомство с колонизацией

русской земли, хотя бы в общих чертах, совершенно необходимо» [12, с. 52].

Важность колонизационных процессов определяется также тем, что во время колонизации происходило формирование «государственного, военно-политического, этнического, экономического и социально-культурного пространства...» [1, с. 83]. России, рождалась и созидалась сама Империя.

Кроме того, для России переселения во все времена в большей или меньшей мере – это не только колонизация, направленная на освоение определенной территории, не только средство закрепления за государством тех или иных земель, но также средство разрешения социально-экономических задач – превентивное ослабление назревавших социальных кризисов.

Например, после реформ 1860-х гг. «из-за сохранения помещичьего землевладения проблема крестьянского малоземелья не была разрешена. В государстве участились случаи крестьянских выступлений. В этой связи правительство приняло ряд мер, одной из которых явилась активизация переселенческого движения. Переселение крестьян на восточные окраины не только разрешало земельный кризис в губерниях Центральной России, но и создавало в их лице опору правительства на новом месте» [20].

Термины – миграция, колонизация и переселенчество коррелируют друг другу – перемещение населения из одного региона в другой внутри страны или из одного государства в другое [3, с. 271]. С точки зрения Л. Л. Рыбаковского, миграция населения представляет собой сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям социальный процесс. «Оказывая огромное влияние на общественное развитие, он сам подпадает под воздействие политических, социально-экономических, демографических и иных трансформаций» [16, с. 398].

Миграции могут приобретать долговременный или относительно кратковременный волновой характер. При возникновении импульса-причины миграционные потоки расширяются и ускоряются, при затухании обстоятельств, порождавших стремление к перемене места жительства, миграционные мотивации ослабевают, и миграции истощаются или затухают полностью, по крайней мере, в определенном месте географического пространства.

Термин колонизация тоже имеет два направления: колонизация внутренняя и колонизация внешняя. Внутренняя колонизация – это

процесс заселения и хозяйственного освоения пустующих свободных и окраинных земель собственной страны. Внешняя колонизация предполагает основание колоний, поселений на свободных землях за пределами страны [13, с. 482; 14, с. 261; 21, с. 748].

Внешняя колонизация может также предполагать захват чужих территорий и основание на них колоний, населенных выходцами из страны-метрополии. Это классический подход к определению процессов и явлений такого толка. Россия в качестве метрополии выступала условно, поскольку, приобретая новые земли, не оставляла надолго их в статусе колоний или не делала этого вовсе, а присоединяла к своей материнской территории в качестве части общеимперского пространства вместе со всеми находившимися там этнокультурными и социально-политическими атрибутами.

В России нет причин различать колонии и метрополию, так как «...колонизованные области не сохраняли особый статус, а поглощались государством» [22, с. 100]. По этой причине в контексте данной статьи термины колония и колонисты будут применяться только к иностранцам, которые размещались российскими властями, например, в Кавказском крае или Новороссии.

Все иные категории мигрировавшего населения в Российской империи подпадают под определение либо мигрантов, либо переселенцев, хотя грань, разделяющая обе категории крайне тонкая, большей частью синонимическая. Поэтому целесообразнее называть тех, кто перебирался на новое место жительства под давлением каких-либо внешних обстоятельств мигрантами, а тех, кто это делал самостоятельно или при участии воли властей, переселенцами.

Если обратиться к авторитету В. О. Ключевского, то он считал переселение основным фактом истории становления Русского государства. В продолжение многих веков славянское население, «по условиям своей исторической жизни и географической обстановки» распространялось по Русской равнине «не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а, переселяясь, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядясь на новые» [6, с. 25–26].

Исследуя переселенческий процесс в истории России, В. О. Ключевский между тем отмечал, что «при каждом таком передвижении оно (славянское население – Р. З.) становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого

края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер» [6, с. 26].

С таким взглядом на переселение в российской истории вполне солидаризировался М. К. Любавский, который также считал, что «народно-государственная территория России создавалась главным образом путем расселения славяно-русского народа...»; что «история русской колонизации дает множество ярких иллюстраций и доказательств могучего влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни, на развитие культуры и гражданственности» [11, с. 5–6; 9, с. 22].

В связи с местом и ролью переселенческих процессов в истории русского народа В. О. Ключевский сделал вывод, что «история России есть история страны, которая колонизируется», а «область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией» [6, с. 26].

Здесь следует подчеркнуть, что под колонизацией В. О. Ключевский, прежде всего, имел в виду переселение как таковое, которое предполагало размещение поселенцев на новых территориях с целью закрепления их за собой с последующим хозяйственным и культурным её обновлением.

В. О. Ключевский писал: «С начала XVII до половины XIX в. русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически почти все части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю» [6, с. 28].

Вслед за В. О. Ключевским идет М. К. Любавский, который повторил данную формулу своего учителя, чуть изменив акцентировку: «...русская история есть, в сущности, история непрерывно колонизирующей страны» [10], подчеркивая роль колонизации в формировании Российской империи.

Это переселение заметно усилилось (хотя никогда и не прекращалось) после отмены крепостного права, «когда начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось» [10].

До 1861 г. такие перемещения людей часто носили стихийный характер, почти без участия

государственной администрации, т.н. «дикой колонизацией», позволившей крестьянам, испытывавшим малоземелье, заселить плодородные периферийные регионы империи – Новороссию, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Предкавказье.

Сенат и МВД серией указов 1862, 1864, 1867, 1868 г. вносят в процессы переселенчества элементы организованности. К заселению южных регионов, не имевших русского населения или населения, близкого империи, привлекали не только государственных крестьян, но также иностранцев – колонистов: главным образом немцев-сектантов, болгар, молдаван, греков, армян. Кроме того, окраинные территории постоянно пополнялись разным беглым и «гулящим» людом [4, с. 328; 7, с. 13].

Среди многих исследователей начала XX века, имевших возможность воочию наблюдать переселенческие процессы в Российской империи, следует выделить, прежде всего, тех, кто видел в колонизации явление культуры и связанных с нею способов хозяйственного освоения слабо развитых и слабо заселенных территорий.

Так, А. А. Кауфман считал, что «колонизация всегда являлась одним из важнейших способов развития человечества и вела за собою более прочные и длящиеся изменения, нежели завоевания... Она распространяла культуру, достигшую известного уровня, по лицу земли...» [4, с. 3–4].

Г. К. Гинс отмечал, что «фактическая колонизация – это культурное воздействие европейских наций на азиатские государства или система мер, направленных к скорейшему экономическому и культурному развитию отсталых частей государства... Политика всестороннего культурного развития незаселенных и слабо заселенных пространств» [2, с. 7].

И. Л. Ямзин считал, что «под колонизацией следует понимать процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густонаселенных областей» [23, с. 4].

А. Богдановский говорил, что «переселение во многих отношениях полезно для государства», так как «пустопорожние земли населяются и начинают приносить доход», а «польза от переселений несомненна в смысле средства содействия подъему экономического благосостояния страны» [цит. по: 17, с. 211].

Современные исследователи переселенческого процесса в России выделяют несколько его форм: т.н. «свободную колонизацию», кото-

рую вели частные люди – беглые крепостные, солдаты-дезертиры, гонимые сектанты; «военную колонизацию», ставшую результатом военных кампаний, от взятия Новгорода и Казани до операций на Кавказе, в Средней Азии, на Амуре; «монастырскую колонизацию», сосредоточенную вокруг крупных православных обителей...; «казацкую колонизацию», которая осуществлялась сословием, созданным империей специально для задач внешней колонизации и пограничной службы...» [22, с. 101].

Последний тезис весьма спорен, поскольку государство не создавало сословие казаков, а стало на определенном этапе проведения своей внешней политики использовать казаков в своих целях. Казачество как таковое зародилось из элементов антигосударственных, бежавших от государства на окраинные территории, неподвластные государству. Обе стороны, несмотря на сложности и противоречия в отношениях вынужденно поняли, что как казаки не смогут поддерживать свое существование без помощи государства, столкнувшись с сильным противодействием автохтонных народов (например, на Кавказе) или неблагоприятными природными условиями, так и государству будет существенно полезнее защищать свои пограничные территории с помощью казаков [10, с. 209–218].

Военные, промышленники и монахи проложили пути России на север и юг, восток и запад. Казаки эти пути укрепили, а новые территории были окультурены поселенцами. Посредством этих сил проявлялась и выявлялась «цивилизационная миссия России на просторах Евразии» [22, с. 102]. В Российской империи до конца XIX века колонизация считалась «прогрессивным явлением» [22, с. 107], определялась задачами модернизации, вынуждавшими Россию бороться за выход к мировым коммуникациям, позволявшим реализовать геополитические интересы страны.

Модернизация и геополитика вынуждали стремиться к морям и новым территориям. При помощи военной колонизации в 1721 г. был завоеван выход в Балтийское море, а в 1774 г. – в Черное. В 1783 г. к России отошел Крым. Войны с османами (1806–1812 гг. и 1828–1829 гг.) и с персами (1804–1813 гг. и 1826–1828 гг.) позволили России закрепиться в Закавказье. С 1763 по 1864 г. велась борьба за Северный Кавказ. В ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. была присоединена Финляндия, а после победы над Наполеоном в 1815 г. в состав Российской империи вошла территория бывшего Герцогства Варшавского. В 1860 г. был основан

город и порт на Тихом океане – Владивосток. В 1865–1883 гг. частью Российской империи стала Средняя Азия. При этом колониальный тип экспансии, свойственный Западу, в России не сложился, хотя некоторые современные исследователи (А. Эткинд) считают, что «колонизация России больше походила на британскую колонизацию Америки...» [22, с. 386].

Нет нужды преувеличивать значение «военной колонизации» в истории становления Российской империи как таковой и колониационного процесса вообще. Об этом приходится говорить, поскольку сегодня существует определенная тенденция у части современных исследователей-ревизионистов акцентировать взгляд именно на данном способе строительства России. Примером может служить взгляд Александра Эткинда, который продвигает тезис: «Колонизация всегда связана с попыткой освоить чужое...» [22, с. 90], чтобы иметь возможность обосновывать претензии на «нелегитимность» части территорий российского государства.

Соизмеряя вклад «военной колонизации» в общее устройство территории Российской империи, М. К. Любавский отмечал в целом незначительные её пропорции, считая, что «...на долю областей, приобретение которых можно отнести на счет простого завоевания, приходится 10 % всей территории» [11, с. 5]. Вся остальная территория «сделалась достоянием русского народа главным образом вследствие его расселения по ней» [11, с. 5].

Своеобразную позицию в данном вопросе занимали западные наблюдатели, например, Август фон Гакстгаузен. После посещения Российской империи он увидел, что Россия осуществляла не колониальную экспансию в привычной для понимания европейцев форме, но проводила колонизацию внутреннюю, направленную на подчинение полиэтнического населения страны государственным интересам. Именно такая колонизация была «важнейшим предметом всей внутренней политики и экономики этой империи» [22, с. 91].

Современные последователи такого подхода – А. Эткинд, Д. Уффельман, И. Кукулин – трактуют внутреннюю колонизацию как средство, при помощи которой государство (в данном случае Российская империя) колонизовала, т.е. закабаляла и эксплуатировала (здесь А. Эткинд использует, хотя прямо не называет, марксистские коннотации) собственный мультиэтнический народ. При этом утверждается, что «многие неевропейские этносы были ассимилированы или уничтожены» [22, с. 386], по

аналогии с британской колонизацией в Америке, что противоречит реальному ходу событий российского колонизационного процесса. Уже в силу того, что Россия не Британия, а её колонизация была внутренней, т.е. направлялась на социокультурное освоение окраинных, малонаселенных территорий, а не внешней, процесс и результат у России и Британии не могут быть идентичными. Наконец, разве Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь остались без аборигенов после присоединения к Российской империи?

Необходимо отметить, что ни у В. О. Ключевского, ни у М. К. Любавского, ни у большинства их российских последователей, термин «колонизация» не имеет той негативной коннотации, которая предполагалась и подразумевалась в позднейшем марксистском подходе: «империалистическая – грабительская, эксплуататорская» [18, с. 163].

Все вышеперечисленные авторы XIX – начала XX века, как ранее разъяснялось, употребляли термин «колонизация» в значении расселения и культурного освоения новых территорий.

Выявляя также роль государства в колонизационных процессах, М. К. Любавский придерживался той точки зрения на данный вопрос, что государство не могло не принимать в них участия. В то же время подчеркивал, что государство принимает участие в колонизации только на определенных её этапах, «выполняя функции фиксирования существующего положения дел» [цит. по: 18, с. 164] и конституирует саму народную колонизацию.

Инициатива и активность государства в организации колонизации новых земель проявляется на этапе его военной экспансии на сопредельные территории, но как уже было отмечено, такой тип колонизации в российской истории не имел довлеющей тенденции. Закрепив новые границы государства расселением казаков, российские власти стали способствовать прямо или косвенно хозяйственному и культурному освоению новых территорий, вводить их в гражданское существование и в политико-правовую систему империи.

Если военно-казацкая колонизация неизбежно сопровождалась и связывалась с насилием, борьбой в той или иной степени упорной и жестокой, то крестьянский этап переселенческого движения уже проходил в относительно мирной форме, поскольку ни по своему характеру, ни по форме такого насилия не предполагал и не требовал [5, с. 84–85].

Преимущественно военно-казацкая колонизация XVIII – первой половины XIX века неизбежно

сменяется крестьянским заселением новых регионов страны в последующие периоды, которое, однако, не отменяет роли казака-колонизатора, но дополняет его и сопровождает повсеместно почти до начала XX века [8, с. 131].

По мнению М. К. Любавского, колонизация в свою очередь влияла на государственное устройство России. Поскольку «именно благодаря особенностям этноландшафтной системы в России сложился особый тип государства – Империя... и особый тип управления – абсолютная монархия в имперской системе» [цит. по: 18, с. 165]. Эти формы государственной организации М. К. Любавский считал наиболее адекватными для России в условиях перманентного освоения новых земель.

При этом постоянное освоение новых земель не было прерогативой государства. Основным колонизатором, осваивавшим новые территории, выступал крестьянин-земледелец, хотя сами процессы освоения новых земель могли инициироваться различными социальными группами российского государства.

Более того, М. К. Любавский считал, что самый тип колонизационных потоков определялся типом инициаторов-организаторов той или иной волны миграции и последующего собственника новоприобретенных земель. Самый процесс освоения земель он считал автономным, выделяя в нем несколько хронологически доминировавших типов колонизации, исходя из уже известных оснований. По его наблюдениям можно было говорить о 1) народной или естественной колонизации; 2) княжеской; 3) боярской; 4) землевладельческой; 5) монастырской; 6) казачьей; 7) вольной (крестьянской); 8) государственной. Последняя стала доминировать только в конце XIX – начале XX века [9, с. 185].

Государственная колонизация осуществлялась там, где народная колонизация встречалась с препятствиями – социальными (высокая плотность местного населения) или природно-географическими (неподходящие климато-географические условия). С другой стороны, государство также выходило на первые роли, когда доминировала заинтересованность по целям стратегическим [9, с. 539]. Это касалось военного типа колонизации Прибалтийского края, Польши, Финляндии, Бессарабии, Закавказья или Северного Кавказа.

Одновременно можно отметить, что в Закавказье или на Северный Кавказ потоки народной колонизации были первичными, но привлекли внимание государства, поскольку затрагивали его геостратегические устремления и вытекавшие из них задачи.

В связи с этим «могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им» [9, с. 474]. Когда колонизационное освоение новых земель завершалось, и определялись их территориальные контуры, государство брало на себя бремя защиты и содержания в безопасности свои новые границы [9, с. 563].

Изложенный выше принцип освоения новых земель в истории Российской империи, однако, по мнению В. Е. Семенкова и М. В. Рабжаевой не может объяснить различий в принципах управления на присоединенных территориях. Эти исследователи указывают на Малороссию, где действовал особый приказ, или Кавказ, где управление осуществлялось Кавказским наместником. По их мнению, такое положение вещей сложилось из-за того, что, например, М. К. Любавский видел в колонизации главным образом эколого-демографический процесс и не разводил его с процессами социально-политического освоения новых территорий [18, с. 168].

Для того чтобы ответить на вопрос, почему разные территории получали различные типы руководства ими, следует рассмотреть саму колонизацию, выйдя собственно за пределы эколого-демографической колонизации, как способа освоения нового пространства. Следовало смотреть на колонизацию как на «процесс социальной адаптации-приспособления уже существовавших там социальных институтов и структур к имперским формам и требованиям... Когда происходил перевод социальных институтов из разряда «этнокультурных» в разряд «государственных» [18, с. 168].

Такой принцип колонизации названные авторы условно называют гомогенным, «создающим однородное имперское пространство» [18, с. 168]. Но далеко не все территории Российской империи были колонизованы таким образом. Например, та же Малороссия представляла собой не только территорию со своими географическими границами, но и собственным социально-политическим пространством. Такой тип колонизации названные авторы также условно называют гетерогенным, создающим разнородное социальное пространство, что делает колонизацию в данном месте не столько колонизацией, сколько подчинением его имперскому управлению [18, с. 168].

После реформ 1861 г. темпы народного переселенчества значительно возрастают. Основными территориями, принимавшими большую часть переселенческого потока стали Сибирь,

Южное Приуралье и Северный Кавказ. После 1861 г. Российская империя при помощи и за счет колонизации «решала проблему малоземелья, превращала окраины в рынки сбыта и источники сырья» [3, с. 219].

Социально-культурное освоение новых территорий всегда, гласно или негласно, «поручалось» попечению земледельческим слоям русского общества. Крестьянские переселения в истории страны «признаются многими за одну из характернейших особенностей русского народного быта» [4, с. 3].

С другой стороны, российское переселенческое движение, как уже отмечалось ранее, не представляло чего-либо исключительного в мировой истории, поскольку «все существенные моменты в эволюции государственной, общественной и хозяйственной жизни сопровождались обширными колонизационными движениями или следовали за такими движениями» [4, с. 4].

В то же время (как неоднократно это подчеркивали многие российские исследователи прошлого) российское переселенческое движение имело существенное отличие от аналогичных движений, характерных для западного мира. Как отмечал по этому поводу князь А. И. Васильчиков: «Колонизационное движение в Западной Европе имеет характер эмиграции..., а в России переселения были издревле и остаются до сих пор явлением внутреннего народного быта, имеющим значение простого перехода из одних мест жительства в другие» [Цит. по: 4, с. 5].

Это мнение поддерживал А. А. Кауфман, который в свою очередь отмечал, что «переселенцы из Западной Европы направляются либо в чужестранные государства, либо в отдаленные заморские колонии, слабо связанные с метрополией и неизбежно стремящиеся порвать эту связь окончательно» [4, с. 5].

С точки зрения Ф. Г. Тернера: «Россия – обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не, только не разрывая связи со своим отечеством, но служа, напротив того, большему сплочению этих дальних стран с Россией» [19, с. 76].

Если далее сравнивать переселенческие процессы, происходившие в России и на Западе, то «миграции в Западной Европе принимают форму выселения из страны, которая, под влиянием известной совокупности причин, становится тесна для населения; русское переселение – последний акт того процесса колонизации русской государственной территории,

который составляет такую существенную черту всей внутренней истории нашего отечества» [4, с. 5].

В связи с вышеизложенным, следует согласиться с мнением перечисленных авторов в том, что существенное отличие русского переселенческого движения от европейского состоит в том, что избыток русского населения переселялся не в чужие государства и не в заморские колонии, которых у России никогда не было, «а в местности, входящие в состав русской государственной территории и составляющие как бы прямое продолжение районов, выпускающих переселенцев» [4, с. 6].

С другой стороны, как пишут А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова: «Российская империя имела свой сценарий освоения пространства и его закрепления в рамках государственной территории. Поглощение азиатских окраин может быть представлено не только как постепенное расширение национального русского ядра, но и как создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах Русской Азии. Со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает осознанно восприниматься в правительстве и в обществе как целенаправленное политическое и национальное конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый стратегический курс на создание «единой и неделимой» России» [15, с. 16].

Кроме того, существенным отличием русского переселенчества от переселенчества западноевропейского было то, что российские переселенцы не чувствовали себя покидающими своё отечество, особенно, если переселялись в области со сходным климатом, природными условиями и ландшафтом [4, с. 6–7].

Проблема, однако, состояла в том, что «Россия – страна с громадными природными, географическими, этнокультурными и иными различиями, и массовые миграции нельзя было вести без учета этих факторов. Они

определяли приживаемость новоселов и эффективность переселений» [16]. В этой связи важнейшим моментом колонизации становится её правильная организация, которую только и может осуществить государство.

В пореформенный период миграционное движение в России осуществлялось не только в виде переселения крестьян, хотя именно они обусловили самые значительные региональные сдвиги в распределении населения и играли важнейшую роль в перетоке населения из центральных губерний страны за Урал, на Северный Кавказ и в Сибирь. Набирали силу сезонные перемещения в поисках работы, а также миграции сельского населения в города. Эти миграции носили главным образом внутрирайонный характер. Окраинные территории империи – Сибирь или Северный Кавказ – в пореформенный период оставались территориями со сравнительно слабым развитием городов и промышленности, а потому приток населения в города здесь имел второстепенный характер по сравнению с крестьянскими переселениями.

Таким образом, можно отметить, что колонизация, миграции и переселенческие процессы проходят через все течение российской истории. Такой точки зрения придерживались и придерживаются сегодня большинство отечественных историков и исследователей переселенческого процесса в Российской империи.

Миграции как перемещение населения с целью освоения тех или иных территорий, плавно приобретали форму колонизации, когда осуществляли хозяйственное и социально-культурное преобразование новых земель. Феномен этого процесса в истории России состоит в том, что в ходе его реализации постепенно оформлялась не только территория страны, но формировалось само имперское государство. Кроме того, миграции в России позволяли решать различные экономические, этнокультурные, эколого-демографические задачи и тем самым способствовать ослаблению негативных последствий разнородных кризисов.

Источники и литература

1. Воробьев В. М. Закономерности русской колонизации в оценке М. К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб.: СПбГУ, 2013. Вып. 12. С. 83–88.
2. Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Выпуск 2. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 65 с.
3. История Отечества в терминах и понятиях / ред.-сост. В. Ф. Блохин. Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. 528 с.
4. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. М.: Книжный дом Либроком, 2012. 440 с.
5. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга 1. Минск: Харверст, 2007. 592 с.
7. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К. А. Сафроненко. М.: Госюриздат, 1954. 499 с.

8. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. 230 с.
9. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 683 с.
10. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
11. Любавский М. К. Русская колонизация. М.: Изд-во Алгоритм, 2014. 48 с.
12. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1896. 233 с.
13. Новый словарь иностранных слов: более 60000 слов и выражений / глав. ред. В. В. Адамчик, М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 1152 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.
15. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
16. Рыбаковский Л. Л. Исследования миграции населения в России // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 398–411.
17. Свинаярева М. Ю. Эволюция миграционных исследований дореволюционной России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №4. С. 208–215.
18. Семенов В. Е., Рабжаева М. В. История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №1. С. 163–168.
19. Тернер Ф. Г. Переселенческое дело // Вестник Европы. 1897. Т.184. Март. С. 75–118.
20. Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политика переселения населения в России начала XX века – методология вопроса // Урбанистика. 2013. №1. С. 31–72. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_10383.html. (Дата обращения: 21.04.2018).
21. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XV. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1895. 962 с.
22. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
23. Ямзин И. Л., Воцилин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.: ГИЗ, 1926. 328 с.

References

1. Vorob'ev V. M. Zakonomernosti russkoj kolonizacii v ocenke M. K. Ljubavskogo (*Russian colonization laws as estimated by M.K. Lubavsky*) // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. St. Peterburg: SPSU publ., 2013. Issue. 12. P. 83–88. (In Russian).
2. Gins G. K. Pereselenie i kolonizacija (*Resettlement and colonization*). St.Peterburg, 1913. Issue 2. 65 p. (In Russian)
3. Istorija Otechestva v terminah i ponjatijah (*The history of the Fatherland in terms and concepts*) / editor-compose V. F. Blohin. Smolensk: Rusich; Brjansk: Kursiv, 1999. 528 p. (In Russian).
4. Kaufman A. A. Pereselenie i kolonizacija. Gosudarstvennaja politika i krest'janskoe zemlevladienie v poreformennoj Rossii (*The resettlement and colonization. The state politics and peasant ownership of land in post-reform Russia*). Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. 440 p. (In Russian).
5. Klychnikov Ju. Ju. Rossijskaja gosudarstvennost' i severokavkazskaja arhaika: V poiskah preodolenija protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki. (*Russian statehood and the North Caucasus archaic: In search of overcoming contradictions (XVIII – the beginning of XXI centuries)*). Historical essays). Moscow: LENAND, 2015. 368 p. (In Russian).
6. Ključevskij V. O. Russkaja istorija. Polnyj kurs lekcij (*The Russian history. A complete course of lectures*). Book 1. Minsk: Harverst, 2007. 592 p. (In Russian).
7. Krest'janskaja reforma v Rossii 1861 goda. Sbornik zakonodatel'nyh aktov (*The peasant reform of Russia in 1861. Collection of law acts*) / editor-compose K. A. Safronenko. Moscow: Gosjurizdat, 1954. 499 p. (In Russian).
8. Kuprijanova L. V. Goroda Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX veka (*The towns of the North Caucasus in the second half of the XIX c.*). Moscow: Nauka, 1981. 230 p. (in Russian).
9. Ljubavskij M. K. Obzor istorii russkoj kolonizacii s drevnejshih vremen i do XX veka (*The review of the Russian colonization history from antiquity till the XX century*). Moscow: MSU publ, 1996. 683 p. (in Russian).
10. Ljubavskij M. K. Istoricheskaja geografija Rossii v svjazi s kolonizaciej (*The historical geography of Russia in connection with colonization*). St. Peterburg: Lan', 2000. 304 p. (in Russian).
11. Ljubavskij M. K. Russkaja kolonizacija (*The Russian colonization*). Moscow: Algoritm, 2014. 48 p. (In Russian).
12. Miljukov P. N. Očerki po istorii russkoj kul'tury (*Essays on the history of Russian culture*). St. Peterburg: I. N. Skorohodov's printing office, 1896. Part 1. 233 p. (In Russian).
13. Novyj slovar' inostrannyh slov: bolee 60000 slov i vyrazhenij (*The new dictionary of foreign words*) / ed. by V. V. Adamchik, Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2005. 1152 p. (In Russian).
14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka (*The dictionary of the Russian language*) / ed. by N. Yu. Shvedovoj. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1973. 846 p. (In Russian).
15. Remnev A. V., Suvorova N. G. Kolonizacija Aziatskoj Rossii: imperskie i nacional'nye scenarii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka (*The colonization of Asian Russia: imperial and national scripts*). Omsk: Nauka, 2013. 248 p. (In Russian).
16. Rybakovskij L. L. Issledovanija migracii naselenija v Rossii (*The migration research of the population in Russia*) // Sociologija v Rossii / ed. by V. A. Jadova. Moscow: IS RAN publ., 1998. P. 398–411. (In Russian).
17. Svinareva M. Ju. Jevoljucija migracionnyh issledovanij dorevoljucionnoj Rossii (*The evolution of the migration research in the pre-revolutionary Russia*) // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No. 4. P. 208–215. (In Russian).
18. Semenov V. E., Rabzhaeva M. V. Istorija rossijskoj kolonizacii (*The history of the Russian colonization*) // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1998. Vol.1. No.1. P.163 – 168. (In Russian).

19. Ternier F. G. Pereselencheskoe delo (*The resettlement affairs*) // Vestnik Evropy. 1897. Vol.184. March. P. 75–118. (In Russian).
20. Shhuplenkov O. V., Shhuplenkov N. O. Politika pereselenija naselenija v Rossii nachala XX veka – metodologija voprosa (*The politics of people's resettlement in Russia in the beginning of the XX century – the methodology of the question*) // Urbanistika. 2013. No. 1. P. 31–72. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_10383.html. (Accessed: 21.04.2018) (In Russian).
21. Jenciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona (*The encyclopedic dictionary of F. A. Brokhaus and I. A. Efron*). Vol. XV. St.Peterburg, 1895. 962 p. (In Russian).
22. Jetkind A. Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii (*The inner colonization. The imperial experience of Russia*) / translated V. Makarova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 448 p. (In Russian).
23. Jamzin I. L., Voshhilin V. P. Uchenie o kolonizacii i pereselenijah (*The theory of colonization and resettlement*). Moscow-Leningrad: GIZ, 1926. 328 p. (In Russian).

УДК 94.351.74(470.6)''1942''

А. В. Карташев

ПЯТЫЙ ГВАРДЕЙСКИЙ ДОНСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАВРОПОЛЬЯ В КОНЦЕ НОЯБРЯ – ДЕКАБРЕ 1942 ГОДА

В статье на основе журналов боевых действий воинских частей, соединений и объединений, а также других архивных материалов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации воссоздается целостная картина боевых действий частей 5 гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. Территориальные рамки ограничены пределами Курского района Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края, временной интервал охватывает события с момента формирования корпуса и начала боев в данном районе до отвода его с передовых позиций в преддверии всеобщего наступления, составившего новый этап битвы за Кавказ. В статье показаны попытки войск перейти в наступление с целью окружить группировку врага севернее города

Моздока еще за месяц до начала освобождения края от немецко-фашистских войск. Кавалеристы стойко сражались, даже когда немецкие танки и пехота врываются на обороняемые позиции. Делаются выводы о том, что главными причинами невыполнения боевой задачи корпусом стали упорное стремление немецкого командования, во что бы то ни стало удержать этот участок фронта, а также несоответствие сил и средств, имевшихся в распоряжении корпуса, задачам борьбы с ведущими оборону танками.

Ключевые слова: Донской гвардейский кавалерийский корпус, боевые действия, Великая Отечественная война, битва за Кавказ, Орджоникидзевский (Ставропольский) край, Курской район.

A. V. Kartashov

THE FIFTH GUARDS CAVALRY CORPS IN STRUGGLE FOR THE LIBERATION OF STAVROPOL AT THE END OF NOVEMBER – DECEMBER 1942

The article based on logs of military operations of military units, formations and associations, as well as other archival materials from the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation, recreates a complete picture of the fighting units of the Fifth Guards Don Cossack Cavalry corps. The territorial scope is restricted to the Kursky district of Ordzhonikidze (now Stavropol) region, the time interval covers the events since the formation of the corps and the beginning of the fighting in this area to its discharge from the forward positions ahead of the general offensive that formed the second phase of the battle for the Caucasus. The article shows the attempts of the troops to go on the offensive in or-

der to surround the enemy group in the area of the city of Mozdok a month before the liberation of the region from the Nazi troops. Cavalry fought bravely, even when the German tanks and infantry broke into defensive positions. Conclusions are drawn that the main reasons for the failure of the combat mission of the corps were the persistent desire of the German command to keep a certain part of the front at all costs, as well as the discrepancy of forces and means at the disposal of the corps, the tasks of the fight against the leading defense tanks.

Key words: Don Guards Cavalry corps, military operations, Great Patriotic war, battle for the Caucasus, Ordzhonikidze (Stavropol) region, Kursk district.

С августа 1942 г. по январь 1943 г. Ставропольский (тогда Орджоникидзевский) край оказался в эпицентре битвы за Кавказ. Одной из героических страниц истории Ставрополья этого периода являются бои на востоке края.

О них написано много научной и научно-популярной литературы, воспоминаний. Наиболее подробно боевые действия в этом районе отражались в трудах маршала А. А. Гречко [1] и профессора С. В. Януша [13]. Авторы показали

значимость этого направления в оперативных замыслах советского командования, как одного из возможных путей изоляции Моздокской группировки противника. При этом была дана оценка действиям 4 гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса, главная задача которого – рейды по тылам противника на востоке края – не была выполнена, вместо чего кавалеристы перешли к позиционной борьбе. Боевая деятельность 5 гвардейского Донского кавалерийского корпуса, находившегося южнее, была схожа с действиями кубанцев. Однако подробностей боевых будней этого корпуса авторы не касались, и выводы на этот счет не сделали. Бывший командир 11 гвардейской кавалерийской дивизии, входившей в состав корпуса, генерал-майор С. И. Горшков, в книге воспоминаний кратко привел хронику продвижения кавалеристов вперед, упуская из виду моменты их отхода и оставления уже занятых населенных пунктов. Воспоминания остальных авторов этой книги носят эпизодический, локальный характер [3].

Интерес к боям на территории Курского района, где действовал Донской корпус, в наши дни велик, благодаря тому, что туда неоднократно выезжали поисковые отряды для поиска и перезахоронения останков советских воинов [2]. Практическая деятельность поисковиков нуждается в научном сопровождении. Исходя из этого, целью настоящей работы является детальный анализ и оценка хода боевых действий 5 гвардейского Донского кавалерийского корпуса в конце ноября – декабре 1942 г., которые разворачивались в границах Курского района Ставропольского края.

Немецкие войска вторглись на территорию Ставрополя 2 августа 1942 г. В этот день они заняли село Молотовское (ныне Красногвардейское). Части 40 танкового корпуса, а вслед за ними – 52 армейского корпуса (1 танковой армии) противника, выдвигавшиеся вдоль железной дороги Армавир, Прохладный и к северу от нее, 3 августа 1942 г. заняли Ворошиловск (ныне Ставрополь), через два дня – Невинномысск, 9–11 августа они появились на р. Кума в районе Пятигорска. Завершив к 13 августа захват Кавказских Минеральных вод, противник бросил свои силы на Нальчик. Не добившись успеха в Кабардино-Балкарии, эти силы Вермахта были направлены на Моздок, на подступах к которому простирались земли Курского района Ставропольского края. Местность в этих местах песчаная, неплодородная, с большим количеством бурунов. Вдоль грунтовых дорог располагались села, а между ними

в большом количестве – хутора. Взяв Моздок, немцы получали возможность выхода на перевалы Терского хребта.

К 23 августа 1942 г. почти вся территория Курского района оказалась в руках врага, а боевые действия развернулись в Моздоке. Неоккупированной остались лишь восточные земли Курского, Нефтекумского и Советского районов, а также Кизлярский округ, входивший в то время в состав Орджоникидзевского края. Стратегически важным объектом на территории округа являлась железная дорога, проложенная вдоль побережья Каспийского моря между Кизляром и Астраханью.

К 20 августа 1942 г. для ее охраны и обороны в районе Кизляра была создана группа войск под командованием заместителя командующего 44-й армией (входила в состав Закавказского фронта) генерал-майора А. Г. Селиванова (один батальон 10-й стрелковой бригады, 17, 18, 20 и 66-й бронепоезда). Здесь же сосредоточились отошедшие остатки 30-й и 110-й кавалерийский дивизий (КД) из состава Северо-Кавказского фронта [1, с. 105], которые боевым распоряжением № 062 штаба Закавказского фронта (ЗКФ) от 20.08.1942 г. были переданы в подчинение командующего 44-й армией [5, л. 152].

В это время части 44-й армии непосредственного соприкосновения с противником не имели. Батальон 10-й стрелковой бригады, высланный для охраны Кизляр-Астраханской железной дороги поротно занял оборону в районе Черный Рынок (ныне село Кочубей, Дагестан) и на станциях Улан-Хол и Кизляр. 22 августа немецкие войска предприняли попытку прорваться к железной дороге в районе села Черный Рынок. Для ликвидации прорвавшейся группировки противника был выслан бронепоезд с десантной группой.

Оперативной директивой Северной группы войск (СГВ) 8 036/ОП от 24.8.42 г. командующему 44 армии ставилась задача силами 110 КД с тремя бронепоездами и не менее двух стрелковых батальонов сохранить участок железной дороги Кизляр – Астрахань [5, л. 175].

4 воздушной армии предписывалось вести ежедневную разведку до рубежа Улан-Хол, Дивное, Невинномысская в направлении железных дорог Кизляр – Астрахань, Моздок – Буденновск. И разведывательные полеты советской авиации не раз выявляли активность противника на востоке края. Так, 26 августа авиационной разведкой было установлено выдвигание отдельных колонн из района Терекли-Мектеб (Кизлярский округ) в направлении Кизляр. 29 августа авиаразведкой было отме-

чено усиленное движение колонн в восточном направлении. По агентурным данным разведгруппа противника, действовавшая в районе Терекли-Мектеб, изучала маршруты выдвижения в направлении Кизляр, Червленая [5, л. 177, 182, 201].

К концу августа противник продолжал сосредоточивать силы в районе хуторов Дементьевский и Авалов (ныне часть с. Серноводское). Здесь и в соседних районах были выявлены действия 111 КД, 13, 23 и 3 танковых дивизий, 16 механизированной дивизии (МД) и 370-й пехотной дивизии (ПД) вермахта, а также румынской 2 горно-пехотной дивизии.

30 августа на Кизлярском направлении отдельные группы противника, ведя бой с подразделениями прикрытия 9 и 10 стрелковых бригад, заняли населенные пункты Херсонский, Асланбек, Терекли-Мектеб. Однако организованной контратакой указанных бригад совместно с партизанами противник был отброшен в западном направлении [5, л. 204].

В ночь на 27 сентября сводная кавалерийская группа полковника В. С. Головского, сформированная из 30 и 110 кавалерийских дивизий, повела бои по уничтожению противника в районе Тукуй-Мектеб (Нефтекумский район). В результате захвата пленных было установлено действие в этом районе 13 ТД и частей, сформированных из русских военнопленных и предателей [6, л. 215]. Так постепенно стала складываться линия боевого соприкосновения войск на этом участке Закавказского фронта.

В конце сентября на смену кавалерийской группе полковника В. С. Головского в Кизляр из-под Туапсе был переброшен 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус (4 гв. КК, командир – генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко), состоявший из двух – 9 и 10 кавалерийских дивизий. 30 КД, пополнившись за счет 110 КД, вошла в состав 4 гв. КК и, находясь в районе Кизляра, вела разведку в направлениях Тукуй-Мектеб и Каясула (Нефтекумский район), хутор Березкин и совхоз Моздокский (Курской район). Управление 110 КД приступило к формированию новых частей в районе Кизляра [6, л. 228].

В противовес советским казакам в Ногайской степи 2 октября 1942 г. была создана смешанная боевая группа немцев под командованием командира 201 танкового полка полковника Бурмайстера. В состав группы наряду с танковыми ротами вошел казачий полк Юнгшюльца. Эта часть была сформирована ранее на Кавказе из местных казаков и хорошо зарекомендовала себя при действиях в разведке и

охранении. Однако для дальнейших действий сил боевой группы Бурмайстера не хватило. 4 гв. КК создавал опасность северному флангу немецких войск. Поэтому для его прикрытия командование 1-й немецкой танковой армии дополнительно направило в район Ачикулака (Нефтекумский район) корпус специального назначения «Ф» под командованием генерала Фельми. Корпус, насчитывавший около 6000 человек, состоял из солдат различных национальностей (немцев, сирийцев, иракцев, палестинцев и североафриканцев), специалистов, подготовленных к действиям на Кавказе и Ближнем Востоке [12, с. 130]. 15 октября 1942 г. корпус «Ф» впервые вступил в бой с силами 4 гв. КК.

В связи с угрозой перехода немецких войск с Ачикулакского направления в наступление на Кизляр в конце октября 1942 г. началась переброска из боевых порядков Черноморской группы 11 и 12 гвардейских кавалерийских дивизий. К 7–9 ноября передовые эшелоны этих дивизий стали прибывать к реке Терек. Дивизии получили задачу прикрывать железную дорогу Кизляр – Астрахань до станции Улан-Хол [7, л. 53–54, 57].

Все кавалерийские дивизии Северной группы войск ЗКФ было решено объединить под общим командованием. Выполняя указания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина (директива № 170680) о необходимости создания Конной армии, командующий фронтом, 11 ноября 1942 г. разработал и доложил Ставке план создания Конной армии, согласно которому в состав армии включались дивизии 4 гв. КК, 11 и 12 гв. КД, 140 танковая бригада, одна мотострелковая бригада, три бронепатальона, два транспортных батальона, три мотоциклетных батальона, резерв составляла 110 КД. Командование армией возлагалось на командира 4 гв. КК. Задача армии была следующей: разгромить тылы Моздокской группировки противника, выйти на ее основные коммуникации в районе Георгиевска и совместно с Северной группой войск окружить и уничтожить Моздокскую группировку противника [7, л. 68–69]. 12 декабря согласно приказу командующего ЗКФ № 001090/оп началась работа по созданию Конной армии.

Однако директивой ВГК № 170692 от 19.11.1942 г. было решено Конную армию не создавать, а сформировать из наличных кавалерийских дивизий два корпуса: 4 гвардейский Кубанский кавалерийский корпус и 5 гвардейский Донской кавалерийский корпус. Так, 19 ноября 1942 г. в Кизляре началось формиро-

вание Донского казачьего корпуса (командир – генерал-майор А. Г. Селиванов). В его состав вошли 11 и 12 гв. КД, прибывшие из состава Черноморской группы, а также 63 КД, находившаяся в составе 44 армии СГВ [7, л. 108, 117–118].

В донесении командующего СГВ ЗКФ от 24.11.42 г. штабу фронта были отражены боевые задачи обоим корпусам. Донской гвардейский кавалерийский корпус действовал слева (южнее) от 4 гв. КК. Утром 30 ноября 1942 г. из района Ново-Найденев, Кириллин, Колонтай (на границе Чечни и Курского р-на) он должен был наносить удар в общем направлении Эдиссия (в 5 км от с. Курского) с задачей уничтожить противостоящего противника и к 7.12.42 г. выйти на рубеж: хутор Привольный (в 6 км вост. Эдиссии), хутор Довлаткин (ныне сев. окр. с. Серноводское на юге Курского района) с развитием успеха в направлении станицы Павлодольской (в 14 км ю.з. Моздока) [7, л. 141]. Рубеж Привольный, Довлаткин протяженностью 24 километра пересекал тыл Моздокской группировки противника с северо-запада на юго-восток. Дальнейшее наступление в направлении Павлодольской означало окружение немецких войск в районе Моздока с запада.

Для выполнения предстоящей задачи Донской гвардейский кавалерийский корпус в составе 11 и 12 гвардейских и 63 кавалерийских дивизий, 14 истребительного противотанкового артиллерийского полка, 585 артиллерийского полка ПВО, отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, 42 и 46 бронепатальонов, 16 транспортного батальона к исходу 27 ноября должен был сосредоточиться в районе хуторов Корнеев, Батыркин, Камышев (все на сев. Чеченской респ.). К утру 29 ноября ночным маршем корпус должен был выйти в исходный район для наступления – Ново-Найденев, Шерпутовский, Колонтай (на границе Чечни и Курского р-на) [7, л. 142].

В 6 часов утра 30 ноября Донской (впервые в документах отмечен как 5-й) гвардейский кавалерийский корпус перешел в наступление и к 11.00, не встречая сопротивления противника, овладел: 11 гв. КД – фермой № 2 (кург. Малый Анкулач) и хутором Ярышев; 12 гв. КД взяла Чернышов, Калинин [7, л. 171].

63 КД к 16.00 29 ноября сосредоточилась в районе восточней оз. Кучуков, Калантай и на следующий день в 9 часов утра головными частями прошла Шерстобитов (хутор на юге Курского района, ныне в составе ст. Галюгаевской) [11, л. 10].

Действия 5 Донского гв. КК вписывались в общий замысел наступления, которое повела на

территории Ставропольского края еще в конце ноября – начале декабря 1942 года на участке фронта 44-й армии Северная группа войск Закавказского фронта. Северная группа войск, по замыслу высшего командования, должна была окружить и уничтожить противостоящую 1-ю танковую армию противника [8, л. 1].

В 23.50 30 ноября 1942 г. 11 гв. КД (командир генерал-майор Горшков С. И.) получила боевой приказ № 04/ОП с задачей наступать в направлении хутор Каргов – хутор Тарский и к исходу дня овладеть Тарским. 1 декабря согласно боевой задаче в 6.00 полки 11-й гв. КД перешли в наступление. 1 декабря 42-й гв. КП в 8.30 достиг совхоза № 7 (Моздокский) на территории Кизлярского округа. Противника в совхозе не оказалось, сам совхоз был полностью разрушен. В двух километрах северо-западнее совхоза разъезд 42-го гв. КП был атакован взводом всадников противника и отошел обратно к полку. Противник отошел в направлении Дзадзиев – Торосов. 42-й полк продолжал наступление в направлении отм. 122,8 (Никитин), 119,2, отм. 12,6, которую достиг к исходу дня, продвигаясь под интенсивным артиллерийским огнем [10, л. 73].

Наступавший в центре боевого порядка дивизии, 25-й гв. КП к 8.00 1 декабря 1942 г. достиг овцеводческой товарной фермы (ОТФ). Двигаясь дальше в пешем строю к исходу дня занял буруны северо-западнее хутора Каргов. Действовавший на левом фланге дивизии, 33-й гв. КП к 10.20 того же дня овладел Карговым и под огнем противника занял оборону с песчаных бурунов, в двух километрах южнее Каргова (и примерно 3 км вост. Ага-Батырь), где и оборонялся до вечера, ожидая подхода 25-го полка и 12-й гв. КД, которая к исходу дня вышла в район Беленковичи (южнее 11 гв. КД). Потери 33-го полка составили 8 казаков раненых и 5 убитых лошадей. Разведкой полка были обнаружены огневые точки и полевые укрепления противника, расположенные в 800 метрах северо-восточнее Ага-Батырь. Батареи противника вели огонь с северо-западной окраины Ага-Батырь, и хуторов Михайловский и Тарский, расположенных западнее.

Надо сказать, что линия боевого соприкосновения противоборствующих сторон прошла вдоль дороги, пересекающей Курский район с севера на юг. Она соединяла между собой село Полтавское, хутора Большой Осетинский, Томазов, Авалов и станицу Стодеревскую. Сохраняя эту дорогу в своих руках, немцы тем самым обеспечивали себе пути отхода через Полтавское в сторону станицы Курской (на запад) и

на север в направлении трассы, связывающей села Степное и Воронцово-Александровское (ныне г. Зеленокумск). Именно поэтому здесь и завязались наиболее кровопролитные бои.

К ночи на 2 декабря полки 11-й гв. КД установили «локтевую» связь и заняли рубеж от реки Кура, стык канала, идущего в Каргов, песчаные буруны севернее и западнее Каргова. 1 декабря прибыли тылы дивизии, и с этого числа снабжение частей дивизии боеприпасами, продовольствием и фуражом стало постепенно подходить к норме [10, л. 73 об.].

63-я КД без 220 КП в течение 1 декабря наступала из района Беленковичи в направлении совхоза им. К. Либкнехта (в 8 км к западу от Б. Осетинского) с целью его захвата. С рассветом части дивизии, сбив охранение противника на участке в 1 км южнее Ага-Батырь, начали продвижение на совхоз. Наступавшие части с левого (южного) фланга и тыла с направления хуторов Дыдымкин и Митрофанов были атакованы 30 танками противника при поддержке роты пехоты. Атаку с воздуха поддерживали 7 самолетов люфтваффе. Атака танков была отбита кавалеристами, однако дальнейшее продвижение было приостановлено беспрепятственными ударами пикирующих бомбардировщиков и истребителей противника. В результате боя 8 танков противника было подбито и один сожжен, остальные отошли в направлении на Дыдымкин. В этом бою по неполным данным дивизия потеряла 53 человека убитыми и 58 ранеными [11, л. 11].

Ранним утром 2 декабря 11-я гв. КД получила боевой приказ № 5/ОП, который требовал дальнейшего выполнения поставленной задачи и овладения к исходу дня хуторами Тарский и Троицкий (западнее дороги, за Ага-Батырь). К 9 часам утра полки вышли на исходное положение для продолжения наступления на Тарский. Продвижению 33 и 25 полков сильно мешал фланговый огонь из Ага-Батырь и с песчаных бурунов северо-западнее Ага-Батырь. Активно действовала авиация противника: два самолета Ме-109, два ФВ-189 и Ю-88 штурмовали и бомбили боевые порядки дивизии.

В это время частям 12 гв. КД удалось захватить хутора Ага-Батырь и Михайловский. Используя успех соседей, полки 11 гв. КД перешли в наступление и к исходу дня достигли площадки в одном километре восточнее Тарский и двух ближайших курганов. Однако в Ага-Батырь разгорелся бой 12 гв. КД с танками противника (их было около 50), которые окружили и отрезали полки 12 гв. КД от штаба дивизии. Для ликвидации угрозы удара тан-

ков противника по левому флангу своей дивизии 33-й и 25-й полки были остановлены и оттянуты к мосту через р. Кура, что севернее Ага-Батырь и на песчаные буруны северо-восточнее Ага-Батырь с задачей «оседлать» дороги Ага-Батырь – Торосов и Ага-Батырь – совхоз №7. Весь вечер и ночь через оборону 33 гв. КП отходили мелкие группы прорвавшихся из Ага-Батырь казаков 12-й гв. КД.

В тот день 42 гв. КП к 8 часам утра занял рубеж вдоль реки Кура. После перехода 33 и 25 полков в наступление 42 гв. КП также двинулся вперед, имея задачу действовать из-за правого фланга 25 полка. К исходу дня 42 полк при поддержке батареи 106 конно-артиллерийского дивизиона должен был овладеть Троицким. В 14.00, выполняя боевой приказ, 42 полк преодолевал упорное огневое сопротивление противника, который силой до роты вел ружейно-пулеметный огонь при поддержке артиллерии и минометов со стороны курганов у дороги на Торосов, и хутора Тарский. В 15.00 противник силой до двух рот попытался обойти 42 полк с правого фланга в районе моста через канал. Полк приостановил наступление и развернул фронт навстречу контратакующему противнику. Ликвидировав угрозу обхода противником правого фланга, 42 гв. КП продолжал двигаться вперед, отбрасывая противника на северо-запад, но к 19.20 ввиду наступления темноты закрепился на местности.

106 гвардейский конно-артиллерийский дивизион в течение 1 и 2 декабря подавлял огонь батареи в районе Ага-Батырь, уничтожил наблюдательный пункт противника, до роты пехоты, 5 автомашин и 20 лошадей [10, л. 75–75 об.].

Потери дивизии в боях 1–2 декабря составили: убитыми – 12 человек, раненых – 40; убито 13 лошадей, ранено – 14.

Ночью на 3 декабря было получено боевое распоряжение о приостановке наступления, отводе полков 11 гв. КД и занятии обороны вдоль дороги совхоз № 7 – хутор Евтеев. Об этом эпизоде писал маршал А. А. Гречко: «Неудача постигла и 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус. Опасаясь удара по своему правому флангу, корпус был вынужден также отступить» [1, с. 190]. На наш взгляд, «неудача» корпуса состояла в том, что он после напряженных наступательных боев был вынужден отойти преднамеренно, в отличие от 4 гв. КК, который отступил под натиском немецкого корпуса «Ф» и создал угрозу для своего соседа слева – 5 гв. КК.

К 10.00 полки 11 гв. КД отошли и заняли указанный рубеж. В течение дня 3 декабря

они окапывались и приводили себя в порядок. Днем командир дивизии получил устное распоряжение о подготовке дивизии к рейду. Позже срок готовности к рейду с 6.00 4.12.42 г. был перенесен на 20.00 того же дня. Однако в течение дня обстановка изменилась и рейд не состоялся. Причиной тому стал танковый удар, который совершил противник по расположению частей соседней 63 КД. В 15.00 группой до 36 танков он произвел налет в районе хуторов Шерстобитов и Чернышов. Отдельные части 63 КД отошли в район расположения 11 гв. КД.

3 декабря 63 КД после ночного боя с танками оторвалась от окружавших ее танков и автоматчиков и к 15.00 заняла оборону на участке Ново-Стодеревская, Макаров, Шерстобитов. 4 декабря в 8 часов утра до 16 танков противника с посаженными на них автоматчиками атаковали левофланговый эскадрон 214 КП, оборонявший хутор Шерстобитов. 10 танков безуспешно атаковали боевые порядки 4 эскадрона. Шесть танков, обойдя Шерстобитов с востока, внезапно появились в районе фермы Чернышов, где были расположены тылы 223 КП и второй эшелон штаба дивизии. Атаки на Шерстобитов и Чернышов были отбиты. Танки противника, причинив незначительный ущерб тылам 223 КП, отошли в южном направлении [11, л. 11–12].

Вместо рейда 5 декабря ровно в 6.00 полки 11 гв. КД перешли в наступление. В первом эшелоне действовали 42-й и 25-й полки, которым удалось существенно продвинуться вперед. Соседи – 12 гв. КД (справа) и 63 КД (слева) сильно отстали, что затормозило темп наступления 11 гв. КД. Из-за угрозы левому флангу 33 гв. КП из района Евтеев наступать больше не мог, хотя противник оказывал незначительное сопротивление и вел лишь минометный огонь из района Ага-Батырь, Тарский [10, л. 76–76 об.].

К 16.30 части 11 дивизии, продолжая наступать, вышли на рубеж: 42 гв. КП – мост через канал Б. Левобережный, выс. 135,9; 25 гв. КП – курганы с отм. +2,4; 33-й гв. КП – песчаные буруны северо-восточнее Ага-Батырь. В этот день, 5 января, зенитчиками 25 полка был сбит немецкий самолет ФВ-189. Ввиду наступления темноты и отставания соседей (12 гв. КД и 63 КД) части 11 гв. КД остановились и окопались на ночь на этом рубеже.

По данным разведки противостоящий противник оборонял Тарский силами до роты пехоты. В Ага-Батырь находилось около батальона пехоты, 12 танков, артиллерийская и минометная батареи. На северо-восточной окраине

Ага-Батырь противник возвел две линии полевых укреплений.

В тот день 63-я КД, получив боевую задачу: во взаимодействии с 12 гв. КД овладеть Ага-Батырь, Михайловский, при подходе к Ага-Батырь была встречена сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем с направлений Ага-Батырь и Бол. Осетинский. Дальнейшее продвижение частей было остановлено. Согласно приказу командира корпуса дивизия перешла к обороне на рубеже Каргов, Беленковичи, и до 10 декабря в боях не участвовала [11, л. 12].

В 24.00 5.12.42 г. боевым приказом № 8/оп 11 дивизии была поставлена задача – перейти к обороне на участке отм. 135,9 (2 км сев. Ага-Батырь), буруны на северо-востоке Ага-Батырь. 12 КД занимала оборону на рубеже Дзадзиев, отм. 135,9 (2 км сев. Ага-Батырь). 63 КД (слева) – включая Беленковичи, Новостодеревский. Разрыв между левым флангом 11 гв. КД и правым 63-й обеспечивался (прикрывался) огнем 63 дивизии.

Потери 11 гв. КД за 5 декабря составили: убитыми 5 чел., ранеными – 12, лошадей убито – 2, ранено – 5. В этих боях погиб командир 4-го эскадрона 33 гв. КП старший лейтенант Пойков.

На следующий день (6) с утра, после артиллерийского и минометного обстрела переднего края обороны 33 полка противник начал наступление на правый фланг 11 гв. КД четырьмя танками и автоматчиками с двух бронетранспортеров. 4-й эскадрон 42 гв. КП, прикрывавший отход полка на новый рубеж обороны севернее хутора Каргов, вступил в бой с противником. В дальнейшем в бой был введен 2-й эскадрон 42 гв. КП, после чего танки и автоматчики противника были вынуждены отступить. Два танка противника были подбиты огнем из противотанковых ружей (ПТР) [10, л. 77 об.].

В 12.30 6 декабря с направления выс. 135,9 (2 км сев. Ага-Батырь) на правый фланг 25 гв. КП двинулось шесть танков и два транспорта противника с автоматчиками. Огнем из ПТР был уничтожен один вражеский танк, остальные отошли на исходное положение, а артиллерия и минометы противника открыли усиленный огонь по боевым порядкам 25 гв. КП. В результате боя за 6 декабря дивизия понесла значительные потери: убито – 25 чел., ранено – 31.

В течение следующего дня противник активных действий не вел, подтягивал резервы, производил оборонительные работы и вел методичный минометный огонь по боевым по-

рядкам дивизии. 7 декабря 106 гвардейский конно-артиллерийский дивизион уничтожил 2 наблюдательных пункта и до роты пехоты, повредил автоматическую пушку и подавил огонь минометной батареи противника. Во второй половине дня боевые порядки 11 дивизии бомбили два Ю-88. Потери дивизии за 7.12.42 г.: убито – 3 чел., ранено 4; убито 2 лошади, ранено – три.

В этот день в расположение дивизии прибыл 221 танковый полк (командир – майор А. К. Дяченко), который до конца декабря участвовал в боевых действиях 5 гв. КК.

Тогда же 7 декабря командиру 5 корпуса поступила телеграмма от командующего СГВ генерал-лейтенанта Масленникова: «Доволен действиями казаков. Товарищи, гвардейцы, казаки, донцы, смело вперед на разгром врага!». Как видно, претензий к личному составу корпуса у вышестоящего командования не было. Аналогично развивались события с обеих сторон и в следующие два дня. Активней стала наша авиация, бомбившая расположение противника [10, л. 77–79].

Дважды 8 и 9 декабря 11 гв. КД получала приказы на наступление, однако оба раза они отменялись до особого распоряжения. Бои приобрели позиционный характер. Однако, вины в этом командования корпуса не прослеживается.

Ошибки, тем не менее, случались. 10 декабря в 9.30 наши самолеты в количестве 4 бомбардировщиков под прикрытием истребителей за 7 км от переднего края обороны по ошибке сбросили несколько бомб в районе НП дивизии и на расположение тылов 33-го гв. КП. В результате этой бомбежки дивизия потеряла убитыми – 2 человека, ранеными – 8, ранено 8 лошадей, повреждено 6 мотоциклов. Но опять же, этот случай не являлся просчетом командования корпуса.

Днем 11 декабря 11 гв. КД получила боевой приказ № 12/оп о наступлении дивизии в направлении Каргов, Бол. Осетинский, Кизилы с прикрытием правого фланга дивизии со стороны Ага-Батырь одним полком. В ночь на 12.12.42 г. части дивизии готовились к наступлению и к 6 часам утра вышли на исходные рубежи [10, л. 79 об. – 80].

К 13.00 33 гв. КП «оседлал» дорогу Ага-Батырь, Беленковичи, однако дальше продвигаться к дороге Ага-Батырь, Бол. Осетинский не удалось ввиду сильного огня противника с окраины Ага-Батырь из крупнокалиберных пулеметов и закопанных в землю танков. 42 полк залег и окопался под артминометным и ружей-

но-пулеметным огнем из Ага-Батырь и с трех курганов, что в 4 км севернее Дыдымкин. 25 гв. КП пересек дорогу Беленковичи, Дыдымкин и окопался согласно приказу командира дивизии в бурунах, восточнее этой дороги, поддерживая огневую связь с 42 полком.

Распоряжение о приостановке наступления было дано генерал-майором Горшковым после полученного сообщения о том, что до 30 танков противника севернее прорвали фронт обороны 4 гв. КК, и вместе с автоматчиками вышли в тыл дивизии в районе совхоза № 7 (Моздокский). При этом противник не прекращал вести огонь из артиллерии и минометов. В 16.00 четыре самолета Ме-109Ф штурмовали боевые порядки 42 и 25 полков. К этому времени 12 гв. КД залегла на бурунах в районе отм. 134,9 [10, л. 80 об.].

С рассветом 12 декабря части 63 КД во взаимодействии с танковой группой, преодолевая упорное огневое сопротивление, ворвались в окопы противника в полукилометре юго-восточнее хутора Митрофанов. К 9.30 кавалеристы овладели Митрофановым. Противник, рассеянный арт-минометным огнем группами в панике отошел в направлении Дыдымкин. Части дивизии продолжили движение на Довлаткин, однако после ввода в бой противником свежих сил наступление пришлось приостановить. В результате боя было уничтожено до 120 солдат и офицеров, захвачено много боевых трофеев [11, л. 13].

Но вернемся к 11 гв. КД. В 16.40 противник силой около роты пехоты атаковал левый фланг 33 кв. КП. Огнем полковой артиллерии эта атака была отбита. В 17.25 противник в составе до двух рот пехоты и 4 танков из-за дороги Ага-Батырь, Бол. Осетинский атаковал правый фланг 42 гв. КП. Правофланговый эскадрон полка повернул фронт на северо-запад и отбил три атаки противника, полк занял круговую оборону. В 18.00 по селению Ага-Батырь ударили пять «Катюш», подавивших огонь немецкой артиллерии.

Потери 11 гв. КД за 12.12.42 г. составили: 10 человек убито, 40 ранено, убито 22 лошади. Однако дивизия нанесла существенный ущерб врагу, уничтожив более 200 солдат и офицеров.

В ночь с 12 на 13 декабря 42 и 25 гв. КП провели ночную атаку оборонительных рубежей противника в направлении Бол. Осетинский. Сильным огнем противника атака была отбита и части дивизии остались на прежних рубежах, достигнутых к исходу 12 декабря.

В 9 часов утра 13 декабря противник силой до двух батальонов мотопехоты при поддержке

27 танков, 3 артиллерийских и одной минометной батареей начал контратаку на боевые порядки 11 гв. КД, нацелив свой удар на правый фланг 42 гв. КП. В течение дня противник провел четыре контратаки, которые были успешно отбиты частями дивизии. При артиллерийском обстреле противник применил термитные снаряды, после разрывов которых загорелась сухая трава в расположении наших частей. В ходе этих боев противник потерял 6 танков, из которых 4 сгорело, 400 солдат и офицеров. Огнем артиллерии дивизии были подавлены две минометные батареи, уничтожено 2 дзота с крупнокалиберными пулеметами. 11 гв. КД потеряла убитыми 9 чел., ранеными – 64, и 8 лошадей.

В этот день на отдельных участках обороны 25 гв. КП бой дошел до рукопашных схваток. Несмотря на это противник не смог сломить сопротивление гвардейцев-казаков и отошел на исходных обороняемый рубеж.

В 20.00 от 25 гв. КП было выслано пешее разведывательное подразделение под командой старшего сержанта Бакулича для того, чтобы зайти в тыл к подбитым немецким танкам, снять с них вооружение и поджечь. Однако при выполнении задания группа столкнулась с отрядом противника численностью до 50 человек, охранявших подбитые танки. Казаки вступили в бой и огнем из автоматов рассеяли противника. При этом было захвачено трое пленных, а танки сожжены. Пленные оказались солдатами 3 пехотной дивизии [10, л. 81 об.].

63 КД с мотомеханизированной группой, основу которой составили 221 ТП, 66 мотоциклетный батальон и ряд других подразделений, 13 декабря имела задачу ударом с юго-востока уничтожать группировку противника в районе Дыдымкин, Бол. Осетинский с тем, чтобы к исходу дня взять хутора Томазов и Довлаткин. Бой начался в 7.30. В его результате противник понес потери: до 150 солдат и офицеров убитыми, подбито 4 танка, 3 танка сожжено, разбито 2 грузовые автомашины. Было захвачено много трофеев. Потери 63-й дивизии составили: 22 человека убитыми, 120 ранеными [11, л. 13]. Однако выполнить задачу до конца 63 КД в этот день не смогла.

С утра 14 декабря 25 и 42 гв. КП (11 гв. КД), выполняя боевой приказ, преодолевая мощное огневое сопротивление, вели бой с контратакующим противником. В результате упорного боя нашим войскам удалось овладеть мощным узлом сопротивления противника на трех курганах в 4 км севернее Дыдымкин и выс. 132,2 у Бол. Осетинский. На этом рубеже полки закре-

пились. В результате наступательных боев за 14 декабря было уничтожено до 400 солдат и офицеров противника, 2 танка, несколько крупнокалиберных пулеметов и 3 противотанковых орудия. Полкам удалось захватить богатые трофеи, в том числе штабной автомобиль с документами, два грузовика и много различного вооружения. За 14.12.42 г. дивизия потеряла 10 человек убитыми, 25 – ранеными, 25 лошадей было убито.

15 декабря 1942 года 25 и 42 гв. КП, преодолевая сопротивление, продолжали вести наступательные бои в направлении хутора Кизиллов. Противник вел огонь из районов Кизиллов, Михайловский, Ага-Батырь. Перед фронтом дивизии действовало до 15 танков противника, кроме того – 4 зарытых в землю, которые своими огневыми средствами сильно препятствовали продвижению наших частей. Особую выдержку в бою показал личный состав 25 гв. КП и 106 гв. КонаД. К исходу дня части дивизии находились восточнее в одном километре от хутора Кизиллов, где и закрепились. Разведкой было установлено, что Кизиллов обороняют два батальона мотопехоты, до 15 танков, три минометных и одна артиллерийская батарея, четыре танка, зарытых в землю. В хуторе Ага-Батырь находится до батальона пехоты, 18 танков, до эскадрона кавалерии, две минометные и одна артиллерийская батареи. В Михайловский располагалась одна дальнебойная батарея [10, л. 82–82 об.].

14 и 15 декабря части 63 дивизии продолжали выполнять поставленную ранее задачу по овладению хуторами Довлаткин и Томазов. Им противостояли до одного полка пехоты и 20 танков. Кавалеристы, отбивая контратаки, под сильным арт-минометным огнем продолжали теснить противника. С воздуха их поддерживала наша авиация.

За два дня боев 63 дивизия вывела из строя до 300 солдат и офицеров противника, уничтожила 13 дзотов и подавила до 30 огневых точек. Потери дивизии составили: 214 КП – убито 3, ранено – 9; 223 КП – убито 15, ранено – 37; 63 ОКДн – убито 2 человека [11, л. 14–15].

16 декабря части 11 дивизии продолжали вести наступательный бой за овладение Кизиллов. На протяжении всего дня противник оказывал огневое сопротивление наступающим частям дивизии из всех видов оружия. Неоднократно атаки советских кавалеристов отбивались и противник контратаковал, используя танки и бронемашину. В 17.00 до батальона пехоты с 19 танками перешли в контратаку на левый фланг 25 гв. КП. Несмотря на острый

недостаток в снарядах для полковой артиллерии, после непрерывного боя в течение дня казаки-гвардейцы 25 гв. КП, поддержанные двумя расчетами 76-мм орудий 106 гв. КонАД, не дрогнули, приняли неравный бой и успешно отразили контратаку противника, подбив 8 танков, из которых сгорело 6, и уничтожив до 200 солдат и офицеров противника.

В это же время две роты пехоты при поддержке 9 танков атаковали боевой порядок 42 гв. КП. Эта контратака также была успешно отбита. При этом было подбито 3 немецких танка.

К 21.00 части дивизии находились на прежних рубежах – 800–1000 метров восточнее Кизилов. По итогам двухдневных боев 15–16 декабря 1942 г. противник понес крупные потери: подбито 15 танков, из которых 8 сожжены, уничтожено до 500 солдат и офицеров [10, л. 82 об. – 83]. За то же время дивизия имела потери 10 человек убитыми, 53 – ранеными, из которых 3 являлись командирами эскадронов, убиты 21 лошадь.

С утра 17 декабря противник, имея цель воспрепятствовать новым атакам гвардейцев-казачков, открыл массированный огонь по всему боевому порядку 11 дивизии. В 10.00 силой до батальона пехоты при поддержке 26 танков противник повел контрнаступление на боевые порядки 25 гв. КП. В результате боя противник потерял подбитыми 4 танка и, понеся больше потери в живой силе, откатился на исходный рубеж.

В 12.30 противник двумя ротами пехоты с четырьмя танками контратаковал 42 полк. Но и эта атака была успешно отбита казаками. В 16.00 противник вновь пытался атаковать правый фланг дивизии силами двух рот автоматчиков при поддержке трех танков. Противотанковыми средствами один танк был подбит, а остальные, прикрывшись дымовой завесой, отошли вместе с автоматчиками на исходный рубеж [10, л. 83 об.].

12 гв. КД имела задачу к исходу дня 18 декабря овладеть Ново-Луковский. С рассветом дивизия перешла в решительное наступление. Части, преодолевая упорное сопротивление противника, продвигались вперед и к 13.00 подошли к восточной окраине Ново-Луковский. Однако противник собрал перед фронтом дивизии до трех батальонов пехоты и 25 танков, и при поддержке 5 батарей артиллерии перешел в контрнаступление против 258, 259 кавполков. Казаки отчаянно сопротивлялись, уничтожая танки из противотанковых ружей и бутылками с горючей жидкостью. В 14.00 оба

полка вели бои в окружении. 257 КП (командир – гвардии подполковник С. Д. Дудников), вел бой с противником, с задачей прорвать окружение и помочь 258 и 259 полкам.

Бой в окружении длился до наступления темноты. Части, выдержав натиск противника, отразили все атаки и по приказу командования отошли на исходное положение в район хутора Беленковичи. При этом 258 и 259 полки потеряли всю материальную часть и до 80 процентов личного состава. В этом бою погибли командир 258 КП майор К. П. Лосенко и его заместитель по политчасти капитан А. А. Бреннер, командир 259 КП майор Я. Я. Ипполитов вместе со своим штабом. 257 КП потерял 35 % личного состава.

Окружение полков 12 гв. КД стало возможным в результате того, что 11 гв. КД (сосед справа) отстала на 5 км, а 63 КД (сосед слева) – до 3 км. Отставание произошло из-за упорного сопротивления противника и неуспеха наших частей [9, л. 117, 118].

Наступательные действия 63 КД по овладению хуторами Томазов и Довлаткин в последующие дни успеха не имели. Бои шли с переменным успехом. Поэтому командование СГВ ЗКФ приняло решение о замене кавалеристов частями 414 стрелковой дивизии. Сдав свои позиции, 63 КД с 19 декабря повела наступление в юго-западном направлении с целью овладения Ново-Луковским [11, л. 17].

До 22 декабря полки 11 гв. КД вели упорные бои на территории Курского района, наступая на Кизилов и отбивая его контратаки. Слева от 11 дивизии в районе Дыдымкин сражалась 12 КД. 22 декабря 33 гвардейский кавалерийский полк сдал свои рубежи обороны восточней и юго-восточней Ага-Батырь 151-й стрелковой дивизии. Остальные части дивизии продолжили занимать прежние рубежи северо-восточнее и юго-восточнее Кизилов [10, л. 84–87].

24 декабря кавалеристам 11 дивизии удалось продвинуться к хутору Кизилов на удаление 80–100 м. На следующий день 25 гв. КП приблизился к передовым дзотам противника на юго-восточной окраине Кизилова. Два дзота были блокированы и захвачены. Их гарнизоны в количестве 10 человек были уничтожены казаками.

Согласно приказу штаба 5 гв. КК 221 танковый полк пошел в атаку на Кизилов. Однако, еще не дойдя до боевых порядков 11-й дивизии, попал под огонь артиллерийской батарей, расположенных западнее Кизилова, Ага-Батырь, Михайловский. Два наших танка загорелись, еще два были подбиты. Это вынудило

танкистов отойти назад. Далее события стали развиваться стремительно. В 13.10 из района Михайловский, Ага-Батырь на боевые порядки частей 11 дивизии обрушились немецкие танки. Их было двадцать восемь. Начался неравный бой казаков с танками. Танки подошли настолько близко, что артиллерия не могла вести по ним огонь, не поражая свои войска. Вражеские танки, подойдя на расстояние 15–20 метров, в упор расстреливали обороняющихся казаков. Казаки частей дивизии героически оборонялись, ведя интенсивный огонь из противотанковых ружей, забрасывая танки гранатами. Удалось сжечь 5 танков и еще несколько подбить. Под прикрытием танков около роты пехоты противника ворвалось на позиции казаков. Бой принял рукопашный характер. Казаки, несмотря на численное и техническое превосходство противника, яростно защищались и, лишь израсходовав все боеприпасы, чтобы избежать позора плена, последней пулей убивали себя. Так поступил заместитель командира 33-го гвардейского кавалерийского полка гвардии капитан Н. П. Подчертков и ряд других казаков и командиров [10, л. 89–89 об.].

В одном только 33 гв. КП в тот день погибло 16 человек: рядовые Артагалиев А. А., Задоркин В. П., Борисов А. И., Вшивцев Л. Г., Панченко Г. И., Сивой Ф. В., Кудряшов П. Д., Кузнецов Р. Я., Селиванов П. М., Пашенко Я. Н., Золотарев Я. А., Пучков К. Г., старший сержант Курепин Г. Г., сержанты Алехин И. С., Литвинов П. М. и Петров Н. И., капитан Подчертков Н. П. [4, л. 16–16 об.].

С наступлением темноты боевые порядки частей дивизии, сильно поредевшие в результате ожесточенного боя, вынуждены были несколько отойти от достигнутых рубежей и окопаться в километре от Кизилов. Потери дивизии за этот день составили: убито 47 чел., пропало без вести – 32, ранено – 58 чел. В этом

бою противник потерял не менее 150 солдат и офицеров, 5 сожженных танков и два дзота.

26 и 27 декабря бои продолжались. А 28 декабря части дивизии сдали оборонительные рубежи частям 10 гвардейского стрелкового корпуса и к рассвету вышли в район Беленковичи, где расположились на выжидательных позициях до 31 декабря 1942 года [10, л. 90–91 об.].

63 кавалерийская дивизия в тот же день также была отведена в тыл в район хутора Каргов для приведения себя в порядок. В последние дни уходящего 1942 года артиллерия дивизии вела огонь по скоплению пехоты в хуторе Михайловском и артиллерийским позициям противника [11, л. 21–22].

Подводя итог, следует отметить, что бои на юго-востоке Орджоникидзевского (Ставропольского) края, которые вел с 30 ноября по 28 декабря 1942 года 5 гвардейский Донской кавалерийский корпус стали одним из напряженных фрагментов битвы за Кавказ. Эти бои еще в оборонительный период битвы носили наступательный характер. Несмотря на упорное стремление соединений и частей корпуса прорвать оборону противника, выполнить задачу по окружению Моздокской группировки врага кавалеристы так и не смогли. Противник, понимая замысел советского командования, делал все возможное, чтобы не попасть в окружение. Маневренной кавалерии, воевавшей в основном в качестве пехоты, противостояли в большом количестве танки, артиллерия, кавалерия и пехота вермахта, прикрытые с воздуха самолетами люфтваффе. Тем не менее, войска корпуса нанесли ощутимый ущерб противнику, уничтожая в отдельные дни до нескольких сотен немецких солдат и офицеров, сжигая десятками вражеские танки. При этом гвардейцы-кавалеристы в боях за Родину демонстрировали образцы мужества и стойкости, дрались в рукопашных схватках и предпочитали смерть позору плена.

Источники и литература

1. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 427 с.
2. Кругов А., Парфенов О. Их, безымянных, тысячи – солдат, что сгнули в войне // Открытая газета (Ставрополь). 2018. №38 (731). 28 сентября. 5 октября.
3. Пятый Донской: Воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса / сост.: В. Н. Перелыгин, В. Н. Федоров. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1979. 159 с.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 114.
5. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192.
6. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 195.
7. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 198.
8. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 357.
9. ЦАМО. Ф. 3472. Оп. 1. Д. 4.
10. ЦАМО. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 2.
11. ЦАМО. Ф. 3587. Оп. 1. Д. 13.
12. Цкитишвили К. В. 442 огненных дня: (Битва за Кавказ) краткая хроника и материалы. Батуми: Сабчота Аджара, 1986. 489 с.

13. Януш С. В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь: Книжное издательство, 2005. 576 с.

References

1. Grechko A. A. Bitva za Kavkaz (*The battle for the Caucasus*). Moscow: Voenizdat, 1967. 427 p. (In Russian).
2. Krugov A., Parfenov O. Ih bezimnykh tisyachi – soldat chto sginuli v voine (*There are thousands of nameless soldiers that perished in the war*) // Otkritaya gazeta (Stavropol). 2018. No. 38 (731). 28 September – 5 October. (In Russian).
3. Pyatii Donskoi. Vospominaniya veteranov 5 gvardeisko Donskogo kazachego kavaleriiskogo Krasnoznamennogo Budapeshtskogo korpusa (*The Fifth Donskoy: the memories of veterans of the 5th Guards Don Cossack Cavalry of the red banner of the Budapest corps*) / comp. V. N. Pereligin, V. N. Fedorov. Rostov na Donu: Kniznoe izdatelstvo, 1979. 159 p.
4. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO). F. 33. Inv. 11458. D. 114.
5. CAMO. F. 47. Inv. 1063. D. 192.
6. CAMO. F. 47. Inv. 1063. D.195.
7. CAMO. F. 47. Inv. 1063. D. 198.
8. CAMO. F. 51. Inv. 932. D. 357.
9. CAMO. F. 3472. Inv. 1. D.4.
10. CAMO. F. 3547. Inv. 1. D. 2.
11. CAMO. F. 3587. Inv. 1. D. 13.
12. Ckitishvili K. V. 442 ognennih dnya: (Bitva za Kavkaz) kratkaya hronika i materiali (*442 fire days. Battle for the Caucasus. Brief chronicle and materials*). Batumi : Soviet Adjara, 1986. 489 p.
13. Yanush S. V. Voiskovie operacii Sovetskoi Armii v bitve za Kavkaz (1942–1943) (*Military operations of the Soviet Army in the battle of the Caucasus. 1942–1943*). Stavropol: Kniznoe izdatelstvo, 2005. 576 p.

УДК 94 (470.6) "18"

Д. Ю. Коробейникова

КОЛОНИЗАЦИОННО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В ПРОЦЕССЕ ЕГО АДАПТАЦИИ К ИМПЕРСКОМУ МИРОСОЦИУМУ

Статья посвящена характеристике этно-демографической ситуации в северокавказском регионе, сложившейся там перед началом и в ходе активного проникновения в регион Российской империи. Численность местного северокавказского населения постоянно колебалась на протяжении всего присутствия Российской империи в северокавказском регионе. Связано это было с многими факторами, в том числе, с вооружёнными столкновениями, сотрясавшими регион, а также с чередой эпидемий, которые значительно сократили число жителей гор. Попытки российских властей противодействовать распространению эпидемий холеры в крае были мало результативны. С другой стороны, под воздействием России на Северном Кавказе начинают происходить заметные трансформации, которые были связаны с увеличением

здесь численности славянского населения и перемещением горских народов с мест их традиционного проживания на новые земли. Появление новых этнических групп переселенцев первоначально не повлекло больших негативных последствий для горских обществ, поскольку новопоселенцы осваивали преимущественно равнинные и степные территории края. Тяготы переселения лишили их сил и средств для осуществления широкой экспансии. Имперские власти также надеялись на социально-культурную трансформацию горских народов, что позволило бы избежать расширения конфликта интересов между сторонами.

Ключевые слова: Северокавказский регион, миросоциум, колонизация, переселенческая политика, адаптация, Российская империя, администрация, этнические общества, конфликт.

D. Yu. Korobeynikova

COLONIZING AND RESETTLEMENT DEFORMATION OF THE NORTH CAUCASUS REGION IN THE PROCESS OF ITS ADAPTATION TO THE IMPERIAL MICROSOCIETY

The article describes the ethnic and demographic situation in the North-Caucasus region, which took place before and during the Russian Empire penetration. The size of the local North-Caucasus population constantly fluctuated throughout the whole period of presentation of the Russian Empire in the North-Caucasus region. It is connected with many facts, including a series of epidemics, which reduced the number of mountaineers. The attempts of Russian authorities to oppose the spread of cholera epidemics in the region failed. On the other hand, some evident transformation took place in the North Caucasus under the Russian influence, namely the increase of the Slavonic population and resettlement of highlanders

from their traditional areas to new lands. Originally new ethnic resettlement groups entailed no significant negative consequences for mountain societies, since the new settlers chiefly developed flat and steppe areas of the region. The difficulties of the migration deprived them of the power and means to expand widely. The imperial authorities also hoped to transform mountain peoples socially and in cultural fields, so that it could provide an opportunity to localize the conflict of interests between the parties.

Key words: The North-Caucasus region, micro-society, colonization, resettlement politics, adaptation, the Russian Empire, authority, ethnic societies, conflict.

К началу XIX столетия этнодемографическая картина на Северном Кавказе выглядела уже сложившейся и относительно устойчивой. За каждым народом закрепилась определённая территория и, хотя границы, время от вре-

мени, подвергались незначительной корректировке, масштабных перемещений населения не происходило.

Северокавказский мир (миросоциум) на тот момент представлял собой достаточно пё-

стрый конгломерат, состоявший из различных сообществ, придерживавшихся определённого порядка как во внутренних, так и во внешних взаимодействиях, и в основании которого лежала выработанная долговременным опытом система сдержек и противовесов.

Миросоциум представляет собой тесную связь и взаимную обусловленность географического и социокультурного пространства. Особенности каждого региона влияют на становление и функционирование «общественных институтов, связанных тесными узами с физико-географическими структурами региона, которые предопределяли формы существующего там общественного быта и хозяйственной деятельности» [9, с. 90].

При кажущейся стабильности такое мироустройство было весьма уязвимо для внутри- и внешнеполитического воздействия, и усилившийся российский фактор неминуемо должен был повлиять на сложившееся положение вещей.

На территории Северо-Западного Кавказа проживали многочисленные черкесские племена. Процесс их этнической консолидации был ещё далёк от завершения, а потому они делились на шапсугов, натухайцев, убыхов, абадзехов, жанеевцев и т.д. При внешней схожести, они имели свои особенности, в большей степени связанные с мировоззренческой особенностью, что характерно для народов, до конца не изживших традиции архаики.

В силу объективных обстоятельств малочисленные этнические группы черкесов поглощались более крупными. Этот процесс аккультурации имел относительно мирный характер и не был связан с военно-политическими катаклизмами, в которые оказался втянут регион в первой половине XIX столетия. Живущие в горных труднодоступных районах этнические сообщества в меньшей степени были подвержены инокультурному воздействию. В этом отношении их равнинные сородичи легче шли на контакт и выстраивали межкультурный диалог со своими соседями. Это заметно по бжедухам, темиргоевцам либо по абазицам-тапантинцам (их родичи-горцы назывались «шакаруа»), кубанским ногайцам. Именно они станут своеобразным связующим звеном между русскими поселенцами и своими горскими соотечественниками. Они будут носителями пограничного, весьма непростого сознания, будучи вынужденными лавировать между двумя «центрами силы».

Восточнее (в горных районах Приэльбрусья) проживали тюркоязычные карачаевцы,

а в ущельях Баксана, Чегема, Черека, Урвани жили родственные им балкарцы. Замкнутые в горных теснинах, они зависели от контролирующих равнины кабардинцев, которые стремились максимально использовать своё положение и распространить собственную власть над этими народами. Всё это предопределило возникновение латентной конфликтной ситуации, разрешить которую без ущерба для каждой из сторон было крайне трудно.

В центральной части Главного Кавказского хребта проживали осетинские общества. Расположившись в ущельях, они испытывали серьёзные проблемы, связанные с невозможностью обеспечить себя необходимым количеством продовольствия, несли существенные потери при возникновении эпидемий и т.п. Выходом из этой непростой ситуации было освоение Владикавказской равнины, но в условиях военно-политической нестабильности этот процесс был затруднён.

Аналогичные сложности испытывали и соседи осетин – ингуши. Для них появление российских укреплений стало историческим шансом, дававшим возможность вырваться из «горного мешка».

Восточнее разместились чеченские этнические общности. Увеличив свою численность, они начинали теснить соседей, стремясь закрепить за собой новые территории. По словам Умалата Лаудаева, «с этих пор чеченцы начинают уже более выясняться в глазах соседних народов; до того живя в горах и отражая хищнические нападения соседей, они теперь сами выходят из домов своих и пускаются за добычей в чужие земли. Они сами тревожат рубежи, и потомство в песнях передаёт как их удачные битвы, так и поражения. <...> Наконец, в это же время они принимают ислам и делаются религиозными врагами как русских, так и язычествующих соседей своих и собратьев» [10, с. 20]. Неудивительно, что российской администрации было трудно выстраивать взаимоприемлемый диалог с этими племенами.

На Северо-Восточном Кавказе проживали народы, принадлежавшие к самым различным этническим сообществам. Они отличались не только языковой спецификой, но и социально-политической организацией, степенью открытости для восприятия тех новаций, которые несла им империя.

Если к этой пёстрой картине добавить ещё и дисперсное расселение выходцев с территории Закавказья, казачьи станицы и русские (шире – славянские) крестьянские поселения, становится очевидным, что специфика

северокавказского миросоциума делала его непростым для взаимодействия феноменом. Выработать некую универсальную формулу взаимоотношений его с российским государством было трудноразрешимой задачей.

Следует помнить также о том, что количество местного северокавказского населения постоянно колебалось. Связано это было с вооружёнными столкновениями, сотрясавшими регион, а самое главное – с чередой эпидемий, которые значительно сократили число автохтонов. Достаточно вспомнить высказывание А. П. Ермолова о Кабарде: «Моровая язва была союзницею нашою против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно всё население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...» [4, с. 283].

Попытки российских властей снизить угрозу эпидемии были мало результативны. Это признавали и сами царские генералы. Вновь обратимся к авторитету А. П. Ермолова: «Впрочем от заразы в здешней стране едва ли возможно предохраниться, сколько в таковых случаях спасительна предосторожность, но можно ли таковой ожидать от простолюдина, иначе от мусульман, верящих предопределению» [4, с. 303].

Таким образом, катастрофические демографические потери горских обществ были связаны со многими факторами, повлиять на которые оказалось весьма сложно в силу самых разных, в том числе субъективно-ментальных причин.

В силу того, что весьма трудно подробно раскрыть все аспекты влияния имперского миросоциума на северокавказскую этнополитическую картину, для нас является важным показать общую тенденцию демографических изменений в регионе и проиллюстрировать этот процесс на примере ярких исторических фактов-маркеров, имевших место в процессе встраивания местных сообществ в державное пространство России.

Под воздействием России на Северном Кавказе начинают происходить заметные трансформации, которые были связаны с увеличением здесь численности славянского населения и перемещением горских народов с мест их традиционного проживания на новые земли. Эти процессы с разной долей интенсивности происходили как в первой половине XIX столетия, так и продолжались во второй. Менялись лишь побудительные мотивы, которые толкали власти и население на такие шаги. Если первоначально мы видим весомость значения военно-политической необходимости, то в дальнейшем на

первое место выходит фактор экономической целесообразности [2, с. 282–285].

В начале XIX столетия на Кавказской линии проживали преимущественно казаки, которые могли не только заниматься сельским хозяйством, но и принимали активное участие в охране и обороне границы. Их численности явно не хватало для выполнения этой важной миссии, а потому правительство принимает решение переселить сюда дополнительный контингент. Инициатором этого шага явился генерал А. П. Ермолов, который ратовал за превращение Кавказа в казачий край. Сюда с 1825 по 1827 г. прибыло 11 новых станиц, размещённых преимущественно в центральных районах края. Ещё через три года к ним добавилось 15 новых. Это приводило к формированию новой этнополитической реальности на Северном Кавказе, хотя и не затрагивало интересы большинства горских народов региона.

Уплотнившееся казачье прикрытие границы позволило приступить к крестьянскому освоению южного пограничья. В сентябре 1830 г. принимается положение, согласно которому казённые крестьяне, имевшие проблемы с получением необходимого земельного надела, могли перебраться на Кавказ и здесь обзавестись собственным хозяйством. Они достаточно быстро адаптировались в новых условиях и вскоре были переведены в разряд казачьих станиц. Происходил процесс «окавказивания» русского крестьянства, которое постепенно воспринимало новые для себя ментальные ценности и приоритеты.

Процесс славянского освоения региона шёл по нарастающей. Возведение новых пограничных линий по рекам Сунжа, Лаба, Зеленчук и т.д. привело к тому, что здесь казачье население к середине века оценивалось в 241794 человека [5, с. 58].

Усиливается внимание властей к славянской колонизации Северо-Западного Кавказа. Исторически сложилось так, что долгое время интересы Российского государства были сосредоточены на другой, восточной части края. Между тем с точки зрения геополитической необходимости Азовско-Черноморский регион, пожалуй, доминировал в обеспечении безопасности южных рубежей страны. Это явственно покажет Восточная война, когда отряды западноевропейских противников России, опираясь на поддержку «немирных» горцев, попытаются организовать отсюда прорыв вглубь территории империи. Но и до этих трагических событий значение данной территории в Петербурге оценивали достаточно трезво. Поэтому, сюда

старались поселить людей, в лояльности которых власти не сомневались.

Помимо казаков, на территории правобережья, а затем и левобережья Кубани стали появляться и выходцы из крестьянской среды, которых в дальнейшем будут называть иногородними. Их интерес к краю был настолько велик, что царская администрация даже принимала запретительные меры, пытаясь ограничить неконтролируемый приток самовольных колонистов. Но потребность в новых рабочих руках была столь велика, что местная власть зачастую покрывала таких новосёлов, хотя и стремилась не допустить предоставления им таких же прав, как старожильческому казачьему населению.

Весьма информативным видится в этой связи обращение императора Александра I к генералу А. П. Ермолову, который должен был организовать переселение и осуществлять контроль за малороссийскими казаками, размещавшимися в Черномории. В частности, он отмечал, что «при утверждении Мною в прошлом 1820 году известного вам положения о переселении на земли Черноморского Войска 25000 малороссийских казаков, обращено было внимание на открывшееся из донесений ген.-м. Киселёва обстоятельство, что некоторые из чиновников Войска Черноморского учредили из земель оного частные владения и поселили на оных крестьян. Предусматривая, что из сего произойти могут стеснения казаков в землях их и другие злоупотребления, предположено сие несообразное с существованием Войска Черноморского и по единому послаблению допущенное установление уничтожить; крестьян же, на землях войсковых поселённых, коих чиновники, ими владеющие, не пожелают перевести на земли или в имения, в других губерниях им принадлежащие, обратить в казаки, сделав им надлежащее за них удовлетворение» [1, с. 657].

Обратим внимание на тот факт, что в происходившие процессы колонизации был вынужден вмешаться лично император. Несмотря на попытку государства регулировать данный процесс, он происходил достаточно хаотично, и ждать скорых позитивных результатов по адаптации новопоселенцев на Кавказе не приходилось.

Правительство и само отдавало себе отчёт, что найти желающих осваивать новые территории – занятие хлопотное, и легче было компенсировать потери бывшему владельцу беглых крестьян. С этой целью ему выдавались рекрутские квитанции, и таким образом ущерб от поте-

ри крепостного минимизировался. В императорском указе от 15 августа 1801 г. говорилось, что таких беглецов «...повелено оставить на месте, и снабдив их землёю, считать принадлежащими тому, чьи они были по четвертной ревизии, повелеваем зачтя помещикам их за рекрут по узаконению, причислить в казённое ведомство и обложить податями на равне с прочими государственными поселянами» [11, с. 748].

Отметим, что далеко не все оказавшиеся на Кавказе переселенцы были довольны своим новым положением. Было немало тех, кто готов был выехать отсюда и искал малейшую возможность, чтобы добиться этого. Сохранился весьма любопытный документ, датированный 1838 г. в котором говорилось: «Начальник ставропольской жандармской команды штабс-капитан Полесский-Щепило обнаружил, что отставной подпоручик Ремизов составил фальшивый высочайший указ, позволяющий переселенцам возвращаться из Кавказской области в Россию, по коему многие однодворцы уже подали прошения на высочайшее имя о их возвращении с Кавказа, что произвело в том крае некоторое беспокойство, и только открытием Полесского-Щепило в подлоге указа прекращено» [7, с. 26]. Сложно сказать, чего добивался отставной подпоручик, когда затевал подобную аферу, и какой был его личный интерес в этой мистификации. Для нас важно понять, какие настроения царили среди новосёлов, которые с трудом адаптировались на новом месте и долгое время не считали Кавказ своей новой малой родиной.

Вместе с крестьянами на Северный Кавказ пришли новые социальные реалии и проблемы. Они первое время мало касались горской части северокавказского миросоциума, который столкнётся с похожими трудностями после завершения вооружённого противостояния в крае и активного распространения здесь капиталистических порядков.

В первые десятилетия XIX в. государственные крестьяне стали той социокультурной средой, которая должна была продемонстрировать все преимущества имперских порядков, которые несла с собой Россия. Для горцев долгое время империя ассоциировалась с военной мощью, а экономическое освоение новых земель явно задерживалось. На то были свои объективные причины, что, впрочем, не снимало ответственности с царской администрации, которая должна была предпринимать шаги по развитию в крае условий для его экономического процветания.

Государственные крестьяне весьма тяжело встраивались в непривычные для себя реалии. Уровень их достатка был невелик, а переезд и обустройство хозяйством на новом месте зачастую оказывались настолько разорительными, что они не только не могли продемонстрировать хозяйственные успехи, но сами оказывались на грани физического выживания.

Как вспоминал А. П. Ермолов, «...нашёл я переселяемые из Малороссии семейства в ужаснейшей бедности. Войско без всяких средств вспомоществовать им по истощению своих доходов. В одно время выслано из Малороссии вдвое большее число, нежели распорядилось было правительством. На прежних жилищах своих продавали они имущество за бесценок, ограблены были земской полицией чиновниками, отправлены в путь в самое позднее осеннее время, и многие, весьма лишившись по дороге скота своего, без средств идти далее, остались зимовать по разным губерниям, выпрашивая для существования милостыню» [4, с. 373–374]. Власти вынуждены были обратиться к старожилам с призывом поддерживать новопоселенцев, чтобы те не умерли от голода [3, с. 406].

И в дальнейшем избегать проблем с размещением вновь прибывших поселян не удавалось. Среди прочего сказывался субъективный фактор, когда, например, топографы, которым давалось распоряжение подыскать для новых поселян удобное место жительства, ошибались, и это дорого стоило для колонистов [6, с. 190].

Рискнём предположить, что их пример не только не способствовал формированию привлекательного имиджа России, но наоборот показывал горскому миросоциуму его преимущество перед ней. Положительный эффект должен был проявить себя лишь после длительного этапа адаптации русских колонистов на новом месте, а потому в диалоге с горскими обществами в качестве аргумента нередко использовали силу армии.

Не выказывали большого желания переселять своих крепостных на Северный Кавказ и помещики. Такой рискованный шаг был под силу лишь крупным владельцам, но они, как правило, имели необходимые земельные наделы в центральных губерниях страны. Щедрые раздачи новых участков ситуацию не

изменили, а потому даже к середине XIX столетия во всём Предкавказье было примерно 2 % крепостных крестьян [5, с. 60].

Ещё одним колониальным ресурсом империи были иностранные поселенцы [8, с. 206–208]. В них видели носителей передовых хозяйственных традиций, которые должны были стать примером как для русских поселян, так и для горских жителей Кавказа. С этой целью таким колонистам давали самые широкие права и значительную автономию в организации внутренней жизни. Нередко они сочетали свою хозяйственную жизнь с миссионерской деятельностью, как это, к примеру, сделали поселенцы Шотландской колонии в Пятигорском округе [12, с. 243–253].

Однако иностранные колонисты (речь идёт в первую очередь о немцах), жили достаточно замкнуто и не спешили передавать свой опыт другим народам региона. Кроме того, воспользоваться их примером было затруднительно, т.к. для этого нужно было иметь и те льготы, которыми наделило их российское правительство. Численность таких переселенцев была несопоставима с русской казачьей и крестьянской колонизацией, а потому и знакомство с ними основного этнического массива северокавказского миросоциума было затруднено [6, с. 208].

Таким образом, появление новых крупных этнических массивов долгое время не приводило к кардинальным деформациям уже сложившегося горского миросоциума. Русские поселения осваивали преимущественно равнинную, степную часть края. Однако этот процесс проходил с серьёзными людскими и материальными издержками для самих новопоселенцев, не оставлял им сил и средств на расширение экспансии в другие районы края. Долгое время такая задача и не ставилась властями. Сохранялась надежда, что автохтоны под воздействием культурных и экономических факторов изменят свой образ жизни, и удастся избежать дальнейшего конфликта между имперским и горским миросоциумами. Дальнейшие события показали, что такой сценарий развития событий был неоправданно оптимистичен. Немалая часть местных сообществ оказалась недоговороспособной и предпочла погибнуть в борьбе против нового миропорядка или перебраться на территорию Турции.

Источники и литература

1. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т.VI. Ч.II.Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. 1019 с.
2. Гранкин Ю. Ю. Колонизационная политика Российской администрации на Северо-Западном Кавказе в конце 40–50-е гг. XIX в.: задачи и реализация // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. №2. С. 282–285.

3. Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями / издание Н. П. Ермолова. Ч. II. 1816–1827. М.: Катков и К°, 1868. 442 с.
4. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М.: Высш. шк., 1991. 463 с.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
6. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
7. Крестьянское движение 1827–1869 годов / подготовила к печати Е. А. Мороховец. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 164 с.
8. Лазарян С. С. Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 398 с.
9. Лазарян С. С. Роль ландшафтов в истории взаимодействия России с горскими обществами в период Кавказской войны 1817–1864 гг. // Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). Ставрополь-Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 90–92.
10. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VI. Тифлис, 1872. С. 1–62.
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800–1801. СПб., 1830. №19979. 883 с.
12. Чекменёв С. А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: Книжное издательство, 1971. С. 243–253.

References

1. Akty sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissiyey (Acts, collected by the Caucasian archaeological committee). Vol. VI. Part. II. Tiflis, 1875. 950 p. (In Russian).
2. Grankin Yu. Yu. Kolonizatsionnaya politika Rossijskoj administracii na Severo-Zapadnom Kavkaze v konce 40–50-e gg. XIX v.: zadachi i realizaciya (The colonizing politics of the Russian authorities in the North-Western Caucasus in the end of 40–50-s of the XIX c.) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. No. 2. P. 282–285. (In Russian).
3. Zapiski Alekseya Petrovicha Ermolova s prilozheniyami (The notes of A. P. Ermolov with the appendices). Part. II. 1816–1827. Moscow, 1868. 442 p. (in Russian).
4. Zapiski A. P. Ermolova. 1798–1826 gg. (The notes of A. P. Ermolov. 1798–1826). Moscow: Hight school publ., 1991. 463 p. (In Russian).
5. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) (The history of the North-Caucasian peoples. The end of the XVIII c. – 1917) / ed. by A. L. Narochnickij. Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russian).
6. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) (The Russian politics in the North Caucasus (1827–1840 y)). Pyatigorsk: PSLU publ., 2002. 494 p. (In Russian).
7. Krest'yanskoe dvizhenie 1827–1869 godov (The peasants rising of 1827–1869). Moscow: Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoy izdatel'stvo, 1931. 164 p. (In Russian).
8. Lazaryan S. S. EHkonomicheskaya, social'naya i ehtnokonfessional'naya politika knyazya M. S. Vorontsova v Kavkazskom krae. 1845–1854 gg. (The economic, social, ethnic and confessional politics of prince M. S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845–1854). Pyatigorsk: PSLU publ., 2014. 398 p. (In Russian).
9. Lazaryan S. S. Rol landshaftov v istorii vzaimodejstviya Rossii s gorskimi obschestvami v period Kavkazskoj vojny 1817–1864 gg. (The role of landscapes in the history of the interaction between Russia and mountain societies in the period of the Caucasian war 1817–1864) // Istoricheskaya pamyat i kulturnye simvoly nacionalnoj identichnosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Pyatigorsk, 18-20 oktyabrya 2017 g.). Stavropol'-Pyatigorsk: PSU publ., 2017. P. 90 – 92.
10. Laudaev U. Chechenskoe plemya (s primechaniyami) (The Chechen tribe (with notes) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vol. VI. Tiflis, 1872. P. 1–62. (in Russian).
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda (The complete works of the Russian Empire laws of 1649). Vol. XXVI. No. 19979. 1800–1801. St. Petersburg, 1830. 883 p. (In Russian).
12. Chekmenyov S. A. Inostrannye poseleniya na Stavropol'e v konce XVIII i v pervoj polovine XIX v. (Foreign settlements in the Stavropol region in the end of the XVIII and first half of the XIX c.) // Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraja. Stavropol', 1971. P. 243–253. (In Russian).

УДК 94

М. А. Максименко

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ШОТЛАНДИИ В XIX ВЕКЕ

Настоящая статья изучает отдельные социально – экономические аспекты индустриальной революции в Шотландии в XIX в. Актуальность исследования вопроса об индустриальной революции в Шотландии объясняется не только слабой степенью изученности, но и различными темпами ее развития по сравнению с английской. Отечественный корпус научной литературы частично освещает проблемы индустриализации в Шотландии, анализируя ее в контексте британской промышленной революции. Примечательно, что индустриальная революция в целом отличалась крайней неравномерностью и несинхронной скоростью отдельных регионов Великобритании, но, несомненно, главным итогом было достижение прогресса и улучшение условий жизни общества. В статье учитывается влияние международных отношений на формирование локального шотланд-

ского рынка, природно – географический фактор, а также рост научных знаний и открытий. Основными задачами исследования является выявление особенностей развития промышленной революции в Шотландии, изучение специфики развития таких ключевых отраслей индустрии, как хлопчатобумажная, металлургическая, а также железнодорожное строительство. Более того, важной задачей является изучение влияния экономического развития на шотландское общество.

Ключевые слова: индустриализация, промышленная революция в Шотландии, хлопчатобумажная промышленность, хлопковое производство, индустриальная революция Великобритании, история Шотландии, экономическая история, социальная история, урбанизация, зарубежная история XIX века.

М. А. Maximenko

ON SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION IN SCOTLAND IN THE XIX CENTURY

The article studies certain socio-economic aspects of industrial revolution in Scotland in the 19th century. The topicality of industrial revolution in Scotland is explained not only by weak degree of study, but also various rates of its development as compared to the one in England. Industrialization problems in Scotland in the context of the British industrial revolution are partially highlighted in national scientific domain. It is remarkable that the industrial revolution in general differed in extreme unevenness and nonsynchronous speed of certain regions in Great Britain, but, undoubtedly, the achievement of progress and improvement of living conditions were the main outcomes. The article analyzes the influence of international relations on forming the local

Scottish market, natural-geographic factor and also the growth of scientific knowledge and discoveries. The main objectives of the study are the identification of development features of industrial revolution in Scotland and peculiarities of development of such key industries as cotton production, metallurgy and railway construction. Moreover, an important task is to specify the influence of economic development on the Scottish society.

Key words: industrialization, industrial revolution in Scotland, cotton industry, cotton production, industrial revolution in Great Britain, history of Scotland, economic history, social history, urbanization, foreign history of the XIX century.

В зарубежной исследовательской практике шотландская и британская промышленная революция становятся предметом отдельных трудов ученых. Эволюция взглядов на индустриализацию в последнее время претерпела

значительные изменения. Развитие исторического знания на рубеже XX–XXI вв. сформировало совершенно новый подход к проблеме промышленной революции. В свою очередь, это обстоятельство способствовало смещению

центра исследовательских практик к изучению личности в совокупности ее материальных и духовных потребностей. В трудах второй половины XX в., освещающих вопросы промышленной революции, лейтмотивом повествования является человек с его социально – бытовыми, культурными, политическими и экономическими особенностями.

Современный корпус научной литературы об индустриальной революции в Шотландии содержит анализ, как экономических аспектов развития, так и социальные проблемы исследуемого явления. Однако, существует большое количество работ, посвященных анализу отдельных отраслей промышленного производства в Шотландии. Такая исследовательская позиция не противоречит действительности, поскольку, к примеру, хлопковое производство занимало центральное место в структуре шотландской экономики.

Несомненно, в Великобритании индустриальная революция прежде всего, была связана с высокими темпами развития в хлопчатобумажной отрасли. Уже к 20-м гг. XIX в. в Англии и Шотландии работало свыше 14 тыс. ткацких станков с паровым приводом, а в середине 30-х гг. их число увеличилось до 100 тыс. [2, с. 154].

Исследовательская перспектива направлена на выявление отличительных черт английской и шотландской промышленной революции. Хлопковая промышленность строилась по мере применения новой технологии, но в значительной степени потому, что у шотландцев была успешной льняная промышленность, из которой быстро развивалась хлопковая промышленность [4, р. 38]. Эта наиболее яркая особенность, которая отличает шотландскую промышленную революцию от английской.

В центре исследовательской практики находятся вопросы международных отношений, которые оказали влияние на локальный рынок. В результате спроса, порожденного такими войнами как: Крымская, Гражданская война в Америке, Бурская и Первая мировая, которые привели к увеличению продаж и прибыли в льняной промышленности восточно-центральной Шотландии [8, р. 168]. Но периоды экономического благосостояния Шотландии сочетались с нестабильностью, которые характерны для процесса индустриальной революции в целом. Некоторые предприятия росли во время Французских войн, отсеивая мелкие компании. Основной капитал одних только прядильных фабрик в 1812 г. оценивался в 1,4 фунтов стерлингов; к 1840 г. было установлено, что общая стоимость капи-

тала всей промышленности составляла около 4,4 млн фунтов стерлингов [14, р. 26].

Мировой рынок стал еще одним важным фактором, который способствовал ускорению темпов промышленного производства. Развитие зарубежного рынка связано с успехами в судостроении и тяжелой технике, что в свою очередь зависело от наличия богатых месторождений угля и железа в центральном поясе [5, р. 38]. Несомненно, природно-географический фактор играет значимую роль в индустриальной революции. Во многом, таким темпам промышленного роста Шотландская экономика обязана богатым природным ресурсам. К. Уотли поясняет, что важное значение исследователи также придают заключению Союза 1707 г., объясняя процессы шотландской индустриализации. После 1707 г. был создан общебританский рынок, позволявший Шотландии не только свободную торговлю в Англии, но и с американскими колониями. Фокус внешней торговли Шотландии переместился из континентальной Европы в сторону быстро растущей атлантической экономики, хотя золотой век табака в значительной степени зависел от европейского благосостояния и привычки к табаку, и, в частности, предпочтения во Франции, главного клиента Глазго. Он также отмечает, что в 1840-е гг. Азия, Южная Америка и Австралия стали важными торговыми партнерами [14, р. 39–40]. С этим соглашается и другой видный ученый Т. Девайн, подчеркивая, что между 1785 и 1835 г. экспорт вырос в 9 раз и Шотландия стала ключевым игроком на рынке Атлантики, который являлся самым быстрорастущим рынком в мире в этот период [7]. В первые десятилетия XIX в. были образованы новые шотландские торговые связи с Южной Америкой, Азией и Австралией. В конце наполеоновских войн в 1815 году Америка и Карибский бассейн составляли почти 70 % тоннажа, покидающего Клайд. Большая часть остального предназначалась для европейского континента [7]. Доходы же, полученные от торговли табаком, сахаром и хлопком, имели непосредственное влияние на развитие сельского хозяйства в регионах, прилегающих в Глазго [1, с. 492].

Высокий рост в хлопковой индустрии основывался на бурном спросе со стороны быстро растущего населения и наличия рабочей силы в сельских районах [11, р. 141]. Этот факт позволяет утверждать, что для первого этапа индустриальной революции характерен медленный переход от ручного труда к машинному.

Скорее всего, можно говорить о том, что наряду с высокими и беспрецедентными темпами технических открытий и изобретений, достаточно долго не сдавал свои позиции и ручной сектор.

Около 60 % занятых в текстильной промышленности, приходится на производства хлопка. Лен утрачивает свою позицию к 1800 году [14, р. 26]. Ярким примером может служить производство в городе Пейсли, который традиционно специализировался на тонких льняных товарах, а с 1750-х на шелковых изделиях, а после стал производителем хлопковой продукции (с плетения искусственных индийских платков в 1803, сохраняя за собой репутацию по качеству работы) [14, р. 26]. Хорошее состояние продукции часто встречается в описаниях историков «...следует отметить превосходное качество ранних шотландских продуктов. Длительное время потребовалось для того, чтобы Глазго стал всемирным центром по изготовлению прекрасных хлопчатобумажных тканей» [12, р. 16]. На самом деле оборудования, используемые в льняной индустрии, были пригодны для обработки только грубых волокон. Но затруднение вызывало другое обстоятельство: лен содержал какое-то клейкое выделение, благодаря чему волокна склеивались, что препятствовало работе [9, р. 155]. Можно предположить, что по этой причине, переход на полное механизированное производство, был затруднен.

Другие ученые замечают, что в усовершенствованиях ранних ткацких станков имелись недостатки, которые позволяли растущему числу ткачей ручных ткацких станков поддерживать некоторую независимость и избегать полного поглощения новой заводской системой [13, р. 8]. К тому же ирландские иммигранты и горцы присоединились к прядильным фабрикам. Их увеличивающееся число, наконец, решило проблему трудовых ресурсов, поскольку, мельницы не могли легко привлечь грамотного шотландца из Лоуленда. Действительно, новая фабричная рабочая сила и новое городское общество на западе Шотландии покоились на неграмотных, голодных, обездоленных и иммигрантах [13, р. 8]. Мысля в этом направлении, представляется возможным говорить о том, что перемещение трудовых ресурсов из сельской местности в город, меняло и сам характер шотландского общества.

По словам Уильяма Марвика, использование энергии пара, как в ткачестве, так и в других текстильных отраслях являлось поздним и более медленным [10, р. 36]. Но, несмотря

на это, именно благодаря энергии пара становится возможной всесторонняя механизация производства. В 1821 г. в Кирккальде были установлены мощные станки, а в 1824 г. – в Маберли в его абердинском заводе, жаккардовый ткацкий станок был введен в Данфермлайне примерно в 1825 г. [13, р. 36]. Шерстяная промышленность после безуспешных усилий по продвижению в XVII в., неудач в соревновании с английской в XVIII в., теперь стала процветать, особенно на границе, где местные запасы шерсти и энергия воды давали ей естественные преимущества. Рой Кэмпбелл называет 1825 г. – пиком процветания хлопковой промышленности. Именно в это время происходит переход от хлопка к железной индустрии, как ведущей отрасли экономики [10, р. 40]. К этому времени основное строительство прядильных фабрик было закончено.

С 1780-х гг. появлялись хлопковые прядильные фабрики, и повысился импорт ваты в 1778, более чем 200,000 фунтов; в 1788 г., более чем 1,500,000 фунтов. Последующее расширение в производстве пряжи повышало спрос на ткачей ручного ткацкого станка, пока процесс не стал механизированным после наполеоновских войн [3, р. 42]. Наполеоновские войны оставили след в экономике многих индустриально развитых городов Шотландии. Современник Питер Кармайкл отмечал, что застой в торговле и высокая цена провизии привели к тому, что многие семьи стали жертвами голода в Данди. Местный писатель, ссылаясь на это время, отмечал, что перед Ватерлоо ткачам было выплачено двадцать шиллингов за работу сети Оснабург на 150 ярдов, но цена упала до пяти шиллингов до конца года [5, р. 13]. По словам М. Линча, в Шотландии в целом тяжелая промышленность обогнала текстиль только в 1891 году [12, р. 407]. Рой Кэмпбелл обращает внимание на то, что к 1850 году на долю Шотландии приходилось более 90 % британского экспорта чугуна [3, р. 40]. В период между 1825 и 1841 гг. на западе Шотландии были открыты 11 новых металлургических заводов. По мнению Энтони Славена, именно запад Шотландии сформировал базу, благодаря которой процесс индустриализации мог бы поддерживаться в течение десятилетия с 1830 по 1870 г. [13, р. 8]. В 1848 году в Ланаркшире было 15 металлургических заводов с 92 печами. Шотландская железная промышленность увеличила выпуск продукции до 564 000 тонн, что более чем в два раза превышает показатель на 1840 год и более чем в двадцать раз превышает выпуск 1825 года. Затраты на производство тонны

чугуна были на 40 % ниже показателей 1829 года. Большая часть этого быстрого роста была сосредоточена в Монклендсе, и это не удивительно. В 1840-х годах Монклендс имел легкий доступ к дешевому транспорту большой вместимости. В этом районе также обнаружены богатые и обширные ресурсы железных руд черных и глинистых металлов. Здесь также были построены первые железные дороги [13, р. 118].

В XIX в. механизация коснулась и транспорта. Создаются железные дороги, появляются станции, строятся поезда. Благодаря поддержке торговцев, около 350 трамвайных маршрутов было установлено между 1750 и 1840 гг. [5, р. 58–59]. Новые железнодорожные узлы позволили не только сократить время проезда, но и стали главными магистралями, набирающего темпы, урбанизированного общества.

Период промышленного подъема совпал с ростом населения, причем городского. Примечательно, что шотландские статистические отчеты не всегда содержат объективные данные. Причем разница существует не только в источниках, созданных в Шотландии, но и в британской статистике, включающей данные численности шотландского населения. Но, несмотря на статистические неточности, очевидно, что к XIX в. такие крупные города, как Эдинбург, Глазго, Абердин, Данди являлись крупными населенными городскими центрами.

Исследуя запатентованные открытия и изобретения, становится очевидным обстоятельство, что с каждым годом количество открытий увеличивалось не только в количественном отношении, но и в разнообразии сфер использования. Больше всего открытий в начале XIX в. приходилось на сферу текстильного производства, что неслучайно. Тогда именно лен и хлопок находились в основе экономического развития Шотландии. Стоит отметить заслугу таких шотландских ученых, как Дж. Уатт, Ч. Теннант, Т. Телфорд, Д. Ренни, Ч. Макинтош, Дж. Нейлсон без которых не представляется возможным изучение феномена промышленной революции в целом. Все чаще появляющиеся открытия и изобретения часто дублирова-

ли уже имеющиеся, а другие ученые и вовсе были вынуждены снова и снова доказывать свое авторство. Это в первую очередь связано с неразвитостью патентного законодательства, а также со слабостью международного научного обмена. При этом, стоит помнить, что шотландские ученые открыли миру большое количество изобретений. К примеру, стоит отметить положительный вклад в промышленную химию в XVIII в., в отрасли машиностроения и строительства в XIX [4, р. 38].

Социально-экономические особенности Шотландской революции связаны не только с высокими темпами производства во всех сферах экономики Шотландии, но и с изменением структуры общества. Благодаря накоплению капитала среди торговцев, они могли позволить себе лучшие условия жизни и совершенно иную структуру потребления. Наиболее зажиточные представители этой отрасли, были крупнейшими инвесторами своей эпохи. Другие же, такие как рабочий класс, который стояли у истоков этого «экономического чуда» едва ли могли похвастаться удовлетворительными условиями существования. В целом, можно говорить о разных следствиях промышленной революции, но, скорее всего, важнейшим из них являлось формирование общества нового времени.

Таким образом, социально-экономические особенности индустриализации в Шотландии в XIX в. демонстрировали высокие темпы промышленного производства, особенно в хлопчатобумажной отрасли экономики, которая долгое время переживала бурный экономический рост. Не менее активными отраслями экономики являлись металлургическая и машиностроительная. Благодаря росту новых производственных центров, решался вопрос о рабочих местах. Другой важной особенностью являлась высокая степень адаптации общества к динамике внутреннего рынка и меняющимся условиям жизни. Так, и социальные, и экономические результаты промышленной революции были центральными векторами ее развития.

Источники и литература / References

1. Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с.
Apyshchenko V. Yu. Shotlandiya v Novoe vremya: v poiskakh identichnostey (*Scotland in Modern period: In search of identities*). St. Petersburg: Aleteyua, 2016. 720 p. (In Russian)
2. Виргинский В. С. Очерки науки и техники XVI–XIX. М.: Просвещение, 1984. 287 с.
Virginskiy V. S. Ocherki nauki i tekhniki XVI–XIX (*Essays on science and technology*). Moscow: Prosveshchenie, 1984. 287 p. (In Russian)
3. Campbell R. H. The Industrial Revolution: A Revision Article // *The Scottish Historical Review*. Vol. 46. No. 141. Part 1. April. 1967. P. 40–42.
4. Campbell R. H. *The Rise and Fall of Scottish Industry 1707–1939*. Edinburgh, 1980. 18 p.

5. Carmichael P., Gauldie E. The Dundee textile industry, 1790–1885: from the papers of Peter Carmichael of Arthurstone. Edinburgh, 1969. P. 13–59.
6. Carmichael P., Gauldie E. The Dundee textile industry, 1790–1885: from the papers of Peter Carmichael of Arthurstone. Edinburgh, 1969. 278 p.
7. Devine T. M. The Scottish Nation: A Modern History URL: <https://books.google.ru/books?id=HBW-6peFSU4C&pg=PT161&dq=trade+industry+scotland&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjLoNDA4KzVAhWBK5oKHQTHDAg4HhDoAQgtMAE#v=onepage&q=key&f=false> (Accessed: 28.07.17)
8. Durie A. J. The Scottish Linen Industry in the Eighteenth Century. Jonh Donald Publishers LTD. Edinburgh, 1979. P.168
9. Hamilton H. An Economic History of Scotland in the eighteen century. Clarendon press. Oxford, 1963. 452 p.
10. Marwick W. H. Scotland in Modern Times: An Outline of Economic and Social Development science the Union of the 1707. London and Edinburg, 1964. P.36
11. Scottish capitalism. Class, State and Nation from the Union to the Present. Ed. by T. Dickson. London, 1980. 335 p.
12. Scottish industry. An account of what Scotland makes and where she makes it /ed.by Oakley C.A. The Scottish council., 1953. 332 p.
13. Slaven A. The Development of the West of Scotland 1750 – 1960. London and Boston, 1975. P. 8, 118
14. Whatley C. A. The Industrial Revolution in Scotland. Cambridge University press, 1997. P. 25–40.

УДК 9 (С16)

Е. В. Панарина

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные виды помощи семьям военнослужащих, оказываемые советским государством и общественными организациями на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Доказывается важность данной помощи в вопросах поддержки семей, ушедших на фронт военнослужащих и повышения морального духа последних в боях против немецко-фашистских захватчиков. Приводятся сведения о выделении семьям военнослужащих денежных средств и различных источниках их поступления. Анализируется состояние жилищной проблемы в годы войны и принимаемых со стороны местных органов различных районов Северного Кавказа мер по предоставлению семьям военнослужащих квартир, оказанию помощи в строительстве индивидуальных домов, осуществлению ремонта жилых помещений, обеспечению топливом. Подчеркивается зависимость решения данной проблемы от отношения руководителей предприятий и учреждений, что подтверждается соответствующими примерами. Определяются ос-

новные виды продовольственной помощи семьям военнослужащих, дается оценка участию местных органов и предприятий, а также профсоюзных организаций в их обеспечении огородами и содействию в обработке земельных участков, обеспечению огородников семенами и сельхозинвентарем. Указывается на приоритетность снабжения семей военнослужащих товарами широкого потребления, приводятся сведения о выделении им из централизованных фондов одежды, обуви и других предметов домашнего обихода, организации их ремонта, участии в решении этой проблемы трудовых коллективов и населения Северного Кавказа. Подчеркивается значение патриотического движения по оказанию помощи семьям военнослужащих и достигнутых успехов в этой работе, что способствовало укреплению единства фронта и тыла, и достижению победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: семьи военнослужащих, социальная политика, Северный Кавказ, Великая Отечественная война.

Е. V. Panarina

THE AID TO MILITARY FAMILIES IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article discusses the main types of assistance provided to the families of soldiers by the Soviet State and public organizations in the North Caucasus during the Great patriotic war. It proves the importance of the assistance support to the families of the front soldiers and the morale of the latter in the battles against the German-fascist invaders. The article provides information on providing military families with money from various sources. It examines the housing problem during the war years and the measures taken by the local authorities in various regions of the Northern Caucasus to provide military families with apartments, assist in the construction of individual houses, implement renovation of premises and supply with fuel. The article emphasizes the dependence of tackling the problem on personal attitude on the part of managers of enterprises and institutions, as evidenced by examples. It identifies the main types

of food aid to military families, an assessment of the participation of local authorities and enterprises as well as trade union organizations in securing towns and promoting the processing of land parcels, ensuring farmers with seeds and farming equipment. The article specifies the priority of military families supply with consumer goods, provides information on the allocation of centralized funds of clothes, shoes and other household items, their repair, participation of labor collectives and the population of the Northern Caucasus. It stresses the importance of the patriotic movement to assist military families and the successes achieved in this work that contributed to the strengthening of the unity of the front and the rear, and the victory in the Great patriotic war.

Key words: families of soldiers, social policy, the North Caucasus, the Great patriotic war.

Важнейшим направлением социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны являлось оказание помощи семьям военнослужащих, принадлежавших к одной из льготных категорий в системе социального обеспечения в условиях военного времени. Это объяснялось необходимостью заботы о тех, чьи мужья и дети, являвшиеся, как правило, главными кормильцами семей, сражались против немецко-фашистских захватчиков. Число людей, входивших в эту категорию, было значительным уже с первых месяцев войны и продолжало увеличиваться по мере продолжения боевых действий. Члены семей военнослужащих пользовались рядом льгот, предоставляемых государством: по налогам, пользовании жильем, при поступлении в высшие учебные заведения, регулярно получали от органов социальной защиты пособия и пенсии.

Помимо государства, участие в оказании помощи принимали профсоюзные, комсомольские, женские и другие общественные организации. Так, проявляя заботу о семьях фронтовиков, Секретариат ВЦСПС уже 5 июля 1941 г. принял постановление «Об изменении финансового плана государственного социального страхования на третий квартал 1941 г.», в соответствии с которым, значительные средства высвобождались на военные нужды, резко уменьшались расходы на содержание домов отдыха, санаториев, туризм и физкультуру, но вместе с тем увеличивался удельный вес ассигнований на пособия и пенсии инвалидам Великой Отечественной войны и семьям фронтовиков [2, с. 200].

Со стороны широких масс населения эта помощь поступала в ходе различного рода патриотических акций. Так, осенью 1942 г., в преддверии 25-летнего юбилея Красной Армии, по почину учителей и колхозников села Федякино Рязанской области в стране зародилось патриотическое движение по оказанию помощи семьям бойцов и командиров Красной Армии [5, с. 341]. Следовательно, организация помощи семьям военнослужащих в годы войны носила комплексный государственно-общественный характер. Типичным примером ее осуществления являлся Северный Кавказ, в общем составе населения которого семьи военнослужащих занимали значительное место. Например, только за первый год войны в ряды Вооруженных Сил ушло более 600 тыс. жителей Краснодарского края, что составляло 20 % всего населения [13, с. 221].

Наиболее острой проблемой при оказании помощи семьям военнослужащих, являлась

нехватка денежных средств. Для ее решения, в частности, использовались средства государственных кредитов. Так, по линии государственного обеспечения Сельхозбанк открыл Краснодарскому краю кредит в сумме 300 тыс. руб. на покупку скота инвалидам Отечественной войны и семьям фронтовиков в размере 1 тыс. руб. на хозяйство [15, с. 339]. Денежные средства на оказание помощи семьям военнослужащих выделялись также из профбюджета и бюджета государственного социального страхования. Ставропольский крайком Союза Медсантруда Юга, например, в своем постановлении от 13 апреля 1943 г. разрешил профсоюзным комитетам расходовать 15 % от суммы отчислений поступивших от членских взносов на оказание денежной помощи семьям военнослужащих [8, л. 4].

Однако эти средства были невелики и недостаточны для решения материальных проблем большинства семей военнослужащих. По итогам 1943 г. из 752 семей фронтовиков профсоюза работников связи по Ставропольскому краю денежную помощь получили лишь четыре семьи [7, л. 16], по системе курортного управления Краснодарского края – 2 семьи [28, л. 47]. В отдельных профсоюзных организациях, например, Краснодарского крайстатуправления материальная помощь семьям военнослужащих не оказывалась вовсе [31, л. 32].

В связи с этим предпринимались меры по изысканию дополнительных источников денежных средств. Одной из этих мер стала организация общественных фондов по оказанию помощи семьям фронтовиков, создаваемых на добровольных началах. Важным источником их пополнения стало отчисление коллективами учреждений и предприятий заработанных на субботниках и воскресниках средств. Так, коллектив Сочинского порта, включившись осенью 1944 г. в двухмесячник помощи семьям военнослужащих и инвалидов войны, отработал сверх установленного времени по благоустройству города 4 682 часа. Вся заработанная сумма 6 107 руб. 13 коп была перечислена в фонд помощи семьям военнослужащих и инвалидов войны [28, л. 114]. Еще одним источником получения денежных средств в общественные фонды стали различные культурно-массовые мероприятия: концерты, театральные представления, экскурсии и т.п. Доля этих средств была достаточно велика. Так, из 384 тыс. руб., израсходованных на помощь семьям военнослужащих медицинских работников Краснодарского края, 314 тыс. руб. было получено за счет проведения культурно-массовых мероприятий [6, л. 34].

Среди видов помощи, оказываемой семьям военнослужащих, важнейшим являлось обеспечение их жильем. В особенности это касалось эвакуированных на Северный Кавказ семей, не имеющих крыши над головой. Распространенной практикой при этом являлось самоуплотнение, при котором семьи эвакуированных подсаживались в квартиры и дома проживающих в них граждан. При этом семьям военнослужащих предоставлялось преимущественное право на предоставление жилплощади. Делалось это как добровольно, так и по решению уличного комитета. Получив соответствующее распоряжение местных органов, представители комитетов обходили квартиры и частные дома и выявляли, в каких из них существуют возможности расселения приезжающих семей и отдельных граждан.

Так, в феврале 1942 г. СНК Кабардино-Балкарской АССР принял решение о распределении 5 тыс. прибывших из Ленинграда граждан в г. Нальчике, а также в Майском, Терском, Баксанском и Эльбрусском районах. При этом председатели исполкомов и руководители ряда организаций должны были освободить ряд намеченных помещений предприятий и учреждений для размещения эвакуированных. В г. Нальчике в процессе уплотнения квартир разрешалось снижать действующую в городе норму жилплощади – 9 кв. м. на человека до нормы, обеспечивающей расселение эвакуированных граждан, но не ниже 5 кв. м. на человека [14, с. 436–437].

В ряде случаев эвакуированным семьям военнослужащих предоставлялись отдельные квартиры, которые в основном освобождались за счет уезжающих из региона жильцов. В основном это касалось семей командного состава или многодетных семей. Так, в г. Краснодаре за первые полгода войны получили квартиры свыше 450 семей военнослужащих. Многим из них была оказана помощь в ремонте и отоплении жилищ [4].

Семьи военнослужащих получали также в первую очередь кредиты для индивидуального жилищного строительства и на капитальный ремонт индивидуальных домовладений. В Ростовской области к марту 1942 г. на эти цели было отпущено соответственно 3 и 3,8 млн руб. Сумма кредита на жилищное строительство составляла 15 тыс. руб. с погашением в течение 5 лет, а на ремонт одного дома – 1,5 тыс. руб., с погашением в течение 3 лет [17]. В сельской местности семьям военнослужащих в целях улучшения жилищных условий материальную помощь оказывали колхозы.

Так, в октябре 1941 г. колхоз «Октябрь» Выселковского района Краснодарского края выдал семье мобилизованного необходимые средства на достройку дома [3].

В еще большей степени жилищная проблема обострилась после освобождения большей части Северного Кавказа в феврале 1943 г., ввиду уничтожения значительной части жилого фонда. В такой сложной ситуации местные органы по-прежнему наибольшее внимание уделяли семьям военнослужащих. Так, в конце марта 1943 г. Ростовский горисполком принял решение о наделении семей военнослужащих жильем независимо от района их прежнего проживания и места прописки [9, л. 55]. В целом по Ростовской области семьям солдат и офицеров было предоставлено 10333 квартир. В начале 1945 г. общее количество жилплощади, не оплачиваемой семьями воинов, на Дону составляло 212508 кв. м на сумму около 2 млн руб. в год [23, с. 42].

В июле 1943 г. Гиагинский райисполком Адыгейской автономной области, принимая во внимание, что абсолютное большинство эвакуированного населения являлись семьями военнослужащих, решил полностью применить к ним установленные правительством льготы по жилищным условиям. В связи с этим, председатели сельсоветов были обязаны предоставить семьям военнослужащих жилплощадь в порядке уплотнения в домах, принадлежащих совхозам и хозяйственным организациям, а также обеспечить их предметами домашнего обихода [21, л. 60]. Такая же работа проводилась и в других районах Северного Кавказа. Например, колхозы Михайловского сельсовета Ворошилоградского района Ставропольского края к зиме 1944 г. построили для семей фронтовиков 7 новых домов [24].

Особенно результативными в вопросах улучшения жилищных условий семей военнослужащих являлись специальные акции, которые проходили как по указанию местных органов, так и по инициативе трудовых коллективов и населения. Например, в Кабардино-Балкарии по инициативе жителей села Аушигер с 20 августа 1943 г. по 10 сентября 1943 г. был проведен двухнедельный период помощи семьям военнослужащих по подготовке к зиме. За этот короткий период для семей военнослужащих было построено 363 новых дома, предоставлено 438 квартир [14, с. 459].

Местные органы и общественные организации уделяли также большое внимание вопросам ремонта жилых помещений, занимаемых семьями военнослужащих. Например, в де-

кабре 1943 г. колхоз им. В. И. Ленина, располагавшийся в станице Змейской Кировского района Северо-Осетинской АССР, обратился ко всем трудящимся республики принять участие в проведении месячника помощи семьям военнослужащим. В ходе месячника население республики собрало для ремонта домов 69 тыс. т кирпича и 6 тыс. штук черепицы. Было отремонтировано 2360 квартир и домов, где проживали семьи военнослужащих, 7439 семей получили топливо [27, с. 53].

В октябре 1944 г. в г. Дзауджикау Северо-Осетинской АССР горком ВКП(б) и горисполком организовали общественный смотр готовности к зиме жилищного фонда. В первые же дни месячника в Затеречном районе была отремонтирована 101 квартира семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны [26]. К апрелю 1944 г. организация этой работы комитетом ВКП(б) Сталинского района г. Ростова н/Д позволила отремонтировать 1221 индивидуальных дома и 150 квартир семей военнослужащих [19]. Всячески поддерживалась также инициатива снизу, которая исходила от трудовых коллективов и общественных организаций. Так, в октябре 1943 г. ростовская областная газета «Молот» привела в пример почин комсомольцев г. Таганрога, которые своими силами взялись отремонтировать 50 квартир семей фронтовиков [18].

К числу наиболее сложных бытовых вопросов в зимнее время года относилось отсутствие тепла. Лишь небольшое количество жилых помещений отапливалось с помощью центрального отопления. В остальных использовались стационарные печи, а также временные печи-буржуйки. В связи с этим большое внимание уделялось проблемам обеспечения населения топливом. Местные органы, администрация предприятий и учреждений, профсоюзные организации в первую очередь стремились доставить топливо семьям военнослужащих и инвалидам войны. В нерабочее время для этого создавались бригады, которые заготавливали дрова. Например, в Сталинском районе Краснодарского края в системе государственных учреждений такой работой было занято более 2700 человек [31, л. 7]. В г. Новочеркасске заводской комитет завода им. Будённого оказал помощь семьям мобилизованных в Красную Армию, обеспечив их на зиму дровами и углём [16].

Несмотря на принимаемые меры, значительная часть семей военнослужащих продолжала проживать в тяжелых жилищных условиях. Наряду с объективными трудностями военного

времени, причиной такой ситуации являлась пассивная и равнодушная позиция ряда руководителей предприятий и учреждений, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, поступающие от членов этих семей. Например, случаи грубого отношения администрации к нуждам семей военнослужащих были выявлены отделом гособеспечения и бытоустройства семей военнослужащих на ряде предприятий Нефтегорского района Краснодарского края. Директор Куринского леспромхоза, например, без объяснения причин отказался ремонтировать квартиры семьи военнослужащего и инвалида войны [30, л. 15].

Было немало примеров, когда пассивную позицию в контроле за деятельностью должностных лиц занимали профсоюзные комитеты, фактически отстранившись от решения проблем, переживаемых семьями ушедших на фронт воинов. Например, при проверке состояния дел на Краснодарском нефтяном заводе выяснилось, что точного учета и приема семей военнослужащих не ведется, а некоторые из них живут в «жутких» условиях. Из 200 учетных семей военнослужащих к началу 1944 г. было обследовано только 58, а 120 не были обеспечены топливом и проживали в неотапливаемых квартирах. Между тем руководство предприятия и местный комитет не принимали мер для исправления ситуации [29, л. 5]. В случае установления таких фактов виновные несли административную ответственность.

В вопросах централизованного обеспечения продовольствием семьи военнослужащих находились в равной позиции с другими гражданами, однако им обеспечивались лучшие условия при использовании дополнительных источников получения продуктов питания. Это касалось распределения различного рода продуктовых подарков из отечественных и зарубежных фондов, а также использования местных продовольственных ресурсов. Например, на заседании Шевченковского райисполкома Адыгейской автономной области в апреле 1944 г. было принято решение выделить жене военнослужащего, воспитывавшей семь детей, 1 тыс. руб. и предложить председателю колхоза «Передовик» оказать ей помощь в размере 2 пудов кукурузы, а также выдавать ежедневно 2 л молока [22, л. 1].

Большое значение в пополнении рациона питания семей военнослужащих имело индивидуальное огородничество. Спрос на огороды среди населения был очень высок. В 1943 г. огородничеством занималось в РСФСР 45 % городского населения [5, с. 200]. При распре-

делении огородов преимущество отдавалось семьям военнослужащих. Например, в Ростове-на-Дону из 60 тыс. подавших весной 1944 г. заявление на огороды получили их 17 тыс. семей, из которых многие являлись семьями военнослужащих [20]. Администрация предприятий и профсоюзные комитеты оказывали им помощь по вспашке огородов, в приобретении посадочного материала и сельхозинвентаря, предоставлении транспорта для перевозки собранного урожая и решении других вопросов. Тем, кто не имел возможности обрабатывать огороды в связи с болезнью или преклонным возрастом, была организована помощь со стороны рабочих коллективов.

В условиях острого дефицита товаров широкого потребления местные органы уделяли внимание вопросам их снабжения семей военнослужащих. Из государственных фондов им в первую очередь выделялись одежда, обувь и другие предметы повседневного спроса, которые отпускались по ордерам и талонам. Наряду с организацией государственного снабжения большую роль в обеспечении промтоварами семей военнослужащих играли профсоюзные комитеты. Например, к июлю 1944 г. на заводе «Ростсельмаш» 590 членов семей военнослужащих получили в общей сложности 3314 талонов на обувь, одежду и другие промтовары [32, л. 34].

Решение о выдаче талонов и определении размеров оказываемой помощи принималось после обследования материального положения семей военнослужащих. Так, в январе 1945 г. президиум Ростовского обкома профсоюза работников общественного питания рассмотрел акты комиссий по обследованию семей военнослужащих работников столовых, после чего дал рекомендации по оказанию конкретной помощи. Например, вернувшейся из эвакуации и находящейся в тяжелых жилищно-бытовых условиях работнице было решено выделить талоны на детское пальто и матрац. Для одной официантки, имеющей троих детей, было выделено два талона на детскую обувь, два талона на детскую одежду и талон на обувь для нее самой [11, л. 15].

О масштабах этой помощи, в частности, свидетельствуют следующие данные. К началу февраля 1944 г. практически все семьи во-

еннослужащих г. Краснодара получили те или иные промышленные изделия [29, л. 5]. В Кабардино-Балкарии в период прошедшего двухнедельника с 20 августа 1943 г. по 10 сентября 1943 г. семьям военнослужащих было выдано 124 тыс. предметов одежды и обуви. После освобождения республики к этому моменту семьи военнослужащих получили около 25 тыс. талонов на одежду и обувь [14, с. 457, 459].

Помимо этого, на многих промышленных предприятиях выполнялись специальные заказы по изготовлению одежды и обуви для членов семей военнослужащих. Например, на предприятиях г. Армавира в течение 1943 г. было сшито и отремонтировано для семей военнослужащих около 5 тыс. пар обуви [1]. С марта 1943 г. в Чечено-Ингушетии семьям военнослужащих было выдано около 4500 пар обуви [33, с. 215]. Работниками местной промышленности Ставропольского края за 1944 г. было изготовлено 270 пар обуви и отремонтировано 357 пар [12, л. 42]. За этот же период предприятиями и организациями г. Ростова н/Д было выделено семьям военнослужащих 4 тыс. предметов одежды, 9 тыс. пар обуви, 5 тыс. м мануфактуры [10, л. 140].

В результате проводимой местными органами и общественными организациями работы многие семьи военнослужащих смогли поправить свое материальное положение и улучшить бытовые условия, о чем свидетельствовали сотни писем с выражением благодарности за повседневную заботу и чуткое отношение к их нуждам и запросам. Жена командира Г. Р. Павликова писала, что после возвращения из эвакуации «оказалась разутой, раздетой, без постели и без квартиры, но мне во всем помогли, дали квартиру и мебель, создали уют, оказали денежную помощь, дали талоны на обед и обувь для сына. Чувствуя эту заботу, от всей души благодарю за внимание, большое спасибо» [25, с. 308].

В целом, результаты оказания помощи семьям военнослужащих демонстрировали весомый вклад в общенародную заботу об одной из наиболее нуждающихся категорий населения. Эта помощь не только позволяла улучшить материальное положение семей фронтовиков, но и укрепляла моральный дух воинов, спокойных за судьбу своих родных и близких.

Источники и литература

1. Армавирская коммуна. 1944. 1 января.
2. Белоносов И. И. Русинов В. А. Победа ковалась в тылу. М.: Профиздат, 1985. 263 с.
3. Большевик. 1941. 12 октября.
4. Большевик. 1942. 9 января.

5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 264 с.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 8.
7. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 507.
8. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 593.
9. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1817. Оп.3. Д. 2.
10. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 53.
11. ГАРО. Ф. Р-2377. Оп. 1. Д. 17.
12. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-2771. Оп. 1. Д. 13.
13. История Кубани /под общ. ред. В. В. Касьянова, Н. С. Короткого. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. 336 с.
14. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Нальчик: «Эльбрус», 1975. 798 с.
15. Лохова Т. В. История организации Сельхозбанком СССР целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) /отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 337–344.
16. Молот. 1941. 6 сентября.
17. Молот. 1942. 25 марта.
18. Молот. 1943. 12 октября.
19. Молот. 1944. 5 апреля.
20. Молот. 1945. 7 апреля.
21. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-1092. Оп. 1. Д. 1.
22. НАРА. Р-349. Оп. 1. Д. 4.
23. Селюнина Н. В., Булгарова М. К. Социальная политика на Юге России в 1941–1945 годах // Научная мысль Кавказа. 2004. № 1. С. 40–48.
24. Ставропольская правда. 1944. 10 января.
25. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 515 с.
26. Социалистическая Осетия. 1944. 17 октября.
27. Худалов Т. Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Владикавказ: Республиканская книжная типография им. В.А. Гассиева, 1992. 346 с.
28. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 558. Оп. 1. Д. 304.
29. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2398.
30. ЦДНИКК. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 552.
31. ЦДНИКК. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 1.
32. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 492.
33. Шебзухов М. Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945 гг.). Майкоп: Меоты, 1993. 326 с.

References

1. Armavirskaya kommuna. 1944. January 1. (In Russian).
2. Belonov I. I. Rusinov V. A. Pobeda kovalas v tylu (*The victory was forged in the rear*). Moscow: Profizdat. 1985. 263 p. (In Russian).
3. Bolshevik. 1941. October 12. (In Russian).
4. Bolshevik. 1942. January 1. (In Russian).
5. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov (*The Great patriotic war 1941–1945*): In 12 Vols. Vol. 10. Gosudarstvo. obshchestvo i voyna. Moscow: Kuchkovo pole. 2014. 264 p. (In Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (*State archive of Krasnodar territory*). F. 1429. Inv. 1. D. 8. (In Russian).
7. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropolskogo kraya (*State archive of contemporary history of the Stavropol territory*) (GANISK). F. 1. Inv. 2. D. 507. (In Russian).
8. GANISK. F. 1. Inv. 2. D. 593. (In Russian).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (*State archive of Rostov territory*) (GARO). F. R-1817. Inv. 3. D. 2. (In Russian).
10. GARO. F. R-1817. Inv. 3. D. 53. (In Russian).
11. GARO. F. R-2377. Inv. 1. D. 17. (In Russian).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya (S). F. R-2771. Inv. 1. D. 13. (In Russian).
13. Istoriya Kubani (*History of Kuban*) / ed by V. V. Kasianov, N. S. Korotkii. Krasnodar: KSU publ., 2005. 336 p. (In Russian).
14. Kabardino-Balkariya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg. (*Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war. 1941–1945*). Nalchik: Elbrus. 1975. 798 p. (In Russian).
15. Lokhova T. V. Istoriya organizatsii Selkhozbankom SSSR tselevykh kreditnykh programm vosstanovleniya razrushennogo khozyaystva Krasnodarskogo kraya v 1943–1945 gg. (*The history of targeted credit programs for thereconstruction of the economy of Krasnodar region launched by Selkhozbankom USSR in 1943–1945*) // Yug Rossii i sopredelnyye strany v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Rostov-na-Donu. 22–25 iyunya 2016 g.) / ed by G. G. Matishov. Rostov n/D: SSC RAS publ. RAN. 2016. P. 337–344. (In Russian).

16. Molot. 1941. September 6. (In Russian).
17. Molot. 1942. March 25. (In Russian).
18. Molot. 1943. October 12. (In Russian).
19. Molot. 1944. April 5. (In Russian).
20. Molot. 1945. April 7. (In Russian).
21. Natsionalnyy arkhiv Respubliki Adygeya (*National Archives of the Republic of Adygeya*) (NARA). F. R-1092. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
22. NARA. R-349. Op. 1. D. 4. (In Russian).
23. Selyunina N. V., Bulgarova M. K. Sotsialnaya politika na Yuge Rossii v 1941–1945 godakh (*Social policy in the South of Russia in 1941–1945*) // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2004. No. 1. P. 40–48. (In Russian).
24. Stavropolskaya pravda. 1944. January 10. (In Russian).
25. Stavropolye v Velikoy Otechestvennoy voyne. 1941–1945 gg. (*Stavropol in the Great patriotic war. 1941–1945*): Sbornik dokumentov i materialov. Stavropol: Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo. 1962. 515 p. (In Russian).
26. Sotsialisticheskaya Osetiya. 1944. October 17. (In Russian).
27. Khudalov T. T. Severnaya Osetiya v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. (*North Ossetia in the Great patriotic war of 1941–1945*). Vladikavkaz: Respublikanskaya knizhnaya tipografiya im. V. A. Gassiyeva, 1992. 346 p. (In Russian).
28. Tsentр dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraя (*Center of documentation of the modern history of Krasnodar territory*) (TsDNIKK). F. 558. Inv. 1. D. 304. (In Russian).
29. TsDNIKK. F. 1072. Inv. 1. D. 2398. (In Russian).
30. TsDNIKK. F. 1387. Inv. 1. D. 552. (In Russian).
31. TsDNIKK. F. 1444. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
32. Tsentр dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (*Center of documentation of the modern history of Rostov territory*). F. 9. Inv. 1. D. 492. (In Russian).
33. Shebzukhov M.Kh. Tyl – frontu (Severo-Zapadnyy Kavkaz v gody voyny 1941–1945 gg.). (*Rear-front (North-Western Caucasus during the war years 1941–1945)*). Maykop: Meoty. 1993. 326 p. (In Russian).

УДК 94(72/73)

Т. В. Пантюхина

АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКАЯ ГРАНИЦА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ США XIX ВЕКА

В статье освещается история формирования государственной границы между США и Мексикой в XIX веке в контексте внешней политики США, а также история освоения территорий, которые составляют приграничье современных США и Мексики. Основным направлением американской внешней политики XIX века была континентальная экспансия. Расширяя свои пределы за Запад, по направлению к тихоокеанскому побережью, США сталкивались с интересами европейских государств, прежде всего Испании, имевших колонии на континенте. Первое разграничение испанских владений и территории США на юго-западе континента было оформлено договором 1819 г. Появившаяся в 1821 г. на карте Мексика унаследовала от Испании свои границы с США. Однако мексиканское приграничье, в особенности Техас, являлось объектом притязаний американских экспансионистов. После аннексии Техаса граница между Мексикой и США оставалась неопределенной в связи с претензиями обеих сторон на обширные территории между реками Нуэсес и Рио-Гранде. Пограничный конфликт стал поводом к войне 1846–1848 гг., в результате которой США

отвоевали более половины территории Мексики. Мирный договор Гуадалупе-Идальго 1848 г. закрепил новые границы США, расширенные за счет мексиканских земель. Завершающим этапом формирования границы в ее современных очертаниях стала покупка мексиканской территории между реками Колорадо и Рио-Гранде в 1853 г. Приграничные территории, независимо от нахождения в составе Мексики или США, оставались слабозаселенными вплоть до сер. XIX века и фактически контролировались индейскими племенами, причем индейское население преобладало. После военного разгрома Команчей и Апачей в 1870–80-х гг. этно-расовая панорама приграничья подверглась радикальным изменениям. К концу века доминирующие группы населения приграничья составляли мексиканцы (по мексиканскую сторону границы) и смешанные сообщества американцев европейского и мексиканского происхождения (по американскую сторону).

Ключевые слова: американо-мексиканская граница, США, Мексика, Техас, территориальная экспансия.

T. V. Pantyukhina

THE US-MEXICO BORDER: THE HISTORY OF SHAPING IN THE CONTEXT OF THE US CONTINENTAL EXPANSION IN THE XIX CENTURY

The paper features the history of shaping the state border between the USA and Mexico in the XIX century in the context of the US foreign policy as well as the history of colonization of the territories which now make up the borderland region of present-day Mexico and the USA. The main trend of American foreign policy in the XIX century was continental expansion. Pushing its boundaries westward, towards the Pacific, the USA confronted European powers which had their colonies on the continent. The first demarcation between Spanish colonies and the US territory was defined by the Treaty of 1819. Mexico, which won independence in 1821, inherited its borders with the USA from Spain. Nevertheless, Mexican borderland, Texas in particular, was a long standing objective of American expansionists. After annexation of Texas

the US-Mexico border remained unspecified due to the fact that both countries claimed vast spaces between the Nueces and Rio Grande Rivers. The borderland dispute ignited 1846–1848 War, as a result of which the US gained over half Mexican territories. The Treaty of Guadalupe Hidalgo of 1848 defined the extended American border. The purchase of Mexican territory between Colorado and Rio Grande Rivers in 1853 completed the formation of the current US-Mexico border. Irrespective of belonging to either Mexico or the US the borderlands remained underpopulated till the middle of the XIX century. In fact, the territories were dominated by the Indians. After the military defeat of the Comanches and the Apaches in the 1870–80s the borderlands underwent rapid and radical demographic transformation. By the end

of the XIX century the region changed from a zone dominated by indigenous people to a region totally controlled by a newly arrived non-Spanish Europeans.

The region that today constitutes the United States-Mexico borderland has evolved through various systems of occupation over thousands of years. Beginning in time immemorial, the land was used and inhabited by ancient peoples whose cultures can only be understood through the archeological record and the beliefs of their living descendants. Many of the languages once spoken there are now lost and irretrievable, though in the Border States on the US side alone, people still speak more than fifty languages, not including Spanish and English.

After Spanish explorers opened the door to Hispanic settlement in the XVII-th century, the Spanish were still drastically outnumbered by Native peoples who forged alliances and warred with one another. This demographic imbalance persisted well into the XVIII-th and XIX-th centuries. Even after Mexico became independent it could not dominate Comanches, Apaches and other Indians. Mexicans were greatly outnumbered by Native people in the borderland, who controlled most territory in there.

The border itself was not clearly defined and remained so until the early XIX-th century. In 1819 the USA and Spain signed the Adams-Onís (or Transcontinental) Treaty, which defined a boundary stretching across the continent of North America: from the Gulf of Mexico to the Pacific Ocean. The line began on the Gulf, at the mouth of the Sabine River, continuing north along the western bank of that river, then running along the Red River and the Arkansas River. Then the line stretched from the source of the Arkansas River to the north up to the 42-nd parallel and further along the parallel to the Pacific [12, p. 254–256].

The Republic of Mexico, which became independent from Spain in 1821, inherited its northern border from its colonial past. Officially Mexican-American boundary was defined by the Treaty of 1828 (ratified in 1832) in strict accordance with the 1819 line [13, p. 372–376].

The Treaties with Spain and Mexico didn't mean that Americans considered their southern boundaries as fixed and unchangeable. Westward expansion was a key trend of American foreign policy in the 1-st half of the XIX century. Here are some key points of early US continental expansion.

When the United States signed the peace treaty with Great Britain in 1783, its borders were the Mississippi River to the west, Canada to the north,

Key words: the US-Mexico border, the USA, Mexico, Texas, territorial expansion.

and Florida to the south. The first major enlargement was made in 1803. President Thomas Jefferson bought the huge swath of territory (827,987 square miles) between the Mississippi River and the Rocky Mountains – the region called Louisiana. He doubled the size of the country with a stroke of a pen. The next step was Spanish Florida. After American military invasion to Florida in 1818 Spain lost control over the territory and had to sell Florida to the USA under Adams-Onís Treaty of 1819.

The Louisiana Purchase and the Adams-Onís Treaty of 1819 were all outgrowths of American expansionist tendencies.

The Monroe doctrine of 1823 claimed the Western Hemisphere as the area of American dominance, an area destined for control by the US [9, p. 304–305].

For 30 years after the doctrine was announced American foreign policy was concerned exclusively with the Western Hemisphere. In particular, the US was vitally interested in acquiring all the land between the Louisiana Purchase and the Pacific Ocean.

The movement to push the country's boundaries to the Pacific peaked during the 1840-s. In 1845 journalist John O'Sullivan coined the phrase "manifest destiny". He wrote that it was "our manifest destiny to overspread the continent allotted by Providence for ... our yearly multiplying millions" [10, p. 795–798].

The phrase "manifest destiny" quickly became part of the American vocabulary. It implied that America's expansionist drive was both inevitable and divinely blessed. Americans were convinced that the USA was the greatest country on earth, with a special role to play in the world. They idealistically believed that westward expansion would extend American democracy and would bring American system of government to less fortunate people. Of course, such idealism was self-serving. It also implied racism. Mexicans and Central and South Americans were seen as inferior, fit to be controlled and conquered.

Among the long standing objectives of expansionists was Mexican Texas. At that time Texas was much bigger than the present-day state. Besides Texas itself it included parts of present-day Oklahoma, Kansas, Colorado, Wyoming and New Mexico. The Texas issue was in the centre of Mexican-American relations. Soon after the

Louisiana Purchase president Thomas Jefferson claimed that Texas was an integral part of the Louisiana territory. The claim was absolutely groundless. Still it was brought up again during the Spanish-American demarcation of 1819 and the following ratification of the Adams-Onís Treaty of 1819 in the US Senate. In the period from Mexico's independence in 1821 till Texas rebellion in 1835 the American government made an offer to purchase Texas four times (in 1825, 1827, 1829 and 1835). But the Mexican government was not inclined to sell their land and refused to even negotiate the issue [1, p. 66].

Mexico tried to form a buffer zone at the border that could prevent possible invasion from the North. Texas was sparsely populated with fewer than 4,000 inhabitants. In the 1820-s Mexico passed a series of "colonization" laws meant to augment thin Mexican population in the borderland, still greatly outnumbered by Native people. The Mexican government encouraged their citizens to settle in the region. It even offered inexpensive land to immigrants from the United States with the aim of populating the area. In order to encourage immigration to the region Mexico gave grants of land to empresarios (land agents) who brought in settlers from the US. The government of Mexico recognized that it could not keep Americans out of empty lands. So it preferred to at least control those who came to Texas.

The first of these land grants went to American land agents Moses and Stephen Austin, who promised to bring in 300 American families as permanent settlers. Americans were offered land virtually free. Austin's success in attracting acceptable settlers led the Mexican government to open its doors to more immigrants. As a result, thousands of Americans, attracted by reports of rich land for planting cotton, streamed into Texas. In order to incorporate these settlers and ensure that they cut ties with their former home in the United States, Mexican law required that they swear allegiance to the Republic of Mexico and become Mexican citizens as well as convert to Catholicism and learn Spanish. They were forbidden from settling within seventy miles of the US-Mexico border. However, the Mexican government was not strong enough to enforce those laws and most of the immigrants in Texas did not "Mexicanize." They settled wherever they wanted and continued speaking English. In large areas of the province English was the only language spoken. American settlers ignored local laws and oppressed local Mexicans. They continued practicing Protestantism, and conducting most of their trade with the United States. By 1835, the population of An-

glo-Texans outnumbered the Mexican-Texans ten to one [5, p. 56].

The Mexican authorities took alarm at the flood of American settlers and their independent ways. In 1830 Mexican government banned further immigration from the USA but the new law didn't stop strangers from coming. Settlers fought with Mexican troops, settled illegally, and began to demand some privileges of self-government. When the Mexican government attempted to tighten its control over the region, a rebellion erupted (1834).

The rebellion lasted 6 months and consisted of two major battles, the first of which – the battle of Alamo – is worth mentioning as it created one of the most dramatic tales of bravery in American history.

In the small town of San Antonio there was an old Spanish mission of Alamo. And there, a force of only 200 men, American Texans, held off 5,000 Mexican troops for 13 days. All the defenders of Alamo died in the battle. Among them there were legendary frontiersmen Dave Crockett and Jim Bowie. Although the defense of the Alamo was a foolhardy military tactic, it created one of the most dramatic legends in national mythology. "Remember Alamo!" became the Texan's rallying cry [11, p. 518–519].

In 1836 Texas won independence. Mexican troops were defeated and President Santa Anna was taken prisoner. He was forced to sign the Treaty of Velasco recognizing the Republic of Texas. The treaty fixed the new republic's southern and western boundaries – at the Rio Grande (boundaries which had formerly been at the Nueces River). The change gave Texas a great deal of new territory. In response to the Treaty Mexican congress deposed President Santa Anna and renounced the Treaty of Velasco which he had signed.

After winning independence Texas soon sought annexation to the USA. To many Texans an independent republic was but a means to join the Union. The new republic sent an envoy to Washington to ask for annexation to the USA. Initially, the United States declined to incorporate it into the union, largely because northern political interests were against the addition of a new slave state.

In 1836 Texas congress passed the law which established the state boundaries of the Republic unilaterally. The Texas-Mexico boundary line began at the mouth of the Sabine River, running west of the Gulf to the mouth of the Rio Grande, thence up the Rio Grande to its source. Then the line ran straight to the north to the 42-nd parallel thence along the border line as defined in the US-Spain treaty of 1819.

Texas claims to such an immense territory (over 1 million square km) were not corroborated by either historic background or real power to control. Primordial Texas territory included just 3 districts. The western boundary traditionally lay along the Nueces River, it never stretched up to the Rio Grande. Therefore, the Republic of Texas claimed the territories of other Mexican states, including the city of Santa Fe, the capital of New Mexico. In reality Texans were unable to control such a vast space. All their attempts to institute control over the territories failed.

After Texas winning independence American southern boundary fell into three parts. The eastern part bordered Texas. The western part bordered Mexico. As for the central part, its status was unclear. Official documents didn't cast light upon what exactly Americans thought about which country they bordered in the disputable part: Mexico or Texas. Even Convention for marking the boundary between the US and Texas (1838) avoided the question about the disputable part [2, p. 125; 3, p. 511].

In 1844 the issue of Texas annexation came up on the American political agenda. It was still a highly explosive issue but by that time the control over American foreign policy was in the hands of southern expansionists, who were ready to risk facing both home and foreign complications for the sake of acquiring new lands. In 1845 Texas was admitted to the union. The Congress passed the joint resolution, and the President approved it on March, 1, 1845 [6, p. 797–798; 8, p. 148].

Up until the annexation the Mexican government continued to insist that Texas was not an independent nation but was simply in rebellion. After the annexation Mexico immediately broke off diplomatic relations with the USA. War loomed.

The pretext upon which the United States declared war on Mexico was a border dispute. The two countries did not agree on which river the international boundary lay: the Rio Grande or the Nueces. In other words, the dispute was over Texas boundaries, which were not officially defined. Texans had fixed their southern and western borders at the Rio Grande, under the Treaty of Velasco forced on Mexican president Santa Anna. But Mexico still insisted that the southern boundary was at the Nueces, a river 150 miles farther north. Although unable to reclaim all of Texas, Mexico clung to this piece of territory, known as the Nueces Strip.

In July 1845, American President Polk ordered troops into disputed territory that lay between the Rio Grande and the Nueces rivers. He knew that Mexico would view it as a provocation. Actually,

he would have preferred to buy land from Mexico. Later that year, Polk sent a diplomat to Mexico with an offer to purchase California and New Mexico and to settle the boundary dispute. The mission failed. The Mexican government refused to even receive the American diplomat. After that, the US army moved to the mouth of the Rio Grande River, which the state of Texas claimed as its southern boundary.

Mexico considered the advance of American army an act of aggression and in turn sent troops across the Rio Grande (April, 1846). On May 11, 1846, President Polk asked Congress for the declaration of war on the grounds that Mexican military had shed American blood on American soil. Two days later the USA declared war.

The US-Mexican War, known in Mexico as the North American Invasion, was extremely unequal. By any objective measure Mexico was almost destined to lose. Mexico's central government was weak and unstable. The little army was undersupplied, untrained and undisciplined. The national treasury was empty. The government's efforts to collect money for the war effort only inspired fierce resistance and further rebellion [7, p. 3].

The war was quick, brutal, and thoroughly successful for Americans. It ended in 1848 with the Treaty of Guadalupe Hidalgo, which gave the US the territories of New Mexico and California. These include the territories of 5 present-day American states: New Mexico, California, Nevada, Utah and Arizona. The Treaty also defined the Rio Grande River as the southern and western border of Texas. So, all controversy over Texas and the disputed territory between the Rio Grande and the Nueces were abandoned [14, p. 926–928].

The results of the war for the USA were both positive and negative. The winner gained 525,000 square miles (1,360,000 square km) of land, which completed American continental expansion in the 1840-s. It also secured outlets for trade all along the Pacific coast. Last but not least, Americans acquired valuable natural resources. Compared to later wars, the costs to the USA in lives and money were small (13,000 dead). The negative consequence of the war was the intensification of the sectional conflict over the expansion of slavery to the new territories seized in the war.

The results of the war for Mexico were devastating. It lost over half its territory and 50,000 men [4, p. 360].

The costs of the war to Mexican-American relations were high, too. Mexican losses, coupled with the racial prejudice Americans displayed toward the Mexicans embittered Mexicans against their aggressive North American neighbour and left a long-term legacy of mistrust and enmity.

The implications of the war also ignited political firestorms in both countries that resulted in civil wars over a decade later. Mexicans fought over who was to blame for their devastating loss and how to recover whereas US leaders debated whether to allow slavery to spread into their new territories. American Civil War hero and president Ulysses Grant later reflected: "The Southern rebellion was largely the outgrowth of the Mexican War. Nations, like individuals, are punished for their transgressions." [7, p. 4].

In 1853 the Gadsden Purchase completed the formation of the current US-Mexico border. The immediate cause of the purchase was the construction of a railroad system. A survey of possible routes for an intercontinental railroad found that the shortest southern route lay across Mexican territory south of the Gila River. James Gadsden, an American envoy to Mexico, was sent to negotiate a treaty. In 1853 he purchased 45,000 square miles of the southern Arizona desert for \$10 million [15, p. 1031–1037]. The US Senate approved the Treaty quickly while in Mexico it was very unpopular because Gadsden had obtained the agreement by threats of force [4, p. 375–376]. The only reason why the Mexican government agreed to cede the land was its desperate financial situation.

The Treaty of 1853 signified the completion of the process of American-Mexican boundary formation. For a short period of time (1821–1853) Mexico ceded to the USA 2,5 million square km, or 55 % of its territory. On the other hand, the USA expanded its territory tremendously. Vast land acquisitions were the result of American expansionist policies which combined military force, diplomatic means and private initiative exercised by colonists and land agents.

The Treaty of 1853 closed out a period of dramatically rapid growth for the USA. Less than a century after winning independence from the British Empire, the United States had gone far in creating its own empire extending across the continent to the Pacific, to the 49th parallel on the Canadian border, and to the Rio Grande in the south. Having transformed a group of sparsely settled colonies into a continental power of immense potential, many Americans thought the achievement stunning. It was for them proof that God had chosen the United States to grow and flourish.

As for the borderland, the United States, having greatly improved its strategies and weapons during the US-Mexican War, emerged as an undisputed military power in the region. It had won a nearly 300-year-old contest for the lands between the Gulf of Mexico and the Pacific Ocean and started to consolidate the power through political

incorporation. Texas became a state first, in 1845. Next, California was admitted to the union in 1850. Arizona and New Mexico became states in 1912.

In a few decades after the War the borderland experienced a huge demographic transformation. After the war the US and Mexican governments had to decide what to do with about 100,000 Mexicans living in what had become the United States. The members of the stranded population were given a choice. They could relocate to Mexico and maintain their Mexican citizenship. Another option was to remain in the USA retaining Mexican citizenship. Finally, the people could stay in the United States and eventually gain US citizenship [7, p. 5]. The majority elected to stay and try their chances in the United States. Under the Treaty of Guadalupe Hidalgo Mexicans in the USA were granted the privileges and immunities of citizenship. In reality they confronted discrimination and violations of their civil and property rights. They became an ethnic minority and did not enjoy the same constitutional protections as did the dominant population. Hundreds of summary executions, extrajudicial killings, and outright lynchings of Mexicans were common.

Mexicans played an important role in settling and developing the southwest of the United States. The former Mexican citizens who stayed in the transferred territories and Mexican immigrants provided labor as well as local knowledge about farming, ranching and mining techniques. They built canals and railroads, mined the earth for gold, silver and copper and set up homesteads, farms and ranches. Mexicans worked and mixed with people from all over the USA, Europe and China. In the former Mexican territories these various groups of population encountered, comingled, and competed with each other [7, p. 5–6].

On the Mexican side of the new international boundary political leaders were determined to fortify what remained of their northern frontier. Once again they turned to immigration as the solution. The Mexican government set up a series of repatriation programs to encourage displaced citizens to "return to the homeland" hoping that this group of migrants returning from the United States with negative experiences would feel anti-American and therefore loyal to Mexico. They would serve as better barriers and agents of civilization than the pre-war Anglo-American immigrants [5, p. 5]. As a Mexican official wrote in 1855, "there can certainly be no better colonists for our borders, than those instructed with hard experience, as with the falsehood of encouraging promises that the Americans are used to making to those . . . found in the most intimate contact with them." [5, p. 78–79].

This time Mexico's immigration policy was more successful than in the 1830-s. About 25 percent of people of Mexican origin from California, New Mexico and Texas moved back to Mexico in the four decades following the War [5, p. 225]. Those repatriates provided an important source of labor for railroads, mines and farms in the underpopulated regions of northern Mexico.

As for Native Americans, their situation was even more tragic than that of Mexicans. For about thirty more years, Indians fought both the Mexican and American governments. Eventually, they lost because of demographic shift at their borders,

decimation of the bison, and advanced military technology. They were finally military defeated in the 1870s (the Comanches) and in the 1880s (the Apaches). The Indians got a status of wards of the state on reservations without formal citizenship.

The demographic transformation of the borderlands was extremely rapid and radical. In only two or three generations in the middle of the XIX-th century the area changed from a zone dominated by indigenous people, though formally belonging to Mexico, to a region totally controlled by a newly arrived non-Spanish Europeans.

Источники и литература / References

1. Миньяр-Белоручев К. В. Экспансия США и формирование американо-мексиканской границы. 1821–1854 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Т.27. №15 (158). С. 65–73.
 Min'yar-Beloruhev K. V. Ehkspansiya SSHA i formirovanie amerikano-meksikanskoj granicy. 1821–1854 gg. (*American expansion and the making of US-Mexican boundary*) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. 2013. Vol.27. No.15 (158). P. 65–73.
2. Convention between the government of the United States and the Republic of Texas, for marking the boundary between them. April, 25, 1838 // Documents of Texas History. Ed. by Wallace E.; Vigness D. M., & Ward, G. B. Austin, Texas: Texas State Historical Association. 2002. 337 p. URL: texashistory.unt.edu/ark:/67531/metaph296840/ (Accessed: July 29, 2018).
3. Convention between the government of the United States and the Republic of Texas, for marking the boundary between them. April, 25, 1838 // Statutes at Large. 1789–1875. Vol. 8: 1778–1845. URL: [URL:https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html](https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html) (Accessed: July 13, 2018).
4. Gruver R. B. An American History. 4-th ed. New York: Alfred A.Knopf. 933 p.
5. Hernández J. A. Mexican American Colonization during the Nineteenth Century: A History of the U.S.-Mexico Borderlands. New York: Cambridge University Press, 2012. 384 p.
6. Joint resolution for annexing Texas to the United States // Statutes at Large. 1789-1875. Vol. 8: 1778–1845. P. 797–798. URL: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html> (accessed: July 13, 2018).
7. Keller R. U.S.-Mexican Relations from Independence to the Present // Oxford Research Encyclopedia of American History. 27p. Online publication date: March, 2016. URL: <http://americanhistory.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-269?rskey=ck4PPp&result=1#acrefore-9780199329175-e-269-note-9> (Accessed: July 13, 2018).
8. The annexation offer accepted. July 4, 1845 // Documents of Texas History. Ed. by Wallace E.; Vigness D. M., & Ward, G. B. Austin, Texas: Texas State Historical Association. 2002. 337 p. URL: texashistory.unt.edu/ark:/67531/metaph296840/ (Accessed: July 29, 2018).
9. The Monroe doctrine // Basic Readings in US Democracy. Ed. by Melvin I.Urofsky. Washington DC: USIA, 1994. 430 p.
10. Pratt J. W. The origin of «Manifest Destiny» // The American Historical Review. Vol. 32. No. 4 (July, 1927), P. 795–798.
11. Tindall G. B. America. A narrative history. New York: W.W. Norton & Company. 1984. Vol.1. 840 p.
12. Treaty of Amity, Settlement, and Limits between the United States of America and his Catholic Majesty. Febr. 22, 1819. Oct. 29, 1820. Art. 3 // Statutes at Large. 1789–1875. Vol. 8: 1778–1845. P. 254–256. URL: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html> (accessed: July 29, 2018).
13. Treaty of limits between the United States of America and the United Mexican States. January 12, 1828 // Statutes at Large. 1789-1875. Vol. 8: 1778–1845. P. 372–376. URL: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html> (Accessed: July 29, 2018).
14. Treaty of peace, friendship, limits and settlement with the Republic of Mexico. February, 2, 1848. Art. V // Statutes at Large. 1789–1875. Vol. 9: 1845–1851. P. 926–928. URL: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html> (Accessed: July 29, 2018).
15. Treaty with Mexico. Dec. 30, 1853 // Statutes at Large. 1789-1875. Vol. 10: 1851–1855. P. 1031–1037. URL: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html> (Accessed: July 29, 2018).

УДК 93/94

Э. Р. Рубинина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ЮГА РОССИИ В XIX в.

В статье рассматривается становление статистического комитета на юге России. Автор анализирует общее и особенное в истории образования статкомитетов, изучаются профессиональные контакты различных статистических комитетов, исследуется место статкомитетов в общей управленческой вертикали органов государственной статистики, проводится сравнение с научно-историческими обществами, утверждается, что местные статкомитеты исполнили функции губернских ученых архивных комиссий. В рамках данного исследования предпринята попытка в общих чертах осветить процесс создания таких статкомитетов, попытавшись выявить причины подобного положения вещей. Автор разработана проблема формирования архивов при местных статистических комитетах, эти архивы пополнялись как текущими документами статкомитетов, так и историческими документами, поступавшими туда от частных лиц, а также входит целенаправленный поисковый работы со стороны самих статкомитетов. Отмечается, что изучение архива донского областного статкомитета в целом помогает лучше уяснить не только методику сбора исторических документов на дому, но фактическое их перемещение по разным местам хранения, а также установить новые факты по истории архивного дела на

Дону XIX в. Автором отслеживается местная специфика организации комитетов по примеру других губерний. В деле создания новых статкомитетов или преобразования старых – в новые. Отмечается, что в 1861 г. Кубанском и Терском казачьих войсках были утверждены должности по части статистики. Другой аспект местной специфики состоял в необходимости учитывать контекст отношений с местными народами, во многом испытавшими на себе события и последствия кавказской войны. В статье автор пытается установить внутренние закономерности в хронологии деятельности статкомитетов казачьих регионов. В заключении утверждается, что губернские статкомитеты с 1860х гг., а позже ученые архивные комиссии – создали оригинальную научную гуманитарную инфраструктуру страны, живой организм исторической науки. Статкомитеты по ряду показателей превзошли краеведческий уровень организации исследовательских подходов к организации, став центрами местной интеллигенции, независимо от своей профессиональной деятельности и социального статуса.

Ключевые слова: статический комитет, провинциальная историческая наука, научные исторические общества, архивные комиссии, гуманитарная инфраструктура страны.

E. R. Rubinina

TOPICAL ISSUES OF STUDYING THE HISTORY OF STATISTICAL COMMITTEES OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE XIX CENTURY

The article studies the formation of a statistical committee in the south of Russia. The general and the special in the history of education of statistical committees are analyzed, the professional contacts of various statistical committees are studied, the place of statistical committees in the general managerial vertical of state statistics bodies is examined. A comparison is made with scientific and historical societies, it is stated that the local statistical committees fulfilled the functions of provincial scholars of archival commissions. The author attempts to outline the process of establishing such statistical committees, trying to reveal the reasons for this state of affairs. The author develops the problem of forming archives

with local statistical committees, the archives were replenished with current documents of statistical files, as well as with historical documents received from private individuals, and also includes targeted search work on the part of the statistical committees themselves. It is noted that the study of the archive of the Don regional statistical committee as a whole helps to better understand not only the method of collecting historical documents at home, but actually move them to different storage locations, as well as establish new facts on the history of archive business in the nineteenth century. The author traces the local specifics of organizing committees by the example of other provinces. The establishment of new statis-

tical committees or conversion of old ones into new ones is studied. It is noted that in 1861, Kuban and Terek Cossack troops were approved posts on statistics. Another aspect of local specifics was the need to take into account the context of relations with local peoples that in many respects experienced the events and consequences of the Caucasian war. The author tries to establish internal regularities in the chronology of the activity of the statistical committees of the Cossack regions. In conclusion, it is asserted that since the 1860s the provincial statistical

История статистических комитетов в казачьих областях (регионах) Северного Кавказа, а шире – Юга России [10, с. 141] – должна рассматриваться не только в контексте истории статистики и формирования органов государственной статистики. Перед нами пространство более широких исследовательских проблем, среди которых: общее и особенное в истории образования статкомитетов на территории казачьих Войск Юга России и других территорий указанного региона; профессиональные контакты представителей разных статкомитетов на Юге России, выявление вклада местных статкомитетов в историю становления и развития архивного дела, провинциальной исторической науки, сохранения историко-культурного наследия и т.п. Интересна проблема места статкомитетов на Юге России в общей управленческой вертикали органов государственной статистики – поскольку, например, ТОСК подчинялся не только Центральному статкомитету, но и Кавказскому областному статистическому комитету.

Актуальна также другая исследовательская проблема – о сравнении статкомитетов с научно-историческими обществами, пик образования которых тоже приходится на вторую половину XIX в. [11, с. 38–54]. В указанной связи необходимо сказать о том, что местные статкомитеты, по сути, исполнили функции, например, губернских ученых архивных комиссий. Немаловажно определить место статистических комитетов среди других учреждений науки и культуры, в т.ч. научных обществ [4, с. 118–121]. Например, деятельность местных статкомитетов выделяется на фоне того, что на всем Северном Кавказе губернская ученая архивная комиссия была создана только в Ставропольской губернии (1908 г.), а всевозможные «Общества любителей изучения...» созданы были позже многих статкомитетов, с включением в свой состав многих представителей из состава все тех же... статистических комитетов.

committees, and later the academic archival commissions – created the original scientific humanitarian infrastructure of the country, the living organism of historical science. The statistical committees on a number of indicators have surpassed the regional study of research approaches to the organization, becoming centers of local intelligentsia, regardless of their professional activities and social status.

Key words: static committee, provincial historical science, scientific historical societies, archival commissions, humanitarian infrastructure of the country.

Не подлежит сомнению, что именно местные статкомитеты взяли на себя функции главных учреждений научного характера, не подменив, а заменив, в силу региональной специфики, многие другие аналогичные учреждения, существовавшие в России XIX – начале XX вв. При этом, верно отмечает М. Е. Колесникова, имелось, как минимум, одно существенное отличие в деятельности статкомитетов от научных обществ России: их «формами работы... были не регулярные заседания и обсуждение докладов, хотя такие и проводились, а индивидуальная творческая деятельность» [4, с. 119]. Другое дело, что утверждение программ работ статкомитетов и другие важные решения все же принимались на заседаниях статкомитетов: поэтому анализ сохранившихся протоколов таких заседаний может иметь существенное значение при изучении в динамике научно-исследовательской и иной деятельности местных статкомитетов. Кроме того, на заседания часто выносили на обсуждение подготовленные его членами материалы, которые предполагалось опубликовать и анализ которых позволяло лучше уяснить внутреннюю ситуацию в комитетах, постараться проникнуть в атмосферу научного поиска местных интеллектуалов.

Можно согласиться с мнением В. А. Бердинских о том, что губернские статкомитеты с 1860-х гг., а позже – ученые архивные комиссии – создали оригинальную научную гуманитарную инфраструктуру страны, живой организм исторической науки». Превзойдя по ряду показателей краеведческий (любительский) уровень организации исследовательских подходов к своей работе, статкомитеты объективно должны были стать центрами местной интеллигенции, независимо от своей профессиональной деятельности и социального статуса. Такой статус они вряд ли обрели бы, опираясь только на административный ресурс войсковых или губернских властей. На повестке дня, следовательно, еще один актуальный

вопрос – о принципах и формах внутренней, неофициальной, самоорганизации участников этого типа организаций, о «социальных сетях» членов статкомитетов, об их профессиональной коммуникации с представителями исторических, а также научно-исторических обществ. Статкомитеты сумели развернуть горизонтальную структуру связей друг с другом и обмена опытом. И дело было в том, как верно отмечает В. А. Бердинских, что «проблемы одного статкомитета... были очень типичны для всех других. Вдобавок многие из этих проблем они могли решить, лишь координируя свои действия» [4, с. 141]. Более того, совпадал, по сути, объект изучения для статкомитетов в великорусских губерниях, чего, кстати, нельзя сказать об объекте (-ах) изучения анализируемых нами статкомитетах Юга России. Мы считаем, что именно неформальное отношение членов статкомитетов Юга России (вероятно, это общая тенденция) к выполнению т.н. «необязательных» статработ, и привело в итоге к созданию оригинальной профессиональной среды, позволившей местным статкомитетам развиваться как учреждениям научно-исследовательского характера, успешно избегавшим назойливого администрирования со стороны властей. «Постепенно необязательные работы настолько заинтересовали членов комитета, что едва ли не заслонили все остальные возложенные на них функции. Многие из них участвовали в экспедициях, исследующих различные населенные пункты области, собирали экспонаты для этнографического и естественноисторического музея, готовили для изданий комитета научные статьи» [10, с. 37].

С вопросом о неформальных способах организации местными статкомитетами своей работы тесно связан еще один существенный исследовательский вопрос – о роли секретарей статкомитетов как важного организующего начала в жизни статкомитетов, с увлеченной работой который иногда можно оправданно связать даже историю того или иного статкомитета в целом и даже его периодизацию. Например, новый этап в жизни Терского областного статкомитета, несомненно, начался с назначением его секретарем Е. Д. Максимова в 1889 г. Укажем, что через несколько лет после открытия ТОСК численность его действительных членов сократилась примерно на 70 %. И ситуация изменилась именно с приходом Е. Д. Максимова, сумевшего наладить и издательскую деятельность, и сбор необходимых статданных на территории Терской области. Первого секретаря Кубанского областного

статкомитета, Е. Д. Фелицына, за его преданность делу и огромную работоспособность в КОСК, современники оправданно называли «главной рабочей пружиной в комитете» [2, с. 16]. Именно Е. Д. Фелицын внес основополагающий вклад в создание археологического и этнографического музея – сначала при статкомитете, а затем, с 1879 г. – уже как войскового этнографического и естественно-исторического музея, одного из старейших музеев на всем Северном Кавказе. Личными трудами он наладил систематическое археологическое исследование Кубани и пр. Именно он организовал дело административной статистики на Кубани, «сумел привлечь в работе в комитет почти все наличные местные научные и литературные силы, и таким образом создал серьезный печатный орган» [2, с. 168] – «Кубанский сборник». Секретарь Астраханского губернского статкомитета М.С. Рыбушкин внес заметный личный вклад в развитие не только программы научных исследований комитета, но и местной периодической печати. Он даже разработал программу деятельности «Астраханских губернских ведомостей», которая потом успешно реализовывалась в губернии на протяжении десятилетий [6, с. 16]. Несомненная активизация в деятельности Ставропольского статкомитета связана почти напрямую с деятельностью его членов-секретарей П. П. Соколова, Чернойарского и И. В. Бентковского [2, с. 615]. На А. А. Попова, секретаря Новочеркасского статкомитета, легла основная тяжесть инициативной работы по составлению программы работы НСК. Несмотря на отсутствие внушительных к 1860-м гг. результатов, именно лидерские качества А. А. Попова привели в итоге к превращению комитета в подобие малой донской «академии наук», что дало мощный толчок дальнейшим исследованиям Донской земли [5, с. 56]. В. А. Бердинских говорит даже о секретаре статкомитета, как о типе лидера среди местных интеллектуалов, обладающем глубоко нравственным отношением к своему делу [5, с. 211]. Распространение такого лидерского типа стало возможным после принятия «Положения» 1860 г., когда конкретизировались и повысились требования к кандидату на эту должность, к слову сказать, подчинявшегося только главе губернской канцелярии. Отмечено, что виднейшие и наиболее заметные секретари наиболее активных статкомитетов сами были не только отличными организаторами, но и яркими личностями, выдающимися историками, археологами и этнографами родного края [5, с. 213]. При этом положение секретарей от-

личалось противоречивыми чертами: с одной стороны, они сами могли определять круг своих научных занятий, с другой – заметной здесь была профессиональная «текучка»: в отдельные годы второй половины XIX в. – указанную должность оставляли до 50 % секретарей статкомитетов [1, с. 43].

Почти не разработана в науке проблема формирования архивов при местных статистических комитетах, в т.ч. как источников об их истории, а также об истории, археологии и этнографии тех регионов, на которых комитеты осуществляли свою деятельность. С одной стороны, видно, что архивы статистических столов или отделений передавались статкомитетам – как например, при образовании Терского областного статкомитета. Но потом эти архивы пополнялись как текущими документами самих статкомитетов, так и историческими документами, поступавшими туда от частных лиц, а также в ходе целенаправленной поисковой работы со стороны самих статкомитетов. Следовательно, эта проблема органично вписывается в историю архивов и архивного дела на Юге России и в казачьих войсках. Так, А. М. Савельев, назначенный в 1863 г. правителем дел в ДОСК, одним из первых приступил к работе с бумагами и документами, переданными в комитет из Межевой комиссии в количестве 10 связок. А. М. Савельев сделал доклад на тему исторических актов, среди которых он нашел черновую опись актам и запискам, собранным в архивах: донском, крепости св. Дмитрия Ростовского, азовском, таганрогском, крепости Новохеперской и в астраханском архиве [8, с. 11]. Опись содержит не только заглавие, но и содержание исторических документов, начиная с 1646 г. до начала XIX в. Составителем описи, предположительно, являлся В. Д. Сухоруков: согласно чернового рапорта, найденного там же в связках, дела были переданы именно им Кушнареву, Кучерову и Поснову «для составления исторического описания Войска Донского. Куда же потом перешли эти акты, неизвестно [8, с. 13]. Анализ содержания документов свидетельствует об их важности при изучении станичного управления XVIII в., истории раскола на Дону, падения власти войскового круга, усиления власти старшин и пр. Опись была опубликована по частям в неофициальной части «Донских областных ведомостей» [9, с. 334–339]. При этом члены комитета целенаправленно вели работу по расширенному поиску информации о местах хранения документов, связанных с местной историей. Стоит согласиться с мнением О. А. Горобец о связи

между результатами архивных подобных изысканий и периодизацией истории издательской деятельности ДОСК. Недаром А. М. Савельев, под редакцией которого вышел первый выпуск «Трудов» ДОСК (1867 г.), понимал, что многое для изучения края даст выявление, описание и изучение письменных и вещественных памятников. Однако, столкнувшись с объективными трудностями по сбору архивного материала и, к тому же, не поддержанный областной войсковой администрацией, Донской статистический комитет сумел издать в 1874 г. второй и последний сборник своих «Трудов». Важно отметить, что изучение архива Донского областного статкомитета в целом помогает лучше уяснить не только методику сбора исторических документов на Дону, но и фактическое их перемещение по разным местам хранения, определить степень и масштабы возможных утрат, а также установить новые факты из истории архивного дела на Дону XIX в.

История местных статистических комитетов показывает, что причины и хронология их образования не всегда были связаны с введением в действие уже анализировавшихся выше «Положений» 1834 и 1860 гг. Следовательно, на повестке дня вопрос о критериях для выделения этапов в истории статкомитетов на Юге России и соотношении их с общеимперскими процессами в области создания и государственной статистики. Стоит также дополнить верное, по сути, утверждение о том, что «деятельность северокавказских статистических комитетов относится ко второму периоду существования статистических учреждений России, связанному с реорганизацией статистических комитетов и утверждением 26 декабря 1860 г. «Положения»...» [3, с. 54]. В таком случае, наблюдается определенный разрыв между этим и первым периодом в истории других статкомитетов Юга России, имевших свою определенную предысторию как раз в первой половине XIX в. И затем, по формальным основаниям, Ставропольский статкомитет был образован в 1858 г., т.е. до введения в действие известного «Положения» 1860 г.

Кроме того, мы считаем, что местная специфика все же существовала, причем не во всем можно согласиться с мнением о роли по вопросу «организации комитетов по примеру других губерний, в связи с преобразованиями 1870 г., когда в казачьих областях были введены общие губернские учреждения» [12, с. 96]. Однако, еще за несколько лет до этого случилось другое важное событие: в 1865 г. введено в действие «Положение о губернских

и областных статистических комитетах» от 26 декабря 1860 г. на территориях иррегулярных войск, согласно мнению Государственного Совета [8, с. 79]. Другое дело, что теперь заметна инициатива не только центральных ведомств в создании новых статкомитетов или преобразовании старых – в новые. Атаманские правления и атаманские войсковые канцелярии тоже развивались со временем, успев накопить определенный опыт сбора и обработки статданных для атаманской отчетности. Неслучайно, что в том же 1865 г. в Кубанском и Терском казачьих войсках были учреждены должности чиновников по части статистики. «Чиновники войсковых правлений должны были заниматься выполнением обязательных статистических работ и сбором материалов для всеподданнейших отчетов. Но это не снижало остроты проблемы, поскольку не решен был основополагающий вопрос – создание нового статистического учреждения в области» [12, с. 38]. Попытка решить этот вопрос, указывает М. Р. Тазиева, уходит корнями еще в начало 1860-х гг., подтверждая наше мнение о местной, сугубо «казачьей» специфике, повлиявшей не неволью «затягивание» в решении указанного вопроса. Другой аспект местной специфики, еще раз подчеркнем, отсутствовавший за пределами Северного Кавказа, состоял в необходимости учитывать контекст отношений с местными народами, во многом испытывавшими на себе события и последствия Кавказской войны. Выдающийся кубанский ученый Б. М. Городецкий справедливо писал, что «в только что замиренном крае нельзя было не считаться с существующими среди горцев-мусульман воззрениями. Рискованно было гласным счислением народонаселения возбуждать в склонных к подозрениям горцах ложные опасения и толки о намерении правительства будто бы установить между ними рекрутский набор или причислить их к казачьему сословию. Помимо того, у мусульман не велось метрические книги (или что-либо им подобное), а вся-

кие справки о числе родившихся могли быть приняты мусульманами за оскорбительную нескромность, нарушающую святость домашних тайн, особенно при естественном в то время недоверии горцев к новому для них управлению» [2, с. 121].

Необходимо отметить еще одну деталь, которая показывает общность тех условий, в которых уже в 1860-х гг. пришлось функционировать новым статкомитетам по «Положению» от 26 декабря 1860 г. Например, указывает Б. М. Городецкий, деятельность Ставропольского комитета оживилась только к 1866 г. – а до этого она выражалась только в канцелярском составлении обычных официальных отчетов и совершенно небольшом количественном составе его членов [2, с. 198]. И только после существенного пополнения его рядов новыми членами как раз к 1866 г. заседания становятся особенно оживленными: расширяется повестка дня заседаний, издаются инструкции по сбору сведений, совершаются поездки по территории губернии, положено начало форсирования библиотеки комитета и пр. [2, с. 199]. И, напротив, с конца 1880-х гг. издательская, например, деятельность того же комитета сокращается, а общие собрания комитета проходят крайне редко, иногда по целым годам не собираясь вовсе. Примерно те же «зигзаги» характерны для деятельности Терского статистического комитета [2, с. 241] – по крайней мере, в течение долгого времени после создания в 1872 г. Следовательно, можно вновь задаться вопросом – а насколько целесообразно отказываться от попыток выделять этапы в истории северокавказских (южнороссийских) статистических комитетов, опираясь не только на «очевидную» хронологию, связанную с 1834 и 1860 гг.? Речь, по нашему мнению, идет о необходимости как раз учитывать местную специфику, пытаться установить внутренние закономерности в хронологии деятельности статкомитетов казачьих регионов.

Источника и литература

1. Гациский А. С. Очерк статистических съездов в России. Нижний Новгород: Типография губернского правления, 1875. 298 с.
2. Городецкий Б. М. Статистические учреждения на Северном Кавказе. М.: Светоч, 2001. 678 с.
3. Колесникова М. Е. Северокавказские статистические комитеты в ландшафте научных обществ России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. №2 (35). С. 245–250.
4. Королев В. Н. Александр Алексеевич Попов (1800–1859) // Человек второго плана в истории. Ростов-на-Дону: РГУ, 1997. Вып. 1. С. 147–151.
5. Лебедев С. В. Деятельность Астраханского губернского статистического комитета в 1836–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2009. 314 с.
6. Лебедев С. В. Создание Астраханского губернского статистического комитета // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований 2001. №1. С. 136–143.

7. Попов И. Областной войска Донского статистический комитет в первые годы его существования (Историческая справка) // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск: [б.и.], 1901. С. 268–274.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XL. Отд. 1. № 42053. СПб.: Типография 2-го Отделения Собственного Е.И.В. Канцелярии, 1867. 498 с.
9. Савельев А. Материалы для истории Войска Донского. Опись актам и запискам, собранным в архивах Донском, крепости Св. Дмитрия, Азовском, Таганрогском, крепости Новохоперской и Астраханском // Донские войсковые ведомости. 1864. № 48. С. 384–391.
10. Собириевский А. С. Статистика вообще, на Северном Кавказе и в Ставропольской губернии в частности: ее задачи и организация. Ставрополь: Типография наследников Берк, 1905. 413 с.
11. Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975. 174 с.
12. Тазиева М. Р. Государственная статистика на Тереке в 1872–1924 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2011. 351 с.

References

1. Gatsiskij A. S. Oчерk statisticheskikh s'ezdov v Rossii (*Essay on statistical congresses in Russia*). Nizhnij Novgorod, 1875. 298 p. (In Russian).
2. Gorodetskij B. M. Statisticheskie uchrezhdeniya na Severnom Kavkaze (*Statistical agencies in the North Caucasus*). Moscow: Svetoch, 2001. 678 p. (In Russian).
3. Kolesnikova M. E. Severokavkazskie statisticheskie komitety v landshafte nauchnykh obshhestv Rossii (*North Caucasian Statistical Committees in the Landscape of Russian Scientific Societies*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. No. 2 (35). P. 245–250. (In Russian).
4. Korolev V. N. Aleksandr Alekseevich Popov (1800–1859) (*Alexander Popov (1800–1859)*) // Chelovek vtorogo plana v istorii. Rostov on Don: RSU publ. Issue. 1. P. 147–151. (In Russian).
5. Lebedev S. V. Deyatel'nost' Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta v 1836–1918 gg. (*Activity of the Astrakhan Provincial Statistical Committee in 1836–1918*): thesis. Astrakhan', 2009. 314 p. (In Russian).
6. Lebedev S. V. Sozdanie Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta (*The establishment of the Astrakhan Provincial Statistical Committee*) // Gumanitarnye issledovaniya. Zhurnal fundamental'nykh i prikladnykh issledovanij. 2001. № 1. P. 136–143. (In Russian).
7. Popov I. Oblastnoj vojska Donskogo statisticheskij komitet v pervye gody ego sushhestvovaniya (Istoricheskaya spravka) (*Regional troops of the Don statistical committee in the early years of its existence*) (*Historical reference*) // Sbornik Oblastnogo vojska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novoчеркасск, 1901. Issue I. P. 268–274. (In Russian).
8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (*Complete collection of laws of the Russian empire*). Sobr. 2. St. Petersburg, 1867. Vol. XL. Otd. 1. No. 42053. 498 p. (In Russian).
9. Savel'ev A. Materialy dlya istorii Vojska Donskogo. Opis' aktam i zapiskam, sobrannym v arkhivakh Donskom, kreposti Sv. Dmitriya, Azovskom, Taganrogskom, kreposti Novokhoperskoj i Astrakhanskom (*Materials on the history of the Don Army. Inventory of acts and notes collected in the archives of Donskoy, the fortress of St. Dimitri, the Azov, Taganrog, the fortress of Novokhopersk and Astrakhan*) // Donskie vojskovye vedomosti. 1864. No. 48. P. 384–391. (In Russian).
10. Sobrievskij A. S. Statistika voobshhe, na Severnom Kavkaze i v Stavropol'skoj gubernii v chastnosti: ee zadachi i organizatsiya (*Statistics in general, in the North Caucasus and Stavropol Province in particular: its tasks and organization*). Stavropol', 1905. 413 p. (In Russian).
11. Stepan'skij A. D. K istorii nauchno-istoricheskikh obshhestv v dorevoljucionnoj Rossii (*On the history of scientific and historical societies in pre-revolutionary Russia*) // Arkheograficheskij ezhegodnik za 1974 g. Moscow, 1975. 174 p. (In Russian).
12. Tazieva M. R. Gosudarstvennaya statistika na Tereke v 1872–1924 gg. (*State statistics on the Terek in 1872–1924*): thesis. Nal'chik, 2011. 351 p. (In Russian).

УДК 94(430).085

О. И. Рудая

НАЦИСТСКАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье анализируются основные методы и принципы организации нацистской агитации и пропаганды в период Веймарской республики. Актуальность данной проблематики обусловлена современными общественно-политическими процессами, связанными с идеологической обработкой электората в ходе избирательной кампании для получения его поддержки на выборах.

В годы, предшествовавшие приходу к власти, гитлеровская партия активно занималась вопросами национальной агитации и пропаганды. В своей устной, печатной и практической деятельности нацисты стремились воздействовать на сознание и настроения самых широких слоев немецкого населения и с этой целью применяли специфический и разнообразный набор средств. В борьбе за влияние в массах они использовали социальную и национальную демагогию, провокации и новейшую технику своего времени.

Автор отмечает, что нацистская пропаганда была достаточно изобретательной и конъюнктурной. Нацисты искусно использовали сюжеты германской истории, что находило глубокий отклик в сердцах немцев, жаждавших общности со своим национальным наследием и историческим

прошлым. Они постоянно апеллировали к вере – единственной субстанции, которая придает смысл человеческой жизни и поддерживает человека в сложных условиях. Пропагандистские методы включали злобную сатиру, концентрацию на отдельном вопросе, выбранном в качестве первостепенного в той или иной социально-политической ситуации, аргументированные обвинения в адрес некомпетентного правительства, поиск и осуждение «врагов» нации. Нацистские идеологи и ораторы, прекрасно владевшие своим голосом, ловко использовали многократные повторы фраз, настойчивые воззвания к идеализму и героизму. Пропаганда рассматривалась как искусство прагматики, как главное средство к достижению политической цели. Однако при этом никогда не переоценивалась её практическая роль и последующее влияние на массы.

Автор показывает, что при помощи активного использования средств массовой информации нацистам удалось создать широкую социальную базу своего движения.

Ключевые слова: Веймарская республика, А. Гитлер, Й. Геббельс, НСДАП, агитация, пропаганда.

О. I. Rudaya

NAZI AGITATION AND PROPAGANDA IN THE WEIMAR REPUBLIC

The article analyzes the main methods and principles of the organization of Nazi agitation and propaganda during the Weimar Republic. The relevance of this problem is preconditioned by modern socio-political processes associated with the ideological brainwashing of the electorate during the election campaign to obtain its support in the elections.

In the years preceding the coming to power, the Hitler party was actively engaged in issues of national agitation and propaganda. In their oral, printed and practical activities the Nazis sought to influence the consciousness and mood of the broadest sections of the German population and used a specific and diverse set of tools for that purpose. In the struggle for influence on the masses they used social and national demagoguery, provocations and the latest technology of their time.

The author notes that Nazi propaganda was quite inventive and opportunistic. The Nazis skillfully used the plots of German history, which found a deep response in the hearts of Germans, who hungered for

commonness with their national heritage and historical past. They constantly appealed to faith – the only substance that gives meaning to human life and supports a person in difficult circumstances. Propagandistic methods included vicious satire, concentration on a particular issue chosen as the paramount one in a given socio-political situation, reasoned accusations against an incompetent government, the search for and condemnation of the “enemies” of the nation. Nazi ideologists and orators, who were perfectly fluent in their voices, cleverly used multiple repetitions of phrases, persistent appeals to idealism and heroism. Propaganda was considered as the art of pragmatics, as the main means to achieve a political goal. However its practical role and subsequent influence on the masses were never overestimated.

The author shows that with the active use of mass media the Nazis managed to create a broad social base of their movement.

Key words: the Weimar Republic, A. Hitler, J. Goebbels, NSDAP, agitation, propaganda.

Средства массовой информации как механизм воздействия на сознание широких масс населения с помощью разнообразных технических возможностей стали играть важную роль в жизни людей с момента своего появления. Их стремительное развитие в XIX и начале XX вв. создало благоприятные условия для зарождения и расцвета тоталитарных режимов и идеологий. Политические партии тоталитарного типа впервые начали активно использовать средства коммуникации и информации в своей деятельности, ориентированной на завоевание и укрепление власти. Известно, что именно широкомасштабное применение новой техники позволило национал-социалистам во главе с Адольфом Гитлером существенным образом повлиять на общественное мнение Германии и, заручившись его поддержкой, создать массовую базу своего движения, а впоследствии прийти к власти. По мнению канадского исследователя Г. М. Маклюэна, то обстоятельство, что «Гитлер вообще обрёл политическое существование, напрямую (было – *О. Р.*) обязано радио и системам публичных выступлений» [8, с. 152].

После поражения Германской империи в Первой мировой войне и подписания унижающего и тяжёлого Версальского договора в стране сложилась благоприятная социально-экономическая и политическая ситуация для возникновения и роста радикальных настроений и экстремистских организаций. Созданная в результате Ноябрьской революции 1918 г. Веймарская республика с новой формой правления не только не способствовала их искоренению, но напротив, создавала дополнительный импульс для развития. Многие немцы не признали демилитаризацию и территориальные потери, навязанные им по условиям Версальского мира. В политической, и особенно в националистической среде широкую популярность приобрели идеи о «реванше», «версальском позоре» и «ударе ножом в спину». Среди множества реакционных групп и объединений, активно аккумулировавших эти тезисы, была и немецкая рабочая партия, переименованная в 1920 г. в национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП). Её преимущества перед другими организациями состояли в том, что она смогла найти особые методы и систему распространения своего влияния на достаточно широкие слои германского населения.

В феврале 1920 г. нацисты разработали партийную программу «25 пунктов», которая с апреля того же года стала официальным документом НСДАП. Представлявшая эклектическую смесь из демагогии, реваншизма, на-

ционализма и ярого антисемитизма, она изначально была ориентирована на самых разных представителей общества. Исходной точкой всех внутри и внешнеполитических воззрений составителей «25 пунктов» являлась идея национального возрождения. Именно поэтому главным лозунгом нацистов стал призыв: «Проснись, Германия!».

В отличие от других партий Веймарской республики НСДАП также выступила в качестве инициатора кампании протеста против репарационных платежей и тем самым заявила о себе как о претенденте на роль единственного «выразителя интересов нации». Как пророчески утверждал Гитлер, «наше движение первым взяло на себя задачу познакомить самые широкие слои народа с подлинным содержанием Версальского мирного договора. В этом был залог успеха нашего движения в будущем» [6, с. 390].

Практически сразу национал-социалисты развернули активную агитацию и пропаганду своих взглядов. «На 24 февраля 1920 г. мы назначили первое большое народное собрание, имевшее задачей вынести в массу идеи нашего тогда ещё неизвестного движения», – писал фюрер в своей книге «*Mein Kampf*» [6, с. 305].

С этого времени «25 пунктов» стали проповедоваться еженедельно на массовых собраниях её приверженцев, происходивших в мюнхенских пивных. Так, за период с 24 февраля 1920 г. по 21 февраля 1921 г. только в столице Баварии нацисты организовали 46 публичных собраний, в том числе 10 массовых, на которых присутствовало 62371 человек. Они посылали своих представителей на митинги других политических партий, где им также удавалось отстаивать собственные идеи. Тематика речей нацистских ораторов полностью соответствовала тактической линии партии и сводилась к следующему: «Международный биржевой капитал и маленький рантье», «Еврей как рабочий руководитель», «Почему мы являемся антисемитами», «Политика партии и еврейский вопрос», «Еврейское и германское народное просвещение» [3, с. 57].

В 1920–1921 гг. у национал-социалистов появился партийный аппарат и печать – еженедельная газета «Фёлькишер Beobachter» (*Völkischer Beobachter*), ставшая с февраля 1923 г. ежедневной, а также помещение для резиденции. Вскоре фашистские организации существовали уже не только в Баварии, но и в других областях Германии. В марте 1922 г. был создан «Молодёжный союз» НСДАП, который тоже начал издавать собственную газету. К этому времени значительно расширились и

масштабы устной пропаганды. Нацисты стали выходить за пределы пивных залов, снимать обширные помещения и даже выступать на площадях городов. В некоторых из них проводились так называемые «германские дни» – массовые митинги с участием тысяч людей.

В июне 1921 г. главой партии официально стал Гитлер, получивший титул вождя и руководителя всей её организационной деятельности и прессы. Как справедливо полагает британский историк Я. Кершоу, решающим фактором в установлении его личного превосходства была сила и уверенность в собственной правоте. Простота дуалистического видения мира как манихейской борьбы добра и зла, в которой всё доводилось до абсолюта, означавшего либо всё, либо ничего, вкупе с фанатичной жестокостью и несгибаемой твердостью сделали Гитлера незаменимым ведущим пропагандистом [7, с. 31].

В 1922–1923 гг., когда правительство Веймарской республики безуспешно пыталось справиться со стремительно росшей инфляцией и безработицей, нацистская обработка населения в духе крайнего национализма и реваншизма усилилась. «Теоретической основой» пропагандистской деятельности НСДАП стали книга Г. Федерера «Германское господство на национальной и социальной основе» и брошюра Д. Эккарта «Большевизм от Моисея до Ленина. Мои беседы с Адольфом Гитлером». Обе работы, написанные влиятельными членами партии, представляли собой свод антисемитских вымыслов и рассуждений о «процентном рабстве», «заговоре мирового большевизма» и «еврейства» и логически завершались призывами к «единению нации», «национальной дисциплине» и «оздоровлению германского духа» [3, с. 61].

По представлениям национал-социалистов, проникновение подобных настроений в сознание немецкого народа способно было заложить основы его расового возрождения и создать предпосылки для дальнейшего культурного развития государства [6, с. 357]. В то же время нацистское мировоззрение, как подчеркивал Гитлер, признавало «не только великое значение расы, но и ... личности, а потому на них именно» оно и строило «всё свое здание» [6, с. 375]. Эти два фактора легли в основу агитации и пропаганды нацистской партии в период Веймарской республики.

Примечательно, что уже тогда Гитлер решительно заявлял о принципиальном намерении своего движения присвоить «себе право навязывать свои принципы всей германской нации, не останавливаясь перед границами тех

или других отдельных государств» [6, с. 486]. В этом заявлении четко прослеживались тоталитарные тенденции и реваншистские устремления НСДАП и её лидера.

С самого начала своей деятельности нацисты широко использовали методы провокаций. Так, поводом для нападения на рабочих они избирали клевету о том, что якобы «марксисты хотели взорвать зал, где проводился фашистский митинг», или что-либо подобное [4, с. 30]. Для охраны своих демонстраций от «враждебных элементов» и поддержания на них порядка национал-социалисты сформировали вооруженные отряды – так называемую «службу порядка», которая в ноябре 1921 г. получила название штурмовых отрядов – СА (Sturmabteilungen – SA).

Однако до 1928 г. НСДАП не располагала серьезной пропагандистской организацией. Её агитационная работа носила преимущественно хаотичный характер и приобрела стройную систему только после создания Имперского управления пропаганды (РПЛ) и назначения её руководителем в 1929 г. Йозефа Геббельса.

Незадолго до своего избрания на эту должность гауляйтер Геббельс произнес речь под названием «Знания и пропаганда», в которой четко заявил о том, что цель пропаганды – политический успех, а не интеллектуальные глубины. Её главную роль он видел в умении выразить словесно то, что аудитория чувствовала в своих сердцах. По мнению Геббельса, пропагандист обязан был донести национал-социалистическую идею до слушателей. Более того, в зависимости от ситуации он должен был быть писателем, организатором и оратором. Все эти качества и умения требовались для того, чтобы свободно обращаться как к «широким массам образованных людей», так и к «маленькому человеку» [5, с. 73–74]. Следует отметить, что сам Геббельс не просто обладал обозначенными характеристиками, а мастерски владел ими, став вторым оратором в иерархии НСДАП.

Для обеспечения победы идеи необходима была партийная организация. Указывая на принципиальную важность данного обстоятельства, Гитлер писал: «из всей сокровищницы идей общенароднического мирозерцания» партия «выбирает наиболее существенные, учитывая все особенности эпохи, все практические потребности дня, все слабые и сильные стороны того человеческого материала, с которым приходится иметь дело, вырабатывает определенный символ веры и на основе этой программы» строит «строго

централизованную организацию, которая одна только и может принести победу нашему мирозерцанию» [6, с. 322].

Массовая демагогия рассматривалась лишь в качестве первого шага на пути создания социальной базы движения. Решающая роль отводилась организации, которая должна была поддерживать и распространять пропаганду. По мнению нацистских идеологов, властные структуры, в основе которых находилась лишь агитационная деятельность, были неустойчивы и недолговечны. Руководствуясь этим фактором, нацисты и создали Имперское управление пропаганды.

Возглавлявший данное ведомство Геббельс, аналогично Гитлеру, рассматривал пропаганду как средство к достижению политической цели, как форму борьбы за власть. Ключевыми моментами его пропагандистской концепции в период существования Веймарской республики являлись идеализм, прагматизм и цинизм. «Никто не желает погигать во имя восьмичасового рабочего дня. Но кто-то может умереть за то, чтобы Германия принадлежала своему народу», – утверждал гауляйтер [Цит. по: 4, с. 74].

Глава Имперского управления пропаганды определял все направления агитационной деятельности нацистского движения, включая его отделы и филиалы. Руководство пропагандой на уровне административной единицы (гау) являлось представительным органом РПЛ и отвечало за проведение национальной политики партии в четырех областях: активной пропаганде, кино, радио и культуре. Окружное подразделение ведомства выполняло данные функции на более низком уровне и подчинялось начальнику местного отделения.

В соответствии с предложением Геббельса, Отдел пропаганды имперского руководства партии разработал так называемый концентрический метод, направленный на проведение «ударных пропагандистских акций». Они должны были наполнять пропагандой все районы страны не только во время предвыборной кампании, но и в течение всего календарного года. Для этой цели в каждом округе через 7–10 дней предполагалось проводить от 70 до 200 митингов [1, с. 103].

Важным элементом гитлеровской пропаганды являлись проходившие с 1923 г. съезды НСДАП. Начиная с 1927 г. местом их проведения стал Нюрнберг, чья готическая архитектура, по представлениям фюрера, наиболее полно воплощала немецкую культуру. Партийные конгрессы, представлявшие собой массовые митинги, каждый участник которого чувствовал

себя увереннее и сильнее в единстве общей массы, созывались с целью демонстрации величия германской нации. Главным местом действий нацистов были Арена Луитпольда – площадь для демонстраций, вмещавшая до 150 000 участников, а также Зал Луитпольда вместимостью до 16 000 человек, где проходили собрания. Нюрнбергским съездам отводилась особая роль, они считались наиболее действенной формой пропаганды, поэтому по окончании каждого из них создавались агитационные документальные фильмы.

Финансовая помощь со стороны крупных магнатов, открыто сделавших ставку на Гитлера, позволила нацистам относительно быстро расширить технические возможности своей агитации. Если в 1930 г. у НСДАП было 7 ежедневных газет и 47 еженедельников, то спустя два года в её распоряжении имелось уже 120 периодических изданий с общим тиражом 673 тыс. экземпляров [4, с. 111].

В борьбе за влияние над электоратом, германские фашисты привлекали не только прессу. С 1930 г. гитлеровская пропаганда, считавшая слово наиболее подходящим средством воздействия на массы, начала широко использовать радио и граммофонные пластинки с речами Гитлера и Геббельса. Огромное значение имело то обстоятельство, что это слово исходило не из уст академического докладчика, а содержало магическое и эмоциональное обращение оратора, буквально гипнотизирующего толпу. Радиовещание рассматривалось как мощнейшее средство пропаганды, за которым виделось большое будущее.

В ходе избирательной кампании 1930 г. национал-социалисты впервые апробировали новую по тем временам технику – микрофоны и громкоговорители. А через два года, во время второго тура президентских выборов Гитлер при передвижении по стране использовал самолет с символической надписью: «Фюрер над Германией». Впоследствии Геббельс констатировал, что без радио и самолетов приход НСДАП к власти были невыносимы. Он писал о радио как о «влиятельнейшем посреднике между движением и нацией, между идеей и человеком» [Цит. по: 5, с. 231].

По убеждению нацистских идеологов, пропаганда по форме и содержанию должна была не только соответствовать интересам самых широких слоев населения, но и содержать минимум идей и концепций. Гитлер прямо заявлял о том, что из всего многообразия идей, составлявших нацистское «мирозерцание», он должен был «выбрать главные и центральные

идеи и придать им более или менее законченную форму догматов, вокруг которых только и можно объединить большие массы людей» [6, с. 322]. Основную задачу своей пропаганды фюрер видел в том, «чтобы воздействовать на массу, сделать доступным её пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты, события», о которых она «до сих пор не имела и понятия». Далее, по мнению Гитлера, требовалось «заставить массу поверить» в то, что «такой-то факт существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен» [6, с. 150].

Нацистская пропаганда смогла не просто уловить, но и использовать в своих интересах особенности индивидуальной и социальной психологии немцев. В это время её характерными чертами являлись такие настроения и чувства, как неуверенность в завтрашнем дне, страх, ненависть к подлинным и мнимым врагам, уныние, а также озлобленность по отношению к новым и непривычным парламентским институтам власти, поскольку именно в них усматривался главный источник неустойчивости положения в государстве. Учитывая предрасположенность немецких обывателей к восприятию различных слухов, национал-социалисты широко использовали миф об угрозе заговора. Речь шла о «заговоре марксистов», «заговоре евреев», «заговоре плутократов», который будоражил человеконенавистнические инстинкты и способствовал росту фанатизма [3, с. 151].

Нацисты искусно спекулировали на послевоенных экономических трудностях, политической нестабильности и национальных чувствах немцев, ущемленных Версальским мирным договором. Все обещания строились на основе идей единства нации и превосходства германской расы перед другими народами. На расовой общности зиждились те неразрывные узы солидарности, которые объединяли германцев между собой. «Мы» – немцы ловко противопоставлялись национал-социалистами «им» – не немцам, иностранцам, и в особенности евреям, национальному меньшинству, «паразитирующему» на теле германцев [9].

Убежденный в том, что вся пресса находилась в руках евреев, Гитлер настойчиво и постоянно констатировал «силу так называемого общественного мнения» и «непонимание еврейской опасности», ставшей «основной решающей причиной крушения» Германии [6, с. 263, 274, 283]. Фюрер самоуверенно полагал, что спасти страну от неизбежной гибели могла лишь нацистская партия. На страницах

своей «Mein Kampf» он утверждал, что «только наше движение способно задержать дальнейшее падение немецкого народа, ... и создать гранитный фундамент, на котором в своё время вырастет новое государство». При этом Гитлер обещал, что это будет «подлинно народный организм» и государство, «действительно представляющее немецкую нацию» [6, с. 276].

Немецко-американская исследовательница Х. Арендт, анализируя нацистскую пропаганду, обращает внимание на тот факт, что гитлеровцы были «достаточно предусмотрительны, чтобы использовать такие лозунги, как демократия, республика, диктатура или монархия, которые обозначили бы специфические формы правления». Они старались их избегать и рассматривали государство лишь как средство для сохранения расы. Арендт объясняет это тем, что нацисты всегда стремились быть «исключительно оригинальными» [2, с. 471].

На основе психологических знаний нацистскими идеологами были выработаны принципы, которые легли в основу письменной пропаганды. Главным из них являлась краткость, о сущности и значимости которой Гитлер писал: «Масса косна и ленива. Люди неохотно берут в руки большие произведения, поэтому только прокламация или плакат могут рассчитывать, что они будут прочитаны ввиду их краткости» [6, с. 153]. Исходя из этого факта, нацисты стремились преподносить свои идеи в безапелляционном стиле в форме лозунгов, рассчитанных на внешний эффект. Любое сомнение или попытка самостоятельно вникнуть в суть гитлеровской идеологии рассматривались как посягательство на ее основы. Логика и научные доказательства не только не действовали, но и считались недопустимыми. Расчет делался не на разум, а на эмоции и чувства, на социально-психологические настроения в обществе. Особенно типичной для данного метода была «Mein Kampf», предлагавшая без рассуждений и дискуссий принимать на веру те или иные идеи её автора.

Примечательно, что письменная пропаганда германских фашистов использовала опыт американской коммерческой рекламы, в основе которой находилось многократное и настойчивое повторение одних и тех истин и постулатов.

Не менее значимым принципом пропагандистской деятельности нацистов была гибкость и относительно быстрая переориентация на разные категории избирателей в зависимости от политической ситуации и положения НСДАП. Так, когда в ходе первого этапа президентских выборов 1932 г. стало известно, что

партия получила сравнительно мало голосов от государственных служащих, пенсионеров и женщин, центральный отдел пропаганды во втором туре целенаправленно сосредоточил свою работу на привлечении именно этих представителей электората. Пропагандистская кампания строилась с учётом их характера и настроений: брались во внимание страх перед будущим у государственных служащих, боязнь инфляции у пенсионеров и опасения войны у женщин [1, с. 109].

Рассуждая о практической значимости данной тактики, Гитлер советовал при разрешении невыполнимых задач сосредоточить все внимание народа на одном вопросе и «сделать это с такой силой, как если бы от этого зависела вся судьба нации» [6, с. 209]. По убеждению фюрера, человеческая психика лучше воспринимала одну идею и одного врага.

Правильность пропаганды определялась её успехом, который напрямую зависел от содержательной части первой. Чем меньше идей и теоретических постулатов содержала в себе агитация, тем действенней и успешней она являлась. Этот постулат стал теоретической основой пропагандистской деятельности нацистов в период Веймарской республики.

Социальный и политический успех НСДАП в значительной степени был обеспечен и разговорным языком пропаганды. Для создания атмосферы доверия и взаимопонимания с электоратом нацисты использовали простой и понятный для него стиль и язык. По меткому выражению биографа Гитлера А. Шлезингера, фюрер хорошо знал проблемы и «обиды своей аудитории, поскольку разделял их сам, и когда он говорил, то выдавал людям именно то, что они хотели» слышать [9, р. 38].

Подводя итог, можно констатировать, что рассмотренные методы и формы нацистской агитации не только учитывали морально-психологические особенности национального сознания немцев в специфических социально-экономических и политических условиях Веймарской республики, но и воплощали в себе свойства, присущие массовой пропаганде всех времен, ориентированные не на разум, а на чувства и инстинкты толпы. Всё это позволило нацистам привлечь на свою сторону самые широкие слои германского населения и, использовав технические возможности средств коммуникации и информации, завладеть их сознанием.

Источники и литература

1. Аникеев А. А., Кольга Г. И., Пуховская Н. Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: СГУ, 2000. 323 с.
2. Арентд Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация, идеология, методы. М.: Мысль, 1978. 208 с.
4. Бланк А. С. Старый и новый фашизм. Политико-социологический очерк. М.: Политиздат, 1982. 256 с.
5. Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996. 608 с.
6. Гитлер А. Моя борьба. М.: ИТФ «Т-Око», 1992. 598 с.
7. Кершоу Я. Гитлер. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 320 с.
8. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», 2003. 464 с.
9. Рудая О. И. Антисемитизм и антиеврейская пропаганда как средство мобилизации германской нации на создание массовой базы нацистской партии в период Веймарской республики // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. Сб. научных статей. Вып. 8. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 101–116.
10. Schlesinger A. M. Adolf Hitler. N.-Y., 1985. 112 p.

References

1. Anikeev A. A., Kol'ga G. I., Puhovskaya N. E. NSDAP: ideologiya, struktura i funkcii (*NSDAP: ideology, structure and functions*). Stavropol': SSU publ., 2000. 323 p. (In Russian).
2. Arendt H. Istoki totalitarizma (*The origins of totalitarianism*). Moscow: CentrKom, 1996. 672 p. (In Russian).
3. Blank A. S. Iz istorii rannego fashizma v Germanii. Organizatsiya, ideologiya, metody (*From the history of early fascism in Germany. Organization, ideology, methods*). Moscow: Mysl', 1978. 208 p. (In Russian).
4. Blank A. S. Staryj i novyj fashizm. Politiko-sociologicheskij ocherk (*Old and new fascism. Political and sociological essay*). Moscow: Politizdat, 1982. 256 p. (In Russian).
5. Gercshtejn R. Eh. Vojna, kotoruyu vyigral Gitler. Smolensk: Rusich, 1996. 608 p. (In Russian).
6. Gitler A. Moya bor'ba (*The war that Hitler won*). Moscow: ITF «T-Oko», 1992. 598 p. (In Russian).
7. Kershov Y. A. Gitler (*Hitler*). Rostov on Don: Feniks, 1997. 320 p. (In Russian).
8. Maklyuehn G. M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka (*Understanding Media: External expansion of a person*). Moscow: Zhukovskij: «KANON-press-C», 2003. 464 p. (In Russian).
9. Rudaya O. I. Antisemitizm i antievrejskaya propaganda kak sredstvo mobilizatsii germanskoj natsii na sozdanie massovoj bazy natsistskoj partii v period Vejmarskoj respublikii (*Anti-Semitism and anti-Jewish propaganda as a means of mobilizing the German nation to create a mass base of the Nazi Party in the period of the Weimar Republic*) // Germaniya na perekrestkah istorii. Problemy vnutrennej i vneshnej politiki v kontekste transformacij mezhdunarodnyh otnoshenij. Sb. nauchnyh statej. Voronezh: VSU publ., 2017. Issue 8. P. 101–116. (In Russian).
10. Schlesinger A. M. Adolf Hitler. N.-Y., 1985. 112 p.

УДК 94(470.6).084.8

Н. Д. Судавцов

БИТВА ЗА КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ РЕГИОНА

В статье рассматривается противостояние народов СССР, Красной армии войскам фашистской Германии и её союзников в сражениях за Кавказ в годы Великой Отечественной войны, проявленные при этом мужество и массовый героизм советских людей в борьбе с общим врагом в самой продолжительной битве Второй мировой войны. Руководство Германии ставило перед войсками, наступавшими на Кавказ, задачу прорваться в Закавказье по побережью Чёрного и Каспийского морей, через Кавказские перевалы. Имелось в виду захватить продовольственные районы Северного Кавказа, нефтепромыслы Кубани, Грозного, Баку, обеспечив таким образом

топливом свои вооружённые силы и лишив его советские войска. Одновременно расчёт был на то, чтобы оказать давление на Турцию с целью её вступления в войну против СССР, а также угрожать Среднему Востоку и через Иран, Афганистан прорваться в Индию, колонию Британской империи. Исследование показало, германское командование не доценило возможности СССР и переоценило собственные силы, что привело не только к поражению на Кавказе, но и в целом в войне против СССР.

Ключевые слова: война, армия, флот, оборона, наступление, Кавказ, Сталинград, партизаны, горы, авиация, оккупация.

N. D. Sudavtsov

BATTLE FOR THE CAUCASUS IN THE HISTORICAL FATE OF THE PEOPLES OF THE REGION

The article studies the opposition of the people of the USSR and the Red Army to the troops of fascist Germany and its allies in battles for the Caucasus in days of the Great Patriotic War. It shows courage and mass heroism of the Soviet people in fight against the general enemy in the longest fight of World War II. The leadership of Germany put before the troops attacking the Caucasus a task to break in Transcaucasia on the coast of the Black and Caspian seas, through the Caucasian passes. It was supposed to occupy food areas of the North Caucasus, oil fields in Kuban, Grozny and Baku, thus providing the armed forces with fuel and depriving the Soviet troops of it.

At the same time they planned to put pressure upon Turkey for the purpose of her introduction in war against the USSR and also to threaten the Middle East and through Iran, Afghanistan to break to India, the colony of the British Empire. The research shows that the German command underestimated the power of the USSR and overestimated its own forces that led not only to defeat in the Caucasus, but also in the war against the USSR.

Key words: war, army, fleet, defense, approach, Caucasus, Stalingrad, guerrillas, mountains, aircraft, occupation.

5 лет назад с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. шло одно из крупнейших и самых продолжительных сражений Второй мировой войны – битва за Кавказ на фронте протяжённостью в 1000 километров по кавказским предгорьям, реке Терек от Чёрного и почти до Каспийского морей. Она проходила одновременно с эпохальными сражениями за Сталинград до февраля 1943 г., а в июле – августе на Курской дуге.

О битве за Кавказ написаны и изданы тысячи статей, сотни монографий, воспоминаний в нашей стране и за рубежом. В них содержатся

различные точки зрения в отображении битвы за Кавказ и её оценке. Однако, при всей противоречивости оценок остаётся неизменным признание того, что битва за Кавказ сыграла важную роль в разгроме фашистской Германии и её сателлитов [1; 2; 3; 7; 11; 13; 14; 17; 18; 19; 25; 27]. Но сама по себе эта тема неисчерпаема, поскольку в то время решалась судьба не только Советского государства, но и мировой истории. В ходе битвы за Кавказ проявились небывалое мужество, героизм, единение народов СССР в борьбе с общим врагом, что пытаются часто пытаются опровергнуть и оспорить в наши дни.

Как известно, руководство фашистской Германии, начиная 22 июня 1941 г. войну против СССР, делало ставку на своё военное превосходство, многонациональный состав населения советского государства, рассчитывая на то, что, как только германские войска вторгнутся на территорию Советского Союза, между народами, населяющими его, начнется вражда и советское государство развалится. В инструкциях германского командования указывалось, как следует действовать: «В Прибалтийских странах германским органам опираться на немцев; использовать в интересах Германии противоречия между литовцами, латышами и русскими. На юге использовать в наших интересах возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами, на Кавказе – между туземцами – грузинами, армянами, татарами и русскими» [4, с. 252].

Однако эти надежды фашистского руководства не оправдались. Народы СССР во время смертельной опасности, нависшей над страной, сплотились для отпора врагу, проявляя мужество, героизм и единение на фронте и в тылу. Это ярко проявилось в период битвы за Кавказ.

Германское командование, потерпев поражение под Москвой, летом 1942 г. решило нанести главный удар по советским войскам на южном направлении на Сталинград и Кавказ. Это было связано не только с его геополитическим положением, но и в значительной мере с тем, что Германия очень нуждалась в кавказской нефти. По словам фельдмаршала Паулюса, Гитлер по этому поводу на совещании в штабе группы армий «Юг» 1 июня 1942 г. в г. Полтаве заявил: «Моя основная мысль – занять область Кавказа, возможно, основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну...» [23, с. 26]

Для этого было создано две группы армий: «А» для наступления на Кавказ и «Б» для наступления на Сталинград. В директиве Гитлера от 23 июля ставилась задача главными силами группы «А» нанести удар на Северный Кавказ «...группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, должна захватить район Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку. Группе армий «А» будет передан итальянский

альпийский корпус. Для этих операций группы армий «А» вводится кодированное название «Эдельвейс» [12, с. 326]. Уверенность германского командования в успехе вселило тяжёлое поражение, которое потерпела Красная Армия под Харьковом в мае 1942 г.

Немецкие войска, разделенные на две группы, значительно превосходили советские войска в танках, авиации. Для наступления на Северный Кавказ в группу «А» были включены 17 полевая, 1-я и 4-я танковые, которая вскоре была переброшена на Сталинградское направление, 3-я румынская армии, 4-й воздушный флот. В их составе было 13 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные, 3 кавалерийские дивизии до I тыс. самолетов. Им противостояли войска Южного и часть сил Северо-Кавказского фронтов, уступая противнику в людях в 1,5, в орудиях и минометах в 2, в танках более чем в 9 и в авиации почти в 8 раз. [14, с. 455]. Выполняя директиву, немецкие войска приступили к осуществлению операции. Враг устремился через Дон в направлении на Сталинград и Кавказ. Был взят город Ростов. Операция «Эдельвейс» по захвату Кавказа началась 25 июля 1942 г. превратившись в самую продолжительную битву в истории Второй мировой войны, длившуюся 442 дня.

Преследовалось несколько целей: захватить богатства Кавказа и, прежде всего, кубанскую, грозненскую, бакинскую нефть, продовольствие, понудить Турцию вступить в войну на стороне Германии, уничтожить Черноморский флот, лишив его баз на побережье Чёрного моря, а также угрожать Среднему Востоку и жемчужине Британской империи Индии.

Рейхсминистр Германии по делам восточных территорий А. Розенберг в своей записке «О преобразовании Кавказа», составленной в это время, писал: «Интересы Германии заключаются в том, чтобы создать прочные позиции на всем Кавказе и тем самым обеспечить безопасность континентальной Европы, т.е. обеспечить себе связь с Ближним Востоком. Только эта связь с нефтяными источниками может сделать Германию и всю Европу независимыми от любой коалиции морских держав в будущем. Цель германской политики – господство над Кавказом и над граничащими с юга странами как в политическом, так и в военном отношении» [14, с. 455].

Поскольку сплошной линии фронта на юге не было, германское командование, используя преимущество в танковых, моторизованных войсках и авиации, не имея серьёзных естественных преград, приступило к реализации

своих планов. Двинувшись на Северный Кавказ и развивая наступление, немецкие соединения обходили советские войска, часто не давая им возможности закрепиться на удобных оборонительных рубежах.

Значительно уступая противнику, особенно в техническом оснащении, а также из-за просчётов командования, советские войска отступали на юг. Над страной нависла смертельная опасность.

В создавшейся ситуации 28 июля народным комиссаром обороны И. Сталиным был издан приказ №227, известный как «Ни шагу назад». В нём давалась жёсткая оценка сложившемуся положению: «Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины. Таков призыв нашей Родины. Выполнить этот приказ – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага» [24, с. 75–77].

Приказ был прочитан во всех воинских подразделениях. В соответствии с ним были созданы штрафные батальоны, роты, заградительные отряды. Это имело большое значение для повышения уровня ответственности кадров всех уровней, личного состава за положение дел в воинских частях, поднятия боевого духа в войсках на отпор врагу.

Советским войскам под напором противника пришлось отступать с тяжёлыми боями по открытой степной местности, подвергаясь постоянным атакам немецкой авиации, танковых соединений. Воинским соединениям не удалось даже закрепиться на оборонительных рубежах, построенных осенью 1941 года из-за сильного натиска врага и опасности быть окружёнными, в связи с обходными манёврами танковых и моторизованных соединений противника. Имея преимущество в подвижности, они часто упреждали советские войска в занятии выгодных оборонительных рубежей. Поредевшим воинским соединениям Красной Армии пришлось с тяжёлыми боями отступать до естественных преград в предгорьях Кавказа, реки Терек, где по приказу Ставки готовилась глубокоэшелонированная оборона.

В этих условиях для лучшего управления войсками в противостоянии противнику совет-

ским командованием были созданы две оперативные группы: Донская (51-я, 37-я, 12-я и 4-я воздушная армии), которая прикрывала Ворошиловское (ставропольское) направление, Приморская, созданная из преобразованного Северо-Кавказского фронта (18, 56, 47 армии, 1-й отдельный стрелковый и 17 кавалерийский корпуса), обороняла краснодарское направление и Таманский полуостров [3, с. 40–41].

На Западе внимательно следили за положением дел на Юге СССР. Успешное наступление германских войск на Сталинград и Кавказ вызывало там серьёзные опасения. Созданный в Англии Комитет обороны Среднего Востока в июле 1942 г., явно не дооценивая действия советских войск, пришёл к выводу, что немцы вероятно к 10 сентября прорвутся через Кавказ в Сирию и Ирак, а к 15 октября в Северный Иран, что угрожало интересам Великобритании на Среднем Востоке и в Индии [8, с. 6]. В связи с этим премьер – министр Великобритании У. Черчилль в августе даже прилетел в Москву. Во время встречи с И. Сталиным он просил его остановить немцев. На это Верховный Главнокомандующий вооружёнными силами СССР уверенно ответил, что немецкие войска будут остановлены в горах [5, с. 171–172].

Между тем германские войска продолжали наступление на Сталинград и Кавказ, испытывая острую нехватку топлива в немецких соединениях. В связи с этим приходилось даже останавливать в походе танки. Так, в 40 танковом корпусе с самого начала наступления, по словам немецкого автора В. Тике, «... трудности со снабжением были особенно заметны: недостаток горючего через несколько дней стал хроническим. Часто приходилось собирать все остатки горючего, чтобы могла продолжиться марш хотя бы одна танковая дивизия. По этой причине слово «нефть» стало волшебным, приводившим дивизии в движение. Под Майкопом и Грозным они надеялись найти достаточно горючего» [25, с. 53].

Первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) М. Суслов докладывал секретарю ВКП(б) Андрееву: «Части немецкой армии появились на территории Орджоникидзевского края 2 августа в Молотовском районе. В этот же день немецкими войсками полностью было прекращено движение по Ворошиловской железной дороге. Продвижение войск противника почти не встречало сопротивления со стороны частей Красной Армии, в беспорядке по всей территории края. Это обстоятельство дало немцам возможность быстро занимать города и районы края, а отсутствие разведок о продви-

жении врага делало его появление во многих случаях совершенно неожиданным» [6, Л. 33].

В сложившейся ситуации советское командование приняло решение отвести войска в предгорья Кавказа, там остановить противника, измотать его и, накопив резервы, разгромить. В середине августа германские войска вышли к реке Терек, предгорьям Кавказа, на перевалы Главного Кавказского хребта. Но им не удалось решить главную задачу: окружить и разгромить советские войска на Северном Кавказе, которые закрепились на оборонительных рубежах. Там и развернулись тяжёлые оборонительные бои. Германские войска прилагали огромные усилия к тому, чтобы как можно быстрее сломить сопротивление Красной Армии, и прорваться к Грозному и Баку, захватить Новороссийск, вступить в Закавказье через перевалы, по каспийскому и черноморскому побережью.

Народы Северного Кавказа и Закавказья в период смертельной опасности для страны единодушно заявили о своей решимости защищать Кавказ. Это было продемонстрировано на многочисленных митингах. 13 августа 1942 г. во Владикавказе у братской могилы солдат революции состоялся многотысячный митинг представителей Дона, Кубани, Ставрополя, Кабардино – Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана. Его участники, выражая волю народов Северного Кавказа, поклялись отдать все силы на разгром врага. В обращении «Ко всем народам Северного Кавказа» говорилось словами К. Хетагурова, что «лучше умереть народом свободным, чем кровавым потом рабами деспоту служить». 23 августа 1942 г. участники антифашистского митинга, состоявшегося в Тбилиси, обращаясь к народам Закавказья писали: «Мы превратим в неприступные рубежи каждую горную тропу, каждое ущелье, где врага всюду будет подстерегать неминуемая смерть» [4, с. 14].

Это способствовало тому, что на Северном Кавказе и в Закавказье в кратчайшие сроки было сформировано 10 национальных дивизий и других воинских формирований, которые приняли непосредственное участие в боевых действиях по защите Кавказа, а затем и в разгроме фашистской Германии.

А поскольку немецкие войска по степной части Северного Кавказа продвигались довольно быстро, местными органами не было проведено необходимых мероприятий по организации эвакуации населения, материальных ценностей, так как такого оборота дела никто не ожидал, а также из-за слабо развитой транспортной системы, многое не удалось вывез-

ти. Поэтому пришлось уничтожать, приводить в негодность промышленное оборудование, сельскохозяйственную технику, чтобы не достались врагу и не работали на него.

Нефтепромыслы на Кубани германское командование запретило бомбить, рассчитывая захватить их невредимыми и немедленно приступить к добыче так необходимой нефти. Однако, из этого ничего не вышло, так как отступающие советские воинские части вместе с промысловиками привели их в негодность в районе г. Майкопа. Так что для получения нефти необходимо было восстановить её добычу. На это, по расчётам специалистов, которые двигались вместе с германскими войсками, чтобы сразу приступить к добыче нефти, на восстановление скважин требовалось 5–6 месяцев, в то время как она нужна была немедленно. Надежда оставалась на нефтепромыслы Грозного и Баку. Но их ещё нужно было захватить.

В создавшихся условиях это выглядело весьма реальным и очень беспокоило Запад. В Великобритании даже вынашивали планы по вводу в Закавказье своих войск, чтобы не допустить захвата германскими войсками Баку, так как это значительно бы усилило мощь моторизованной германской армии и создало реальную угрозу её вторжения на Средний Восток.

В предгорьях германские войска столкнулись с всё возрастающим сопротивлением советских войск, которые получили значительные подкрепления за счёт формирования национальных воинских частей в Азербайджане, Грузии, Армении, в регионах Северного Кавказа, переброски войск из глубины страны. Значительно улучшалось их материально-техническое снабжение, обеспечение оружием, боеприпасами. На оккупированной территории разворачивалось партизанское движение. Темпы наступления немецко-фашистских войск резко упали, они несли всё возрастающие потери.

Все попытки германских войск прорваться к грозненской и бакинской нефти, а также через перевалы и по черноморскому побережью в Закавказье оказались тщетными, хотя они были лучше подготовлены к ведению боевых действий в горах. Для этого имелся 49-й горно-стрелковый корпус, обеспеченный специальным снаряжением, вооружением для ведения боевых действий в горах, личный состав которого прошел подготовку для боевых действий в горных условиях. Многие офицеры корпуса знали Главный Кавказский хребет, который в качестве альпинистов в довоенное время исходили вдоль и поперёк [16, с. 180–181].

На Северном Кавказе по всей линии фронта от Чёрного моря по предгорьям, левобережью

реки Терек развернулись тяжёлые бои, в которых обе стороны несли значительные потери. Чтобы улучшить оперативное руководство войсками, советское командование подчинило Северную и Черноморскую группы войск Закавказскому фронту. Одновременно шёл процесс накопления резервов для решительного удара по германским войскам на Северном Кавказе за счёт создания новых воинских соединений, выдвижения войск из внутренних районов страны, которые поступали в распоряжение Закавказского фронта, возрастающих поставок вооружения, боеприпасов, снаряжения. Только с 6 августа по 27 сентября Ставка Верховного Главнокомандования усилила Закавказский фронт 10 и 11 гвардейскими стрелковыми корпусами, 11 отдельными стрелковыми бригадами [13, с. 99].

Тем временем войска Германии и её союзников стали ощущать всё более острый недостаток сил для решительного удара под Сталинградом и на Северном Кавказе. Но в условиях тяжёлых боёв на этих направлениях германское командование было лишено свободного манёвра войсками, так как не могло без ущерба оголить ни то, ни другое направление.

Периодически дискутируется вопрос: а была ли борьба с оккупантами на Северном Кавказе, партизаны. Некоторые авторы отрицают наличие партизанского движения в регионе. А вместе с этим отрицают либо значительно приуменьшают борьбу населения с оккупантами, преувеличивая значение коллаборационизма, который был, но не в таких размерах, как его иногда пытаются представить.

Действительно, на Северном Кавказе не было того размаха партизанского движения, как в Белоруссии, на Украине, Брянщине, где имелись мощные лесные массивы, являвшиеся хорошим укрытием для партизан. Значительная часть территории Северного Кавказа представляла собой безлесную степь. Следует учитывать и то, что на большей части территории региона оккупация продолжалась 4–6 месяцев. Определённое значение имело и то, что оккупанты на первых порах массово не проявили своей жестокости по отношению к населению. На Северном Кавказе, учитывая его многонациональный состав, наличие казачества, недовольных советской властью, они вели политику заигрывания с населением, пытаясь привлечь его на свою сторону. Массовые расстрелы населения, как правило, проводились тайно. Но при этом составлялись списки очередности уничтожения советских людей. Тем не менее, на Северном Кавказе действо-

вало 179 партизанских отрядов численностью более 11 тыс. человек, в том числе на Кубани – 86 партизанских отрядов, Ставрополье – 40, Кабардино-Балкарии 14, Северной Осетии – 11, Чечено-Ингушетии – 28 [17, с. 222]. Руководил партизанским движением Южный штаб партизанского движения, созданный 3 августа 1942 г. по решению Государственного комитета обороны при военном совете Северо-Кавказского фронта.

На Северном Кавказе основной формой борьбы населения с оккупантами был массовый бойкот мероприятий, которые они проводили. Это нашло своё яркое выражение в том, что были сорваны уборка урожая, осенне-полевые работы. На предприятиях так и не был налажен выпуск основных видов продукции. И это при том, что приказы немецкого командования, комендантов заканчивались фразой: «За невыполнение расстрел». Несмотря на это, советские патриоты, имитируя работу, часто рискуя жизнью, под различными предлогами саботировали мероприятия оккупантов. Это был массовый подвиг советских людей в борьбе с врагом, которые не склонили покорно перед ним головы.

Оккупанты пришли на Северный Кавказ как хозяева. Они не спешили ликвидировать коллективные хозяйства и наделять крестьян землёй, отделиваясь обещаниями. Колхозы, были сохранены и переименованы в общины под номерами, а совхозы в госхозы, что давало оккупантам возможность грабить общественное достояние, практически не вторгаясь в индивидуальный сектор. Это оставалось на потом после того, когда в общественном секторе ничего не останется.

Немцам удалось в августе захватить перевалы Главного Кавказского хребта Клухорский, Марухский, Нахар, Санчаро и др. Это явилось следствием того, что их оборона была организована плохо. Командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев признавал, что в этом была «немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны противнику. Лишь вмешательство Ставки исправило эту ошибку» [26, с. 324]. На перевалы были срочно выдвинуты подразделения 46 армии.

Советские солдаты, не имея необходимо-го снаряжения, вооружения, соответствующей экипировки, подготовки вели за перевалы ожесточённые бои в суровых зимних условиях, часто в летнем обмундировании, испытывая острую нужду в продовольствии и боеприпасах.

Нередко ценою своей жизни они не позволили германским войскам проникнуть в Закавказье. О многих героических подвигах защитников перевалов советские люди узнали только через десятилетия, когда с потеплением вскрылись в горах ледники и обнажились тела погибших, вмёрзшие в лёд [7].

Немецкие альпинисты 49 корпуса 21 августа водрузили на Западном и Восточном Эльбрусе флаги нацистской Германии о чём с гордостью докладывал в Берлин командующий группой «А» фельдмаршал Лист. Но германское командование не придавало этому значения, так как это не имело стратегического значения. Для него намного значимее было бы сообщение о выходе в Закавказье. Этот факт широко использовался в пропаганде. Группа советских альпинистов сняла фашистские флаги 13 и 17 февраля, установив на обеих вершинах Эльбруса советские флаги [16, с. 198, 227].

Германское командование осенью 1942 г. явно не доценило потенциальные возможности советских вооружённых сил. Так, Гитлер в директиве от 14 октября, говоря об успехах германских войск, достигнутых в ходе летних и осенних сражений, отмечал «русские в ходе последних боёв были серьёзно ослаблены и не смогут зимой 1942/1943 г. располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму» [12, с. 328]. И, хотя немецкие войска на Кавказе ещё продолжали медленно наступать в районе городов Моздока, Нальчика, Новороссийска, но уже по всему было видно, что они выдыхаются. Ценой огромных усилий и потерь германским войскам удалось захватить г. Новороссийск и выйти к Чёрному морю. Но все попытки прорваться по побережью к г. Туапсе закончились провалом.

Преодолев сопротивление обессиленной 37-й армии, немецкие войска 25 октября захватили город Нальчик и начали наступление на г. Орджоникидзе, рассчитывая в ближайшее время выйти к г. Грозному. Достигнув предместий города, они взяли 7 ноября его предместье село Гизель. Но здесь немецкие воинские части столкнулись с мощным противодействием советских войск, ополчения, которые нанесли контрудар и 13 ноября освободили с. Гизель. Немецкие войска в этом районе были почти полностью окружены, поэтому вынуждены были отступить, чтобы не оказаться в котле. Таким образом, взять г. Орджоникидзе им не удалось. И немецкие войска больше здесь не наступали на Грозный, до которого было немногим более 100 км [17, с. 77–78]. За проявленные мужество и героизм, проявлен-

ными личным составом в битве за Владикавказ, 6 воинских соединений были награждены орденами Красного Знамени.

В это время ожесточённые бои шли в горах Западного Кавказа против немецких войск, стремившихся прорваться к г. Туапсе и выйти на берег Чёрного моря с тем, чтобы нанести удар по его побережью в Закавказье. Но и здесь их постигла неудача. 20 декабря закончилась Туапсинская оборонительная операция войск Черноморской группы. Противник, пытавшийся прорваться здесь к Чёрному морю, понёс большие потери и перешёл к обороне. Таким образом, фронт здесь стабилизировался [3, с. 142]. На этом по существу закончилась оборонительная операция советских войск на Северном Кавказе. Главным её итогом было то, что немецкие войска не смогли прорваться в Закавказье к жизненно важным экономическим центрам и было выиграно время для подготовки к контрнаступлению советских войск.

На Северном Кавказе началась активная подготовка к наступательным действиям для чего создались благоприятные условия в связи с начавшимся 19 ноября 1942 г. контрнаступлением советских войск под Сталинградом. Это вселило и в защитников Кавказа уверенность в скорой победе над врагом.

Советское командование разрабатывало планы контрнаступления войск на Северном Кавказе. Активизировались действия воинских соединений и партизан. Войска Закавказского фронта, получая подкрепления, готовились к наступательным боям. В декабре наносились контрудары, в ходе которых была освобождена часть оккупированной территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии.

В январе началось общее наступление войск Северной и Черноморской войсковых групп. 3 января был освобождён г. Моздок, 4 января г. Нальчик, 10–11 января города Кавказских Минеральных вод, 21 января Ставрополь, 12 февраля г. Краснодар. При этом Ставкой верховного главнокомандования ставилась задача не дать возможности немецким войскам отойти к Ростову, а окружить их на Северном Кавказе и разгромить [3, с. 216–217].

Немецкое командование, учитывая такой вариант, приняло меры по отводу 1-й танковой армии к Ростову, чтобы использовать её в боях за Донбасс. И значительной части немецких войск удалось отойти к Ростову до того, как он был освобождён войсками Южного фронта. Оставшиеся на Северном Кавказе немецкие войска отступили в западную часть Краснодарского края, уничтожая после себя всё, согласно

приказу Гитлера. Они закрепились на глубоко эшелонированной, хорошо укрепленной оборонительной линии, построенной немцами с использованием населения и военнопленных, от Новороссийска до Азовского моря, включая Таманский полуостров, известной в истории, как «голубая линия». На ней немцы удерживали оборону более полугода, тем самым, прикрывая Крым и приковывая к себе войска Красной армии.

В историю вошли героические боевые действия десанта во время сражения за Новороссийск. Десант начали высаживать в районе Южной Озерейки и Станички 4 февраля 1943 года. Десантники героически сражались на небольшом клочке земли площадью 22 км², известном как «Малая земля» 225 дней, подвергаясь ожесточенным атакам противника с воздуха, моря и суши. В отдельные дни авиация производила до 2 тыс. самолётовывлетов на плацдарм. Те, кто находился там, называли это ужасом. Вся земля была перепажана взрывами бомб, снарядов и мин. Казалось, что там не должно было остаться ничего живого. Но десантники мужественно сражались, приковывая к себе значительные силы противника. 21 защитник «Малой земли» был удостоен звания Героя Советского Союза, в их числе командир батальона морской пехоты майор Ц. Куников, командир дивизиона сторожевых катеров капитан 3-го ранга Н. Сипягин и др [11, с. 322].

Завершающим этапом битвы за Кавказ была Новороссийско-Таманская наступательная операция (10 сентября – 9 октября 1943 г.), проведенная Северо-Кавказским фронтом совместно с Черноморским флотом. К этому времени советские войска превосходили противника по пехоте и артиллерии в полтора раза, по авиации более чем в три раза, не уступали в танках [3, с. 283–286].

Немецкие воинские части ожесточенно оборонялись на хорошо подготовленной оборонительной линии. Но успешно развивавшееся наступление советских войск после поражения германской армии на Курской дуге вынудило Гитлера 4 сентября 1943 г. издать приказ о сдаче Кубанского плацдарма и отводе 17-й армии через Керченский пролив в Крым, чтобы высвободить соединения для решения других задач. В приказе подчёркивалось, что до наступления распутицы следовало всё эвакуировать с Кавказа в Крым, а то, что невозможно вывезти, полностью уничтожить «Противнику должна достаться на длительное время полностью не пригодная для использования и жилья пустыня, где на протяжении месяцев будут взрываться мины» [22, с. 526–527].

Прорвав «Голубую линию», преодолевая ожесточенно сопротивление противника, советские войска в трудных условиях продвигались вперед. 9 октября 1943 года в 8 часов утра командующий 56-й армией генерал-лейтенант А. Гречко доложил Военному совету Северо-Кавказского фронта: «...Таманский полуостров частями 56-й армии к 7.00 9 октября 1943 года полностью очищен от немецких оккупантов» [11, с. 441]. С выходом частей Красной армии к Керченскому проливу Северный Кавказ был полностью очищен от немецких войск.

Таким образом, самая продолжительная битва Второй мировой войны закончилась поражением фашистских войск, которые, несмотря на прилагаемые усилия, не смогли прорваться в Закавказье. Германия так и не получила очень необходимую ей кавказскую нефть, что во многом предопределило её техническое поражение, так как техника при острой нехватке топлива не способна была выполнять в должной мере свои задачи.

Битва за Кавказ была проявлением массового героизма советских людей на фронте и в тылу. Десятки воинских соединений стали гвардейскими, были удостоены почётных наименований за особые отличия при освобождении населённых пунктов, территорий: Пятигорские, Краснодарские, Новороссийские, Таманские. Сотни тысяч воинов были награждены орденами и медалями, более 100 человек удостоены звания Героя Советского Союза. А лётчики А. И. Покрышкин и Д. Б. Глинка были дважды удостоены этого высокого звания за участие в воздушных боях на Кубани [20, с. 572, 21, с. 400].

«Ночными ведьмами» прозвали фашисты лётчиц 46-го, гвардейского, Таманского полка ночных бомбардировщиков 4-й воздушной армии, которым командовала майор Е. Бершанская. В этом полку за время войны 23 лётчицам было присвоено звание Героя Советского Союза из 28, удостоенных этого высокого звания в Военно-воздушных силах СССР за время войны. Ногаец Х. Кумуков из Карачаево-Черкесии, эстонец И. Лаар из Ставрополя, П. Гужвин, П. Бобрышев своими телами закрыли амбразуры пулемётов за что были удостоены звания Герой Советского Союза. За героизм в борьбе с противником на оккупированной территории звания Героя Советского Союза были удостоены два брата Евгений и Геня Игнатовы из партизанского отряда Краснодарского края, Александр Скоков, руководитель молодёжной подпольной организации села Величаевского Ставропольского края.

Население территорий, освобождённых от оккупации, не доедая, не досыпая, надрываясь от непосильного труда, в труднейших прифронтовых условиях самоотверженно работало по восстановлению разрушенного оккупантами, стремясь оказать посильную помощь фронту и приблизить победу над врагом. Было продемонстрировано неразрывное единство фронта и тыла.

Битва за Кавказ развеяла миф о противоречиях между советскими народами, продемонстрировала всему миру их единство, похоронила надежды германского руководства на развал многонационального советского государства с началом войны. Завершение битвы за Кавказ имело большое значение для наступательных действий Красной Армии на других фронтах.

пательных действий Красной Армии на других фронтах.

Отдавая дань подвигу защитников Кавказа, Президиум Верховного Совета СССР 1 мая 1944 года учредил медаль «За оборону Кавказа», которой было награждено 864 тыс. человек, участвовавших в защите Кавказа [15, с.149–153].

Свидетельством увековечения подвига народов СССР при защите Кавказа в годы Великой Отечественной войны является присвоение почётных званий: «Город – герой» г. Новороссийску, «Город воинской славы» городам: Анапе, Владикавказу, Малгобеку, Нальчику, Туапсе [9; 10, с. 58–59; 30].

Источники и литература

1. Батыров У. Битва за Кавказ / У. Батыров, С. Гребенюк, В. Матвеев. М.; Владикавказ: Триада-ф, 2002. 411 с.
2. Битва за Кавказ: Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1954.
3. Битва за Кавказ (1942–1943 гг.). М.: Триада, 2002. 428 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т.1. М.: ОГИЗ, 1946. 698 с.
5. Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М.: Политиздат, 1990. 558 с.
6. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1852. Оп.12. Д.33.
7. Гнеушев В. Г., Попутько А. Л. «Тайна Марухского ледника». Ставрополь: Кнмжное издательство, 1981. 560 с.
8. Говард. М. Большая стратегия / пер. с английского. М.: Воениздат, 1980. 464 с.
9. Города – герои Великой Отечественной войны. Атлас. М.: Главное управление геодезии и картографии при Советском Союзе, 1988. 98 с.
10. Город воинской славы – сколько их в России? URL: <http://fb.ru/article/145620/gorod-voinskoy-slavyi---skolko-ih-v-rossii> (Дата обращения: 28.05.2018).
11. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1971. 416 с.
12. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973. 664 с.
13. Ибрагимбейли. Х. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М.: Вече, 2012. 416 с.
14. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 688 с.
15. Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1974. 269 с.
16. Кузнецов В. В. Горные стрелки Гитлера. «Эдельвейс в бою». М.: Яуза-пресс, 2008. 384 с.
17. Народный подвиг в битве за Кавказ. Сборник статей / ред. коллегия: А. В. Басов, Е. М. Зенин, Г. П. Иванов и др. М.: Наука, 1981. 373 с.
18. Пшеничник Г. А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ. 1942–1943. М.: Центрполиграф, 2013. 380 с.
19. Ответный удар. Сборник статей. (К 40-летию освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков. Ставрополь: Книжное издательство, 1983. 223 с.
20. Советская военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1978. 538 с.
21. Советская военная энциклопедия. Т. 6. М.: Воениздат, 1978. 671 с.
22. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Составитель полковник В. И. Дашичев. М.: Наука, 1967. 752 с.
23. Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса; Дневники и письма солдат РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки особых отделов фронтов и армий. М.: Звонница-МГ, 2000. 494 с.
24. Сталинград 1942–1943 гг.: Сталинградская битва в документах / А. А. Гуров и др. М., Калининград, 1995. 421 с.
25. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
26. Тюленев И. В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 399 с.
27. Януш С. В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь: Книжное издательство, 2005. 576 с.

References

1. Batyrov U. *Bitva za Kavkaz (Battle of the Caucasus)*. Moscow; Vladikavkaz: Triada-f, 2002. 411 p. (In Russian).
2. *Bitva za Kavkaz: Voennno-istoricheskii ocherk (Battle of the Caucasus: Military and historical sketch)*. Moscow: Voenizdat, 1954. (In Russian).
3. *Bitva za Kavkaz (1942–1943 gg.) (Battle of the Caucasus (1942–1943))*. Moscow: Triada, 2002. 428 p. (In Russian).
4. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz v period Velikoi Otechestvennoi voiny (Foreign policy of the Soviet Union in the period of the Great Patriotic War)*. Vol.1. M.: OGIZ, 1946. 698 p. (In Russian).

5. Vtoraya mirovaya voina v vospominaniyakh U. Cherrillya, Sh. de Gollya, K. Khela, U. Legi, D. Eizenkhauera (*World War II in W. Churchill's, Ch. de Gaulle's, K. Hal's, U. Legi's, D. Eisenhower's memoirs*). Moscow: Politizdat, 1990. 558 p. (In Russian).
6. State Archive of Stavropol Krai. F.1852. Inv.12. D.33. (In Russian).
7. Gneushev V. G., Poput'ko A. L. Taina Marukhskogo lednika (*Mystery of the Marukhsky glacier*). Stavropol': Knmzhnoe izdatel'stvo, 1981. 560 p. (In Russian).
8. Govard M. Bol'shaya strategiya (*Big strategy*). Moscow: Voenizdat, 1980. 464 p. (In Russian).
9. Goroda – geroi Velikoi Otechestvennoi voiny. Atlas (*Hero towns of the Great Patriotic War. Atlas*). Moscow: Glavnoe upravlenie geodezii i kartografii pri Sovine SSSR, 1988. 98 p. (In Russian).
10. Gorod voinskoi slavy – skol'ko ikh v Rossii? (*The city of military glory – how many them in Russia?*) URL: <http://fb.ru/article/145620/gorod-voinskoy-slavyi--skolko-ikh-v-rossii> (Accessed: 28.05.2018). (In Russian).
11. Grechko A. A. Bitva za Kavkaz (*Battle of the Caucasus*). Moscow: Voenizdat, 1971. 416 p. (In Russian).
12. Dashichev V. I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma (*Bankruptcy of strategy of the German fascism*). Vol. 2. Moscow: Nauka, 1973. 664 p. (In Russian).
13. Ibragimbeili. Kh. Bitva za Kavkaz. Krakh operatsii «Edel'veis» (*Battle of the Caucasus. Crash of the operation "Edelweiss"*). Moscow: Veche, 2012. 416 p. (In Russian).
14. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuz. 1941–1945 gg. (*History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945*). Vol. 2. Moscow: Voenizdat, 1961. 688 p. (In Russian).
15. Kolesnikov G. A., Rozhkov A. M. Ordena i medali SSSR (*Awards and medals of the USSR*). Moscow: Voenizdat, 1974. 269 p. (In Russian).
16. Kuznetsov V. V. Gornye strelki Gitlera. «Edel'veis v boyu» (*Hitler's mountain arrows. "Edelweiss in battle"*). Moscow: Yuza-press, 2008. 384 p. (In Russian).
17. Narodnyi podvig v bitve za Kavkaz (*A national feat in the battle of the Caucasus*) / A. V. Basov, E. M. Zenin, G. P. Ivanov etc. Moscow: Nauka, 1981. 373 p. (In Russian).
18. Pshenyanik G. A. Krakh plana «Edel'veis». Sovetskaya aviatsiya v bitve za Kavkaz. 1942–1943 (*Plan crash "Edelweiss". The Soviet aircraft in the battle of the Caucasus. 1942–1943*). Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 380 p. (In Russian).
19. Otvetnyi udar. Sbornik statei. (K 40-letiyu osvobodzheniya Stavropol'ya ot nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov) (*Retaliation. Collection of articles. (To the 40 anniversary of liberation of the Stavropol Territory from fascist aggressors)*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1983. 223 p. (In Russian).
20. Sovetskaya voennaya entsiklopediya (*Soviet military encyclopedia*). Vol. 2. Moscow: Voenizdat, 1978. 538 p. (In Russian).
21. Sovetskaya voennaya entsiklopediya (*Soviet military encyclopedia*). Vol. 6. Moscow: Voenizdat, 1978. 671 p. (In Russian).
22. «Sovershenno sekretno! Tol'ko dlya komandovaniya». Strategiya fashistskoi Germanii v voine protiv SSSR (*"Top secret! Only for command". The strategy of fascist Germany in the war against the USSR*). Dokumenty and materials / composed by V. I. Dashichev. Moscow: Nauka, 1967. 752 p. (In Russian).
23. Stalingradskaya epopeya: Vpervye publikovemye dokumenty, rassekrechennye FSB RF: Vospominaniya fel'dmarshala Paulyusa; Dnevnik i pis'ma soldat RKKA i vermakhta; Agenturnye doneseniya; Protokoly doprosov; Dokladnye zapiski osobykh otdelov frontov i armii (*Stalingrad epic: For the first time the published documents declassified by FSB of the Russian Federation: Memoirs of the field marshal Paulyus; Diaries and letters of soldiers of RKKA and Wehrmacht; Secret-service reports; Protocols of interrogations; Reports of special departments of fronts and armies*). Moscow: Zvonitsa-MG, 2000. 494 p. (In Russian).
24. Stalingrad 1942–1943 gg.: Stalingradskaya bitva v dokumentakh (*Stalingrad 1942–1943: The battle of Stalingrad in documents*) / A. A. Gurov etc. Moscow, Kalinigrad, 1995. 421 p. (In Russian).
25. Tike V. Marsh na Kavkaz. Bitva za nef't'. 1942–1943 (*Marsh to the Caucasus. Fight for oil. 1942–1943*). Moscow: Eksmo, 2005. 448 p. (In Russian).
26. Tyulenev I. V. Cherez tri voiny. Vospominaniya komanduyushchego Yuzhnyim i Zakavkazskim frontami. 1941–1945 gg. (*Through three wars. Memoirs of the commander of the South and the Transcaucasian fronts. 1941–1945*). Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 399 p. (In Russian).
27. Yanush S. V. Voiskovye operatsii Sovetskoi armii v bitve za Kavkaz (1942–1943 gg.) (*Army operations of the Soviet army in the battle of the Caucasus (1942–1943)*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 576 p. (In Russian).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 349.6

Д. А. Абезин, А. П. Анисимов

ТЕОРИЯ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОТХОДАХ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Существующая сегодня в России и большинстве других стран мира концепция экологической политики в целом, и обращения с отходами производства и потребления, в частности, ощутимо зашла в тупик. Одним из возможных выходов из этой ситуации является концепция циркулярной экономики.

В статье рассматриваются ее основные положения, и отмечается, что она может быть реализована только в контексте политических, образовательных, юридических и иных преобразований. Поэтому авторы уделяют основное внимание анализу правового механизма достижения целей и задач в области сокращения объемов производимых в стране отходов, создания условий для развития технологий их переработки и вторичного использования. Для этого потребуются формирование новой правовой категории «экологическое предпринимательство», с закреплением в правовых актах системы стимулов, дозволений, ограничений и запретов, направленных на коренное изменение существующей модели обращения с

отходами. Развитие данного правового института повлечет корректировку ряда гражданских договоров, в том числе дальнейшее развитие договоров экологического страхования и экологического аудита.

Отдельное внимание авторы обращают на тот факт, что сторонники концепции циркулярной экономики обычно пишут о ней как об идеале, ее параметрах и основных элементах, экономическом эффекте, борьбе с безработицей и т.д., однако мало кто обращает внимание на выделение этапов «восхождения к идеалу» – некоторого количества шагов, последовательное прохождение которых позволило бы конкретной стране мира (включая Россию) полноценно перейти на стандарты циркулярной экономики. Весьма мало в современных научных трудах по теории циркулярной экономики обращается внимание и на роль права в этом процессе, что и пытается восполнить настоящая статья.

Key word: «циркулярная экономика», отходы, экология, ресурсы, устойчивое развитие.

D. A. Abezin, A. P. Anisimov

THE THEORY OF CIRCULAR ECONOMY AND PROSPECTS OF ITS INFLUENCE ON PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE LEGISLATION

The current situation in Russia and the majority of other countries of the world regarding environmental policy in general, and the management of production and consumption waste in particular, has reached a significant impasse. One possible way out of this situation is the concept of circular economy.

The article discusses its main provisions and notes that it can be implemented only in the context of political, educational, legal and other reforms. Therefore, the authors focus on the analysis of the legal mechanism to achieve the goals and objectives in the field of reducing the volume of waste produced in the country, creating conditions for the development

of technologies for its processing and recycling. This will require the establishment of a new legal category “environmental entrepreneurship”, with the enforcement of a system of incentives, permits, restrictions and prohibitions in legal acts aimed at a fundamental change in the existing model of waste management. The development of this legal institution will entail the adjustment of a number of civil contracts, including the further development of environmental insurance contracts and ecological audit.

The authors pay special attention to the fact that the supporters of the concept of circular economy usually write about it as an ideal, its parameters and

the main elements, economic effect, the fight against unemployment, etc., however, few people pay attention to the selection of stages of “reaching the ideal” – a number of steps, consistent passage of which would allow a particular country in the world (including Russia) to fully switch to the standards of circular

Существующая сегодня в России и большинстве других стран мира концепция экологической политики в целом, и обращения с отходами производства и потребления, в частности, ощутимо зашла в тупик. На поверхности Земли к настоящему моменту сконцентрировано такое количество вредных и опасных для окружающей среды и здоровья граждан отходов, что переход количественных изменений в качественные – вопрос времени, и последствия этого будут катастрофичны. Такая ситуация обуславливает необходимость принятия ряда неотложных мер на международном и национальном уровнях.

По имеющимся официальным данным, общая величина накопленных и учтенных в России отходов производства и потребления в целом по стране составляла на конец 2015 г. примерно 31,5 млрд т, а на конец 2016 г. – порядка 40,7 млрд т. Если говорить только об одной разновидности отходов – твердых коммунальных отходах (ТКО), то в 2015 г. на мусороперерабатывающие заводы было направлено 20,8 млн м³ (7,8 % от общего объема вывоза), на мусоросжигательные предприятия – 6,9 млн м³ (2,6 %), а на полигоны и свалки – 238,9 млн м³ ТКО (89,6 %). И если в 2000 г. на свалки и полигоны было направлено около 144 млн м³ отходов, то в 2016 г. уже 238,7 млн м³, т.е. за 16 лет вывоз ТКО на свалки в целом по стране вырос вдвое [3, с. 291–292]. Данная статистика говорит о том, что Россия сейчас живет в рамках так называемого линейного типа экономики, предполагающего производство, потребление и массовое размещение отходов. Другие страны также широко используют невозобновляемые природные ресурсы, разрушая природные обменные процессы, происходящие в естественных экологических системах, что не может продолжаться вечно.

Это обстоятельство обусловило появление концепции «циркулярной экономики» (circular economy), который также можно перевести как «экономика замкнутого цикла» или «циклическая экономика», введенной в научный оборот в 2010 г. и представленной несколькими научными школами [13, с. 311], предполагающей, что различные промышленные продукты и

economy. In modern scientific works on the theory of circular economy very little attention is paid to the role of law in this process. The article attempts to bridge the gap.

Key words: circular economy; waste; ecology; resources; sustainable development.

материалы могут путем ремонта и восстановления использоваться повторно, снижая количество отходов. Так будут достигнуты цели экономического роста с одновременным сохранением качества окружающей среды. Внедрение концепции циркулярной экономики окажет воздействие не только на экологическое и налоговое, но и гражданское право, поскольку повлечет дальнейшее развитие арендных договоров (прокат, лизинг), а также договоров возмездного оказания услуг.

Представляется, что концепция циркулярной экономики не может быть рассмотрена вне контекста других современных учений о взаимодействии экологических, экономических и социальных интересов, что означает неизбежную модернизацию существующей Концепции устойчивого развития. В рамках такой новой Концепции устойчивого развития 2.0, государство, общество, бизнес и граждане должны будут осознать неотвратимость перехода на новые стандарты устойчивого развития в сфере обращения с отходами, причем задача органов власти – создать правовые рамки, в которых бизнесу будет выгодно не платить штрафы, а заниматься переработкой отходов. Общие контуры такой Концепции 2.0. уже ясны на примере некоторых развитых стран мира, например, Дании, где сейчас реализуется первая фаза перехода к циркулярной экономике. Проведенные исследования показывают, что к 2035 году можно ожидать увеличение ВВП Дании на 0,8–1,4 %, создание дополнительных 7000–13000 эквивалентов рабочих мест, снижение углеродного следа на 3–7 %, снижение потребления первичных ресурсов для отдельных материалов на 5–50 % и увеличение чистого экспорта на 3–6 %. Эти положительные эффекты для датской экономики основаны на пяти отдельных секторах, охватывающих 25 % экономики [11, с. 14].

Основная суть концепции «циркулярной экономики» состоит в управлении материалами биологического происхождения, которые могут вернуться в биосферу в качестве сырья (так называемые биологические питательные вещества, например, лесная продукция) а также техническими продуктами, которые не раз-

лагаются и поступают в биосферу (так называемые технологические питательные вещества, например, пластмассы). И те, и другие должны быть повторно использованы в дальнейшем в производственных циклах. В результате произойдет сбережение невозобновляемых природных ресурсов, которые не будут добыты и переработаны ввиду увеличения срока службы произведенных товаров и получения новых продуктов из остатков старых. Переход от сегодняшней (линейной) к циркулярной экономике держится на трех китах: появление экологических преимуществ, особенно с точки зрения снижения негативного воздействия на природу и потребления ресурсов; экономия от сокращения природных ресурсов; создание новых рынков, предоставление дополнительных экономических преимуществ от реализации концепции циркулярной экономики, например, в плане создания рабочих мест или новых материальных благ [12, с. 2–5]. Одним из факторов, который будет способствовать переходу к циркулярной экономике, является развитие возобновляемых источников энергии, а также энергоэффективности, поскольку приведет к сокращению потребления ископаемых видов топлива и сокращению выбросов парниковых газов.

При этом заметим, что сама возможность реализации концепции циркулярной экономики появилась благодаря революции в области технологий и материалов, которая открыла нам совершенно новые перспективы, невозможные еще 10–15 лет назад. Сторонники концепции циркулярной экономики уделяют много внимания рассмотрению взаимосвязи человеческого, социального, естественного и экономического капитала. Исследуя недостатки современной экономической модели, они проводят параллели с жизнью леса, где наблюдается эффективное взаимодействие воды, энергии, растений, животных, бактерий и грибов. Отходы одного биологического вида становятся пищей другого, а отходы другого – пищей для третьего, и потому лесная экосистема не просто выживает, но и процветает. Поэтому у линейной экономики нет будущего. Оно есть у циклической экономики, основанной на другой системе ценностей [14, с. 542].

Реализация концепции циркулярной экономики возможна только комплексно. Она затронет муниципальное, налоговое, земельное, экологическое, гражданское, административное и иное российское законодательство, а также повлечет серьезные изменения в социальной, экономической, культурной, образовательной и иной политике, на чем следует остановиться подробнее.

1) Переход на стандарты циркулярной экономики в целях снижения количества отходов – это такой же вызов времени, как и преодоление последствий глобального изменения климата, борьба с экологическим терроризмом, преодоление негативных экологических последствий нанотехнологий и биотехнологий (ГМО) и т.д. Перед государством и обществом остро стоит вопрос о создании эффективной системы противодействия этим угрозам – в противном случае со временем цена этих последствий будет слишком высока. Однако сами по себе идеи сторонников циркулярной экономики не могут определять повседневную жизнь государства и общества – для этого они должны принять правовую форму, превратиться в правовые нормы, обладающие общеобязательной силой и гарантированные мерами государственного принуждения. В этой ситуации на научное юридическое сообщество возлагается задача по разработке таких правовых форм и доведение их до сведения органов представительной власти.

2) Изучение ряда научных работ сторонников концепции циркулярной экономики показывает, что они не предполагают поэтапного перехода к данной модели, и не исследуют национальную специфику отдельных стран мира, которая может, как способствовать, так и препятствовать ее реализации. Мы полагаем, что применительно к России переход к новой модели обращения с отходами целесообразно разбить на три этапа. На первом этапе будет происходить подготовительная работа; на втором в России должен быть произведен переход на технологии раздельного сбора отходов, как это уже сделано в странах ЕС; на третьем этапе будет реализована стратегия циркулярной экономики.

3) Если говорить не о стратегических, а о тактических задачах, то необходима реализация давно разрабатываемой в правовой науке и частично востребованной в законодательстве правовой концепции экологического предпринимательства [4]. В настоящий момент статья 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г., содержащая термины и определения, не упоминает такого понятия. В ст.3 указанного закона, посвященной принципам экологического законодательства, не указано соответствующего принципа, который мог бы стать ядром правового института, регулирующего деятельность в сфере осуществления экологического предпринимательства.

Как отмечал А. Я. Рыженков, экологическое предпринимательство – это деятельность граждан-предпринимателей и юридических

лиц, направленная на производство товаров, выполнение работ и оказание услуг, позволяющих осуществить предупреждение, ограничение или устранение негативного воздействия на окружающую среду. Для успешного осуществления данной деятельности необходимо надлежащее правовое регулирование отношений в данной сфере отношений, а также создание экономической заинтересованности предпринимателей в осуществлении данного вида деятельности [8, с. 66–70].

В настоящий момент ст. 17 Федерального закона «Об охране окружающей среды» предусматривает ряд мер государственной поддержки хозяйственной и иной деятельности, которая осуществляется в целях охраны окружающей среды, в т.ч. льготы по налогам и природоохранным платежам, а также выделение средств государственным бюджету. Между тем, механизм реализации данных мер слабо прописан в налоговом законодательстве, поэтому стимулы для экологических предпринимателей, решивших внести свой вклад в переход страны к циркулярной экономике, сегодня в России практически отсутствуют.

4) среди экологических услуг, которые могут быть оказаны в сфере обращения с отходами при реализации концепции циркулярной экономики, следует выделить экологическое страхование [1] и экологический аудит [5, 6]. Оба эти гражданско-правовых договора с экологической спецификой заключаются сегодня только в добровольном порядке, в то время как переход к циркулярной экономике может требовать и установления обязательных случаев.

5) для перехода к циркулярной экономике, в том числе новой модели обращения с отходами, необходима разработка правительством рамочного программного документа, как это сделано по другим важным сферам общественных отношений [7]. В рамках такого документа необходимо четко сформулировать планы правительства по созданию стимулов и ограничений, дозволений и запретов, способствующих решению поставленной задачи по переходу на стандарты циркулярной экономики, которые должны быть четко сформулированы, равно как и алгоритм их постепенного осуществления.

6) наряду с рамочной концепцией (программой), содержащей перечень правовых мер, направленных на содействие переходу России к стандартам циркулярной экономики, следует разработать пакет более локальных мер, например, в части обращения пластиковых бутылок или упаковочных материалов, а также по развитию альтернативной энергетики.

В любом случае, и рамочная концепция, и принимаемые на ее основе более локальные документы, должны быть согласованы с другими стратегическими планами, например, в области энергетики или социально-экономического развития, Концепцией развития гражданского законодательства (2009), а также Концепцией развития экологического законодательства, которую еще предстоит подготовить.

7) уже на втором этапе перехода России к циркулярной экономике необходимо экономическое обоснование и внедрение системы экологической маркировки. Существуют десятки ЭКО-этикеток в Европе и других странах мира. Этикетки с символом зеленой точки – это самые известные этикетки, финансируемые промышленностью, для обозначения перерабатываемости упаковочных отходов. Кроме того, инициативы в области циркулярной маркировки должны выходить за рамки рециркуляции упаковки; повторное использование, технологичность и возможность вторичной переработки продуктов могут способствовать устойчивому производству и потреблению [12, с. 14].

8) изменение концепции налоговой политики. Сегодня в России главный источник налогов – труд. Для перехода к циркулярной экономике должна быть принята противоположная стратегия – обложить большим налогом природные ресурсы, чтобы сохранить их. В то же время нужно уменьшить налог на труд, чтобы побороть безработицу, и перейти к массовому производству экологических товаров и оказанию экологических услуг [15, с. 9]. Для экологических предпринимателей должны быть установлены льготы по налогу на прибыль, земельному налогу, изменена тарифная политика в сфере перевозок и т.д. По сути, произойдет сдвиг от использования природного капитала к использованию человеческого капитала, что ускорит переход к циркулярной экономике, являющейся низкоуглеродной и ресурсоэффективной по своему характеру.

9) в отличие от плановой экономики, в условиях рыночной экономики государство не может финансировать весь сектор отходов из бюджета – это должны делать бизнес и граждане. Чтобы дать хозяйствующим субъектам дополнительный стимул для вовлечения отходов в хозяйственный оборот, нужно создать условия для развития государственно-частного партнерства, более эффективного использования существующих природоохранных механизмов и инструментов государственного управления – разрешительной системы размещения отходов, природоохранных платежей,

механизма правовой ответственности за нарушение экологического законодательства и т.д.

10) для стимулирования спроса на продукцию, изготовленную с применением «нерентабельных» отходов, следует интенсивней использовать механизм государственного заказа, по аналогии с существующим в Японии законодательством, согласно которому государство оказывает содействие предприятиям, использующим ресурсосберегающие стандарты производственной политики и продвигающим на внутренний рынок экологически чистые товары [10, с. 58].

11) необходимо поэтапно охватить к 2025 году 100 % населения раздельным сбором твердых коммунальных отходов, а к 2022 г. системой сбора, использования и (или) обезвреживания от населения сложноразнообразной техники и иных товаров, утративших свои потребительские свойства, в том числе отходов, содержащих в своем составе опасные вещества. В настоящий момент в ст. 3 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» в качестве основных направлений государственной политики в области обращения с отходами указаны следующие: максимальное использование исходных сырья и материалов; предотвращение образования отходов; сокращение образования отходов и снижение класса опасности отходов в источниках их образования; обработка отходов; утилизация отходов; обезвреживание отходов. Как правильно отмечала Ю.В. Васильчук, «раздельный сбор отходов не предусмотрен в качестве приоритетных задач и, следовательно, не лежит в основе действующего законодательства об отходах производства и потребления» [2, с. 204].

Непосредственно по тексту Федерального закона «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ возможность раздельного сбора отходов все же упоминается, однако эти упоминания не носят императивного характера. Согласно п. 2 ст. 13.4 Закона, накопление отходов может осуществляться путем их раздельного складирования по видам и группам отходов. Для перехода на стандарты циклической экономики в законе должны быть сформулированы обязанности по такому переходу, с включением в него отдельных статей (глав), определяющих стратегию и тактику перехода к циклической экономике, в рамках которой объем отходов будет сокращен.

12) появление отходов означает плохое управление, которое недопустимо в мире с ограниченными ресурсами, ибо это угрожает будущему человеческой цивилизации. В связи

с этим, в масштабах всей страны необходимо создание специального координационного органа управления отходами федерального уровня, как это сделано в ряде стран, например, Германии [9].

13) в период с 1991–2001 г. в России существовала система экологических внебюджетных (а затем бюджетных) фондов, в которые аккумулировались экологические платежи, штрафы и т.д. Из средств этих фондов осуществлялось финансирование различных экологических мероприятий. Представляется необходимым вернуться к этой системе, поскольку нынешнее «растворение» экологических поступлений в бюджет среди других доходов, а также существующая в России система бюджетного финансирования расходов на экологию по «остаточному принципу» препятствует переходу на новые стандарты.

14) существует необходимость в сотрудничестве между различными органами публичной власти, представителями бизнеса, общественными экологическими объединениями и гражданами, что требует развития в России системы электронной демократии. Это сотрудничество может осуществляться в форме экологического информирования общественности, организации совместных патрулей для поиска несанкционированных свалок, а также посредством осуществления экспертно-аналитической работы. В рамках такого сотрудничества необходимо дальнейшее налаживание системы прозрачного предоставления грантов общественным экологическим объединениям и обществам защиты прав потребителей на правозащитную и просветительскую работу.

15) без реформы местного самоуправления, в том числе перераспределением доходов в пользу местных бюджетов, эффективное обращение с отходами и переход на стандарты циркулярной экономики невозможны.

16) переход на стандарты циркулярной экономики, равно как и решение остальных глобальных экологических проблем (климат, ГМО и т.д.) неизбежно повлечет увеличение числа споров, а также повысит уровень сложности рассматриваемых судами дел. Для этого в России необходима реализация давно обсуждаемой концепции экологического суда, который мог бы профессионально рассматривать эту сложную категорию экологических дел.

17) необходимое кадровое обеспечение перехода к циркулярной экономике потребует профессиональной подготовки (переподготовки) специалистов самых различных отраслей знаний, начиная с технических и биологических

специальностей, и заканчивая экономическими и юридическими. Решение этой проблемы невозможно без модернизации системы образования. Для этого потребуются пересмотр ряда существующих образовательных программ с внесением изменений в закон об образовании, разработка новых стандартов оценки качества знаний, развитие системы академической мобильности и т.д.

Таким образом, хотя переход к циркулярной экономике в настоящее время находится в центре политической повестки дня во многих странах мира, линейная модель экономики продолжает преобладать. Одной из причин этого является сложность концепции циркулярной экономики, которая в конечном итоге затрагивает не только все сектора экономики, но также имеет правовые, культурологические, политические и многие другие аспекты. Сторонники данной доктрины пишут о ней как об идеале, ее параметрах и основных элементах, экономическом эффекте, борьбе с безработицей и т.д., однако мало кто обращает внимание на выделение этапов «восхождения к идеалу» — некоторого количества шагов, последователь-

ное прохождение которых позволило бы отдельно взятой стране (например, России) полноценно перейти на стандарты циркулярной экономики. Весьма мало в современных научных трудах по теории циркулярной экономики обращается внимание и на роль права в этом процессе.

И хотя быстрый переход России к модели циркулярной экономике в ближайшее время маловероятен, однако уже сейчас пора обсуждать механизм реализации этой доктрины, чтобы не остаться за бортом передовых идей и технологий, разрабатываемых ведущими странами мира. Рассмотренные здесь амбициозные планы перехода России к циркулярной экономике потребуют комплекса экономических, правовых, политических, образовательных и иных реформ, из которых для нас представляет интерес реформа экологического законодательства. Это означает, что нужны изменения и дополнения ряда законов и подзаконных актов для создания в стране такой экономико-правовой модели, в рамках которой будет происходить ощутимое уменьшение объема отходов.

Литература

1. Бажайкин А. Л. Экологическое страхование: теория, практика правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2002. 24 с.
2. Васильчук Ю. В. К вопросу о реализации в Российской Федерации отдельных направлений государственной политики в области обращения с отходами производства и потребления // Вестник Тверского государственного университета. Серия Право. 2015. №2. С.194–207.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2017. 761 с.
4. Злобин С. В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: ВГУ, 2011. 199 с.
5. Иутин И. Г. Правовые основы экологического аудита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2008. 21 с.
6. Марьин Е. В. Организационно-правовой механизм экологического аудита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина, 2009. 26 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2011 № 730-р (ред. от 31.01.2017) «Об утверждении комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «Консультант плюс» (Дата обращения 08.06.2018).
8. Рыженков А. Я. Правовые проблемы развития экологического предпринимательства в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. №1. С. 66–70.
9. Стенограмма парламентских слушаний «Обращение с отходами: проблемы законодательного обеспечения и государственное регулирование» от 30.11.2006 URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-71229.html?page=2> (Дата обращения 06.06.2018).
10. Филимонов Я. И. Япония: опыт управления коммунальными отходами // Твердые бытовые отходы. 2011. №7. С. 54–60.
11. Potential for Denmark as a Circular Economy a Case Study from: Delivering the Circular Economy – a Toolkit for Policy Makers. Ellen MacArthur Foundation, 2015. 134 с.
12. Taranic I., Behrens A., Topi C. Understanding the Circular Economy in Europe, from Resource Efficiency to Sharing Platforms: The CEPS Framework // CEPS Special Report. 2016. No. 143 (July). P. 1–21.
13. Webster K. Missing the wood for the trees: systemic defects and the future of education for sustainable development // The Curriculum Journal. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 295–315.
14. Webster K. What might we say about a circular economy? Some temptations to avoid if possible // World Futures. 2013. Vol. 69. P. 542–554.
15. Wijkman A., Skånberg K. The Circular Economy and Benefits for Society. Jobs and Climate Clear Winners in an Economy Based on Renewable Energy and Resource Efficiency. A study pertaining to Finland, France, the Netherlands, Spain and Sweden. The Club of Rome, 2015. 59 p.

References

1. Bazaikin A. L. *Экологическое страхование теория практика правового регулирования (Environmental insurance: theory, practice of legal regulation: thesis abstract of the candidate of legal sciences)*. Moscow, 2002. 24 p. (In Russian).
2. Vasilchuk Yu. V. *K voprosu o realizacii v Rossiyskoy Federacii otdelnykh napravleniy gosudarstvennoy politiki v oblasti obrashcheniya s othodami proizvodstva i potrebleniya (On realization of certain directions of the state policy in the field of production and consumption waste in the Russian Federation) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya. Pravo*. 2015. No. 2. P. 194–207. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy doklad "O sostoyanii i ob ohrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federacii v 2016 godu" (State report "On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2016")*. Moscow: Ministry of natural resources of Russia; NIA-Nature, 2017. 761 p. (In Russian).
4. Zlobin S. V. *Pravovoe regulirovanie ehkologicheskogo predprinimatelstva v Rossiyskoy Federacii (Legal regulation of environmental entrepreneurship in the Russian Federation: thesis abstract of the candidate of legal sciences)*. Volgograd, 2011. 199 p. (In Russian).
5. Eutin I. G. *Pravovye osnovy ehkologicheskogo audita (The Legal framework of the environmental audit: thesis abstract of the candidate of legal sciences)*. Moscow, 2008. 21 p. (In Russian).
6. Marin E. V. *Organizacionno-pravovoy mekhanizm ehkologicheskogo audita (Organizational and legal mechanism of environmental audit: thesis abstract of candidate of legal sciences)*. Moscow, 2009. 26 p. (In Russian).
7. *Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 25.04.2011 № 730-r red ot 31.01.2017 Ob utverzhdenii kompleksnogo plana realizacii Klimaticheskoy doktriny Rossiyskoy Federacii na period do 2020 (The order of the Government of the Russian Federation of 25.04.2011 № 730-p (edited on 31.01.2017) "On approval of a comprehensive plan of the implementation of the Climate doctrine of the Russian Federation for the period till 2020") // ATP «Consultant plus» (Accessed: 08.06.2018)*. (In Russian).
8. Ryzhenkov A. J. *Pravovye problemy razvitiya ehkologicheskogo predprinimatelstva v Rossiyskoy Federacii (Legal problems of environmental entrepreneurship development in the Russian Federation) // Zakony Rossii opyt analiz praktika*. 2018. No. 1. P. 66–70. (In Russian).
9. *Tenogramma parlamentskih slushaniy Obrashchenie s othodami problemy zakonodatelnogo obespecheniya i gosudarstvennoe regulirovanie ot 30.11.2006 (Transcript of parliamentary hearings "Waste Management: problems of legislative support and state regulation" dated 30.11.2006)*. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-71229.html?page=2> (Accessed: 06.06.2018). (In Russian).
10. Filimonov Y. I. *Yaponiya opyt upravleniya kommunalnymi othodami (Japan: the experience of municipal waste management) // Tverdye bytovye othody*. 2011. No. 7. P. 54–60. (In Russian).
11. *Potential for Denmark as a Circular Economy a Case Study from: Delivering the Circular Economy – a Toolkit for Policy Makers*. Ellen MacArthur Foundation, 2015. 134 c.
12. Taranic I., Behrens A., Topi C. *Understanding the Circular Economy in Europe, from Resource Efficiency to Sharing Platforms: The CEPS Framework // CEPS Special Report*. 2016. No. 143 (July). P.1–21.
13. Webster K. *Missing the wood for the trees: systemic defects and the future of education for sustainable development // The Curriculum Journal*. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 295–315.
14. Webster K. *What might we say about a circular economy? Some temptations to avoid if possible // World Futures*. 2013. Vol. 69. P. 542–554.
15. Wijkman A., Skånberg K. *The Circular Economy and Benefits for Society. Jobs and Climate Clear Winners in an Economy Based on Renewable Energy and Resource Efficiency. A study pertaining to Finland, France, the Netherlands, Spain and Sweden*. The Club of Rome, 2015. 59 p.

УДК 349.222

Т. Ф. Вышеславова, С. А. Лукинова

ФОРМАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ИНСТИТУТЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Статья посвящена правовому анализу уровня формальной определенности норм института трудового договора в трудовом праве. В ней определены основные признаки оценочных понятий данного института, их роль в обеспечении полноты конкретизации трудовых правоотношений, подлежащих правовому регулированию. Рассматривается значение объективно-субъективного анализа применения оценочных понятий института трудового договора, через анализ конкретных обстоятельств исходя из специфики социально-трудовых правоотношений, частичной конкретизации норм института трудового договора в Трудовом кодексе РФ, локального регулирования трудовых отношений и судебной практики в унификации формальной определенности норм института трудового договора. Авторы приходят к выводу, что формальная определенность норм института трудового договора опосредуется субъективно-индивидуальным характером трудовых правоотношений. Отличительной чертой оценочных норм

исследуемого института является целенаправленная, запрограммированная необходимость в формальной определенности многообразных правовых явлений, подлежащих конкретному перечню в Трудовом кодексе РФ. Лаконичное изложение текста правовой нормы предполагает неизбежность присутствия отдельных оценочных положений в регулировании трудового договора. Правильное (то есть соответствующее идее законодателя) понимание оценочного понятия трудового права при его реализации в правоотношениях имеет огромное значение, так как только оно обеспечивает соответствие нормативного предписания целям, преследовавшимся законодателем при его принятии.

Ключевые слова: формальная определенность; оценочные нормы; институт трудового договора; законодательное регулирование; деловые качества; исключительные случаи; судебная практика.

T. F. Vysheslavova, S. A. Lukinova

FORMAL DEFINITION IN THE INSTITUTE OF LABOUR CONTRACT

The article is devoted to the legal analysis of formal certainty level of the norms of the labor contract institution in the labor law. It defines the main features of the evaluative concepts of this institution, their role in ensuring the completeness of the specification of labor relations that are subject to legal regulation. The importance of an objective-subjective analysis of the application of evaluative concepts of the labor contract institute is analyzed through the analysis of specific circumstances based on peculiarities of social and labor legal relationships, partial specification of the norms of the labor contract institution in the Labor Code of the Russian Federation, local regulation of labor relations and judicial practice in unifying the formal certainty of the norms of the labour contract institute. The authors come to the conclusion that the formal certainty of the norms of the labour contract institution is mediated by the subjective-individual

nature of the employment relationship. A distinctive feature of the evaluative standards of the institution under study is a purposeful, programmed need for formal certainty of diverse legal phenomena that are not included in a specific list in the Labor Code of the Russian Federation. A laconic statement of the text of the legal norm presupposes the inevitability of the presence of certain evaluative provisions in the regulation of the employment contract. The correct (that is, corresponding to the idea of the legislator) understanding of the evaluative concept of labor law when it is implemented in legal relationships is of great importance, since only it ensures compliance of the normative order with the goals pursued by the legislator in its adoption.

Key words: formal certainty; estimated norms; institute of labor contract; legislative regulation; business qualities; exceptional cases; arbitrage practice.

Никто не будет оспаривать положение о том, что формальная определенность явля-

ется важнейшим свойством трудового права, репрезентирующая систему социально-трудо-

вых норм как универсального регулятора общественных правоотношений в сфере наемного труда. Таким образом, многие институты трудового права характеризуются наличием оценочных норм, не исключением является и институт трудового договора. Данный институт развивался по пути закрепления системы понятий и категорий, межпредметных понятийных связей. Как отмечает К. С. Романкулов: «Как и любые научные понятия, понятия, используемые в трудовом праве, обозначаются терминами и составляют наиболее информативную, наиболее важную в функциональном отношении часть этой отрасли права» [11, с. 158].

В современных трудовых отношениях довольно сложно создать абсолютно-определенные нормы, которые бы описывали все возможные практические ситуации во всем многообразии правовых отношений, что и обуславливает наличие оценочных норм института трудового договора.

Оценочные нормы, определение которых формулировались учеными в различных отраслях права [4; 5; 6], сводятся к тому, что под ними необходимо понимать особый прием юридической техники, закрепляющий наиболее общие юридические признаки, свойства, явления, не конкретизируемые законодателем, имеющие только относительно-определенное содержание, что позволяет осуществлять разноразноуровневую, в пределах зафиксированной в ней общности, индивидуальную регламентацию общественных отношений, с соблюдением функционального предназначения нормативного предписания. Отсюда, данная конкретизация обязана обеспечить юридическую определенность, ясность, логичность, недвусмысленность правовой нормы, а также не нарушать баланса прав и интересов участников трудового правоотношения.

Однако трудовое право, опираясь на свою специфику, где договорный метод регулирования конкурирует с императивным методом, требует выведения отдельных аспектов трудового договора за рамки полного законодательного регулирования. Отдельные положения данного института трудового права только формируют общую правовую информацию для правоприменителя.

Оценочные нормы в институте трудового договора встречаются в ст. 58 – заключение срочного трудового договора при отсутствии достаточных к тому оснований; ст. 64 – необоснованный отказ в заключении трудового договора; ст. 67 – уполномоченный представитель; ст. 71 – предложенная работа не является под-

ходящей; ст. 80 – невозможность продолжения работы; ст. 81 п. 3 – недостаточная квалификация; ст. 81 п. 7.1 – утрата доверия к работнику; ст. 81 п. 8 – аморальный проступок; ст. 81 п. 9 – необоснованное решение; ст. 178 – исключительные случаи; ст. 180 – массовое увольнение и прочее.

Формальная определенность норм института трудового договора опосредуется объективно-субъективным анализом рассматриваемой конкретной ситуации исходя из специфики социально - трудовых правоотношений. Поэтому можно полагать, что использование оценочных понятий в сфере наемного труда неизбежно и даже в какой-то степени необходимо при более полном охвате отношений, подлежащих правовому регулированию при лаконичном изложении текста правовой нормы. Этот вывод работает и в других отраслях права, например в налоговом праве. Так, по мнению А. А. Пелипенко, «субъективная оценка должна отображать в налоговом праве явления морального, этического и нравственного характера, придавать системе налогообложения гибкость, обеспечивать полноту и динамичность налогового законодательства» [10, с. 24].

В вопросе определенности норм института трудового договора решающую роль играют указания Трудового кодекса РФ, на сколько законодатель разрешает свободу принятия решений правоприменителя в отдельных конкретных случаях. В большинстве случаев объем усмотрения правоприменителя ограничивается нормами, содержащимися в актах трудового законодательства и иных нормативно-правовых актах, содержащих нормы трудового права. Примером может служить ст. 56 ТК РФ, где перечисляются обязательные условия трудового договора, которые могут быть дополнены условиями, «в случаях, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права».

Особенностью оценочных понятий института трудового договора является возможность для работодателя злоупотребление своими полномочиями в трактовке и оценке отдельных норм в своих интересах. Он может отказать работнику в расторжении трудового договора по собственному желанию в срок, указанный в заявлении работника, на основании своего понимания невозможности продолжения работы (п. 3 ст. 80 ТК РФ).

В вопросе определенности норм института трудового договора обращает на себя внимание наличие в ТК РФ частичной конкретизации,

служащей ориентиром для правоприменителя. Так, ст. 56 ТК РФ при формулировании условия трудового договора о характере работы по трудовому договору в необходимых случаях, указывает на подвижной, разъездной, в пути и другие характеристики работы. Однако, такая конкретизация ведет на дополнительные выплаты работнику, которая не выгодна работодателю, отсюда конкретизация зачастую просто игнорируется работодателем.

Или работодатель сам принимает решение об уважительности отсутствия работника на рабочем месте и фиксации для него прогула. Критериев уважительности в данном случае нет при частичной конкретизации понятия «прогул». В данном случае необходима оценка всей совокупности обстоятельств и мотивов при принятии решения об уважительности отсутствия работника на рабочем месте в случаях указанных в законе.

Законодателем осуществляется формализация определенности института трудового договора и через применение синонимов юридической терминологии. Нормы расторжения трудового договора (ст. 77–84 ТК РФ) применяют несколько терминов обозначающих прекращение трудового правоотношения – увольнение, расторжение, прекращение трудового договора, однако создающие для работника в отдельных случаях различные правовые последствия. Так инициатором прекращения трудового договора может выступать и не участник трудового правоотношения, например МСЭК признающая работника инвалидом с невозможностью продолжения выполнения трудовой функции.

В конкретизации понятийного аппарата института трудового договора большое значение играет судебная практика. Так Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. №2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» наполнило содержанием понятие «деловые качества работника». А понятие «аморальный проступок» остается оценочным, несмотря на обращение Верховного Суда РФ к данной категории. Так Постановление №2 только устанавливает перечень лиц, занимающихся воспитательной деятельностью, а не дает самого понятия аморального проступка. Поэтому работодателю самому приходится решать входит ли проступок работника в квалификацию аморального. Такой проступок должен быть виновным и нарушать нормы морали и нравственности. «Аморальный» – понятие, которое изменяется во-времени. Его

современное содержание подвергается интерпретации согласно социально-экономическому развитию страны и других характеристик. Отсюда первостепенное значение приобретает комплексный подход к установлению моральных установок правомерного поведения участников трудового правоотношения. Но как различить аморальный проступок и неэтичный поступок работника. Конечно, невозможно перечислить в нормативном акте все проступки категории аморальных, они могут быть достаточно разнообразны. Отсюда правоприменитель как правосозидатель наполняет содержанием незавершенность конструкции правовой оценочной нормы. Таким образом, отдельные законодательные характеристики восполняются постановлениями Верховного Суда РФ в силу объективной необходимости и широко применяются правоприменителями.

Особую роль в сфере формальной определенности института трудового договора законодатель возлагает и на включение в него открытых перечней, расширяющих или дополняющих содержание сформулированной в Трудовом кодексе статьи на локальном уровне. Примерами могут служить ст. 73, где при отстранении работника от работы в связи с медицинским заключением, заработная плата может начисляться, если это будет предусмотрено коллективным договором или ст. 57 – при включении в трудовой договор дополнительных условий.

Формализация охватывает и такие случаи, когда законодателем предусмотрено логическое построение субъективно-индивидуальной интерпретации оценочной нормы. Так дополнительные условия трудового договора не должны ухудшать положения работника по сравнению со всей иерархией норм трудового права. Такое широкое понятие дополнительных условий охватывает все аспекты социально-трудовой деятельности в сфере наемного труда и отражает особую приспособляемость эффективной реализации трудового правоотношения.

Остановимся на отдельных оценочных нормах института трудового договора. При заключении трудового договора такое понятие как «незаконный отказ» относится к неурегулированной в праве дефиниции. Каждая сторона трудового отношения будет трактовать ее по-своему. В литературе дается лишь перечень обстоятельств, при которых отказ считается необоснованным.

Под необоснованным отказом надлежит понимать:

– отказ, противоречащий конституционной норме о дискриминации или императивным указаниям самого ТК РФ. Например, отказ в заключение трудового договора пенсионеру, инвалиду, имеющему индивидуальную программу реабилитации, беременной женщине или гражданину, не имеющему регистрации в данном населенном пункте;

– отказ, противоречащий существующим на самом деле обстоятельствам. Например, отказ из-за окончания не того вуза или сокрытия наличия вакансий. Неправомерным будет считаться и отказ в трудоустройстве без указания мотивов. Таким образом, необоснованный отказ в заключение трудового договора – это отказ, нарушающий нормы гарантий трудового законодательства о заключении трудового договора и не соответствующий фактическим обстоятельствам.

Деловые качества работника – оценочная категория. Дать исчерпывающее определение деловых качеств работника невозможно. Категория «деловые качества» трактуется по-разному, что иногда приводит к трудовым спорам, в связи с использованием произвольного толкования этого понятия.

Отказ в трудоустройстве часто вызван дискриминационными причинами. В трудовом праве нет точного и всеобщего понятия дискриминации, ее наличие необходимо определять в каждом конкретном случае. Дискриминационные основания предусмотрены в ст. 64 ТК РФ, и это лишь примерный перечень. В связи с этим, при возникновении вопроса о том, имела ли место дискриминация при отказе в заключение трудового договора, он решается судом при рассмотрении конкретного дела.

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 №2 указывается на необходимость обратить внимание судов на то, что отказ работодателя в заключение трудового договора с лицом, являющимся гражданином РФ, в случае отсутствия регистрации, противоречит конституционной норме о свободе передвижения и является незаконным. При этом в Постановлении №2 нерешенным остается вопрос – о возможности взыскания заработной платы за время вынужденного прогула в связи с необоснованным отказом в принятии на работу.

Практика в данном случае складывается по пути понуждения работодателя заключить с соответствующим лицом трудовой договор и взыскания заработной платы за время вынужденного прогула. Так, определением Верховного Суда РФ от 23.03.2012 №8-ВПР12-4 иск в

части требований о восстановлении на работе и взыскании компенсации морального вреда был удовлетворен, что в свою очередь означает понуждение работодателя заключить трудовой договор и взыскание заработной платы за время вынужденного прогула [7].

В трудовом праве не возникает какой-нибудь вид юридической ответственности при злоупотреблении работодателем своих прав. Сама формулировка такого правонарушения ни разу не встречается в ТК РФ. А это говорит о том, что такое злоупотребление не является причиной возникновения юридической ответственности и применения к нарушителю санкций трудового права [2].

Таким образом, судебная практика расширяет формальную определенность отдельных категорий института трудового договора, обеспечивая относительную ясность и конкретность правовой нормы. Однако в юридической литературе можно встретить мнение об отрицании «судебного права». Так И. А. Глотова рассматривает вопрос формализации определенности судебной практикой в таком ракурсе: «нам представляется, что у Верховного Суда РФ нет права принимать «оригинальные и не дублируемые законом положения», «восполнять имеющиеся в законе пробелы», «творить новые нормы «судебного» права». Это, на наш взгляд, противоречит ст. ст. 10, 11 Конституции РФ, устанавливающим систему разделения властей в Российской Федерации, и ст. 126 Конституции РФ, устанавливающей компетенцию Верховного Суда РФ» [1, с. 6].

По нашему мнению, факт «судебного права» уже широко применяется правоприменителем, и отрицать его эффективность в институте трудового договора было бы ошибочным.

Понятие «утрата доверия» включается в ст. 81 п. 7 и 7.1 ТК РФ распространяющееся на работников обслуживающих денежные и товарные ценности и лиц, относящихся к государственным служащим, обязанным представлять сведения об имущественном положении и пользовании иностранными финансовыми инструментами. Понятие является оценочным, не имеющим легального определения ни в ТК РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда № 14В-99пр-8, говорит о том, что такое основание как «утрата доверия» может быть применено самостоятельно, и наличия вступившего в силу приговора суда не требуется [9]. По мнению Е. Степановой «достаточно конкретного факта совершения лицом гражданского персо-

нала виновных действий, дающих основание для утраты к нему доверия со стороны командования воинской части» [12, с. 74].

Таким образом, основание «утрата доверия» при прекращении трудового договора будет применимо при отказе в определенных действиях, установленных ТК РФ, сомнениях работодателя в честности, добропорядочности, правдивости работников, а также в «искренности мотивов поступков, способности эффективно исполнять свои обязанности» [3, с. 80]. Все это дает большой простор усмотрению работодателя применения данного основания при расторжении трудового договора, тем более, что обширная судебная практика в трудовых отношениях по данной категории дел отсутствует.

Последствия применения основания «утрата доверия» для разных категорий работников различны. Так для работников, обслуживающих товарные и денежные ценности на основании трудового договора последствия не предусмотрены. Для государственных и муниципальных служащих установлены такие последствия ст. 64.1 ТК РФ. В данном случае в ТК РФ предпринята попытка соединения трудового и административного правоотношения в рамках единообразного регулирования.

Требуется внимания и такая оценочная категория как «в исключительных случаях», закрепленная ст. 178 при сохранении работнику среднего месячного заработка за третий месяц, если увольнение произведено по основанию сокращения или ликвидации организации. Судебная практика шла по пути автоматического присуждения выплаты выходного пособия при данном основании увольнения [9]. Однако данное положение в настоящее время меняется. Так обзоры судебной практики Верховного суда за 2017 год уже не говорят о безоговорочном праве работников на сохранение заработной платы на период трудоустройства за третий месяц даже при наличии регистрации в Государственной службе занятости в качестве безработных в течение установленного времени.

Оценочное понятие массового увольнения, закрепленного в ст. 180 ТК РФ, которое находит формализованное определение через нормы Положения об организации работы по содействию занятости в условиях массового высвобождения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 05.02.1993 г. №99. В данном документе определены критерии признания увольнения массовым. Юридически значимыми обстоятельствами для признания

высвобождения массовым являются: основания увольнения работников, а также численность работников, подлежащих увольнению.

Таким образом, оценочными понятиями в институте трудового договора можно считать закрепленные в ТК РФ понятия с открытой юридической структурой, предполагающей их конкретизацию участниками трудовых правоотношений или судебной практикой. Отличительной чертой оценочных норм исследуемого института является целенаправленная, запрограммированная необходимость в формальной определенности многообразных правовых явлений, неподлежащих конкретному перечню в Трудовом кодексе РФ. В трудовом праве особую роль играют правовые гарантии правильного применения оценочных понятий при реализации норм института трудового договора. Возрастает значение правосознания участников трудового правоотношения, применяющих данные понятия и формализующих на практике эффективность их действия. Оценочные нормы института трудового договора являются неотъемлемой частью правовой системы отрасли трудового права. Многие оценочные понятия института трудового договора могут применяться с учетом конкретной ситуации, согласуясь с принципами трудового права и уровнем правовой культуры правоприменителя.

Также в конкретизации формальной определенности правовых норм играет судебная практика, которая вырабатывает отдельные правовые положения, основанные на многократном применении. Практика не исключает возможных ошибок в толковании оценочных понятий работодателем в реализации норм института трудового договора. Даже суды принимают кардинально противоположные решения при рассмотрении схожих обстоятельств, особенно в части правомерности расторжения трудового договора. Отсюда, правоприменитель наполняет содержание оценочной нормы определенным смыслом в конкретной ситуации и обстоятельствах. Оценочные понятия института трудового договора находятся в рамках своего содержания в процессе правоприменения. Они не представляют собой неограниченное усмотрение работодателя, а значит, не являются полностью неопределенными, что на практике, с определенным уровнем, обеспечивают единообразный характер применения норм института трудового договора.

Формальная определенность института трудового договора выступает гарантом устойчивости реализации прав и законных интересов участников трудового правоотношения, обе-

спечивая унификацию и устойчивость правового порядка в трудовом праве. Формализация препятствует неограниченному усмотрению

работодателя в реализации работником своих трудовых прав.

Литература

1. Глотова И. А. Понятие и способы конкретизации норм в трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. №4. С. 6.
2. Киселев А. О некоторых проблемах мотивирования отказов в приеме на работу // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
3. Корякин В. М., Филиппова М. Ю. Утрата доверия как основание расторжения трудового договора: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2016. №6. С. 80.
4. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
5. Миронов А. В. Оценочные понятия в избирательном законодательстве Российской Федерации. Иркутск: Изд-во института законодательства и правовой политики, 2005. 224 с.
6. Смирнов Д. А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация / под ред. Н. И. Химичевой. М.: Юрлитинформ, 2011. 248 с.
7. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2012. № 8-ВПР12-4 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1999 г. (утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 1999 г.) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 27.03.2017 г. № 69-КГ 16-18 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
10. Пилюпенко А. А. Научный дискурс по вопросу применения оценочных понятий в налоговой сфере // Финансовое право. 2017. № 2. С.24.
11. Раманкулов К. С. Вопросы развития понятийного аппарата трудового права государств – членов ЕАЭС // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 158.
12. Степанова Е. Увольнение по причине утраты доверия: при каких обстоятельствах оно возможно? // Трудовое право. 2014. №9. С. 74.

References

1. Glotova I. A. Ponjatie i sposoby konkretizacii norm v trudovom prave (*The concept and the ways to specify the norms of labor rights*) // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2013. No. 4. P. 5–8. (In Russian).
2. Kiselev A. O nekotoryh problemah motivirovaniya otkazov v prieme na rabotu (*On some problems of motivation of employment refusals*) // Konsul'tant Pljus (In Russian).
3. Korjakin V. M., Filippova M. Ju. Utrata doverija kak osnovanie rastorzenija trudovogo dogovora: problemy pravovogo regulirovanija (*Loss of confidence as a ground of terminating the employment contract: legal issues*) // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2016. No. 6. P. 72–83. (In Russian).
4. Lukyanenko M. F. Ochenochnye ponjatija grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushhestvennost' (*Evaluation of the concept of civil law: reasonableness, good faith, materiality*). Moscow: Statut. 2010. 423 p. (In Russian).
5. Mironov A. V. Ochenochnye ponjatija v izbiratel'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii (*Evaluative concepts in the electoral legislation of the Russian Federation*). Irkutsk: Institut zakonodatel'stva i pravovoj politiki, 2005. 224 p. (In Russian).
6. Smirnov D. A. Principy rossijskogo nalogovogo prava: ponjatie, formirovanie, realizacija (*Principles of Russian tax law: concept, formation, implementation*) / ed. by N. I. Himichevoj. Moscow: Jurlitinform, 2011. 248 p. (In Russian).
7. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 23.03.2012. № 8-VPR12-4 (*The determination of the Supreme Court of 23.03.2012. № 8-VPR12-4*) // Konsul'tant-Pljus. (In Russian).
8. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii za pervyj kvartal 1999 g. (utverzhden Postanovleniem Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 ijunja 1999g) (*The overview of court practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 1999 (approved by the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 June 1999)*) // Konsul'tant-Pljus. (In Russian).
9. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 27.03.2017g. № 69-KG 16-18 (*The determination of the Supreme Court from 27.03.2017g. № 69-KG 16-18*) // Konsul'tant-Pljus. (In Russian).
10. Pilipenko A. A. Nauchnyj diskurs po voprosu primenenija ocenocnyh ponjatij v nalogovoj sfere (*Scientific discourse on the application of evaluation concepts in the tax area*) // Finansovoe pravo. 2017. No.2. P. 23–26. (In Russian).
11. Ramankulov K. S. Voprosy razvitiya ponjatijnogo apparata trudovogo prava gosudarstv – chlenov EAJeS (*The issues of developing a conceptual framework of labor law of EAEU member-states*) // Rossijskij juridicheskiy zhurnal. 2017. No. 3. P. 153–163. (In Russian).
12. Stepanova E. Uvol'nenie po prichine utraty doverija: pri kakih obstojatel'stvah ono vozmozhno? (*Dismissal on the ground of loss of trust: under what circumstances is it possible?*) // Trudovoe pravo. 2014. No.9. P. 71–78. (In Russian).

УДК 340.11

Р. К. Мелекаев

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья затрагивает спорные вопросы, касающиеся антикоррупционной экспертизы законодательства, проводимой ее субъектами. Предмет исследования – надзорная экспертиза, которую осуществляют органы прокуратуры в рамках противодействия коррупции. Автор делает акцент на особенностях таких экспертиз и их отличиях от аналогичной экспертизы, которая осуществляется иными субъектами.

Методологический базис исследования – диалектический материализм и общенаучные методы анализа, синтеза и другие. В качестве специальных использованы формально-юридический, сравнительно правовой и другие собственно юридические методы.

На основании полученных выводов автор делает заключение о том, что надзорная антикоррупционная экспертиза, осуществляемая органа-

ми прокуратуры, – один из самых результативных видов экспертизы, поскольку она основана на внушительном опыте, наработанном в этой области, и не зависит от органов-разработчиков законодательных актов и регулярности осуществления.

В завершение в статье обосновывается необходимость решения ряда проблем практики проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры РФ и независимыми экспертами. Решение этих проблем позволит значительно повысить качество законодательства, а вместе с тем уровень законности и правопорядка в современной России.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, законодательство, законность, коррупционные факторы, субъекты антикоррупционной экспертизы.

R. K. Melekayev

ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF THE LEGISLATION BY BODIES OF PROSECUTOR'S OFFICE AS A MEANS TO ENHANCE LEGALITY AND LAW ORDER IN MODERN RUSSIA

The article touches debatable questions of conducting anti-corruption examination of the legislation by subjects of anti-corruption examination. The supervising examination in the sphere of anti-corruption which is carried out by bodies of prosecutor's office serves the subject of the conducted research. The author pays special attention to features of the expertizes on propensity for corruption which are carried out by bodies of prosecutor's office and also the difference from the similar examination which is carried out by other subjects.

Methodological basis of the conducted research is the dialectic materialism and general scientific methods of knowledge based on it: analysis, synthesis and other. However, the preference is given to specifically legal methods: formal legal, comparative legal and other.

The author concludes that the supervising expertise which is carried out by bodies of prosecutor's office is one of the most productive types of examination due to independence of the bodies of regulations developers on the one hand, and the frequency of conducting anti-corruption examination, as well as the wide experience in this area.

The need for the solution of a number of problems related to the practice of anti-corruption examination by bodies of prosecutor's office of the Russian Federation and independent experts is proved in article. The solution of these problems will allow to considerably increase the quality of the legislation, as well as the level of legality and law order in modern Russia.

Key words: anti-corruption examination, legislation, legality, factors of propensity for corruption, subjects of anti-corruption examination.

Отечественное правоведение до недавнего времени не уделяло особого внимания исследова-

нию законодательных актов на предмет коррупционности, а проработка механизмов

предупреждения возникновения данной проблемы является относительно новой потребностью, продиктованной реалиями современного правотворчества и правоприменения. Тем не менее, российские ученые в последнее десятилетие стали все больше акцентировать свои научные изыскания на этом вопросе.

Исходя из существующих научных концепций отечественной и зарубежной науки, коррупциогенность законодательства – это дефект одного или целой системы нормативно-правовых актов, допускающий и потенциально порождающий преступления коррупционной направленности [13, р. 1734]. В свою очередь, деятельность экспертов по выявлению, изучению и устранению коррупциогенных факторов, наличествующих в законодательных документах, следует считать деятельностью по предупреждению коррупциогенности законодательства [7, с. 35].

Предупреждение коррупциогенности правовых и законодательных актов – сложный процесс, подразумевающий целостное и системное сочетание многих аспектов, единый в своих различных проявлениях и направлениях и требующий комплексного подхода к рассмотрению и реализации. В связи с этим чрезвычайно важны детальное изучение, классификация и интегративная оценка элементов, его составляющих, основанные на методах системного анализа. Так, например, по основанию целеполагания выделяют общесоциальный (общий) и специальный уровни предупреждения коррупциогенности [8, с. 340]. Сфера общесоциального уровня – государственная и общественная деятельность, а также деятельность государственных и общественных институтов, цель которой – разрешение экономических, социальных, духовно-нравственных и иных противоречий, неизменно возникающих в процессе жизни и деятельности государства и его граждан. Позитивный профилактический эффект наступает в результате проведения грамотной социальной и экономической политики [9, с. 278].

На специальном уровне происходит целенаправленное воздействие на коррупциогенные факторы отдельных коррупциогенных законодательных видов и групп. В целом специальный уровень можно представить в виде системы: объекты и субъекты воздействия, а также его приемы и методы.

Необходимо отметить, что эффективность профилактики коррупциогенности законодательства напрямую зависит от верного выбора уровня ее осуществления – соответственно, общесоциального или собственно-юридиче-

ского. Собственно-юридический уровень предотвращения коррупциогенности также может быть представлен как система объектов предотвращения, субъектов, осуществляющих антикоррупционную деятельность, и приемов и методов предупредительного воздействия.

Субъекты предупреждения коррупциогенности российского законодательства условно можно поделить на субъекты общесоциальной профилактики и субъекты специально-юридической профилактики.

Субъекты общесоциальной профилактики – это органы власти федерального (Президент, Федеральное Собрание РФ, Правительство и др.) и регионального уровней и другие субъекты, не наделенные компетенцией на непосредственное осуществление функций правоохранения [16, с. 105].

Субъекты специально-юридической профилактики – это обширный круг субъектов, осуществляющих антикоррупционную экспертизу законодательных и нормативно-правовых актов. Данный вид экспертизы служит правореализационным механизмом, направленным на недопущение наличия в них коррупциогенных факторов, порождающих различные коррупционные правонарушения [17].

Выделяют внутреннюю, внешнюю и независимую антикоррупционную экспертизу. Внутренняя экспертиза законодательных актов проводится органами и должностными лицами, в компетенции которых принятие или издание этих актов. Проведение внешней антикоррупционной экспертизы находится в ведении правоохранительных органов – прокуратуры и юстиции. Суть независимой экспертизы в целом совпадает с сутью экспертизы внешней, но поскольку независимая экспертиза проводится негосударственными гражданскими объединениями или отдельными гражданами, целесообразно будет назвать ее общественной экспертизой [14, р. 8].

Исходя из части 1 статьи 3 ФЗ № 172 от 17.07.2009 (ред. от 21.10.2013), известно, что антикоррупционная экспертиза законодательных актов и их проектов осуществляется следующими субъектами: органами прокуратуры Российской Федерации; Министерством юстиции РФ; органами, организациями и должностными лицами, издающими и принимающими нормативно-правовые акты и их проекты, на стадии проведения правовой экспертизы законопроектов и мониторинга их применения и действия [1]. Если в нормативно-правовых актах и их проектах обнаруживаются факторы коррупциогенности, и их устранение требует

принятия мер, которые не входят в компетенцию означенного круга субъектов, то об этом информируются органы прокуратуры.

Деятельность органов Минюста РФ по предупреждению коррупционности законодательства регламентируется следующими документами федерального значения: Федеральным законом № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года; Федеральным законом № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 года; постановлением Правительства РФ № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26 февраля 2010 года; приказом Минюста РФ № 77 (ред. от 30.09.2015) «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований» от 01 апреля 2010 года и другими законодательными актами.

Превентивная антикоррупционная деятельность органов госвласти, самоуправления и прокуратуры Российской Федерации регламентируется рядом законодательных документов, таких, как Федеральный закон № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», принятый 17 июля 2009 года, приказов Генерального прокурора Российской Федерации года № 400 (ред. от 13.03.2018) «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 28 декабря 2009 и № 209 (ред. от 09.02.2012) «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации Национальной стратегии противодействия коррупции», датированным 15 мая 2010 года.

В статье 9.1 ФЗ № 2202-1 (ред. 18.04.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года сказано, прокурор проводит антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов органов исполнительной власти федерального и регионального уровня, органов местного самоуправления в соответствии со своими полномочиями и порядком, установленным Генеральной прокуратурой, и методикой, определенной и утвержденной Правительством РФ [2]. При обнаружении факторов коррупционности в исследуемых нормативно-правовых актах прокурор направляет субъектам, эти акты издавшие, требование об изменении документа, содержащее указание

потенциального способа устранения выявленных коррупционных факторов. Имеется также и радикальный путь решения проблемы посредством обращения в суд в предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации порядке. Необходимо отметить, что до рассмотрения требования соответствующим органом, организацией или лицом прокурор полномочен отозвать его.

На сегодняшний день проведение антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры осложняется рядом практических проблем, заметно снижающих ее эффективность.

Во-первых, механизм применения прокурорского требования об устранении коррупционных факторов в законодательно-правовом акте, закрепленный в статье 9.1 Закона о прокуратуре, дублирует изложенное в статье 23 данного закона предписание о порядке прокурорского опротестования незаконного правового акта. При этом Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» однозначно не определяет, является ли антикоррупционная экспертиза законодательных актов частью надзорной функции прокуратуры [12, с. 87]. В связи с этим необходимо четко определить характер нового направления прокурорской деятельности в плане причисления его к разновидностям реализации надзорной функции органов прокуратуры, и, как следствие, исключить положения частей 2 и 3 статьи 9.1 данного закона, перенеся их к главе 1 в виде отдельной, дополнительной статьи 23.1 «Требование прокурора» [4, с. 256].

Во-вторых, на данный период времени острые дискуссии вызывает критерий обязательности исполнения требования прокурора об устранении факторов коррупционности нормативно-правового акта

Некоторые исследователи, такие, как, например, Е. Р. Ергашев, отмечают, что статус прокурорских требований таков: они обязательны для рассмотрения, но необязательны для исполнения [5, с. 40]. В связи с этим прокурору обязательно в семидневный срок отправляется лишь отчет о рассмотрении вышеозначенного требования, а не отчет о его исполнении. Данному утверждению противоречит положение, зафиксированное в п. 1 ст. 6 Закона о прокуратуре, из которого следует, что в соответствии с полномочиями прокурора, определенными статьями 9.1, 22, 27, 30 и 33 этого закона, прокурорские требования должны быть исполнены обязательно и в строго установленный срок. Предсказуемые последствия подобного толкования нормы закона –

его неисполнение и снижение авторитета прокуратуры.

В-третьих, необходимо дополнить Закон о прокуратуре положениями о судебной ответственности за неисполнение прокурорского протеста или требования [10, с. 25].

В-четвертых, требования об устранении коррупциогенных факторов нормативно-правовых актов, обнаруженных прокурором в ходе проведения антикоррупционной экспертизы, направленные в законодательный орган, эти нормативно-правовые акты издавший или применивший, в соответствии с ч. 3 ст. 9.1 и ч. 2 ст. 23 Закона о прокуратуре подлежат обязательному рассмотрению на ближайшем заседании этого органа. На деле же эти заседания зачастую намеренно откладываются на длительный или неопределенный срок, в течение которого нормативно-правовой акт, в котором были обнаружены коррупциогенные факторы, является действующим и провоцирует коррупционные проявления со стороны должностных лиц. Для того чтобы исключить подобную возможность, предлагается предоставить прокурору право на внеочередной созыв заседания законодательного органа для рассмотрения прокурорского требования и недопущения действия коррупциогенного нормативно-правового акта [3, с. 19].

В-пятых, своим участием в рассмотрении требования прокурор разъясняет возможные негативные правовые последствия, которые возникают в случае применения коррупциогенного закона или нормативно-правового акта, чем обосновывает позицию соответствующего органа надзора. При этом законы «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и «О прокуратуре» не предписывают обязательного участия представителя прокуратуры непосредственно в самом процессе рассмотрения требования. Тем не менее, п. 1.6 Генерального прокурора РФ № 400 требует от руководителей органов прокуратуры обеспечить участие их представителей в рассмотрении требований, направленных в органы госвласти и самоуправления. Исключение составляют только представительные органы власти.

Вышеупомянутый приказ содержит утвержденную форму требования прокурора об устранении из законодательного акта (или его проекта) факторов, порождающих коррупцию: эта форма включает в себя положения, обосновывающие необходимость, сроки, порядок рассмотрения требования, а также предписывающие заблаговременно информировать представи-

теля органов прокуратуры о месте и времени проведения рассмотрения. Однако отсутствие предусмотренной законом ответственности за невыполнение этих предписаний приводит к тому, что в случае, если представитель прокуратуры не ставится в известность о времени и месте рассмотрения, никакие меры взыскания ни к кому не применяются, что в корне неверно и не противоречит концепции правового государства. В связи с этим требуется внести в Закон об антикоррупционной экспертизе дополнение, обязывающее законодательные органы в течение строго регламентированного срока направлять принятые нормативно-правовые акты и их проекты в прокуратуру [11, с. 87].

Деятельность независимых экспертов регулируется ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 года. Исходя из нее, граждане и гражданские общественные институты могут за свой счет проводить независимую экспертизу нормативно-правовых актов и их проектов на предмет наличия коррупциогенных факторов и выносить по результатам экспертизы заключение, в котором должны быть указаны эти факторы и предложены способы их устранения. Данное заключение носит рекомендательный характер, но при этом оно в тридцатидневный срок с момента получения обязательно должно быть рассмотрено адресатом, и если независимый эксперт не внес никаких предложений по устранению выявленных факторов коррупционности, ему отправляется развернутый ответ, содержащий все необходимые мотивировки и обоснования.

В п. 4 Правил проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» сказано, что проводить независимую антикоррупционную экспертизу имеют право физические и юридические лица, аккредитованные Министерством юстиции Российской Федерации как независимые эксперты.

Деятельность эксперта осложняют следующие проблемы:

- понятия «независимая экспертиза» и «независимый эксперт» законодательно не определены;

- действующая методика лишь перечисляет коррупциогенные факторы, но не регламентирует механизм и порядок проведения антикоррупционной экспертизы;

– большое количество ведомственных нормативных правовых актов повторяют уже имеющийся и установленный Правительством Российской Федерации порядок проведения экспертизы правовых актов на предмет коррупциогенности;

– нет строго закрепленных сроков, отведенных на проведение экспертизы;

– механизм отбора законодательных актов для экспертизы не закреплен законом;

– статус независимых экспертов не определен на правовом уровне, как не определены статус и роль их заключений в дальнейшей судьбе проверяемых нормативно-правовых актов;

– отсутствуют оценочные критерии результатов независимой экспертизы, не описан порядок действий при определении преимущества одного вида экспертизы перед другим, либо интеграции результатов этих экспертиз (обязательной и независимой);

– должностные лица не несут никакой ответственности за невыполнение предписаний, вынесенных по результатам проведения независимой экспертизы [6].

Решение вышеуказанных проблем существенно повысит эффективность противодействия коррупции и выявления потенциальной коррупциогенности нормативно-правового акта не только на стадии его действия, но даже на стадии разработки. Кроме того, это значительно ускорит принятие мер в случае, если акт уже применяется, и имеют место случаи коррупции в результате его действия.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, предупреждение и предотвращение коррупциогенности правовых и законодательных актов – сложный процесс, подразумевающий целостное и системное сочетание многих аспектов, единый в своих различных проявлениях и направлениях и требующий комплексного подхода к рассмотрению и реализации.

Во-вторых, предотвращение и предупреждение коррупциогенности нормативных и правовых актов осуществляется путем уровневого подхода, и то, насколько эффективными будут принятые антикоррупционные меры, зависит от правильности выбранного уровня воздействия. Так, на общесоциальном уровне профилактика коррупциогенности проводится по целому ряду направлений, таких, как организационно-правовое, общекультурное, политическое, экономическое и другие. На собственно-юридическом уровне антикоррупциогенная деятельность осуществляется системно и включает в себя приемы, методы, объекты и субъекты профилактики и воздействия.

В-третьих, в настоящей статье рассмотрен ряд проблем практики проведения органами прокуратуры РФ и независимыми экспертами антикоррупционной экспертизы. Решение этих проблем позволит значительно повысить уровень законодательства, а вместе с тем законность и правопорядок в современной России.

Литература

1. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (Дата обращения: 15.05.2018).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 18.04.2018) «О прокуратуре Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Дата обращения: 15.05.2018).
3. Бадмацыренова Ю. С. Проблемы реализации полномочий органов прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы // Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения: сб. статей. М.: [б.и.], 2010. С. 19.
4. Винокуров А. Ю. Требование в системе правовых средств прокурорского надзора // Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения. М.: [б.и.], 2010. С. 256.
5. Ергашев Е. Р. Принципы института надзора за исполнением законов // Исполнительное право. 2006. №3. С. 40–46.
6. Каменская Е. В., Рождествина А. А. Независимая антикоррупционная экспертиза: научно-практическое пособие URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kamenskaia_ev_rozhdestvina_aa_nezavisimaja_antikorruptcionnaja_ekspertiza/ (Дата обращения: 29.05.2018).
7. Клюковская И. Н. Правовая природа и принципы криминологической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Общество и право. 2011. №5. С. 35–36.
8. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М.: Юрист, 1999. 512 с.
9. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2001. 784 с.
10. Кудашкин А. В. Проблемы организации и проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. 2011. №2. С. 25.
11. Кудашкин А. В., Дмитриев Д. А. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы в целях повышения ее эффективности // Административное и муниципальное право. 2011. №4. С. 87.

12. Кудашкин А. В., Дмитриев Д. А. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы в целях повышения ее эффективности // Административное и муниципальное право. 2011. №4. С. 95.

13. Klyukovskaya I. N., Galstyan I. S., Lauta O. N., Mayboroda E. T., Cherkashin E. Y. International organizations on fighting against corruption: legal means and methods of their implementation in national legal systems // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol. 7. №7. С. 1734.

14. Navasardova E. S., Klyukovskaya I. N., Galstyan I. S., Kolesnikova K. V., Nutrikhin R. V. Some of the corruptogenic factors of environmental legislation in the Russian Federation // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. T. 5. №3. P. 8–14.

15. Родионова О. Н. Антикоррупционная экспертиза // Российский юридический журнал. 2010. №1. С. 158.

16. Тамозник Е. Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 296 с.

17. Чаплыгина А. Ю. Правовые основы проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. №1. URL: <http://отрасли-права.рф/article/4863> (Дата обращения: 29.05.2018).

References

1. Federal'nyj zakon ot 17.07.2009 № 172-FZ (red. ot 21.10.2013) «Ob antikorrupcionnoj ehkspertize normativnyh pravovyh aktov i proektov normativnyh pravovyh aktov» (*"On anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts"*). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (Accessed: 15.05.2018). (In Russian).

2. Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 18.04.2018) «O prokurature Rossijskoj Federacii» (*"On Prosecutor's office of the Russian Federation"*). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Accessed: 15.05.2018). (In Russian).

3. Badmacyrenova Yu. S. Problemy realizacii polnomochij organov prokuratury pri provedenii antikorrupcionnoj ehkspertizy (*Problems of implementing the powers of bodies of Prosecutor's office at carrying out anti-corruption examination*) // EHkspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov na predmet korrupciogenosti: sodержanie, znachenie, metodika provedeniya: sb. statej. Moscow, 2010. P. 19. (In Russian).

4. Vinokurov A. Yu. Trebovanie v sisteme pravovyh sredstv prokurorskogo nadzora (*Requirement in the system of legal means of prosecutorial supervision*) // EHkspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov na predmet korrupciogenosti: sodержanie, znachenie, metodika provedeniya. Moscow, 2010. P. 256. (In Russian).

5. Ergashev E. R. Principy instituta nadzora za ispolneniem zakonov (*Principles of the Institute of supervision of law enforcement*) // Ispolnitel'noe pravo. 2006. No.3. P. 40–46. (In Russian).

6. Kamenskaya E. V., Rozhdestvina A. A. Nezavisimaya antikorrupcionnaya ehkspertiza: nauchno-prakticheskoe posobie (*Independent anti-corruption expertise: a scientific and practical guide*) URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kamenskaia_ev_rozhdestvina_aa_nezavisimaja_antikorrupcionnaja_ekspertiza/ (Accessed: 29.05.2018). (In Russian).

7. Klyukovskaya I. N. Pravovaya priroda i principy kriminologicheskoy antikorrupcionnoj ehkspertizy normativnyh pravovyh aktov (*Legal nature and principles of criminological anti-corruption expertise of normative legal acts*) // Obshchestvo i pravo. 2011. No. 5. P. 35–36. (In Russian).

8. Kriminologiya (*Criminology*) / ed. by V. N. Kudryavcev and V. E. EHminov. Moscow, 1999. 512 p. (In Russian).

9. Kriminologiya (*Criminology*): uchebnik dlya vuzov / ed by A. I. Dolgova. Moscow: NORMA (Izdatel'skaya gruppa NORMA–INFRA-M), 2001. 784 p. (In Russian).

10. Kudashkin A. V. Problemy organizacii i provedeniya organami prokuratury antikorrupcionnoj ehkspertizy (*Problems of organization and carrying out of anti-corruption examination by bodies of Prosecutor's office*) // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. No.2. P. 25. (In Russian).

11. Kudashkin A. V., Dmitriev D. A. K voprosu o neobhodimosti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya provedeniya organami prokuratury antikorrupcionnoj ehkspertizy v celyah povysheniya ee ehffektivnosti (*On the need to improve the legal regulation of the Prosecutor's office of anti-corruption expertise in order to improve its efficiency*) // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2011. No. 4. P. 87. (In Russian).

12. Kudashkin A. V., Dmitriev D. A. K voprosu o neobhodimosti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya provedeniya organami prokuratury antikorrupcionnoj ehkspertizy v celyah povysheniya ee ehffektivnosti (*On the need to improve the legal regulation of the Prosecutor's office of anti-corruption expertise in order to improve its efficiency*) // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2011. No. 4. P. 95. (In Russian).

13. Klyukovskaya I. N., Galstyan I. S., Lauta O. N., Mayboroda E. T., Cherkashin E. Y. International organizations on fighting against corruption: legal means and methods of their implementation in national legal systems // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol. 7. No. 7. P. 1734. (In Russian).

14. Navasardova E. S., Klyukovskaya I. N., Galstyan I. S., Kolesnikova K. V., Nutrikhin R. V. Some of the corruptogenic factors of environmental legislation in the Russian Federation // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5. No. 3. P. 8–14. (In Russian).

15. Rodionova O. N. Antikorrupcionnaya ehkspertiza (*Anticorruption examination*) // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2010. No. 1. P. 158. (In Russian).

16. Tamozhnik E. L. Prestupleniya protiv zakonnoj deyatel'nosti predstavitelej vlasti: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty (*Crimes against the legal activities of the authorities: criminal law and criminological aspects*). Tambov, 2006. 296 p. (In Russian).

17. Chaplygina A. Yu. Pravovye osnovy provedeniya antikorrupcionnoj ehkspertizy organami prokuratury (*Legal basis of anti-corruption expertise by the Prosecutor's office*) // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. No.1. URL: <http://otrasli-prava.rf/article/4863> (Accessed: 29.05.2018). (In Russian).

УДК 349.4

Э. С. Навасардова, Р. В. Нутрихин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУОРТОХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹

В статье рассматриваются некоторые тенденции развития законопроектной работы на пути совершенствования российского законодательства о курортах. За основу взят проект №555658-6 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который рассматривается на сегодняшний день в Государственной Думе. Анализ этого законопроекта показал, что в последнее время разработчики изменений в российское законодательство о курортах стремятся к его «деэкологизации», то есть к смягчению нормативных запретов, установленных с целью сохранения и рационального использования природных лечебных ресурсов. В законопроекте выявлены некоторые «болевы́е точки», связанные с пред-

полагаемой отменой существующей классификации российских курортов, с изменением порядка управления ими и правового режима их отдельных зон с особыми условиями использования, с грядущей «амнистией» незаконных строений на курортах. Сделан вывод о том, что такие нововведения скажутся самым негативным образом на состоянии курортов. Выявлены «лоббистские тенденции» в процессе изменения курортного законодательства с целью беспрепятственной реализации некоторых бизнес-интересов в строительной и иных сферах. Обусловливается нормативная модель оптимального соотношения таких интересов с сохранением курортов как одного из важнейших общественных благ на современном этапе.

Ключевые слова: курорты, законодательство, лоббизм, законопроект.

E. S. Navasardova, R. V. Nutrikhin

SOME ASPECTS OF IMPROVEMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON RESORTS AT THE PRESENT STAGE

The article studies some tendencies of development of lawmaking work on the way of improvement of the Russian legislation on resorts. The draft No. 555658-6 of the Federal law "On Modification of the Land Code of the Russian Federation, the Town-planning Code of the Russian Federation and Separate Acts of the Russian Federation" which is considered in the State Duma today is taken as the basis. The analysis of this bill showed that nowadays the developers of changes in the Russian legislation on resorts tend to its "deecologization", that is to mitigation of the standard bans established for the purpose of preservation and rational use of medical natural resources. The bill reveals some "painful points"

connected with alleged cancellation of the existing classification of the Russian resorts, change of management order and a legal regime of their separate zones with special conditions of use, future "amnesty" of illegal structures in resorts. The conclusion is drawn that such innovations will affect the quality negatively. "Lobbist tendencies" in the course of change of the resort legislation for the purpose of free realization of some business interests in construction and other spheres are revealed. The legal model of an optimum ratio of such interests with preservation of resorts as one of the major public benefits at the present stage is stated.

Key words: resorts, legislation, lobbyism, bill.

В последние годы в России ведется большая законопроектная и законотворческая работа,

направленная на совершенствование правового режима отечественных курортов [1, с. 66].

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного контракта от 31 мая 2018 г. № 108/ОК на оказание услуг по проведению экспертно-аналитических исследований по теме: «Подходы к совершенствованию правового регулирования охраны и использования лечебно-оздоровительных местностей и курортов», заключенного между Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

Иными словами, идет напряженный поиск наиболее оптимальных юридических средств и нормативных алгоритмов, которые способствовали бы сохранению природоресурсного потенциала российских курортов, помогли бы преодолеть их начавшуюся стагнацию и задать вектор их дальнейшего развития. Наряду с неизбежными трудностями теоретико-правового и юрико-технического характера разработка нового законодательства в данной сфере наталкивается на серьезные лоббистские преграды. Вопрос о правовом режиме курортов оказывается в фокусе самых разных, прежде всего, экономических интересов. Поскольку лейтмотивом правовых норм, направленных на охрану курортов и рациональное использование их ресурсов, являются всевозможные запреты и ограничения, то на их содержание пытаются влиять представители строительного и иного бизнеса, муниципальные власти и другие субъекты, заинтересованные в беспрепятственном осуществлении хозяйственной деятельности на территории курортов, в предоставлении там земельных участков и прочих очевидных выгодах, которые соответствующее законодательство как раз призвано ограничивать с целью сохранения курортов для настоящего и будущих поколений [3, с. 109]. Борьба различных лоббистских влияний в законопроектной деятельности по столь важному вопросу представляет собой весьма интересный социальный феномен, изучение которого может способствовать глубокому пониманию социальных процессов, происходящих в данной сфере, и как результат – более эффективному совершенствованию законодательства о курортах.

Наиболее крупным и универсальным документом в этой связи является проект №555658-6 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект), внесенный в Государственную Думу Правительством РФ в середине 2014 года и рассмотренный на настоящий момент только в первом чтении. Важность данного проекта очевидна, поскольку в нем предпринята попытка восполнить пробелы и разрешить противоречия, возникшие за последние годы в законодательстве о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. Однако актуальная на сегодняшний день редакция документа содержит ряд положений, которые могут привести не к улучшению, а к ухудшению ситуации в этой области общественных отношений.

Наиболее «революционным» нововведением законопроекта является отмена подразделения всех курортов страны на курорты федерального, регионального и местного значения. Между тем, эта ключевая классификация, присутствующая в ныне действующей редакции Федерального закона от 23.02.1995 г. №26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», составляет основу его понятийного базиса. Данная классификация формирует всю систему российских курортов и во многом предопределяет особенности правового режима каждого из них. Предлагаемая законопроектом фактическая нивелировка различных по своему значению курортов, которые в случае его принятия будут различаться между собой только по способу их создания и особенностям реализации в отношении них некоторых публичных полномочий, никоим образом не упорядочит сферу санаторно-курортного лечения в России, а лишь создаст весьма нежелательную неопределенность.

Опасность такого нововведения очевидна хотя бы потому, что существующий на сегодняшний день на федеральном уровне весь массив соответствующих подзаконных актов принят в отношении курортов именно федерального значения (например, Постановление Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425 «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения» и т.д.). Если «курорты федерального значения» перестанут существовать как правовое понятие, то и вся указанная база подзаконных актов утратит в отношении них свою юридическую силу. То есть перестанут действовать установленные данными актами ограничения хозяйственной деятельности на важнейших по значению курортах, а также иные особенности их функционирования, что едва ли приведет к достижению каких-либо позитивных результатов. Когда еще будет разработан новый пакет соответствующих подзаконных актов – большой вопрос. А до этого времени правовой режим бывших «курортов федерального значения», по сути, лишится обширного, наработанного годами детального подзаконного регулирования, чего, на наш взгляд, допускать нельзя. Важно сохранить ныне существующее подразделение российских курортов на курорты федерального, регионального и местного значения в целях недопущения столь нежелательной неразберихи и дополнительной неопределенности.

Кроме того, понятие «курорты федерального значения» предполагает наличие соответствующих расходных обязательств в федеральном бюджете на содержание и развитие наиболее значимых отечественных курортов. Некоторые представители экспертного сообщества видят в тенденции к отказу от выделения данной категории стремление сократить бюджетные расходы Российской Федерации в курортной сфере и переложить их на плечи ее субъектов. Такая экономия бюджетных средств не может положительно сказаться на состоянии курортов, а точнее – только ускорит их деградацию.

Вызывает тревогу у экспертов и попытка исключить из Федерального закона от 23.02.1995 г. №26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» целые правовые институты. Такие, например, как государственная поддержка развития курортов в Российской Федерации (ст. 13 в действующей редакции). Сейчас в п. 1 ст. 13 установлено, что поддержка развития курортов федерального значения является расходным обязательством Российской Федерации. Однако рассматриваемый законопроект эту норму предлагает исключить. Конечно, существующая в стране система финансирования курортного дела еще очень далека от совершенства [4, с. 168]. Однако полное упразднение в федеральном законодательстве института государственной поддержки развития курортов едва ли будет способствовать упорядочению соответствующих отношений и достижению социально-значимых целей их правового регулирования.

В законопроекте наблюдается очевидная тенденция к изменению существующего порядка управления курортами в сторону передачи некоторых важных полномочий на более низкий уровень. В частности, установление и изменение границ округа горно-санитарной охраны курортов федерального значения в настоящее время осуществляется Правительством РФ (п. 2 ст. 16 ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»). Разработчики законопроекта предлагают наделить полномочиями по принятию соответствующих решений федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на это Правительством. Из ст. 96 Земельного кодекса РФ законопроектом изымается положение о том, что границы и режим округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов, имеющих федеральное значение, устанавливаются Правительством РФ. В этом усматривается стремление упростить суще-

ствующий порядок установления и изменения указанных границ в интересах хозяйствующих субъектов и застройщиков, но никак не в целях охраны природно-лечебных ресурсов, на страже которых должно стоять государство в лице своего высшего органа исполнительной власти – Правительства РФ. По нашему мнению, в федеральном законодательстве должны быть сохранены нормы о том, что границы округов санитарной (горно-санитарной) охраны для лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения утверждаются Правительством. Только так может быть обеспечено принятие соответствующих решений на достаточно высоком государственном уровне. С этой точки зрения передача указанных полномочий от Правительства РФ одному из федеральных министерств представляется крайне нежелательной.

Значительным недостатком законопроекта является установление разного порядка для признания просто курортов, расположенных в границах двух и более субъектов Российской Федерации, и так называемых «курортных регионов». В первом случае предполагается, что вполне достаточно решения Правительства РФ, тогда как во втором случае будет необходимо принятие специального федерального закона. Однако из текста законопроекта не ясна разница между понятиями «курортный регион» и «курорт, расположенный в границах двух и более субъектов РФ». Из предлагаемой редакции абз. 8 ст. 1 ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» следует, что это вроде бы одно и то же. Однако законопроект предлагает установить для них совершенно разный порядок признания – принятием специального федерального закона для курортных регионов и просто решением Правительства РФ для курортов, охватывающих территорию более одного субъекта Федерации. Не вполне очевидна и никак не обоснована необходимость принятия отдельного федерального закона для каждого могущего возникнуть в России курортного региона. В этой части законопроекта необходимо достижение большей последовательности, а также терминологической ясности и определенности.

Довольно тревожным нововведением, присутствующим в интересующем нас законопроекте, является допущение возможности: 1) признания природных лечебных ресурсов курортов истощенными и утратившими лечебные свойства; 2) прекращения существования на курортах округов горно-санитарной охраны;

3) признания территории утратившей статус лечебно-оздоровительной местности или курорта (см. предлагаемую редакцию абз. 4-6, 8 ст. 4; п. 4 ст. 152; п. 2-3 ст. 16; п. 11 ст. 161 ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» и др.). Насколько нам известно, ни один из курортов, признанных в таковом качестве как в Российской империи, так и в СССР, а также установленные в их пределах округа горно-санитарной охраны до сего дня не упразднились [2, с. 48], и каких-либо объективных предпосылок для столь нежелательного развития событий в будущем тоже не предвидится.

Федеральное законодательство должно быть нацелено на сохранение курортов и их природных ресурсов, а также на поддержание установленных для этой цели округов горно-санитарной охраны, а никак не на прекращение их существования. Само упоминание о такой вероятности представляется крайне нежелательным, не говоря уже об открывающихся в связи с этим возможностях для самых чудовищных злоупотреблений. Ранее наше законодательство не допускало ликвидации целых курортов и установленных на них округов санитарной (горно-санитарной) охраны, и хочется надеяться, что этого не будет допущено и впредь.

Имеется немало вопросов к прописанному в законопроекте новому правовому режиму трех зон округа горно-санитарной охраны на курортах. В настоящее время осуществление хозяйственной деятельности в данных зонах регламентируется ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» и принятым в соответствии с ним «Положением об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения», которое было утверждено Постановлением Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425.

Думается, что в процессе совершенствования данного правового института определяемый им режим хозяйственной деятельности в трех зонах округа горно-санитарной охраны должен быть по своим стандартам не ниже существующего. Точечное или повсеместное смягчение этого режима может привести к самым нежелательным последствиям, однако именно это и предлагается рассматриваемым законопроектом.

Сегодня в первой зоне на курортах федерального значения запрещается: проживание и все виды хозяйственной деятельности, за исключением работ, связанных с исследова-

ниями и использованием природных лечебных ресурсов в лечебных и оздоровительных целях при условии применения экологически чистых и рациональных технологий. Однако законопроект допускает, например, размещение в первой зоне средств связи. Понятно, что такая деятельность не имеет никакого отношения к исключительно лечебно-оздоровительным целям создания этой зоны. Предлагаемая норма выглядит как средство устранения «экологических барьеров» на пути реализации интересов мобильных операторов и иных субъектов сферы услуг связи – явно не в целях сохранения курортов [5, с. 55].

На территории второй зоны округа горно-санитарной охраны курортов федерального значения в настоящий момент запрещается: размещение объектов и сооружений, не связанных непосредственно с созданием и развитием сферы курортного лечения и отдыха, а также проведение работ, загрязняющих окружающую среду, природные лечебные ресурсы и приводящих к их истощению. В рассматриваемом законопроекте столь категоричный запрет отсутствует. Там не допускается лишь строительство и размещение объектов, оказывающих особо негативное воздействие на окружающую среду. Такое смягчение режима второй зоны также представляется недопустимым. Законопроект не исключает строительства во второй зоне многоэтажных жилых домов, торговых центров и других зданий, не имеющих никакого отношения к санаторно-курортному лечению и рекреации, тогда как их возведение во второй зоне должно быть в обязательном порядке ограничено по вполне понятным причинам, как это и определено в действующем законодательстве. Если мы хотим сохранить курорты, то смягчать эту норму тоже нельзя.

Сейчас для третьей зоны на всех курортах федерального значения законодательством установлены ограничения на размещение промышленных и сельскохозяйственных организаций и сооружений, действует запрет на осуществление хозяйственной деятельности, сопровождающейся загрязнением окружающей среды, природных лечебных ресурсов и их истощением. Рассматриваемый законопроект никаких конкретных ограничений такого рода не предусматривает. В границах третьей зоны округа горно-санитарной охраны он допускает осуществление любой деятельности при соблюдении общих нормативов охраны окружающей среды. То есть никаких специальных запретов для третьей зоны в законопроекте нет. И совершенно уже неясно, в чем состоит

особый режим этой зоны? Для чего она вообще создается? К чему сводится смысл ее существования?

Можно сделать вывод, что исследуемый законопроект допускает необоснованную либерализацию существующего правового режима трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов. Это может быть выгодно, прежде всего, застройщикам, но никак не отвечает интересам общества по сохранению природных лечебных ресурсов и охране окружающей среды на курортах. Понятно, что при существующем порядке возникает немало проблем, связанных с дисбалансом довольно строго режима трех зон и необходимостью развития урбанистской инфраструктуры. Однако решать эти проблемы нужно не всеохватным ослаблением действующих запретов, введенных с благой целью сохранения природо-ресурсного курортного потенциала, а путем разработки более сложных инструментов дифференцированного правового регулирования.

Нельзя не отметить, что авторы законопроекта предприняли попытку «амнистировать» все нелегальные строения, возведенные в границах округов санитарной (горно-санитарной) охраны российских курортов вплоть до даты придания указанному проекту силы закона. Такая повальная «амнистия» построек, созданных на курортах с грубым нарушением действующего законодательства, едва ли чем-то оправдана. К этому вопросу необходимо подходить куда более взвешенно, как и к освобождению уже утвержденных проектов капитальных зданий от прохождения государственной экологической экспертизы, что также предлагается законопроектом.

Явные недостатки законопроектной работы в сфере совершенствования правового режима отечественных курортов накладываются на уже существующие пробелы в законодательстве. Так, например, в законопроекте предлагается норма, согласно которой границы лечебно-оздоровительных местностей и курортов должны описываться в системе координат, используемой при ведении Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН). Статья 10 Федерального закона от 13.07.2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» действительно регулирует ведение в рамках ЕГРН реестра границ, куда вносятся сведения о границах различных территорий с особыми условиями использования. Однако ни границы курортов, ни границы зон их округов санитарной (горно-санитарной) о-

раны там даже не упоминаются. Для надежной фиксации названных границ рассматриваемым законопроектом стоило бы внести изменения в ст. 10 и другие нормы ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», предусмотрев обязательную регистрацию границ лечебно-оздоровительных местностей и курортов, а также границ зон округов их санитарной (горно-санитарной) охраны в реестре границ ЕГРН.

Не относил к зоне округа санитарной (горно-санитарной) охраны к категории зоны с особыми условиями использования и Градостроительный кодекс РФ. Только в 2018 году внесены изменения в законодательство и, в частности, Земельный кодекс РФ в новой XIX главе к зонам с особыми условиями использования территорий допускает отнесение округа санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей, курортов и природных лечебных ресурсов. Подчеркнем, что норма ст. 105 диспозитивная. Хотя уже в 106 статье, где говорится о том, что Правительство РФ утверждает положение в отношении каждого вида зон с особыми условиями использования территорий, делается исключение для зон с особыми условиями использования территорий, которые возникают в силу федерального закона, Округа санитарной (горно-санитарной) охраны не упоминаются, несмотря на то, что действующий ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» создание таких зон предусматривает.

Это, конечно, далеко не все недостатки актуальных законопроектных инициатив, направленных на совершенствование правового режима курортов в России. Но уже и эти выявленные проблемы позволяют говорить об обозначившейся тенденции к «деэкологизации» курортного законодательства. Существующие в нем ограничения и запреты, очевидно, рассматриваются теперь как нежелательные «преграды» и «препоны» на пути осуществления хозяйственной деятельности и реализации всевозможных бизнес-интересов. При этом как-то забывается о том, что упраздняемые запреты и ограничения устанавливались вовсе не против бизнеса как такового, а в целях сохранения курортов как бесценного природо-ресурсного достояния, как неотъемлемого компонента национальной системы здравоохранения. Ведь даже при самом прагматичном подходе к регулированию данных отношений все же следует признать, что без сбережения здоровья всякий рост благосостояния общества лишается какого-либо рационального смысла.

Литература

1. Бабич М. Е. Кавказские Минеральные Воды: на пути к новому регулированию // Экологический вестник России. 2018. №6. С. 66–69.
2. Белозерова Е. В. История формирования законодательства о курорте Кавказские Минеральные Воды // Общество и право. 2010. №1. С. 46–49.
3. Навасардова Э. С. К вопросу об управлении курортом «Кавказские Минеральные Воды» // Общество и право. 2012. №4. С. 107–111.
4. Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В., Колесникова К. В. Состояние и тенденции развития эколого-курортного законодательства в Российской Федерации // Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права. Материалы Республиканского круглого стола, приуроченного к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Т. И. Макаровой. Минск: Издательский центр БГУ, 2017. С. 168–171.
5. Нутрихин Р. В. Правовой режим ставропольских курортов федерального значения в свете проекта закона о Кавказских Минеральных Водах // НаукаПарк. 2017. №4. С. 54–56.

References

1. Babich M. E. Kavkazskie Mineral'nye Vody: na puti k novomu regulirovaniyu (*Caucasus Mineralnye Vody region: on the way to new regulation*) // *Ehkologicheskij vestnik Rossii*. 2018. No.6. P. 66–69. (In Russian).
2. Belozerova E. V. Istoriya formirovaniya zakonodatel'stva o kurorte Kavkazskie Mineral'nye Vody (*History of formation of the legislation on the resort Caucasus Mineralnye Vody region*) // *Obshchestvo i pravo*. 2010. No.1. P. 46–49. (In Russian).
3. Navasardova E. S. K voprosu ob upravlenii kurortom «Kavkazskie Mineral'nye Vody» (*On management of the resort Caucasus Mineralnye Vody region*) // *Obshchestvo i pravo*. 2012. No.4. P. 107–111. (In Russian).
4. Navasardova E. S., Nutrikhin R. V., Kolesnikova K. V. Sostoyanie i tendencii razvitiya ehkologo-kurortnogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii (*The state and tendencies of development of the ecology-resort legislation in the Russian Federation*) // *Prioritetnye napravleniya razvitiya ehkologicheskogo, zemel'nogo i agrarnogo prava. Materialy Respublikanskogo kruglogo stola, priurochennogo k yubileyu d-ra yurid. nauk, prof. T. I. Makarovej*. Minsk: Izdatel'skij centr BGU, 2017. P. 168–171. (In Russian).
5. Nutrikhin R. V. Pravovoj rezhim stavropol'skih kurortov federal'nogo znacheniya v svete proekta zakona o Kavkazskih Mineral'nyh Vodah (*A legal regime of the Stavropol resorts of federal importance in the light of the bill on Caucasus Mineralnye Vody region*) // *NaukaPark*. 2017. No.4. P. 54–56. (In Russian).

УДК 343.97

В. А. Суворов

ЦЕЛИ И МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ АКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В статье рассмотрены вопросы, связанные с пониманием целей и места совершения акта международного терроризма – нового преступления против мира и безопасности человечества, введенного в российское уголовное законодательство в 2016 г. Вопрос о криминализации актов международного терроризма являлся одним из самых обсуждаемых в доктрине национально-го и международного уголовного права в России и за рубежом. Однако появление в УК РФ нормы об акте международного терроризма вызвало у многих авторов споры относительно понимания признаков этого преступления, прежде всего – его целей и места совершения.

Автор формулирует оригинальное понимание таких целей акта международного терроризма как «нарушение мирного сосуществование государств и народов» и «причинение вреда интересам Российской Федерации». Так, под первой из названных целей предложено понимать стремление виновного лица, совершившего акт международного терроризма, к результату в виде любого ухудшения состояния международного мира вплоть до провоцирования войны между государствами либо немеждународного вооруженного конфликта между народами. Вторая альтернативная цель акта международного терроризма представляет собой стремление лица, совершившего данное преступление, нанести ущерб Рос-

сии как субъекту международного права, а также жизни, здоровью, свободе или неприкосновенности граждан Российской Федерации, представляющих ее как государство либо выполняющих официальные функции от лица Российской Федерации. Основными видами вреда, наносимыми России как государству и субъекту международного права, в результате совершения акта международного терроризма, являются экономический, военный, репутационный.

С учетом авторского определения целей акта международного терроризма, в статье определены возможные варианты законодательного определения места совершения этого преступления.

В результате автор приходит к выводу о том, что если акт международного терроризма совершается с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов, то место совершения этого преступления не имеет юридического значения. В случае, когда террористическая акция совершается с целью причинения вреда интересам России, она может расцениваться в качестве акта международного терроризма только в случае ее совершения вне пределов российской территории.

Ключевые слова: акт международного терроризма, преступления против мира и безопасности человечества, мотив преступления, место совершения преступления.

V. A. Suvorov

THE PURPOSES AND THE PLACE OF COMMITTING THE ACT OF INTERNATIONAL TERRORISM AS A CRIME AGAINST PEACE AND SECURITY OF MANKIND

The article deals with issues related to understanding the purposes and place of committing the act of international terrorism, a new crime against the peace and security of humankind introduced into Russian criminal legislation in 2016. The question of criminalization of act of international terrorism was one of the most discussed in the doctrine of national and international criminal law in Russia and abroad. However, the introduction of the norm of an act of international terrorism in the Russian Criminal Code prompted many authors to argue about the under-

standing of the signs of this crime, primarily its purposes and place of its committing.

The author formulates an original understanding of such purposes of the act of international terrorism as “violation of peaceful coexistence of states and peoples” and “harming the interests of the Russian Federation”. Thus, under the first of the above purposes, it is suggested to understand the aspiration of the guilty person who committed the act of international terrorism to the result in the form of any deterioration in the state of international peace, to the provocation

of war between states or non-international armed conflict between peoples. The second alternative purpose of the act of international terrorism is the aspiration of the person who committed this crime to damage Russia as a subject of international law, as well as life, health, freedom or inviolability of citizens of the Russian Federation, representing it as a state or performing official functions on behalf of the Russian Federation. The main types of harm inflicted on Russia as a state and a subject of international law in case of committing an act of international terrorism, are the economic, military, and reputational ones.

Taking into account the author's definition of the purposes of the act of international terrorism, the ar-

Вопрос о необходимости криминализации актов международного терроризма в качестве преступления против мира и безопасности человечества (человечности) является в последние десятилетия одним из самых обсуждаемых в отечественной [2, с. 3–6] и зарубежной [8, с. 157–160; 9, с. 589–627] доктрине уголовного права. Законодатели многих стран в той или иной мере отреагировали на все возрастающую опасность международного терроризма, признанного одной из самых опасных глобальных угроз XXI в.

Не осталась в стороне и Россия – 6 июля 2016 г. был принят Федеральный закон №375-ФЗ, главной новеллой которого стало введение в российское уголовное законодательство нормы о совершении акта международного терроризма. Согласно ч. 1 ст. 361 УК РФ, таковым признается «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий».

Практически сразу же после появления в уголовном законодательстве нормы об акте международного терроризма в доктрине началась дискуссия о недостатках и пробелах ст. 361 УК РФ [1, с. 75–90; 4, с. 37–42; 5, с. 53–59]. При этом наиболее острой критике подверглись законодательные определения мотивов и места совершения этого преступления, а также возможности применения ст. 361 УК РФ в случае совершения деяния, содержащего признаки состава акта международного терроризма, на территории России.

В основном составе акта международного терроризма имеется указание на альтернатив-

ную цель совершения акта международного терроризма – прежде всего, **цель нарушения мирного сосуществования государств и народов**.

Как ранее говорилось, наличие указанной цели само по себе свидетельствует о том, что в качестве основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 361 УК РФ, являются интересы международного мира, т.е. «интересы обеспечения мирного сосуществования государств и мирного разрешения межгосударственных споров». Состояние мирного сосуществования государств считается нарушенным при наличии военных действий (международного вооруженного конфликта) – при этом неважно, объявлены ли военные действия *de-jure* или проводятся *de-facto* (т.е. без официального объявления войны как таковой) [3, с. 20–25].

Key words: act of international terrorism, crimes against peace and security of humankind, purpose of crime, place of committing a crime.

Попытаемся ответить на вопрос, к какому «желаемому результату» в виде нарушения мирного сосуществования государств и народов стремится виновный, совершающий акт международного терроризма.

Мирное сосуществование государств (и народов) является одной из основополагающих идей современного международного права.

В доктрине существует довольно однообразное понимание идеи «мирного сосуществования государств». Обычно говорится о том, что неотъемлемой частью мирного сосуществования государств является отказ государств от военного разрешения любых споров, возникающих между ними как субъектами международного права [6, с. 834]. Понятно, что в содержание отказа от военного разрешения споров не включаются случаи вооруженного противостояния (индивидуального либо коллективного) актам агрессии, что следует из права государств на оборону, вытекающего из положений ст. 51 Устава ООН.

Уголовный закон, говоря о цели нарушения мирного сосуществования государств, делает важное и существенное дополнение – наряду с государствами (как признанными субъектами международного права) говорится о *мирном сосуществовании народов*.

Данное добавление сделано в силу сложившейся геополитической ситуации, когда далеко не каждый народ имеет государственное образование, признаваемое ООН либо другими государствами. Речь, прежде всего, должна идти о народах, имеющих государственные образования, непризнанные либо частично признанные со стороны других «полноправных» субъектов международного права (например, Абхазия, Косово, Южная Осетия, Турецкая Республика Северного Кипра).

В случае обострения отношений (в результате совершения акта терроризма) между «полноправным» государством и непризнанным/частично признанным государством не всегда корректно говорить о «нарушении мирного сосуществования государств» как таковых. По этой причине упоминание в ч. 1 ст. 361 УК РФ термина «народы» вполне оправданно, ведь ни для кого не является секретом, что народы таких непризнанных/частично признанных государств часто находятся в состоянии затяжного конфликта со своими соседями. Любая «искра» (особенно в виде террористического акта) может привести к пожару вооруженного столкновения.

Что образует *содержание* мирного сосуществования государств и народов?

Прежде всего, исходя из действующих документов международного права, надо говорить об отсутствии юридического и/или фактического вооруженного конфликта между государствами и народами. По справедливым словам Б. В. Сидорова, целеполагание лиц, совершающих акты международного терроризма, сводится, в первую очередь, к стремлению «дестабилизировать международную обстановку, подтолкнуть их к развязыванию и ведению “холодной”, “гибридной” или “горячей” войны, к принятию других решений и совершению действий либо к отказу от принятия решений или от совершения действий в интересах террористов» [7, с. 118].

Однако только состоянием мира *de-jure* и/или *de-facto* мирное сосуществование государств (и народов) далеко не исчерпывается. Его содержание подразумевает взаимное уважение государств и народов, невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимное доверие и т.п. Следовательно, цель нарушения

мирного сосуществования государств (и народов) при совершении акта международного терроризма означает стремление нарушить естественное состояние взаимоуважения и взаимодействия между ними, основанное на соблюдении международного мира.

Безусловно, наиболее *опасной формой* реализации рассматриваемой цели является провоцирование войны (вооруженного конфликта) между государствами и народами. Война («самое страшное из зол», как сказано в Приговоре Нюрнбергского трибунала) сводит на нет естественное взаимодействие государств и народов, сама по себе является тягчайшим бедствием, потенциально затрагивающим каждого жителя воюющих государств.

Говоря о провокации войны как наиболее опасном проявлении ухудшения состояния международного мира, на один уровень (по характеру и степени общественной опасности) необходимо поставить и провокацию не международного вооруженного конфликта между народами, проживающими в пределах одного и того же государства.

На основании изложенного считаем возможным под целью нарушения мирного сосуществования государств и народов понимать *стремление виновного лица, совершившего акт международного терроризма, к результату в виде любого ухудшения состояния международного мира вплоть до провоцирования войны между государствами либо не международного вооруженного конфликта между народами*.

Второй альтернативной целью акта международного терроризма является *цель причинения вреда интересам Российской Федерации*.

Что касается цели причинить вред интересам Российской Федерации – полагаем, что эту цель изначально надо понимать не только как стремление навредить России в целом как государству, как субъекту международного права и международных отношений. Например, реальный принцип действия уголовного закона (ч. 3 ст. 12 УК РФ) в качестве равнозащищаемых интересов говорит об интересах как российского государства в целом, так и наших сограждан. И это правильно: если следовать конституционному положению о том, что человек – высшая защищаемая ценность, то интересы Российской Федерации как государства должны пониматься как всемерная защита граждан России как внутри страны, так и за ее рубежами.

Разумеется, далеко не всякая акция против российских организаций и граждан, подвер-

гающая опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность наших сограждан и совершенная за границей, должна расцениваться в качестве акта международного терроризма. Понятно, что взрывы, поджоги и иные общеопасные действия могут совершаться по различным мотивам и с разными целями (корыстными, личными и пр.). Характер акта международного терроризма эти действия приобретают, когда они имеют цель воспрепятствовать деятельности российских организаций (как государственных, так и негосударственных) и граждан, выполняющих официальные функции представителей российского государства.

Например, акт международного терроризма будет иметь место в случае совершения деяния, угрожающего жизни членов официальной российской делегации на международном форуме, дипломатической конференции и т.п. Следовательно, если совершенное деяние угрожает жизни, здоровью, неприкосновенности нашего гражданина, то расценить его как акт международного терроризма можно в том случае, если он (гражданин) представляет Россию как государство либо выполняет какие-либо функции в качестве государственного представителя Российской Федерации.

Как ни странно, авторы обычно не конкретизируют вред, который может быть причинен России в целом в результате совершения акта международного терроризма. Полагаем возможным определить следующие основные виды вреда, которые может причинить виновный, совершающий акт международного терроризма, России как государству и субъекту международного права:

– экономический – например, в случае разрушения магистральных трубопроводов (что в настоящий момент весьма актуально в связи с событиями на Восточной Украине и строительством газопроводов «Северный поток» и «Южный поток»), промышленных и иных экономических объектов, строящихся Российской Федерацией либо российскими компаниями в иностранных государствах;

– военный – примером такого вреда может стать снижение обороноспособности российских армии и флота в случае подрыва военных воздушных и водных судов (что также весьма актуально в связи с участием России в военных акциях на территории Сирии);

– репутационный – в результате актов международного терроризма может быть создан образ «слабой» России и, наоборот, в случае проведения антитеррористических акций станет воз-

можным «демонизирование» России на международной арене, например, по обвинению в «непропорциональном применении силы».

Конечно, это далеко не исчерпывающий перечень видов вреда, который может быть причинен России как государству и субъекту международного права в результате совершения акта международного терроризма. Однако именно эти виды вреда могут причинить наиболее сильный ущерб и ударить по наиболее «чувствительным» позициям Российского государства (впрочем, как и любого другого государства).

На основании изложенного предлагаем под целью причинения вреда интересам Российской Федерации понимать *стремление лица, совершившего акт международного терроризма, нанести ущерб России как субъекту международного права, а также жизни, здоровью, свободе или неприкосновенности граждан Российской Федерации, представляющих ее как государство либо выполняющих официальные функции от лица Российской Федерации. Основными видами вреда, наносимыми России как государству и субъекту международного права, являются экономический, военный, репутационный.*

Отличительным признаком объективной стороны акта международного терроризма является **место** его совершения: в силу прямого указания закона, любой такой акт должен быть совершен вне пределов России – т.е. на иностранной либо нейтральной территории. Таким образом, территория России исключена из сферы действия нормы об акте международного терроризма: по существу, данная норма стала практически единственной в отечественном уголовном законодательстве, которая имеет сугубо экстерриториальное действие.

Кроме того, исключение российской территории из-под действия рассматриваемой нормы породило массу правоприменительных сложностей. В частности, террористическая акция, совершенная на территории России с целями, указанными в ч. 1 ст. 361 УК РФ, должна расцениваться по ст. 205 УК РФ как «общеуголовный» террористический акт (другая квалификация по действующему законодательству вряд ли возможна).

По большому счету именно от места совершения террористической акции (с целями акта международного терроризма, разумеется) ставится в зависимость установление основного объекта посягательства. То есть, если такое деяние произошло за пределами России, оно будет расцениваться как преступление про-

тив мира и безопасности человечества; если на российской территории – как преступление против общественной безопасности. Получается, что российский законодатель (вольно или невольно) ограничил уголовно-правовую защиту такого глобального интереса как мир и безопасность человечества ... на территории России, и именно наша страна оказалась в этом плане в проигрышном положении по отношению к остальному миру.

Действительно, субъект террористической акции, если таковая совершена в России, но с целями, предусмотренными в ч. 1 ст. 361 УК РФ, будет нести ответственность по ст. 205 УК, которая в плане наказуемости мягче, нежели акт международного терроризма (уже в основном составе которого предусмотрена возможность пожизненного лишения свободы, даже если «обошлось» без человеческих жертв). Как только аналогичная акция совершена вне пределов России – применяется ст. 361 УК РФ, со всеми вытекающими последствиями...

Надо отметить, что это положение ч. 1 ст. 361 УК РФ подверглось наиболее жесткой критике в научной среде. По существу, в доктрине указывалось на то, что совершение акта международного терроризма на территории нашего государства невозможно в принципе. Не смотря на всю абсурдность этого утверждения, именно такой вывод «напрашивается» из буквального прочтения ч. 1 ст. 361 УК РФ.

Исходя из сказанного, именно законодательное *определение места совершения акта международного терроризма в первую очередь нуждается в корректировке* для более точного понимания сути акта международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.

В ч. 1 ст. 361 УК РФ совершение акта международного терроризма «локализовано» зарубежной либо нейтральной территорией. В связи с этим возникает вопрос: а разве в России его совершение невозможно? К сожалению, очень даже возможно, но в этом случае, по всей вероятности, будет применяться ст. 205 УК РФ.

По справедливому замечанию А. Г. Волеводза, «предложенная законодателем норма не даст возможности привлекать к уголовной ответственности именно за акты международного терроризма иностранных боевиков-террористов, совершающих теракты на территории РФ, а также террористов из числа наших соотечественников, которые в рамках «международного террористического интернационала» прошли подготовку за рубежом, финан-

сово подпитываются из-за границы, являются приверженцами или даже участниками ДАИШ и других иностранных террористических организаций, но совершают террористические акты в РФ» [1, с. 88].

Более того, при определенных обстоятельствах одно и то же деяние, подпадающее под признаки акта международного терроризма, может получить различную правовую оценку. Допустим, что взорван самолет с российскими гражданами. Если это произошло в зарубежном либо нейтральном воздушном пространстве – налицо акт международного терроризма, а если в небе над Россией – нет. Данное положение вещей, как ни странно, умаляет интересы именно российских граждан – ведь, в отличие от акта международного терроризма, за совершение «общеуголовного» террористического акта исчисляются сроки давности и уголовной ответственности, и обвинительного приговора.

Возможна совершенно парадоксальная ситуация.

Как известно, военные воздушные и водные суда считаются территорией России вне зависимости от места их дислокации. В случае, если, например, российское военное судно подверглось атаке в зарубежном порту – об акте международного терроризма снова не может идти речи (хотя в том, что такое деяние поставит под вопрос международный мир, сомневаться не приходится).

Есть ли путь решения этой проблемы? Предлагаем, что есть.

Как уже неоднократно говорилось, смысл акта международного терроризма состоит в причинении вреда такому глобальному интересу как мир и безопасность человечества (в первую очередь, конечно, такой акт нарушает интересы международного мира). Законодательно этот смысл выражается в целях акта международного терроризма. И именно цели, по большому счету, *должны определять* юридически значимое место совершения рассматриваемого преступления.

Если террористическая акция совершается *с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов, то место совершения такой акции не играет никакой роли*. Действительно, неважно, в России, в иностранном государстве либо на нейтральной территории совершено деяние с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов: результат будет один и тот же. И характер, и степень общественной опасности таких акций будут оцениваться одинаково через тождественность юридической оценки.

Но главное обстоятельство заключается в том, что Россия перестанет быть «потерпевшей стороной» в том смысле, что ответственное законодательство будет защищать мир и безопасность человечества на территории собственного государства в той же степени, что и вне его пределов. И субъекты, которые потенциально что-либо взорвут, подожгут и пр. на территории России с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов, будут подлежать аналогичной ответственности с теми субъектами, которые потенциально это совершат за пределами нашей страны.

Наконец, такое решение содержит признак «международности» (даже если акция произошла на территории России, ее цель – нарушение мирного сосуществования государств и народов – всегда затрагивает интересы других государств) и все остальные «атрибуты» акта международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.

По-другому обстоят дела при наличии у виновного, совершающего террористическую акцию, цели причинения вреда интересам России – в этом случае место совершения акции играет принципиально важную роль.

Деяния, совершаемые с целью причинения вреда интересам России, могут расцениваться в качестве актов международного терроризма только в случае их совершения вне пределов российской территории. В противном случае будет отсутствовать признак «международно-

сти» – обязательный атрибут акта международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.

Даже если иностранный гражданин что-либо взорвет или подожжет на территории России исключительно с целью причинить вред нашему государству или нашим согражданам – об акте международного терроризма речи идти не может: содеянное необходимо квалифицировать как «общеуголовный» террористический акт. Однако если такое же деяние будет им (или любым другим лицом) совершено на территории России, но с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов – налицо акт международного терроризма.

Говоря иными словами, мы предлагаем не различные цели акта международного терроризма «привязать» к одним и тем же деяниям, а сделать с точностью наоборот: «привязать» эти деяния к различным целям и сформулировать в ч. 1 ст. 361 УК РФ две самостоятельные разновидности акта международного терроризма. Такое законодательное решение хорошо известно: например, все тот же «общеуголовный» террористический акт, диверсия, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества могут быть объективно исполнены одинаковым деянием (взрывом, поджогом), но главным квалификационным рубежом для них является цель, разная у каждого из перечисленных преступлений.

Литература

1. Волеводз А. Г. К вопросу об установлении уголовной ответственности за акт международного терроризма: что не учел законодатель в ст. 361 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. №5. С. 75–90.
2. Волеводз А. Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. №2. С. 3–6.
3. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. 384 с.
4. Кибальник А. Г. Суворов В. А. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. №6. С. 37–42.
5. Лобач Д. В. Некоторые проблемные аспекты квалификации, возникающие в результате криминализации международного терроризма // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. №5. С. 53–59.
6. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. 928 с.
7. Сидоров Б. В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. №2. С. 115–122.
8. Cassese A., Gaeta P., Baig G., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford, 2013. 414 с.
9. Weatherall T. The Status of the Prohibition of Terrorism in International Law: Recent Developments // Georgetown Journal of International Law. 2015. Vol. 46.

References

1. Volevodz A. G. K voprosu ob ustanovlenii ugodovnoy otvetstvennosti za akt mezhdunarodnogo terrorizma: chto ne uchel zakonodatel v st. 361 UK RF (On the issue of establishing criminal liability for an act of international terrorism: what the legislator did not take into account in art. 361 of Russian Criminal Code) // Biblioteka ugodovnogo prava i kriminologii. 2016. No.5. P. 75–90. (In Russian).

2. Volevodz A. G. Kriminalizatsiya mezhdunarodnogo terrorizma v ugovnom prave (*Criminalization of international terrorism in criminal law*) // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2014. No. 2. P. 3–6. (In Russian).
3. Kibalnik A. G., Solomonenko I. G. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva (*Crimes against peace and security of mankind*). St. Petersburg: Yuridichesky Center Press, 2004. 384 p. (In Russian).
4. Kibalnik A. G., Suvorov V. A. Akt mezhdunarodnogo terrorizma – novoe prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva (*The act of international terrorism is a new crime against the peace and security of mankind*) // Ugovnoe pravo. 2016. No. 6. P. 37–42. (In Russian).
5. Lobach D. V. Nekotorye problemnye aspekty kvalifikatsii, vznikayushhie v rezultate kriminalizatsii mezhdunarodnogo terrorizma (*Some problematic aspects of qualifications arising from the criminalization of international terrorism*) // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2017. No. 5. P. 53–59. (In Russian).
6. Rossiyskoe ugovnoe pravo. Osobennaya chast (*Russian criminal law. The Special part*) / ed. by V. P. Konyahina, M. L. Prohorovoy. Moscow: Contract, 2015. 928 p. (In Russian).
7. Sidorov B. V. Novoe v opredelenii terrorizma, mezhdunarodnogo terrorizma, terroristicheskogo akta i akta mezhdunarodnogo terrorizma i problemy sovershenstvovaniya rossiyskogo ugovnogo zakonodatelstva (*New in the definition of terrorism, international terrorism, the terrorist act and the act of international terrorism and the problem of improving Russian criminal law*) // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2017. No. 2. P. 115–122. (In Russian).
8. Cassese A., Gaeta P., Baig G., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford, 2013. 414 p.
9. Weatherall T. The Status of the Prohibition of Terrorism in International Law: Recent Developments // Georgetown Journal of International Law. 2015. Vol. 46.

УДК 342.55

М. М. Тазиева

АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРАВА ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

В современном мире большое значение имеет правовая возможность для населения получать информацию о деятельности органов государственной власти. Соответствующее законодательство имеется во всех демократических странах мира. Исходные положения о праве человека и гражданина на доступ к информации о деятельности органов государственной власти содержатся в конституциях стран мира, либо актах конституционного законодательства. В Соединенных Штатах Америки, как в государстве с самой старой писанной конституцией, имеются свои уникальные особенности правового регулирования доступа граждан к информации о деятельности публичной администрации. Несмотря исходную правовую норму конституции о свободе слова, рассматривать права на доступ к информации в США необходимо в тесной связи с правом на об-

ращение с петициями к органам государственной власти. Это подтверждается анализом действующего конституционного законодательства, нормы которого направлены на установление и гарантирование, а также создание механизма реализации права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти. Население США имеет широкие возможности требовать получения и получать информацию от органов власти. При этом, как и в других государствах, в США существует законодательно установленный перечень оснований, по которым заявителям может быть отказано в предоставлении информации.

Ключевые слова: США, правительство в солнечном свете, информация, права и свободы, право на доступ к информации, информационные права, право на информацию в зарубежных странах.

М. М. Tazieva

ANALYSIS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE RIGHT OF CITIZENS TO ACCESS THE INFORMATION ON THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Nowadays the legal opportunity for the public to receive information on the activities of public authorities is of great importance. Appropriate legislation exists in all democratic countries of the world. The initial provisions on the human and citizen's right to access information on the activities of public authorities are contained in the constitutions of the countries of the world, or acts of constitutional legislation. In the United States of America, as in the state with the oldest written constitutions, there are unique features of the legal regulation of citizens' access to information on the activities of the public administration. Despite the basic legal norm of the constitution on freedom of speech, it is necessary to consider the rights to get access to information in the US in close connection

with the right to petition government authorities. This is confirmed by the analysis of the current constitutional legislation, the norms of which are aimed at establishing and guaranteeing, as well as creating the mechanism for exercising the right to access information on the activities of public authorities. The US population has many opportunities to demand and receive information from authorities. At the same time, as in other states, the US has a legally established a list of grounds on which applicants may be denied information.

Key words: the USA, government in the sunlight, information, rights and freedoms, right to access to information, information rights, right to information in foreign countries.

Опыт правового регулирования разнообразных общественных отношений в зарубежных странах (например, закрепления и регламен-

тации права на информацию), произведенное на основе его исследования выводы, будут крайне полезны в сфере правового регулиро-

вания аналогичных общественных отношений в Российской Федерации, совершенствовании отечественной юридической практики.

Взвешенное и критическое отношение к взаимоотношениям из-за рубежа способам и методам правового регулирования общественных отношений может способствовать улучшению российских практик, выработке новых правовых моделей, а возможно и отказу от западных идей.

Известный зарубежный исследователь М. Ансель в своем труде «Методологические проблемы сравнительного права» писал, что для тех, кто стремится изучать зарубежное право непременно откроются новые горизонты, юрист сможет не только лучше узнать национальное право своей страны, но и узнать специфические черты права стран зарубежных, сравнить право своей страны и зарубежных государств. «Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [2].

Гарантированное Конституцией Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. право на информацию многогранно по своему содержанию и имеет различные аспекты, подвергавшиеся изучению отечественными учеными-конституционалистами.

Учитывая тот факт, что Конституция России относится к конституционным актам мирового уровня и как со знанием дела отмечает В. Д. Зорькин «полностью соответствует лучшим мировым образцам» [8, с. 12], необходимо обратить внимание на то, каким образом право на информацию вообще и право на доступ к информации о деятельности органов государственной власти закреплено и регламентировано в конституционных актах некоторых зарубежных стран.

В частности, Основной закон нашего государства в части закрепления права на информацию полностью соответствует международным правовым актам.

В ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и гражданина от 11 декабря 1948 г. говорится о том, что «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [5].

В ч. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. сказано, что «Каждый имеет право свободно

выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ» [10].

Необходимыми условиями функционирования правового государства в современном мире является информационная открытость органов публичной власти, возможность для граждан получать информацию об их деятельности, получать без препятствий и без промедления общественно значимую информацию. Реализуя свое право на доступ к информации, граждане принимают реальное участие в управлении делами государства, могут контролировать деятельность государственных органов и их должностных лиц.

Право на доступ к информации имеет сложную структуру и играет роль связующего элемента между личными, политическими и культурными правами человека. Только при условии его соблюдения можно говорить о фактической реализации личных, политических, социальных, экономических, экологических и культурных прав и свобод.

Указанные выше положения относительно права человека и гражданина нашли свое отражение в конституционных актах зарубежных государств. Соответственно, соблюдение со стороны государства гарантий реализации права на информацию делает возможным реализацию ряда прав человека, в особенности политических.

В подавляющем большинстве стран мира важнейшим и основным источником конституционного (государственного) права является конституция. Конституция имеет большую среди других правовых актов государства силу и находится на вершине их иерархии. Соответственно, нормы права, содержащиеся во всех других нормативно-правовых актах, не должны противоречить конституционным нормам, в противном случае они могут быть применены.

В конституции и актах, так называемого конституционного законодательства, содержатся важнейшие положения, регламентирующие организацию государственной власти и управления, реализацию прав и свобод человека.

Конституционное законодательство можно понимать в широком и узком смысле в зависимости от круга его источников.

Применительно к России в широком смысле оно включает в себя не только федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации, но и иные нормативные правовые акты.

Важно, чтобы такие акты были направлены на регулирование основ конституционного строя, правового положения человека и гражданина, федеративного устройства, организации и функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления [3, с. 276; 4, с. 70; 13, с. 223–224].

В рамках настоящей статьи мы проанализируем конституционное законодательство Соединенных Штатов Америки. Конституционное законодательство США состоит, соответственно, из Конституции США, Билля о правах, федеральных законов, законов штатов.

Конституция Соединенных Штатов Америки, принятая в 1787 г. по праву считается самой старой из писанных конституций в мире, а также, из-за используемой в ней юридической техники, одной из самых незавершенных и расплывчатых. «В Конституции отсутствуют положения о важнейших институтах политической и государственной власти – о конституционном контроле, политических партиях, исполнительном аппарате, местном управлении...» [11]. Возможно по этой причине в США велика роль судебного прецедента.

В Конституции Соединенных Штатов прослеживается и довольно нечеткий подход к закреплению, регламентации и классификации конституционных прав и свобод человека и гражданина, и эта одна из причин по которой в ее тексте нет права на информацию в том виде, в каком мы его понимаем.

Между тем, в ней (точнее в Билле о правах от 1791 г.) есть базовые конституционные права и свободы, на основе которых можно вести речь о праве на информацию. Это свобода слова и свобода печати, а также прав на обращение с петициями к правительству.

23 июня 1980 г. Верховный Суд Соединенных Штатов Америки [14] рассматривая в заседании Первую поправку к Конституции США, которая закрепляет, что Конгресс не должен издавать законов (...) ограничивающих свободу слова или печати или право народа (...) обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб», постановил: основное предназначение поправки «гарантировать свободу обмена информацией по вопросам, имеющим отношение к функционированию властей» [12, с. 37].

Создав прецедент Верховный Суд США отчасти способствовал появлению специального законодательства, регулирующего предоставление органами государственной власти физическим и юридическим лицам, обеспечивающего открытость и прозрачность их деятельности.

Как отмечает Е. В. Тарибо, «большое распространение в США получило понятие «судебная доктрина» (judicial doctrine), что означает принцип, лежащий в основе выводов, принятых в судебной практике» [16].

Можно сказать, что судебная доктрина, основанная на силе судебного прецедента, применяется для регулирования отношений во всех областях общественной жизни современных Соединенных Штатов Америки.

Как по этому поводу пишет О. Жидков, «среди судебных доктрин, выработанных Верховным Судом США, выделяются специальные судебно-конституционные доктрины, представляющие собой своеобразные комбинации конституционного текста с серией судебных решений; судебно-конституционные доктрины вырастают из конкретных и казуистических решений благодаря принципу судебного прецедента» [6, с. 105–105].

Судебные доктрины стран мира характеризуются следующими основными чертами: 1) источником судебной доктрины будет являться судебная практика; 2) судебные доктрины носят нормативный характер и формируются на основе судебного прецедента (совокупности однотипных судебных решений по однотипным делам); 3) соответственно, сформировавшаяся судебная доктрина служит способом разрешения однотипных судебных дел [16].

Впрочем, регулирование общественных отношений при помощи судебной доктрины характерно не только для США, но и для ряда стран Западной Европы.

Отметим, что еще до указанного выше решения Верховного Суда США были приняты законы, направленные на регулирование информационной открытости органов власти. Эти законы получили название «законы солнечного света» («sunshine laws») [1].

В США к одному из базовых федеральных законов из числа «законов солнечного света», регулирующих отношения, возникающие по поводу предоставления третьим лицам информации, касающейся деятельности органов государственной власти, можно отнести Акт о свободе информации (The Freedom of Information Act [7]), принятый Конгрессом в 1967 г., который, «несмотря на критику содержащихся в нем отдельных ограничений, обеспечил достаточную прозрачность деятельности исполнительной власти» [18].

Кстати, аналогичный закон был принят несколько позже и в Великобритании.

В соответствии с Актом (законом) о свободе информации все лица, желающие получить

информацию от федеральных органов власти, а также федеральных государственных учреждений могут официально ее затребовать в форме запроса информации. В ответ на такой запрос соответствующие органы (учреждения) и их должностные лица обязаны предоставить соответствующему физическому или юридическому лицу интересующие сведения, если они не входят в перечень видов информации, для которой установлены исключения (персональные данные, личные медицинские сведения, иные личные сведения, сведения составляющие государственную или коммерческую тайну, служебная информация о еще не принятых управленческих решениях и т.д. (§ 551 Акта)) [7].

Рассматриваемый нормативно-правовой акт обязывает официальные учреждения опубликовывать информацию о своей деятельности, а также создаваемую ими открытую информацию, имеющую значение для общества, в специальном печатном издании «Федерал реджистер». В определенной степени, это аналог «Российской газеты».

В § 551(1) Акта о свободе информации под учреждением подразумевается любое министерство, военное министерство, правительственную корпорацию, корпорацию, контролируемую правительством, или иное правительственное учреждение исполнительной власти (включая администрацию Президента), или любое независимое учреждение [17, с. 62].

В соответствии с рассматриваемым законом, гражданин или юридическое лицо не обязаны объяснять причины запроса на получение информации. Граждане в соответствии с рассматриваемым законом имеют право обжаловать в суд отказ учреждения в предоставлении информации. При этом истцу в случае выигрыша дела в суде могут быть возмещены судебные расходы.

Учреждение обязано предоставлять по запросам представителей документированную информацию в жесткие сроки, а также создавать условия для максимально быстрого поиска запрашиваемых документов.

Причины, по которым граждане и общественные организации запрашивают информацию у органов государственной власти, могут быть различными. Более того, можно утверждать, что через реализацию права на доступ к информации граждане США могут осуществлять контроль за деятельностью органов власти. Реализация гражданами США, а также иностранцами, находящимися на территории США, права на доступ к информации активно

участвовать в жизни общества, оспаривать действия и решения органов власти.

Акт о свободе информации делает исключение из правила открытости документов. Например, исключения касаются:

- национальной обороны и безопасности государства, деятельности правоохранительных органов;
- конфиденциальной личной, коммерческой или финансовой информации;
- информации, которая может позволить пользователям обойти выполнение законов;
- информации, обнародование которой прямо запрещено законом;
- документов, доступ к которым запрещен на основании решения суда;
- информации, опубликование которой может нанести ущерб;
- документы, содержащие геофизическую и геологическую информацию о нефтяных скважинах и газовых месторождениях [1].

В таких обстоятельствах учреждение имеет право не подтверждать или опровергнуть наличие у него запрашиваемых документов [15].

Орган государственной власти США вправе использовать исключение для отказа в предоставлении информации, либо его не использовать. Причем орган власти не вправе совершать такое действие в том случае, если «не в состоянии доказать нанесение вреда общественным интересам публикацией защищенных исключением документов» [1].

Нужно отметить, что этот закон применяется только к информации о деятельности исполнительной власти. Впрочем, в штатах имеется собственное законодательство, акты которого можно отнести к «законам солнечного света». Эти законы регламентируют доступ общественности к информации о деятельности органов государственной власти штатов и органов местного самоуправления.

В 2007 г. в США в развитие законодательства, регламентирующего оборот информации о деятельности органов государственной власти, был принят «Закон об открытом правительстве 2007 года» (Openness Promotes Effectiveness in our National Government Act of 2007) [19].

Эти законом были внесены изменения и дополнения в Акт о свободе информации 1967 г., в связи с тем, что он уже значительно устарел и нуждался в модернизации.

В результате Акт о свободе информации был дополнен следующими положениями:

- закон стал регулировать распространение официальной информации через электронные средства массовой информации;

– больше стало уделяться внимания распространению официальной информации через новостные СМИ;

– появилась рекомендация по созданию при органах государственной власти подразделений по связям с общественностью, а также появилось правовое регулирование их деятельности по разрешению споров с субъектами права на доступ к официальной информации;

– появилось требование неукоснительного отслеживания запросов информации, время исполнения которых превышает установленные законом 10 дней;

– появилось требование об обязанности всех органов исполнительной власти ежегодно отчитываться о соблюдении и исполнении Акта о свободе информации;

– создано специальное управление (Office of Government Information Services), уполномоченное рассматривать и разрешать посредством медиации споры в отношении исполнения Акта о свободе информации, а также вести мониторинг его исполнимости в государстве и разрабатывать рекомендации по его совершенствованию;

– появилась обязанность для органов власти указывать конкретное основание для каждого редактирования или удаления текста в документах, которые попали к ним на рассмо-

трение в рамках исполнения запросов на получение информации.

Таким образом, эволюция развития законодательства США о доступе к информации о деятельности органов публичной власти убедительно показывает, что необходимость предоставления населению и отдельным гражданам информации о деятельности органов публичной власти вытекает из конституционных положений, относящихся к эпохе правового становления США как государства, гарантирующих свободу слова, печати и возможность обращаться с петициями к правительству.

Соответственно, в действующих в настоящее время в США конституционных актах о доступе к информации о деятельности органов власти содержатся важные инструменты общественного контроля деятельности органов власти по принятию решений со стороны населения.

Рассмотренные выше законы США предоставляют гражданам и юридическим лицам значительные возможности по получению информации от органов государственной власти по широкому кругу вопросов, что говорит о высокой степени открытости деятельности публичной администрации, даже не смотря на оправданно установленные этим же законодательством ограничения в обнародовании той или иной информации.

Литература

1. Аналитический доклад «Прозрачность и участие: общественный контроль 2.0 в США и Европе» URL: <https://echo.msk.ru/blog/potupchik/1241650-echo/> (Дата обращения: 22.04.2018).
2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М.: Прогресс, 1981. С. 36–86.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1998. 790 с.
4. Бурлай Е. В. Конституционное законодательство СССР: некоторые теоретические вопросы // Проблемы правоведения. Вып. 43. Киев: Киевский университет, 1982. С. 65–74.
5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995.
6. Жидков О. Верховный Суд США: право и политика. М.: Наука, 1985. 221 с.
7. Закон США о свободе информации // Законодательство и практика средств массовой информации. 1996. Вып. 3 (19).
8. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. 592 с.
9. Козак Д. Суд в современном мире – проблемы и перспективы // Правозащитник. 2001. №3. С. 3–6.
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. №2.
11. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство БЕК, 2002. 340 с.
12. Косорукова Т. В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию // Труды института государства и права Российской академии наук. 2013. №5. С. 32–44.
13. Лукьянова Е. А. Государственность и конституционное законодательство России: дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: МГУ, 2003. 391 с.
14. Постановление Верховного Суда США от 23.07.1980 г. по делу «Richmond Newspapers, Inc. v. Virginia» // 448 U.S. 555, 575.
15. Примечания к Закону США о свободе информации // Законодательство и практика средств массовой информации. Выпуск 3 (19). Март 1996. С. 12–16.
16. Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. №2. С. 118–122.
17. Трофимов М. С. Реализация права на свободу массовой информации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: СГУ, 2005. 209 с.

18. Фонд развития информационной политики URL: http://www.frip.ru/new/lib/book/jorn_russian_usa_sociolg (Дата обращения: 07.08.2017).
19. Openness Promotes Effectiveness in our National Government Act of 2007 URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ175/pdf/PLAW-110publ175.pdf> (Accessed: 26.04.2018).

References

1. Analiticheskij doklad «Prozrachnost' i uchastie: obshhestvennyj kontrol' 2.0 v SShA i Evrope» (*Analytical report "Transparency and Participation: Public Control 2.0 in the US and Europe"*). URL: <https://echo.msk.ru/blog/potupchik/1241650-echo/> (Accessed: 22.04.2018). (In Russian).
2. Ansel' M. Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo prava (*Methodological problems of comparative law*) // Ocherki sravnitel'nogo prava. Moscow, 1981. P. 36–86. (In Russian).
3. Bol'shoj juridicheskij slovar' (*Large legal dictionary*) / ed by A.Ja. Suhareva, V.D. Zor'kina, V.E. Krutskih. Moscow, 1998. 790 p. (In Russian).
4. Burlaj E. V. Konstitucionnoe zakonodatel'stvo SSSR: nekotorye teoreticheskie voprosy (*Constitutional Legislation of the USSR: Some Theoretical Questions*) // Problemy pravovedeniya. Issue. 43. Kiev, 1982. P. 65–74. (In Russian).
5. Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka (prinjata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) (*Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948)*) // Rossijskaja gazeta. 05.04.1995. No.67. (In Russian).
6. Zhidkov O. Verhovnyj Sud SShA: pravo i politika (*US Supreme Court: Law and Politics*). Moscow: Nauka, 1985. 221 p. (In Russian).
7. Zakon SShA o svobode informacii (*The US Freedom of Information Act*) // Zakonodatel'stvo i praktika sredstv massovoj informacii. 1996. Issue 3 (19). (In Russian).
8. Zor'kin V. D. Rossija i Konstitucija v XXI veke (*Russia and the Constitution in the 21st century*). Moscow: Norma, 2008. 592 p. (In Russian).
9. Kozak D. Sud v sovremennom mire – problemy i perspektivy (*The court in the modern world – problems and prospects*) // Pravozashhitnik. 2001. No.3. P. 3–6. (In Russian).
10. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod (Zakljuchena v g. Rime 04.11.1950) (*Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04.11.1950)*) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 08.01.2001. No.2. (In Russian).
11. Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv (*Constitution of foreign states*). Moscow: Izdatel'stvo BEK, 2002. 340 p. (In Russian).
12. Kosorukova T. V. Zarubezhnyj opyt konstitucionnogo obespechenija svobody massovoj informacii i prava na informaciju (*Foreign experience of the constitutional guarantee of freedom of mass information and the right to information*) // Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2013. No.5. P. 32–44. (In Russian).
13. Luk'janova E. A. Gosudarstvennost' i konstitucionnoe zakonodatel'stvo Rossii (*Statehood and Constitutional Legislation of Russia*): thesis. Moscow, 2003. 391 p. (In Russian).
14. Postanovlenie Verhovnogo Suda SShA ot 23.07.1980 g. po delu «Richmond Newspapers, Inc. v. Virginia» (*The US Supreme Court ruling of July 23, 1980 on the case of Richmond Newspapers, Inc. vs Virginia*) // 448 U.S. 555, 575. (In Russian).
15. Primechanija k Zakonu SShA o svobode informacii (*Notes to the US Freedom of Information Act*) // Zakonodatel'stvo i praktika sredstv massovoj informacii. Issue 3 (19). 1996. March. P. 12–16. (In Russian).
16. Taribo E. V. Sudebnye doktriny i praktika Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii (*Judicial Doctrines and Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation*) // Pravo i politika. 2005. No.2. P. 118–122. (In Russian).
17. Trofimov M. S. Realizacija prava na svobodu massovoj informacii v sub#ektah Rossijskoj Federacii, nahodjashihhsja v predelah Juzhnogo federal'nogo okruga (*Realization of the right to freedom of mass information in the constituent entities of the Russian Federation located within the Southern Federal District*): thesis. Stavropol', 2005. 209 p. (In Russian).
18. Fond razvitija informacionnoj politiki (*Information Policy Development Fund*) // http://www.frip.ru/new/lib/book/jorn_russian_usa_sociolg (Accessed: 07.08.2017) (In Russian).
19. Openness Promotes Effectiveness in our National Government Act of 2007 URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ175/pdf/PLAW-110publ175.pdf> (Accessed: 26.04.2018).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.161.1

Т. Б. Белевцова

КОГНИТИВНАЯ ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЭНТОМОНИМОВ В ПОЭЗИИ)

Статья посвящена исследованию когнитивной зооморфной метафоры на примере номинаций насекомых. В частности, предпринимается попытка классификации существующих в языке моделей метафорического переноса, в котором участвует концепт-референт «бабочка».

Интерес к метафоре возникает еще в античности, однако в XX в. она становится самостоятельным объектом исследования в различных гуманитарных науках. Основными задачами, решаемыми на протяжении многих лет в рамках философии, психологии и лингвистики, было определение сущности метафоры, ее языковых возможностей и границ использования, правил перехода от прямого значения к метафорическому, а также отделение метафорических выражений от неметафорических, что, в свою очередь, породило два подхода к данному феномену: семантический и прагматический.

Согласно семантическому взгляду метафора обладает двойным значением: буквальное значение, вытекающее из суммы лексических значений ее составляющих, является ложным, а метафорическое – истинным. Прагматический взгляд акцентирует внимание на достижении говорящим определенной реакции слушающего, которая не может быть выведена из значения употребляемой им метафоры. Таким образом, метафора открывает определенные свойства и характеристики вещей, основанные на сходстве с другими вещами, которые не являются частью метафори-

ческого значения, а возникают только в процессе использования в определенных контекстах и ситуациях.

Главной проблемой метафоризации, поднимаемой когнитивной наукой, является проблема соотношения значения и смысла. Когнитивная метафора – это одна из сторон мыслительной деятельности человека. Ее функция состоит в миромоделировании, концептуализации действительности. Когнитивная модель языка отводит метафоре центральное место как основному принципу структурирования знания, который заключается в описании одной сферы (чаще абстрактной) в терминах другой. Более того, языковая система представляет собой сеть значений, связанных между собой отношениями метафорического переноса. Чтобы такой перенос состоялся, необходимо наличие оснований метафоры – общего признака донорской и реципиентной зон, коррелята и референта, хотя возможности человеческого воображения в плане установления соответствий безграничны.

Актуальность работы связана с анализом метафорического моделирования как универсальной категории в рамках когнитивной лингвистики, которая отражает механизмы человеческого мышления. Изучение диапазона метафоризации в настоящей работе осуществляется на материале поэтических текстов русской литературы.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концепт, коррелят, референт, фрейм.

T. B. Belevtsova

COGNITIVE ZOOMORPHIC METAPHOR IN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF ENTOMONIMES IN POETRY)

The article studies the cognitive zoomorphic metaphor by a number of insect nominations. In particular, an attempt is made to classify models of metaphorical transfer existing in the language, in which the concept-referent “butterfly” participates.

The interest in the metaphor dates back as far as antiquity, but in the XX century, it becomes an independent object of study in various humanities sciences. The main tasks solved over many years in the framework of philosophy, psychology and linguistics

were the definition of the essence of the metaphor, its linguistic possibilities and boundaries of use, the rules for the transition from direct meaning to the metaphorical one, and the differentiation of metaphorical expressions from nonmetaphorical ones, in turn, gave birth to two approaches to this phenomenon: the semantic and the pragmatic ones.

According to the semantic view, the metaphor has a double meaning: the literal meaning, which follows from the sum of lexical meanings of its components, is false, and the metaphorical is true. The pragmatic view focuses on the speaker's achievement of a certain reaction of the hearer, which cannot be deduced from the meaning of the metaphor s/he uses. Thus, the metaphor reveals certain properties and characteristics of things based on similarities to other things that are not part of the metaphorical meaning, but arise only in the process of using it in certain contexts and situations.

The main problem of metaphorization raised by cognitive science is the problem meaning and sense correlation. Cognitive metaphor is one of the aspects of human thought activity. Its function consists

В основе любого языка лежат общие метафоры. Существовая во многих языках мира, они отражают онтологические связи и отношения действительности в рамках категорий времени, пространства, направления движения и т.п., характеризуют наш опыт взаимодействия с физическими и духовными объектами. Общие метафоры менее осознаваемы носителем языка, чем частные, то есть единичные и свойственные конкретной культуре, поскольку первые, ввиду своей древности и распространенности, со временем перестают восприниматься в ключе семантического переноса и теряют присущую им первоначально образность. Примерами могут послужить метафоры «душа – это вместилище», «верх – это хорошо, низ – плохо» и др.

Данная статья посвящена исследованию когнитивной зооморфной метафоры в языке художественной литературы. Художественная когнитивная метафора отличается от общезыковой тем, что, хотя и строится на ее базе, но чаще служит выражением авторской индивидуальности и специфичности творческого мышления. С одной стороны, метафора воспроизводит работу когнитивных механизмов писателя или поэта, с другой стороны, оказывает воздействие на механизмы сознания воспринимающего, поэтому ее функция заключается еще и в расширении области познания читателя/слушателя.

Сложность описания поэтических метафор состоит в том, что в их основе чаще всего лежат

in the world-modeling, conceptualization of reality. The cognitive model of language assigns a central place to metaphor as the basic principle of structuring knowledge, which consists in describing one sphere (often abstract) in terms of the other. Moreover, the language system is a network of values that are related to each other by metaphorical transfer relationships. For such a transfer to take place, it is necessary to have the foundations of a metaphor – a common sign of the donor and recipient zones, the correlate and the referent, although the possibilities of human imagination in terms of establishing correspondences are unlimited.

The relevance of the work is connected with the analysis of metaphorical modeling as a universal category within the framework of cognitive linguistics, which reflects the mechanisms of human thinking. The study of the range of metaphorization in this work is carried out on the basis of poetic texts of Russian literature.

Key words: cognitive metaphor, concept, correlate, referent, frame.

нестандартные мотивационные связи между сферами, участвующими в концептуальном переносе. Однако выявление и описание данных отношений является одним из условий постижения смысловой и эстетической глубины текста. Среди всего многообразия зооморфизмов, функционирующих в русской культуре и литературе, наше внимание привлекли номинации насекомых, выступающие как источник метафорических наименований различных явлений человеческого бытия. Мы будем называть такие номинации энтомонимами, поскольку они указывают на принадлежность данных лексем определенному классу живых существ – насекомым.

В основу работы положены теоретические аспекты исследования в области когнитивной лингвистики Жаботинской С. А. [1], в частности классификация фреймов, которые выражают отношения между концептами, взаимодействующими в процессе метафоризации. В настоящей статье предпринимается попытка описания диапазона когнитивной метафоры «насекомое – человек», то есть существующих моделей и всей совокупности концептов-коррелятов, с референтом «бабочка» по материалам поэтических текстов.

Метафорическая модель «насекомое – человек» реализуется в рамках четырех фреймовых структур: НЕКТО есть НЕКТО 1, НЕКТО воздействует НА НЕКТО 1, НЕКТО есть ТАКОЙ, НЕКТО ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ. Сфера «человек» включает в себе разнообразные проявления де-

тельности человека, его физические и психические качества, социальные отношения и др. Основание метафоры – бабочка выглядит или делает что-то, как человек.

1. Фрейм НЕКТО ЕСТЬ НЕКТО 1.

Концептом-коррелятом (слот НЕКТО 1) в данной группе метафор выступают наименования человека:

а) **по социальному положению** (подруга (подружка), жених и невеста, изгнанница, странница, госпожа):

- «*И бабочка легкой подругой к тебе не летела, / Природа не знала чела, достойного розы*» (А. А. Фет. На смерть юной девы (1840)) [3];

- «*Часы ль там играл я – иль годы / Среди бабочек, легких подруг?*» (В. И. Иванов. Игры [Песни из лабиринта, 4] (1904)) [3];

- «*Ища подругу, села / Другая (бабочка – Т. Б.) на цветок*» (М. И. Попов. «Под тению древесной...» (1765)) [3];

- «*В густой траве дымятся кружки, / Трещит и прыгает огонь, / И робко бабочки-подружки / Садятся на твою ладонь*» (Вс. А. Рождественский. На берегу (1918–1956)) [3].

Формируемое значение: ‘насекомое, своим поведением напоминающее девушку, состоящую в дружбе с другой. Вариант «подружка» выражает эмоционально-экспрессивную ласкательную окрашенность’.

Согласно МАС, лексема-коррелят «подруга» в общеязыковом смысле употребляется в прямом и переносном значении только по отношению к человеку:

ПОДРУГА – «Девочка, девушка или женщина, связанная с кем-л. дружбой» [4, Т. 3, с. 214].

- «*Две бабочки выются над маком, – / Жених и невеста*» (Саша Черный. Лирическая кухарка (1924)) [3].

Формируемое значение: ‘женская и мужская особи, находящиеся в процессе ухаживания’.

Согласно МАС, лексемы-корреляты «жених» и «невеста» в общеязыковом смысле употребляются в прямом и переносном значении только по отношению к человеку:

ЖЕНИХ – «Мужчина, имеющий невесту; будущий муж невесты» [4, Т.1, с. 477].

НЕВЕСТА – «Девушка или женщина, вступающая в брак, имеющая жениха» [Там же, Т. 2, с. 426].

- «*И ночь покуда тянется, / Душа чертит круги, / Как бабочка-изгнанница...*» (В. И. Иванов. «Бездонней ночь, и скорбь ея...» (Деревенские гостины, 2] (1913)) [3].

Формируемое значение: ‘насекомое, изгоняемое человеком из своего жилища, мечущееся в поисках выхода’.

Лексема-коррелят «изгнанник» относится к области книжного стиля и употребляется в общеязыковом смысле только в прямом значении по отношению к человеку:

ИЗГНАННИК – «Тот, кто находится в изгнании» [4, Т.1, с. 641].

- *Я и сам бы стараться горазд, / Да шепнула мне бабочка-странница: / «Кто бывает весною горласт, / Тот без голоса к лету останется»* (Н. А. Заболоцкий. «Уступи мне, скворец, уголок...» (1946)) [3].

Формируемое значение: ‘насекомое, перемещающееся из одного места обитания в другое в поисках более благоприятных условий для существования, например, в теплые края’.

Лексема-коррелят «странник» употребляется в общеязыковом смысле в прямом и переносном значении только по отношению к человеку:

СТРАННИК – «перен. Тот, кто постоянно находится в пути, перемещается, передвигается» [4, Т. 4, с. 281].

- «*Пожалуйста, не улетай, / О госпожа моя, в Китай!*» (о бабочке – Т. Б.) (Тарковский А. А.) [5, с. 154].

Формируемое значение: ‘насекомое, заставляющее человека преклоняться перед ним’.

Лексема-коррелят «госпожа» употребляется в общеязыковом смысле в прямом и переносном значении только по отношению к человеку:

ГОСПОЖА – «Женск. к господин».

ГОСПОДИН – «Тот, кто обладает властью над чем-л., свободно распоряжается чем-л.» [4, Т.1, с. 338].

б) **человек по его религиозной принадлежности** (мусульманка):

- «*О бабочка, о мусульманка, / В разрезанном саване вся, / — Жизняночка и умиранка, / Такая большая – сия!*» (О. Э. Мандельштам. «О бабочка, о мусульманка...» [Восьмистишия, 3] (1933–1934)) [3].

Формируемое значение: ‘выходящее из стадии куколки насекомое, процесс развития которого ассоциируется с разрыванием савана (кокона) и раскрытием крыльев’.

Значение лексемы-коррелята «мусульманка» проецируется на значение референта в плане атрибутики, соответствующей данной религии:

МУСУЛЬМАНКА – «Женск. к мусульманин» [4, Т. 2, с. 313].

МУСУЛЬМАНИН – «Последователь мусульманства» [4, Т. 2, с. 313].

САВАН – «Погребальное одеяние, покров из белой ткани для покойников» [4, Т. 4, с. 11].

в) **по роду деятельности и профессиональной принадлежности** (крестьянка, кол-

дунка (колдунья), инфанта, принцесса Брамбилла, соглядатай, часовой, ас люфтваффе, балерина):

- *«Лежите, бабочки, и вы, пеструшки, / крестьянки воздуха над полевыми клумбами»* (Хармс Д. И.) [5, с. 155].

Формируемое значение: 'насекомое, активно занимающееся своей основной деятельностью – опылением растений – находясь в воздухе'.

В метафоризации участвует компонент значения лексемы-коррелята «обработка» (возделывание культур):

КРЕСТЬЯНКА – «Женск. к крестьянин» [4, Т. 2, с. 128].

КРЕСТЬЯНИН – «Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли» [4, Т. 2, с. 128].

- *«Лежите, бабочки, и вы, пеструшки, / крестьянки воздуха над полевыми клумбами, / и вы, махатки и свистелки, / и вы, колдунки с бурями бочками»* (Хармс Д.И.) [5, с.155].

Формируемое значение: 'насекомое, которому приписываются сверхъестественные свойства, в частности собирание нектара ассоциируется с заготовкой магического зелья'. Мифологическая подоплека данного метафорического образа состоит в существовании у древних славян представления о бабочках, как о наиболее могущественных колдуньях, продавших душу за возможность обладания неземной красотой.

- *«Сейчас ты выпорхнешь, инфанта, / И, сев на телеграфный столб, / Расправивш водяные банты / Над топотом промокших толп»* (о бабочке – Т. Б.) (Пастернак Б. Л.) [5, с. 153].

Прежде чем выявить метафорическое значение, обратимся к значению лексемы-коррелята:

ИНФАНТА – «Женск. к инфант» [4, Т. 1, с. 674].

ИНФАНТ – «Титул принца в Испании и Португалии при монархическом правлении, а также лицо, носящее этот титул» [Там же].

Формируемое значение: 'насекомое с массивными величественными серо-голубыми крыльями, похожими на элементы царского облачения'. Вероятно, в основе сходства лежит внешность монаршей особы женского пола.

Вяч. Иванов в своей работе «Избранные труды по семиотике и истории культуры» дает подробный семиотический анализ стихотворения «Бабочка-Буря» Пастернака Б. Л., откуда приведен данный фрагмент, и указывает на конкретное лицо, прототипом которого является исследуемый образ: «Это – увековеченная

Веласкесом Инфанта Маргарита Тереса, девочка, на портретах обычно расправляющая симметрично обеими руками свое платье, пальцы ее возле бантов (на них красноватый отблеск), и вся ее фигурка не просто напоминает бабочку, она неотличима от бабочки. Раскрывшиеся пятнистые крылья бабочки – широчайшая юбка растробом, подобная кринолину, с красными бантами, праздничный наряд инфанты, по-испански называемый *infantaguardia*, дословно – “защита инфанты”» [2, с. 35]. Складки платья инфанты, изображенные на картине, соотносимы со струями дождевой воды, а красноватые отблески ее бантов ассоциируются с зарницами. Автор замечает также, что такая несоразмерность по величине тела и наряда может быть только у представителей царского сословия, увековеченного европейской живописью, и в царстве насекомых (в частности, у бабочек).

Таким образом, перед нами результат обратимого метафорического переноса: «инфанта Маргарита Тереса» ↔ «бабочка».

- *«Может быть, в том, что бабочка знойные крылья сложила, / Есть и наша вина: слишком близко мы к ней подошли. / Отойдем – и вспорхнет, и очнется, принцесса Брамбилла / В разноцветной пыли!»* (Кушнер А. С.) [5, с. 153].

Формируемое значение: 'хрупкое и острое существо, опасющееся близости человека и демонстрирующее свою красоту на расстоянии'.

В основу метафорического переноса положен фантазмагорический образ одноименного произведения Э. Т. А. Гофмана – принцессы Брамбиллы, явившейся фантазией одного из героев, который вводил в заблуждение остальных тем, что убеждал в возможности лицезреть ее через специальные очки.

- *«Треплет свечку, морщит пламя / Знамя ночи вкось углами, / Соглядатай, часовой, / Жироватый, суховатый...»* (о ночной бабочке – Т. Б.) (Тарковский А. А.) [5, с. 153].

Формируемое значение: 'насекомое, которое длительное время в пределах одного помещения совершает однообразные движения по поверхности чего-либо, мелькает, вызывая колебания света'.

В основе метафорического переноса лежит значение движения в рамках ограниченного пространства по определенному маршруту человека, следящего за кем-либо, охраняющего что-либо:

СОГЛЯДАТАЙ – «Тот, кто тайно наблюдает, следит за кем-л.» [4, Т. 4, с. 179].

ЧАСОВОЙ – «Вооруженный караульный, охраняющий порученный ему пост» [4, Т. 4, с. 653].

- «И потому под шумок я приветствую / бабочек – асов люфтваффе, / В рюмочку стянутых ос – настагающих / мотыльков ге-стапо» (Кононов Н.) [5, с. 153].

Формируемое значение: 'насекомое, чья способность к полету расценивается как мастерство, а сам полет – как атака'.

Метафорическое значение возникло на основе термина «ас люфтваффе», определяющегося как «летчик-истребитель военно-воздушных сил Германии, мастер воздушного боя». Таким образом, бабочка сравнивается не с техническим средством (самолет) на основе внешнего сходства и способа передвижения, а с человеком, одержавшим большое количество побед, выдающимся летчиком.

- «Скачет по полю жук-менестрель, / Реет бабочка, став на пуанты» (Н. А. Заболоцкий. Поэма весны (1956)) [3].

Формируемое значение: 'насекомое, совершающее плавные движения в воздухе, ассоциируемые с танцем балерины'.

В поэтическом фрагменте отсутствует лексема «балерина», однако на основании наличия в нем существительного, обозначающего профессиональный атрибут – «пуанты», делаем вывод, что метафорический перенос базируется в данном случае на сравнении полета бабочки и движений, свойственных балерине.

г) **по интеллектуальному развитию** (дура):

- «Бабочки хохочут как безумные, / Вьются хороводы милых дур / По лазурному нагромождению / Стереометрических фигур...» (А. А. Тарковский. «Бабочки хохочут как безумные...» (1977–1979)) [3].

Формируемое значение: 'насекомое, совершающее хаотичные, странные, не поддающиеся рациональному осмыслению движения'.

Лексема-коррелят «дура» в общеязыковом смысле употребляется по отношению к человеку, а в содержании значения – признаки, характеризующие особенности его умственного развития:

ДУРА – «Женск. к дурак» [4, Т. 1, с. 453].

ДУРАК – «Глупый, тупой челове» [4, Т. 1, с. 453].

е) **по внешнему виду** (щеголиха):

- «Колено цветов – безвестных труженников, / Колено бабочек-щеголих» (С. И. Липкин. Новый Иерусалим (1987)) [3].

Формируемое значение: 'насекомое женского пола, имеющее яркую, привлекательную окраску, демонстрируемую окружающим'.

В МАС значение лексемы-коррелята прямое и употребляется только по отношению к человеку:

ЩЕГОЛИХА – «Женск. к щеголь» [4, Т. 4, с. 739].

ЩЕГОЛЬ – «Тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться; франт» [[4, Т. 4, с. 739].

ж) **историческое лицо** (Жанна д'Арк):

- «Жанна д'Арк в мучительно-мучнистой узкой капсуле со / сложенными / Ручками на груди, с крылышками – бабочка, вот ты / Возле лампочки сгорела...» (Кононов Н.) [5, с. 153].

Формируемое значение: 'насекомое, уязвимое для огня, однако привлекаемое им'.

Метафорическое значение возникло на основе сравнения бабочки с национальной героиней Франции, военачальницей Жанной д'Арк, осужденной инквизицией и принявшей мученическую смерть в результате сожжения.

2. **Фрейм НЕКТО воздействует на НЕКТО 1.**

Коррелятами в данной группе метафор выступают действия, осуществляемые человеком и способные вызывать ответную человеческую реакцию у насекомого. К ним относится один глагол – соблазнить (соответственно, быть соблазненным).

- «Пророчишь, горькая, и руки уронила, / Прилипла прядь волос к бескровному челу, / И улыбаешься – о, не одну пчелу / Румяная улыбка соблазнила / И бабочку смутила не одну» (А. А. Ахматова. «Пророчишь, горькая, и руки уронила...» (1921.08.27)) [3].

Формируемые значения: 'насекомое, ошибочно воспринявшее яркий предмет, как цветок'.

СМУТИТЬ – «Привести в смущение, замешательство» [4, Т. 4, с. 160].

3. **Фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ.**

Слот ТАКОЙ в данной группе метафор представляют адъективные корреляты, обозначающие внешние (жеманный) и внутренние (бездумный) характеристики человека.

- «Где листья мертвенны и, тихо шевелясь, / колеблют надо мной подъятый воздух, / жеманны бабочки, стрекозы грациозны» (Л. Л. Аронзон. «Где листья мертвенны и, тихо шевелясь...» (1966)) [3].

Формируемое значение: 'насекомое женского пола, совершающее замысловатые, привлекающие внимание движения'.

В МАС значение лексемы-коррелята «жеманный», относящееся к бабочке, в общеязыковом смысле имеет прямое значение и употребляется по отношению к человеку:

ЖЕМАННЫЙ – «Лишенный простоты и естественности; манерный.» [4, Т. 1, с. 477].

- «Оттого на свечу и летят / Все бездумные бабочки лета» (Ю. П. Кузнецов. Звезда (1980)) [3].

Формируемое значение: 'насекомые, не способные к размышлению'.

Согласно приведенному в МАС примеру употребления лексемы-коррелята «бездумный», грамматически она выступает в сочетании <признак (бездумный) + абстрактное существительное (отношение, поступок и т.п.)>, а не <признак (бездумный) + одушевленное существительное (живое существо)>.

БЕЗДУМНЫЙ – «не сопровождаемый размышлениями. У одного раньше, у другого позже бездумное отношение к действительности сменяется другим – более трезвым, строгим и серьезным. Ажаев, Далеко от Москвы» [4, Т. 1, с. 71].

4. Фрейм НЕКТО ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ.

К данной группе относятся метафоры, в которых в качестве концепта-коррелята выступают действия, характерные для человека. Референт-насекомое в рассматриваемых примерах ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ, как человек. Слот ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ представлен глаголами, обозначающими:

а) **находиться в состоянии** (любить):

- «Теперь я чувства те лелею, / Люблю, как ландыш – близость мхов, / Как любит бабочка лилею / – Заметней всех других цветов» (К. К. Случевский. Песни из уголка (1898)) [3].

Формируемое значение: 'насекомое, избирающее для сбора нектара определенный вид растений; садится на конкретный цветок чаще, чем на другие цветы'.

В МАС наиболее близким выявленному нами значению является четвертый лексико-семантический вариант глагола «любить», который представляет лексема-коррелят:

ЛЮБИТЬ – «Нуждаться в каких-л. условиях как наиболее благоприятных (о животных, растениях).» [4, Т. 2, с. 209].

б) **производить речь** (говорить, разнести (весть)):

- «Группы бабочек и лилий / На шелку зеленаватом, / Как живые, говорили / С электрическим закатом» (Н. С. Гумилев. Сада-Якко (1908)) [3].

Формируемое значение: 'группа насекомых, ассоциируемая с группой людей, ведущих разговор'.

В отличие от значения лексемы-коррелята метафорическое значение не связано с реальной способностью насекомых к вербальной речи:

ГОВОРИТЬ – «Вести беседу, разговаривать» [4, Т. 1, с. 322].

- «А на заре пробудилась поляна: / бабочка скорбную весть **разнесла**...» (В. В. Набоков. «Фейна дочь утонула в росинке...» (1918.12.01)) [3].

Формируемое значение: 'насекомое, подающее сигналы другим живым существам'.

Согласно МАС, метафорическое значение базируется на основе переносного значения лексемы-коррелята:

РАЗНЕСТИ – «сообщить, сделать известным всем, многим; разгласить. Молва по обыкновению разнесла, что железные сундуки его полны без счету денег. Гоголь, Портрет» [4, Т. 3, с. 619].

в) **выражать эмоции** (хохотать, смеяться):

- «Блуждая по запущенному саду, / я видел – в полдень, в воздухе слепом, / двух бабочек глазастых, до упаду / хохочущих над бархатным пупом / подсолнуха» (В. В. Набоков. Стихи (1924.03.09)) [3];

- «Бабочки хохочут как безумные, / Вьются хоромы милых дур / По лазурному нагромождению / Стереометрических фигур» (А. А. Тарковский. «Бабочки хохочут как безумные...» (1977–1979)) [3].

Формируемое значение: 'совокупность кружащих над цветами насекомых, что сопоставимо со свойственными человеку состояниями веселости, оживленности, радости жизни'.

В отличие от общеязыковых значений лексемы-коррелята, метафорическое значение не связано с воспроизведением каких-либо физических звуков:

ХОХОТАТЬ – «Издавать звуки, похожие на хохот» [4, Т. 4, с. 623].

- «Бомбы ли рвутся, смеются ли бабочки / – Песня все шире да шире...» (Н. А. Заболоцкий. Ночь в лесу [Деревья, 4] (1933)) [3].

Формируемое значение: 'гиперболизированное представление о способности насекомого издавать звук, воспринимаемый человеческим ухом'.

Лексема-коррелят, согласно МАС, употребляется только по отношению к человеку как единственному существу, имеющему способность к смеху:

СМЕЯТЬСЯ – «Издавать смех. [Сережа] от души смеялся своим звонким, отчетливым и чрезвычайно увлекательным смехом. Л. Толстой, Детство» [4, Т. 4, с. 154].

г) **выполнять физические действия** (плясать):

- «И пляшут бабочки, и клонится свеча, / И рухнувший прибор я слышу у плеча» (Вс. А. Рождественский. Коктебельская элегия (1928)) [3];

- «И жужжат-гудят печальные шмели. / Пляшут бабочки над илом на мели» (В. Ю. Янковская. «Шелестит тальник. Журчит, звенит река...» (1943)) [3].

Формируемое значение: 'двигаться скачками, кругообразно, как бы танцуя'.

МАС включает указанное переносное значение, образованное метафорическим способом и вошедшее в состав лексико-семантической системы русского языка:

ПЛЯСАТЬ – «перен. Двигаться скачками, подпрыгивая, кругообразно, как бы танцуя. Добрый конь мотал головою, фыркал и плясал: всадник и сдерживал его и шпорил. Тургенев, Первая любовь» [4, Т. 3, с. 148].

д) **изменить свое состояние** (опьянеть):

• «Оттого, что бабочки бьются / Вкружи свечи золотым крылом / И бездумно падают в блюдца, / **Опьянев** душным теплом» (Д. Л. Андреев. «Оттого, что бабочки бьются...» [Лесная кровь, 8] (1936–1950)) [3].

Формируемое значение: 'испытать физиологическое воздействие источника тепла, провоцирующего расслабленность и замедление реакций насекомого'.

В основе метафорического значения – сходство (у живых организмов вообще) признаков состояния опьянения:

ОПЬЯНЕТЬ – «Сов. к пьянеть» [4, Т. 2, с. 635]

ПЬЯНЕТЬ – «Становиться пьяным, хмелеть» [4, Т. 3, с. 570].

Таким образом, нами были рассмотрены когнитивные метафорические модели «насекомое – человек» с концептом-референтом «ба-

бочка» на материале поэтических текстов (31 пример).

Анализ структуры данных образований показал, что источником переноса (область-источник) в большинстве метафор выступили прямые и переносные общезыковые значения лексем-коррелятов, именующих человека по различным основаниям: социальному положению (8 употреблений), религиозной принадлежности (1 употребление), роду деятельности и профессиональной принадлежности (7 употреблений), интеллектуальному развитию (1 употребление), внешнему виду (1 употребление). Единственным оказался контекст, где лексемой-коррелятом выступило историческое лицо. Всего данная модель НЕКТО есть НЕКТО 1 обнаруживает 19 контекстов.

Вторая по численности группа НЕКТО ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ представлена метафорами, в основе которых лежат действия и состояния человека (9 употреблений).

Наименее продуктивными оказались модели (НЕКТО ТАКОЙ и НЕКТО воздействует на НЕКТО 1), в которых коррелятами выступили лексемы, обозначающие признаки человека (2 употребления) и человеческие действия, оказывающие влияние на насекомого (1 употребление).

Литература

1. Жаботинская С. А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети // Slovo z perspektywy jezykoznaucy s tlumacza. 2005. С. 53–62.
2. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т.1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 1708 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 15.04.2018 г.).
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX вв. В 2 т. Том 1. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 248 с.

References

1. Zhabotinskaya S. A. Leksicheskoe znachenie: printsipy postroeniya kon-tseptual'noi seti (*Lexical meaning: the principles of building a conceptual network*) // Slovo z perspektywy jezykoznaucy s tlumacza. 2005. P.53 – 62. (In Russian).
2. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tu-ry (*Selected Works on Semiotics and Cultural History*). Vol.1. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1998. 1708 p. (In Russian).
3. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (*National Corpus of the Russian language*). URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (Accessed: 15.04.2018 g.). (In Russian).
4. Slovar' russkogo yazyka (*Dictionary of the Russian language*): In 4 Vols. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. (In Russian).
5. Pavlovich N. V. Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vv. (*Dictionary of poetic images: On the material of Russian fiction literature of the XVIII–XX centuries.*) In 2 Vols. Vol. 1. Moscow, 2007. 248 p. (In Russian).

УДК 81-2

Л. Р. Вартанова

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА РИЧАРДА РУССО «ЭМПАЙЕР Фоллс»

Данная статья рассматривает жанрово-стилевые особенности современного американского романа, особенностью которого является авторское, нетипичное для художественного текста описание действительности, со своеобразным манипулятивным воздействием на читателя, что подтверждает интеллектуальность представленного жанра. Данная характеристика нашла свое отражение в дискуссиях главных героев, которые позволяют им понять смысл жизни, сделать выбор, обрести веру, уметь противопоставить иллюзию и реальность. Грамматической характеристикой материала исследования является использование простых и распространенных предложений. Прагматическая особенность текста заключается в необходимости выделения кванта информации, понимания и осмысления его. Перевод художественного произведения требует сохранения эстетического и прагматического воз-

действия на читателя, что в свою очередь, приводит к применению переводческих трансформаций на различных уровнях языка. Также необходимо учитывать фоновые знания представителей различных лингвокультур, что может привести к неадекватному восприятию исходного сообщения. Сверхзадачей перевода данного текста является сохранение эмоциональной напряженности в отношениях главных героев, которые представлены различными средствами художественной выразительности. Фактор переводчика играет особую роль в связи с двойственной позицией последнего, а именно – реципиент оригинала и источник перевода.

Ключевые слова: описание действительности, прагматическое отношение, манипулятивное воздействие, средства художественной выразительности, перевод.

L. R. Vartanova

TRANSLATION FEATURES OF RICHARD RUSSO'S NOVEL "EMPIRE FALLS"

The article is devoted to genre and style features analyses of the modern American novel, which peculiarity is based on the author's, not typical for fiction description of the reality, with the unique manipulative influence on the reader that proves the intellectual originality of the given text. This characteristic feature is reflected in the main character speeches, which make them realize the life purpose, make a choice, gain faith and be ready to contradict the illusion and the reality. Grammar peculiarity of the text is the usage of simple and expanded sentences. The necessity to distinguish the information bit, to understand and comprehend it, is the main pragmatic feature of the text. Translation of the fiction requires preservation of esthetic and pragmatic influence on

the reader and preconditions the use of translation transformations at different levels. Besides, it is important to consider the basic knowledge of the representatives of different linguocultures, which may lead to an inadequate comprehension of the original text. The grand purpose of the text translation is to preserve the emotional tense of the main character's relations, which is presented with the help of different means of artistic emphasis. Translator factor plays the key role due to the twofold position of the latter, namely the recipient of the original text and the source of the translation.

Key words: reality description, pragmatic evaluation, manipulative influence, means of artistic expression, translation.

Материалом нашего исследования является современный американский роман «Эмпайер Фоллс», написанный американским писателем, сценаристом и педагогом Ричардом Руссо. Роман появился сравнительно недавно – в 2001 г., поэтому находится в синхронии по от-

ношению к моменту перевода. Роман нацелен на широкую аудиторию, независимо от пола и возраста читателей, т.к. для него не характерно использование специальных терминов и сложных оборотов речи, он не требует специальных знаний, а служит лишь для развлечения и об-

щего обогащения. Это позволяет сохранить в тексте иллюзорное представление автобиографичности. Для романа характерна образность, лежащая в основе любого искусства; коммуникативность – обращенность к читателю; эмоциональность – воздействие на чувства адресата; идейность, т.к. произведение всегда отмечено индивидуальностью писателя; мировосприятие и мировоззрение автора.

Стиль данного текста – художественный, характеризующийся экспрессивностью речи и обилием образных лексических средств. Художественный текст можно рассматривать как комплекс с особой структурой, заключающего в себе высоко сконцентрированную информацию, которая насыщена различными экспрессивными средствами. Художественный текст отличается от остальных типов текста способом описания действительности, которая представлена в романе в виде образа. Иными словами, роман Ричарда Руссо «*Empire Falls*» характеризуется высокой степенью образности, и при этом, некоторая часть текста также может быть передана имплицитно, за счет так называемой «смысловой емкости». Смысловая емкость – «...свойство, которое проявляется в способности писателя сказать больше, чем говорит прямой смысл слов в их совокупности, заставить работать и мысли, и чувства, и воображение читателя» [3, с. 38]. Именно с этим связан особый интерес к исследуемому нами тексту – роман насыщен большим количеством стилистических приемов, в особенности лексическими средствами выразительности. В своем произведении Ричард Руссо старается изобразить саму правду жизни, особенности и грани проявления человеческих характеров. В свою очередь, описание неожиданных и захватывающих событий, в которых и проявляются основные черты героя (храбрость, находчивость, воля и самоотверженность), которые можно отнести к чертам приключенческой литературы, отходит на второй план. Данное произведение вобрало в себя черты одновременно реалистического и интеллектуального романа. Категория интеллектуальности находит отражение в многочисленных диалогах и спорах героев, в ходе которых из вопросов и ответов постепенно выстраивается истина. Ключевыми в этих спорах словами и понятиями являются смысл жизни, выбор, вера, противопоставление иллюзии и реальности, умения и знания, возможности и способности, желания и необходимости и т.д. Что касается лексической характеристики, то в романе частотно употребление диалогической речи, насыщенной лексикой, принадлежащей к разговорному стилю.

Говоря о грамматической характеристике, исходный текст можно охарактеризовать следующими синтаксическими особенностями. Во-первых, в романе часто употребляются простые, короткие предложения. Преобладает употребление настоящего времени. Между тем, наряду с диалогами встречаются и развернутые пространственные описания, а наряду с простыми предложениями используются и распространенные сложные. Также необходимо еще раз упомянуть о прагматике исходного текста. Как и любой другой текст, роман представляет собой некоторое сообщение, передаваемое от источника к реципиенту, содержащее определенные сведения, которые читателю (реципиент) необходимо извлечь из содержания произведения и осмыслить. Таким образом, читатель вступает в личностные отношения с текстом – а именно прагматические. Извлеченная информация может оказать определенное воздействие на читателя, затронуть его чувства, побудить к определенным поступкам. Способность текста оказывать подобное воздействие на читателя, вызывать у него прагматическое отношение к сообщаемому в тексте, называется прагматическим потенциалом текста. Такая способность вызывать у читателя определенную реакцию характерна для художественных текстов в общем и данного романа, в частности. Иными словами, под коммуникативной задачей перевода подразумевается необходимость достижения своеобразного манипулятивного воздействия на читателя, которое заключается в пробуждении в нем определенных эмоций, чувства сопереживания героям, в полном понимании читателем идеи, правил и замысла придуманного автором мира. В художественных текстах эта функция реализуется посредством употребления различных средств художественной выразительности. Все выше названное составляет эстетический и прагматический аспекты художественного текста. Эстетический отражается в языковых, содержательных и структурных элементах произведения, характеризующих авторское «я» и его картину мира, а прагматический – в цели, поставленной автором, и эффекте, оказываемом с помощью данных средств на читателя. Из этого можно сделать вывод, что перевод произведения художественной литературы является в некоторой степени процессом воспроизведения картины мира автора оригинала, его языкового сознания и творческой индивидуальности с помощью выразительных средств другого языка.

В процессе перевода также необходимо учитывать различия, существующие в этих

культурах: разные языковые коллективы, знания и жизненный опыт. Если подобные различия приводят к неполноценному пониманию исходного сообщения, переводчику необходимо устранить эти препятствия с помощью определённых преобразований текста. Иными словами, прагматически ориентированный перевод должен заставить читателя понять, какой смысл вкладывал в текст автор оригинала. Для достижения этой цели переводчик обязан учесть все возможные особенности употребления тех или иных языковых единиц. Задача, разумеется, не из легких, и требуется не только лингвистическая компетенция, но и недюжинная эрудиция переводчика для её успешного решения. Обратимся в этой связи к материалу нашего исследования, роману «*Empire Falls*». Рассмотрим его начало, которое могло с таким же успехом быть и концом, структурно ничем не отличающееся от центра произведения:

«The Empire Grill was long and low-slung, with windows that ran its entire length, and since the building next door, a Rexall drugstore had been condemned and razed, it was now possible to sit at the lunch counter and see straight down Empire Avenue all the way to the old textile mill and its adjacent shirt factory» [6].

Первый смысл этой фразы, который мог бы получиться, если передать ее на русский, таков:

«Эмпайр Гриль был продолговатым и низким, с окнами по всей его длине. Соседнее здание, где раньше располагалась городская аптека, было признано непригодным и снесено. И теперь, сидя за буфетной стойкой, жители городка рассматривали всю Эмпайр авеню, вплоть до старой текстильной фабрики и прилегающего к ней бельевого завода».

Следует подчеркнуть, что Эмпайр Фоллс – некогда процветающий городок, находится на пути полного вымирания. Фабрики и заводы за счет которых процветал город постепенно вышли из строя, молодежь предпочитает перебираться в большие города и город приходит в упадок. Картина угнетающая, насыщенная оттенками мрачности и упадка, а подобное толкование является всего лишь географическим указанием, локализацией событий местности. Отсутствие у читателя необходимых экстралингвистических сведений, так называемых фоновых знаний, обуславливает необходимость пояснения данного контекста при переводе. Особенно часто такая необходимость возникает при передаче имен собственных, географических названий. При переводе на русский язык топонима «*Empire Falls*», мы, как правило, добавляем слово «городок», указы-

вающие на то, что обозначает это наименование, чтобы сделать их понятными для русского читателя: городок Эмпайр Фоллс. Добавление поясняющих элементов потребовалось и при передаче названия заведения: *The Empire Grill was long and low-slung, with windows that ran its entire length, Empire Grill*.

Паб Эмпайр Гриль был продолговатым и низким, с окнами, расположенными по всей длине здания. Данное заведение является одним из немногих островков прежней, некогда счастливой жизни. В прежние времена, здесь собирались рабочие, и вечерами, сидя за барной стойкой рассказали последние новости и разговаривали с друзьями. Роль заведения не изменилась с течением времени, разве что, разговоры все больше ведутся о несбыточных мечтах и прошлом. В других случаях сохранение прагматики текста оригинала может быть связано с опущением некоторых деталей в переводе, не имеющих эквивалента в языке перевода: *«...the building next door, Rexall drugstore, had been condemned and razed...»* – *«...соседнее здание, где раньше располагались аптеки, было признано непригодным и снесено...»*. В переводе опущено слово «*Rexall*» – фирменное название аптек, которое не несет особой информации для русского читателя. Соответственно, несмотря на то, что это и приведет к определенной потере, данная информация является несущественной и ею вполне можно пренебречь при переводе на русский язык. С целью обеспечения адекватного понимания передаваемого сообщения мы иногда вынуждены прибегнуть к замене непереводаемого элемента исходного сообщения информацией, которая лишь подразумевалась в оригинале, но для реципиента перевода (как читателя, так и переводчика) будет вполне очевидной. То есть: имплицитная в оригинале информация становится эксплицитной в переводе:

Horace picked the thin slice of Bermuda off the plate with his thumb and forefinger... [6].

Гораций смахнул кусочек лука со своей тарелки...

В данном примере в оригинале дано название овоща, широко распространённого в южной части США. Русскому читателю вряд ли известно такое растение, как «бермудский лук», поэтому в переводе это название было обобщено до «лука», тем более, что в имеющемся контексте данное преобразование не является существенным. Очень часто подобные замены носят характер генерализации, т.е. замены слова с конкретным значением словом с более общим, но зато более понятным для реципиента перевода значением:

Like most of her high school friends, Tick, a thin sophomore, lugged all her books in a canvas Bean [6].

Тема переходного возраста и худобы Тейк будет более подробно раскрыта в процессе повествования. Сейчас же мы наблюдаем лишь отдельные факты, которые тем не менее заслуживают внимания. Вопреки буквальному смыслу предложения, Тейк не является студенткой университета, она все еще ходит в школу, но русский читатель может и не знать особенностей американской образовательной системы, в которой школы разделены на три ступени (начальная, средняя и старшая), поэтому при переводе будет произведена замена, разъясняющая смысл этого словосочетания: Как и большинство ее школьных друзей, Тейк, будучи худенькой, тоненькой старшеклассницей, носила книги в большом холщовом рюкзаке. Фирменные названия печатных изданий, конкурсов не несут в русской лингвокультуре той информации, которая закреплена за ними в английском оригинале, поэтому их перевод должен осуществляться посредством добавления или замены.

I'd have a better chance of winning the MegaBucks lottery- Miles said У меня больше шансов выиграть прореву денег в лотерее, – произнес Майлз. Майлз [6], в отличие от своего отца, не тешит себя пустыми надеждами, что миссис Уайтинг назначит его своим правопреемником. Отсюда и такое ироничное высказывание. Майлз вовсе не имел в виду, что он выиграет саму лотерею как некий приз. Речь шла всего лишь об определенной сумме денег, которая является для него весомой, поэтому, дабы избежать путаницы при переводе мы прибегли к преобразованию, которое позволило сохранить образность авторского высказывания и более привычно для русскоязычного читателя.

Основным требованием к переводу, с точки зрения адекватности, как известно, является точная передача содержательной стороны оригинального текста при сохранении его экспрессивно-стилистических особенностей. Другими словами, переводчик должен стремиться не к механическому переносу всех стилистических особенностей оригинала, а к воссозданию равнозначного эффекта или «тождественности восприятия» в тексте перевода. К. И. Чуковский, рассуждая о первостепенной задаче перевода, говорил, что оценка художественных переводов должна производиться не на основе ошибок и «случайных промахов» в процессе перевода, а на основе успешности

передачи «художественной индивидуальности переводимого автора во всем своеобразии его стиля» [5, с. 19]. Один из критериев репрезентативности художественного перевода в целом и романа в частности заключается в сохранении как можно большего количества тропов и фигур речи как важных составляющих художественной стилистики произведения.

Л. К. Латышев отмечал важность такого понятия как «адекватная мера трансформаций», которая, по его мнению, «обеспечивает максимальное структурно-семантическое подобие оригинала и перевода при соблюдении условия равноценности регулятивного подобию» [2, с. 43]. Превышение данной меры является недопустимым и проявляется в случаях, когда переводчик недостаточно тщательно работает с текстом оригинала, допускает чрезмерное отклонение текста перевода от исходного, их расхождение и несоответствие.

Ранее уже упоминалось, что перевод – это «особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. Перевод составляет особую разновидность художественно-творческой деятельности, своеобразную форму вторичного художественного творчества» [1, с. 84]. Тем не менее, необходимо помнить о том, что функция стилистического приема важнее его формы, что означает, что при передаче лексических средств выразительности возможна их замена грамматическими и наоборот. Если же при переводе определенного контекста переводчик прибегает к опущению непередаваемого на русском языке стилистического явления, ему необходимо будет вернуть своеобразный «долг» тексту, создав другой образ со схожей стилистической направленностью в другом месте текста [4, с. 234]. При передаче лексических средств выразительности – эпитетов, метонимий, метафор, пословиц и т.п. – переводчику каждый раз нужно решить: сохранить лежащий в их основе образ или заменить другим.

В нашей работе, в процессе сохранения индивидуально-стилистических особенностей английского юмористического рассказа мы выявили широкое использование лексических средств выразительности, наиболее частотные из которых мы рассмотрим далее. Стоит заметить, что лексические приемы очень широко используются в английской художественной литературе, представляя различные понятия в необычном для читателя виде, а также придавая эмоциональность высказыванию. Попадая в художественный текст, слово включается в сложную образную систему произведения и выполняет эстетическую функцию, что мы и можем наблюдать в исследуемом тексте.

Из всего выше сказанного мы можем сделать вывод, что основной целью переводчика художественного произведения является передача прагматического потенциала оригинала и сохранение его коммуникативного воздействия на читателя. Для этого переводчик прибегает к ряду трансформаций, выбор которых зависит от переводимого контекста и должен обуславливаться его важностью и функциональной спецификой в тексте. С прагматической точки зрения, в зависимости от коммуникативной направленности текста и целевой аудитории

читателя тексты отличаются разной степенью переводимости. При переводе данного романа удалось достигнуть высокой степени адекватности воспроизведения прагматического потенциала оригинала, чему способствовали различные факторы. Важно отметить, что большинство из них являются экстралингвистическими и связаны с таким явлением, как фактор переводчика, выполняющего двойную функцию – реципиента оригинала и источника перевода.

Литература

1. Виноградов В. В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ Тезаурус, 2005. 320 с.
3. Назин А. С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык: дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2007. 165 с.
4. Проzorov В. Г. Основы теории и практики перевода с английского языка на русский. М.: УРАО, 1998. 124 с.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
6. Russo R. Empire Falls. N.Y.: Harper Collins, 2001. 486 p.

References

1. Vinogradov V. V. Vvedenie v perevodovedenie obshchie i leksicheskie voprosy (*Introduction to translation studies (general and lexical questions)*). Moscow: Izdatelstvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001, 224 p. (In Russian).
2. Latyshev L. K. Tekhnologiya perevoda (*Translation technology*). Moscow: NVI Tezaurus, 2005. 320 p. (In Russian).
3. Nazin A. S. Sopostavitelnoe issledovanie metafor v romane Dzh.R.R. Tolkiena "Hobbit ili tuda i obratno" i ego perevodah na russkij yazyk (*A comparative study of metaphors in the novel by J.R.R. Tolkien "The Hobbit, or there and back" and its translations into Russian*): thesis. Ekaterinburg 2007. 165 p. (In Russian).
4. Prozorov V. G. Osnovy teorii i praktiki perevoda s anglijskogo yazyka na russkij (*Basics of theory and practice of translation from English into Russian*). Moscow: URAO, 1998. 124 p. (In Russian).
5. Chukovskij K. I. Vysokoe iskusstvo (*High art*). Moscow: Sovetskij pisatel, 1988. 448 p. (In Russian).
6. Russo R. Empire Falls. N.Y.: Harper Collins, 2001. 486 p.

УДК 10.02.19

И. В. Картавецца

ЭПИЧЕСКИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА Б. БРЕХТА

В статье автор обращается к драматургическому дискурсу XX в., а именно к драматургии Б. Брехта. Под ним в работе понимается совокупность текстов, в которых описана система драматургических приемов и принципов театральной игры, и непосредственно текстов «эпических» драм. Такое понимание обусловлено анализом текста сквозь призму аутодемпсии, которая является основным направлением в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний.

Автор делает предположение о том, что тексту «эпической» драмы, как и художественному тексту, свойственно наличие интертекстуальной связи, которая выражена в форме цитирования слов различных авторов, а также в форме авторских включений. К таким элементам он относит «зонги» и речитативы. Кроме того, в статье путем сравнительного анализа выделяются основные отличительные черты речитатива и «зонга».

«Зонг» Б. Брехта характеризуется как разновидность «текста в тексте» с особой синтаксической структурой, типичной для лирических произведений. В рамках данного вопроса автор анализирует их семантическую и структурную типологию. Благодаря структурному анализу выделяются такие виды «зонгов», как монолог, диалог и хор.

Анализируя содержание «зонгов»-монологов, автор предполагает, что речь, находящаяся в речеведении одного действующего лица, представ-

ляет собой монологический рассказ, раскрывающий основные темы и проблемы произведения. В «зонгах»-диалогах прослеживается та же самая направленность, но реплики представляют собой не традиционный вопрос/ответ, а напоминают собой последовательный рассказ единой тематики нескольких действующих лиц. «Зонг»-хор характеризуется как «коллективный» монолог, поскольку он находится одновременно в речеведении нескольких лиц, но в то же самое время не требует ответной реакции от собеседника.

Речитативы в тексте драмы Б. Брехта в противоположность «зонгам» не подчиняются законам поэзии. Для них характерны прозаическая форма выражения и отсутствие заглавия. Их ритмический рисунок характеризуется асимметрией, а интонационная схема имеет сходство с естественной речью.

По семантике автор выделяет элементы в форме дидактического наставления и резюмирования информации.

В итоге автор приходит к выводу, что текст «эпического театра» имеет много общих черт с повествовательными жанрами, что делает его особо интересным и актуальным для современной лингвистической науки.

Ключевые слова: текст в тексте, интертекстуальные связи, зонг, речитатив, эпический элемент, эпическое включение, интертекстуальная связь.

I. V. Kartavtseva

EPIC INCLUSIONS IN THE LANGUAGE OF B. BRECHT'S DRAMATIC TEXT

In the article the author turns to the dramatic discourse of the XX century, namely to the drama of B. Brecht. The author views it as a set of texts in which a system of dramaturgic techniques and principles of theatrical play is described, and directly the texts of "epic" dramas. This understanding is due to the analysis of the text through the prism of autodescription, which is the main direction within the cognitive-discursive paradigm of knowledge.

The author assumes that the text of "epic" drama, as well as the artistic text, is characterized by the presence of an intertextual connection, which is expressed in the form of quoting the words of various

authors, as well as in the form of author's inclusions. Such elements in B. Brecht's dramas are the "songs" and recitatives. In addition, the article distinguishes the main distinctive features of a recitative and a "song" by means of comparative analysis.

B. Brecht's "song" is characterized as a kind of "text in the text" with a special syntactic structure typical of lyrical works. Within the framework of this issue, the author analyzes their semantic and structural typology. Thanks to the structural analysis, these types of "songs" are distinguished. These are a monologue, a dialogue and a chorus.

Analyzing the content of such monologues, the author assumes that the speech, which refers to one actor, is a monologic story that reveals the main themes and problems of the work. The “songs”-dialogs follow the same direction, but the replicas are not a traditional question / answer, but they remind us of a consistent story on a single theme of several actors. “Song”-chorus is characterized as a “collective” monologue, because it is simultaneously in the speech of several persons, but at the same time does not require a response from the interlocutor.

The recitative in the drama text by B. Brecht as opposed to the “songs” does not follow the laws of

Современная лингвистика развивается и расширяет границы своих интересов, сливаясь с другими областями знаний. В данный момент активно набирает обороты аутодескриптивное направление в рамках новой парадигмы знания, которую многие авторы называют когнитивно-дискурсивной [3, с. 519]. Так наиболее перспективным и недостаточно изученным в данном аспекте является текст «эпического театра», который представляет собой синтез элементов повествовательных жанров и драмы. В работе под ним будет пониматься единоеобразное смысловое пространство или целостная единица, система которой состоит из коммуникативно-функциональных элементов, служащих для осуществления коммуникации в соответствии с речевой ситуацией.

Для анализа «эпических» элементов в текстах драм Б. Брехта был выбран семиотический метод, структурно-семантический и прагматический анализ, метод сплошной выборки фрагментов, содержащих искомый языковой феномен, дистрибутивный метод анализа, а также метод двуязычного перевода. Материалом для исследования послужил драматургический дискурс XX в., представленный «эпическими» драмами Б. Брехта.

Если опираться на аутодескриптивные данные Б. Брехта, то под текстом «эпического театра» можно рассматривать не только совокупность текстов, в которых описана система драматургических приемов и принципов игры в театре, но и все многообразие текстов «эпических» драм. Любой текст является единым смысловым пространством, в который могут быть внедрены разнообразные элементы из других текстов. В свою очередь текст «эпического театра» тоже представляет собой сложную систему, характеризующуюся наличием «текста в тексте» (Ю. М. Лотман). Другими словами, это «введение в оригинальный авторский текст чужого текста» [5, с. 104–122].

poetry. They are characterized by a prosaic form of expression and the absence of a title. Their rhythmic pattern is characterized by asymmetry, and the intonation scheme is similar to natural speech.

In semantics, the author singles out the elements in the form of didactic instruction and summary information. As a result, the author concludes that the text of the “epic theater” reveals many similarities to the narrative genres, which makes it particularly interesting and relevant for modern linguistic science.

Key words: text in the text, intertextual links, song, recitative, epic element, epic inclusion, intertextual connection.

Н. С. Валгина рассматривает особенности оформления художественного текста. По ее мнению, текст может обрамлять основной текст, «передавать главную идею произведения (эпиграф), являться вкраплениями другого языка» [1, с. 94–95]. В качестве примера лингвист приводит использование французского языка в текстах произведений «Война и мир» и «Евгений Онегин». Помимо этого может встречаться не прямое цитирование чужих слов, вставленных в авторский текст без специальных ссылок и выделений.

При этом под драматургическими произведениями сегодня понимаются «такие результаты дискурсивной деятельности, которые представлены в форме пьес; это тексты с особым строением, своей собственной архитектурой и организацией» [2, с. 4].

Интертекстуальные связи находят свое отражение в различных цитатах: точных и неточных, открытых и скрытых, неявных. Лингвист Н. А. Кузьмина понимает под цитатой «знак интертекста» [4, с. 96]. Она считает, что главными свойствами цитаты является диалогичность. Под диалогичностью исследователь понимает то, что точка зрения, заявленная в цитате, может совпадать с точкой зрения автора метатекста, но не сливается с ней, пока цитата осознается как высказывание другого лица. Кроме того, еще одним важным свойством цитаты является узнаваемость формы, т.е. для автора «чужое слово» становится формой передачи своего собственного смысла, отодвигая на периферию его первичное значение, «оставляя его в виде фона, нередко контрастного по отношению к новому значению (как, например, в пародии)» [4, с. 101–102].

Лингвистический анализ текстов драм Б. Брехта позволяет определить следующие разновидности интертекстуальных связей в них:

1) Цитирование слов других авторов

Анализ содержания произведений Б. Брехта позволяет утверждать, что его текст харак-

теризуется введением в авторский метатекст чужого текста. Приведем пример включения цитаты В. В. Маяковского из произведения «*Der kaukasische Kreidekreis*» (Кавказский меловой круг): «*Wie der Dichter Majakowski gesagt hat, «die Heimat des Sowjetvolkes soll auch die Heimat der Vernunft sein!»*» [7, p. 11].

2) Введение авторских элементов

В данном случае следует понимать введение автором в метатекст собственных слов, представляющих собой отдельные текстуальные единства, которые отличаются друг от друга литературной формой и даже жанром. В метатексте Б. Брехта к таким единицам относятся «эпические» включения («зонги» и речитативы), т.к. он включает в себя не только сценические диалоги и ремарки, которые являются строительным материалом любого драматургического произведения.

«Зонги» в тексте «эпического театра» представляют собой иную текстуальную форму по сравнению с репликами и ремарками. Согласно немецкому словарю Duden, «*зонг*» – это песня (музыкальное произведение) (разг.); (музыкально и текстуально простая форма) декламация легко запоминающегося текста под музыкальное сопровождение на злободневную, социально-критическую, сатирическую тематику [10].

«Зонги» Б. Брехта представляют собой особый вид «текста в тексте», который обращает на себя внимание синтаксической структурой, типичной для лирических произведений. Во-первых, в большинстве случаев «зонги» имеют заглавия («*Das Lied vom Rauch*» («Песня о дыме»), «*Lied des Wasserverkäufers im Regen*» («Песня водоноса под дождем») и др.). Если же автор не озаглавил данную часть текста, то он использует ремарку «*Er singt*» (Он поет), «*Sie singt*» (Она поет). Во-вторых, «зонги» обладают таким свойством, как рифма.

В произведениях «эпического театра» Б. Брехт использует еще одну вокальную музыкальную форму, которая была характерна для творчества народных сказителей – речитатив. Под этим термином принято понимать определенный элемент оперы или род вокальной музыки, приближающийся к естественной речи при сохранении фиксированного музыкального строя и регулярной ритмики. Данный прием применяется в опере, оратории, кантате, а также в песнях.

Речитативы у Б. Брехта являются прозаическими и, как правило, лишены заглавия. В большинстве случаев они представляют собой речь, доведенную до предельно высокой

степени выразительности. Они не подчиняются симметрическому ритму и воспроизводят интонационный и ритмический рисунок естественной речи. Чтобы увидеть разницу в синтаксической структуре «зонгов» и речитативов в тексте Б. Брехта, приведем пример каждого из них.

Речитатив:

«*SHEN TE Ich bin erschrocken. Sicher wollten Sie es nur tun, weil der Abend so trüb ist.*

Zum Publikum:

In unserem Lande

Dürfte es trübe Abende nicht geben

Auch hohe Brücken über die Flüsse

Selbst die tuned zwischen Nacht und Morgen

Und die ganze Winterzeit dazu, das ist gefährlich...» [6, p. 47].

«Зонг»:

SHEN TE

Es ist schön im Regen.

Wang, der Wasserverkäufer, kommt. Er singt das

«*LIED DES WASSERVERKAEUFERS IM REGEN*»

Ich hab Wasser zu verkaufen

Und nun steh ich hier im Regen

Und ich bin weithin gelaufen

Meines bisschen Wassers wegen...» [6, p. 50].

Из приведенного выше примера видно, что идентификатором последующего речитатива может служить ремарка «zum Publikum» («Публике»). Несмотря на прозаическую форму, речитатив имеет ту же самую структуру, что и стихотворное произведение. Но автор не всегда использует ремаркирование. В таких случаях речитатив отличается только графическим оформлением.

«Зонги» Б. Брехта в драматургическом тексте оформлены в виде таких форм организации речевого ряда, как монолог и диалог. Кроме того, к ним также относится особая форма – хор. Для иллюстрации данного утверждения можно привести следующие примеры:

1) Зонг-монолог, в котором речь персонажа не обращена непосредственно к собеседнику с целью получения ответной реакции:

«*Grusche singt:*

Vier Generäle

Zogen nach Iran.

Der erste führte keinen Krieg

Der zweite hatte keinen Sieg

Dem dritten war das Wetter zu schlecht

Dem vierten kämpften die Soldaten nicht recht...» [9, p. 35–36].

В данном типе «зонга» слова могут принадлежать либо певцу, либо одному из персонажей.

Тема может раскрываться монологически в присутствии других лиц или при их отсутствии.

2) Зонг-диалог, в котором могут участвовать два и более лица:

«**ÜBERDIEUNSIHERHEITMENSCHLICHER VERHÄLTNISSE**

POLLY

Was ich möchte, ist es viel?

Einmal in dem Tristen Leben

Einem Mann mich hinzugeben.

Ist das ein zu hihes Ziel?

PEACHUM mit der Bibel in den Händen:

Das Recht des Menschen ist's auf dieser Erden

Da er doch nur kurz lebt, glücklich zu sein

Teilhaftig aller Lust der Welt zu warden

Zum Essen Brot zu kriegen und nicht einen Stein.

FRAU PEACHUM

Wie gern wär ich zu dir gut

Alles möchte ich dir geben

Dass du etwas hast vom Leben

Weil man das doch gerne tut...» [9, p. 42].

Тема в таких «зонгах» может быть раскрыта диалогически в речеведении двух и более персонажей. При этом реплики действующих лиц представляют собой не типичный вопрос/ответ, утверждение/отрицание, утверждение/уточнение как в традиционном диалоге, а напоминают собой последовательный рассказ на одну тему.

3) Зонг-хор, который исполняется коллективом или группой действующих лиц, совместно читающих стихи или выступающих с песней:

«**CHOR**

Horch, wer kommt!

Des Königs reitender Bote kommt!» [9, S. 97]

Данный тип «зонга» можно охарактеризовать как «коллективный» монолог, поскольку он находится одновременно в речеведении нескольких лиц, но в то же самое время не требует ответной реакции от собеседника.

Анализ текстов пьес для «эпического театра» позволяет представить семантическую типологию «зонгов» Б. Брехта следующим образом:

1. Дидактическое наставление (учебные, императивные «зонги»)

Как правило, наличие этих видов «зонгов» характерно для «учебных» пьес, к которым относятся «Исключение и правило» («Die Ausnahme und die Regel»), «Мероприятие» («Die Massnahme»), «Горации и Куриации» («Die Horatier und die Kuriatier»). При этом «учебный» характер создается главным образом благодаря дидактичности «зонгов» и песен. Приведем пример из произведения «Исключение и правило» («Die Ausnahme und die Regel»):

«Was nicht fremd ist, findet befremdlich!

Was gewöhnlich ist, findet unerklärlich!

Was da üblich ist, das soll euch erstaunen!

Was die Regel ist, das erkennt als Missbrauch!»

[8, p. 4].

Автор задает поучительный тон, т.к. обращается к читателю (зрителю), используя императивное наклонение «*findet*» (*воспринимайте*), «*schafft Abhilfe*» (*окажите помощь*), а также при помощи модального глагола долженствования «*sollen*» («*das soll euch erstaunen*» (это должно вас удивлять)). Обращение основано на использовании императивных конструкций, в которых заданный эффект усиливается благодаря использованию антонимических лексем: *gewöhnlich* (*привычный*) – *unerklärlich* (*непонятный*), *Regel* (*правило*) – *Missbrauch* (*нарушение*).

2. Резюмирование и оценка информации

Этот тип «зонгов» можно условно разделить на два вида: 1) обращение к читателю (зрителю) от лица героев; 2) обращение к читателю (зрителю) от лица рассказчика или народного певца (ашуга).

Приведем пример, иллюстрирующий первую категорию:

«Drei Tage ist es her, seit die Goetter weggezogen sind. Sie sagten, sie wollten mit ihr Nachtlager bezahlen. Und als ich sah, was sie mir gegeben haetten, sah ich, dass es ueber tausend Silberdollar waren. – Ich habe mir mit dem Geld einen Tabakladen gekauft. Gestern bin ich hier eingezogen, und ich hoffe, jetzt viel Gutes tun zu koennen» [6, p. 18].

Из приведенного примера понятно, что монолог резюмирует информацию, с которой читатели (зрители) уже знакомы. Читатель (зритель) имеет возможность оценить всю ситуацию с новой стороны, что помогает ему быть более объективным и критично подойти к проблеме, о которой идет речь в произведении. Также это помогает создать эффект присутствия автора (рассказчика) в произведении или на сцене. Реализация принципа происходит опосредованно, через героя (актера).

Вторая категория этого типа «зонгов» характеризуется наличием слов рассказчика или народного певца (ашуга). Эти лица остаются за пределами основного сюжета, но при этом дополняют и оценивают происходящее со стороны. Рассказчик (певец) управляет ходом действия, но не вмешивается в него и не лишает действующих лиц самостоятельности. В качестве примера можно привести следующий фрагмент из произведений «Кавказский меловой круг» («Der kaukasische Kreidekreis»):

«Ihr aber, ihr Zuhörer der Geschichte vom Kreidekreis

Nehmt zur Kenntnis die Meinung der Alten:

Daß da gehören soll, was da ist, denen, die für es gut sind,

also

Die Kinder den Mütterlichen, damit sie gedeihen

Die Wagen den guten Fahrern, damit gut gefahren wird

Und das Tal den Bewässerern, damit es Frucht bringt» [7, p. 131].

Итак, понятие «зонг» стало известно именно с появлением «эпического театра» Б. Брехта. Их синтаксическая и графическая структура имеет сходство с лирическими и прозаическими произведениями. Поскольку эти единицы в некотором смысле автономны по отношению к

остальному тексту, то была сделана попытка классифицировать их по структуре и семантическому значению.

Стоит отметить, что текст «эпической» драмы Б. Брехта благодаря внедрению в него интертекстуальных элементов сближается с повествовательными жанрами произведений. Текст имеет сходство со сценическим рассказом или сценическим повествованием. Благодаря смещению акцента с реплик на «зонги» меняется роль диалога как основного средства создания речевого портрета персонажа. Это говорит о том, что текст «эпического театра» Б. Брехта содержит некоторое количество ресурсов для современных исследований в области лингвистики текста.

Литература

1. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 191 с.
 2. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 67. 2008. № 4. С.3 – 10.
 3. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
 4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та; Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 268 с.
 5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
 6. Brecht B. Der gute Mensch von Sezuan. Berlin: Suhrkamp Verlag, 71. Auflage, 2012. 128 s.
 7. Brecht B. Der kaukasische Kreidekreis. Berlin: Suhrkamp Verlag, 1963. 131 S.
 8. Brecht B. Die Ausnahme und die Regel. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 2003. 338 s.
 9. Brecht B. Die Dreigroschenoper. Nach John Gays "The Beggar's Opera". Mitarbeiter: E.Hauptmann, K.Weill. Berlin: Aufbau, 1973. 106 s.
 10. Duden URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Дата обращения: 21.05.2018).
- References
1. Valgina N.S. Teorija teksta (Text theory). Moscow: Logos, 2003. 191 p. (In Russian).
 2. Kubrjakova E.S., Aleksandrova O.V. Dramaturgicheskie proizvedenija kak osobyj ob'ekt diskursivnogo analiza (k postanovke problemy) (Dramatic texts as a special object of discursive analysis (Introducing the problem) // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. Vol. 67. 2008. No. 4. P.3 – 10. (In Russian).
 3. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie (Language and knowledge). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, 560 p. (In Russian).
 4. Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka (Intertext and its role in the process of poetic language evolution). Ekaterinburg: USU publ.. Omsk: OSU publ., 1999, 268 p. (In Russian).
 5. Lotman Yu.M. Kul'tura i vzryv (Culture and explosion). Moscow: Gnozis, Izdatel'skaja gruppa «Progress», 1992. 272 p. (In Russian).
 6. Brecht B. Der gute Mensch von Sezuan. Berlin: Suhrkamp Verlag, 71. Auflage, 2012. 128 p.
 7. Brecht B. Der kaukasische Kreidekreis. Berlin: Suhrkamp Verlag, 1963, 131 p.
 8. Brecht B. Die Ausnahme und die Regel. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 2003, 338 p.
 9. Brecht B. Die Dreigroschenoper. Nach John Gays "The Beggar's Opera". Mitarbeiter: E.Hauptmann, K.Weill. Berlin: Aufbau, 1973, 106 p.
 10. Duden URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Accessed: 21.05.2018).

УДК 811.161.1/511.141

А. Туболи

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АКТУАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ НОВОСТНЫХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

Настоящая работа ставит перед собой цель – проанализировать общественно-информативные тексты, точнее выполнить сравнение актуализации глагольных значений в новостных газетных статьях (параллельные тексты) венгерского и русского языков. Автор выявляет контекстуально обусловленные значения некоторых глаголов, (употребляемых в параллельных текстах), функционирование и актуализацию значений многозначного глагола. Эмпирическим материалом исследования послужили венгерские и русские газеты, журналы, новостные интернет-порталы. В анализе новости русских и также венгерских источников переведены автором и представляют собой эквивалентные и адекватные тексты – передающие новости одинакового содержания.

Актуальность работы состоит в том, что путем сопоставительного анализа выявлены различия между переводческими решениями (каждый перевод субъективен в этом смысле), как преодолеваются типовые трудности перевода связанные со спецификой венгерского и русского языков, также выявляются расхождения на фоне контекстуального значения. Эти факторы во многом влияют и на восприятие и интерпретацию одной и той же новости, переданной на разных языках и обнаруживаются конкретные расхождения в фокусах продуцента и реципиента.

Ключевые слова: публицистический стиль, новости в газетных статьях, сопоставительный анализ, грамматика русского и венгерского языков, трудности перевода.

A. Tuboly

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ACTUALIZATION OF VERBAL VALUES IN TRANSLATION OF THE RUSSIAN AND HUNGARIAN NEWSPAPERS

The article describes what kind of linguistic differences appear during the analysis of Hungarian and Russian newspaper articles, performs a comparative analysis of actualization of the verbal meanings in news articles (parallel texts).

This work aims to identify the contextually determined meanings and functioning of russian and hungarian verbs, also presents the differences between the grammar systems of the two mentioned languages.

The empiric basis of the work are Hungarian and Russian newspapers, magazines and various Internet portals transmitting the news of the world. In the analysis of the news of Russian and also Hungarian sources translated by author and are considered as equivalent and adequate Newspaper texts – representing news of the same content in both languages.

The relevance of this work is that using a comparative analysis as a method, it is possible to identify the differences between translation solutions and strategies (each translation is subjective in this aspect), how the typical translation difficulties associated with the specific meanings of the Hungarian and Russian languages. These factors in many ways affect the perception and interpretation of the same news, transmitted in different languages, and there are specific differences between the focuses of producer and receptor as well.

Key words: journalistic style, news reporting, comparative analysis, Russian and Hungarian grammar systems, translation difficulties.

1. Публицистический стиль и его языковые нормы

Как известно, перевод – это одно из древнейших занятий человека. Различие языков побудило людей к этому занятию, которое служит целям общения и обмена духовными цен-

ностями между народами. Слово «перевод» многозначно, и у него есть два терминологических значения, первое из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка. Второе – называет

результат этого процесса – текст устный или письменный. Перевод – это деятельность по интерпретации смысла текста на исходном языке, и созданию нового, эквивалентного текста на языке перевода. Целью перевода является установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстом, для того, чтобы оба текста несли в себе одинаковой смысл.

Задачей перевода являются поиски соответственных и параллельных способов выражения содержания подлинника – из состава средств другого языка. Переводчик всегда имеет дело с различными стилями общенационального языка, он всегда учитывает их соотношение и взаимопроникновение, равно как и формы отношения средств выражения к передаваемому содержанию [21, р. 29].

Тексты для переводов разнообразны по жанрам, стилям и функциям. Поэтому переводчику важно знать, какой вид текста ему надлежит переводить. Типы текстов определяют требования к переводу, из этого следует, что цели и задачи переводчика оказываются различными в зависимости от того, что он переводит, ведь у каждого из жанров имеют свои особенности.

Принимая во внимание функции языка и стили речи, целесообразно выделить шесть основных функционально-стилевых типов текстов:

1. *Разговорные тексты*: Они выполняют функцию общения, реализуются в устной диалогической форме.

2. *Официально-деловые тексты*: К этой группе относятся государственные, политические, дипломатические, юридические и тому подобные тексты.

3. *Общественно-информативные тексты*: Содержат самую различную информацию, подходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция – информирование.

4. *Научные тексты*: Среди них выделяются, прежде всего, тексты специальные, научно-популярные. Они реализуются главным образом в письменной форме.

5. *Художественные тексты*: В этих текстах используются единицы и средства всех стилей, но все эти стилиевые элементы включаются в особую литературную систему и приобретают новую эстетическую функцию.

6. *Религиозные сочинения*: Их содержание отличается своеобразием. Основное место среди них занимают канонические книги Священного писания, апокрифы, теологические тексты [5, р. 16–17].

В процессе перевода проблема передачи стилистических приемов состоит в том, что эти своеобразия вызывают затруднения у переводчика из-за национальных особенностей стилистических систем разных языков. Воссоздание адекватного прагматического эффекта оригинала в переводе также ставит трудности перед переводчиком. Параметры адекватности этих образных средств разделяются на следующие: передача семантической информации, передача эмоционально-оценочной информации, передача экспрессивной и эстетической информации. Если семантическая основа подлинника передана точно, результатом перевода является адекватное смысловое содержание.

Слово *публицистический* происходит от слова *publicare, publicus* и имеет значение ‘сделать общим, открыть для всех, объяснить, обнародовать’. Публицистика – особый тип литературных произведений, в которых разъясняются актуальные вопросы общественно-политической жизни, поднимаются нравственные проблемы.

Этот стиль широко употребляется в периодической печати, то есть в газетах, журналах, также в радио- и телепередачах, в публичных выступлениях и тому подобное. Цель публицистического текста – оказать желаемое воздействие на разум и чувства читателя, слушателя, он сочетает функции сообщения и воздействия, чтобы повлиять на мысли читателей, реализуя побудительную функцию.

Среди языковых особенностей стиля необходимо назвать использование специальной терминологии, эмоционально окрашенной лексики, использование и абстрактной, и конкретной лексики. Сам стиль является наиболее продуктивным каналом в рождении языковых неологизмов, исходя из этого, можно сказать, что оказывает и значительное влияние на развитие языковой нормы. Особенностью публицистического стиля является употребление широкого спектра средств литературного языка: от научных и специальных терминов до слов обыденной разговорной речи. Жанрами публицистики являются репортаж, интервью, статья, зарисовка, очерк, фельетон.

Среди лексических черт следует отметить употребление специальной лексики, для данного стиля характерна широкая полисемия, при которой лексема зачастую употребляется в переносном значении, наблюдается явление многозначности и метафоризации.

Среди стилистических средств языка средств массовой информации Ю. В. Рождественский выделяет две группы отграничивает

признаваемое и отвергаемое. В семантическую сферу признаваемого входят все предметы (лица, документы, события), которые считаются позитивными с точки зрения органа информации, а в семантическую сферу отвергаемого входят такие предметы, которые считаются негативными [18, p. 249].

Цель публицистического текста сообщить новые сведения, и не столько донести информацию, сколько представить суждения об этой информации. Кроме этого, у этих текстов есть еще одна цель – воздействовать на читателя. Передача информации находит свое выражение в денотативной функции, передавая информацию о денотате, а воздействующая функция связано с экспрессивной функцией. Передача информации редко бывает полностью нейтральной.

Текстами этого жанра часто являются частью какой-то газеты, однако авторская личность не всегда проявляется в тексте, реципиентами являются широкие массы населения. С этой точки зрения, передача информации происходит как бы „безлично“, в виду и того, что сам переводчик и внесет субъективные оттенки в этом процессе.

Публицистический стиль характеризуется и высокой степенью клишированности. Клише в этих текстах употребляется как определенный сигнал, создает повышенный эмоциональный фон, но при этом не мешает восприятию когнитивной информации. Можно сказать, что через клише передается оценка автора.

1.1. Особенности перевода газетно-информационных статей

Материалы газетно-информационного жанра составляют основное содержание газетных текстов. В наши дни средства массовой информации оказывают огромное влияние на жизнь людей, также на национальные языки и культуры. Исходя из этого, проблема перевода средств массовой информации становится актуальной.

Газета – это средство информации и убеждения. Как уже было сказано выше, основная ее задача заключается в сообщении определенных сведений с определенных позиций с целью достижения желаемого воздействия на читателя. Характерная особенность газетно-информационного материала заключается и в стилистической разноплановости лексики, которая отличает газетные тексты от научно-технической информации и от художественной и научной прозы. Французский лингвист Ш. Балли и писал, что научный язык – это язык идей, а художественная речь – язык чувств.

К этому можно добавить, что публицистика – язык и мыслей и чувств [2, p. 281].

Лексико-грамматическая специфика стиля проявляется в газетных заголовках. Венгерские газеты, как правило, используют в заголовках не совершенные формы глагола, в русских прессах в большинстве случаев также употребляются эти формы глагола. В заголовках особенно широко используются и фразеологизмы и устойчивые выражения. Если в самой статье какая-либо ситуация описывается в более сдержанном стиле, заголовка часто носит разговорный характер (нп: *Поживем – увидим – На megérjük, meglátjuk*). Синтаксис газетных материалов характеризуется частым употреблением сложных, особенно сложно-подчиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов, также использованием пассивных конструкций.

Когда речь идет о событиях, происшедших в недавнем прошлом, обычно употребляется форма прошедшего времени в обоих языках. (нп: *Медведев вылетел на похороны Качиньского – Medvegyev orosz elnök Kaczynski temetésére repült*).

Перевод газетно-информационной литературы представляет собой отдельный интерес для изучения по своей актуальности и насущности. Жанр газетно-информационной литературы представляет собой материалы печатно-периодических изданий, в которых публикуются новости о самых разнообразных событиях текущей жизни, или источники, несущие в себе ту или иную информацию. При переводе такого жанра литературы существуют различные особенности и сложности. Эмоционально окрашенные слова или определенные выражения могут неодинаково восприниматься разными людьми, тем более, если эти люди представляют собой разные языковые и этнические коллективы. Исходный текст будет переводиться по-разному в зависимости от того, для кого предназначен перевод, и может оканчиваться необходимостью вносить в перевод какие-то изменения, чтобы адаптировать его к требованиям рецептора и его культуры.

2. Сопоставительный анализ актуализации глагольных значений в переводах новостных газетных статей русского и венгерского языков

2.1. Переводческая эквивалентность и контекстуальное значение

Задача любого перевода – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Перевод

должен нести в себе не только то, что выражено подлинником, но и то, как это выражено. Для определения степени общности содержания (смысловой близости) оригинала и перевода были введены понятия эквивалентности и адекватности. В теории и практике перевода оперируют такими сходными понятиями, как эквивалентность, адекватность и тождественность.

В широком плане эквивалентность понимается как нечто равноценное, равнозначное чему-либо, адекватность – как нечто вполне равное, а тождество – как нечто обладающее полным совпадением, сходством с чем-либо.

Следует различать достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух текстов, и переводческую эквивалентность, то есть реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная степень сохранения содержания оригинала при переводе, однако в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной (различия в системах исходящего и переводящего языков). Цель перевода состоит в сохранении содержания, функций, стиливых, стилистических, коммуникативных ценностей оригинала.

Задачей переводоведения является изучение всех контекстных связей при переводе (как процесс), а также контекстной семантики. Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Так контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово [3, р. 169].

Н. Ю. Шведова в понятие контекст вкладывает содержание, соответствующее как тому, что называется указательным минимумом, так и тому, что служит языковым окружением, языковой обстановкой вообще [22, р. 31].

Как отмечает Л. С. Бархударов, в пределах общего понятия контекста различается узкий контекст (микрконтекст) и широкий контекст (макрконтекст). Узкий контекст можно разделить на контекст синтаксический и лексический. Синтаксический контекст – это та синтак-

сическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или предложение. Лексический контекст – это совокупность конкретных лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых встречается данная единица.

Наиболее наглядно и предельно убедительно роль контекста выступает при переводе текста с одного языка на другой. Любая многозначность языковых единиц поддается переводу не в силу некоего абстрактного соответствия отдельных словарных единиц, а благодаря раскрытию всех контекстных связей элементарных единиц, образующий целый коммуникативный отрезок.

Многие слова приобретают в контексте такие значения, которые не входят в их смысловую структуру, эти значения возможны только в условиях данного контекста. Такие значения являются контекстуальными значениями. Контекстуальное значение является наиболее подвижной, неустойчивой, колеблющейся в своем содержании, оно не реализуется, а возникает в данном контексте. Считается, что основным значением многозначного слова является то, которое на данном отрезке времени чаще всего ассоциируется в сознании большинства носителей.

В связи с актуализацией потенциального контекстуального значения можно сказать, что контекстуальное значение возникает в процессе употребления слов в речи и в зависимости от окружения, и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста. По степени частотности можно различать узуальные (повторяющиеся) и окказиональные (случайные, индивидуальные) контекстуальные значения.

2.2. Анализ актуализации глагольных значений в переводах газетных статей

При анализе эквивалентных¹ газетных статей выявляются очень важные расхождения грамматического строя, различия и также общие черты глагольных конструкций двух языков. Возможные пути и фокусы анализа, здесь не имея в виду наш основной фокус работы, могут быть и нижеследующие, шаг за шагом, анализируя лексемы (см. таблицу).

¹ Эквивалентными считаются переводы статей сделанной мною. (Статьи взяты из русско-и венгерскоязычных пресс считаются и равноценными с точки зрения передачи информации).

Русский оригинал	Венгерский перевод	Венгерский оригинал	Русский перевод
Медведев вылетел на похороны Качиньского Президент России Дмитрий Медведев вылетел из Москвы в Краков, чтобы присутствовать на похоронах президента Польши Леха Качиньского. Об этом сообщает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-секретаря президента Наталью Тимакову.	Medvegyev orosz elnök Kaczynski temetésére repült Dmitrij Medvegyev orosz elnök Moszkvából Krakkóba repült, hogy részt vegyen a lengyel elnök – Lech Kaczynski – temetésén. – számol be az Interfaksz hírügynökség hivatkozva Natalja Timakovra, az elnök szóvivőjére.	Az orosz elnök megérkezett Krakkóba Rendben landolt Dmitrij Medvegyev repülőgépe vasárnap a lengyelországi Krakkóban, ahol délután kettőkor kezdődik a lengyel elnök és feleségének temetése.	Президент России прибыл в Краков В воскресенье без всякой проблемы приземлился самолет Медведева в польском Кракове, где и в два часа состоится похороны Леха и Мария Качинских.

Заголовок русского оригинала «*Медведев вылетел на похороны Качиньского*» полностью соответствует переводу «*Medvegyev orosz elnök Kaczynski temetésére repült*», однако в венгерском оригинале *Az orosz elnök megérkezett Krakkóba* информация выражается имплицитно, так как в заголовке нет никаких указаний на цели путешествия, нет слов о похоронах. Для русского читателя сразу выясняется и вид транспорта как бы дополнительная информация при помощи глагола *вылетел*. В первом предложении русского оригинала глагол *вылетел* переводится словом *repült*. Использование совершенного вида выражает единое, законченное действие, которое противопоставляется венгерскому глаголу несовершенного вида *repült*. Однако смысл заголовки включает в себе оттенки результативности, в контексте направление действия (*Moszkvából Krakkóba*) как бы подтвердит совершенность, результат действия.

Русский глагол *вылетел* образуется при помощи приставки – *вы-*, от корня – *лет-* со суффиксом *-е-* и глагольное окончание *-ть*. Венгерский глагол *repült* образуется от корня инфинитива *repülni* при помощи знака прошедшего времени *-t-*.

Семантическая теория перевода основывает переводческую эквивалентность на наличии общих сем в содержании оригинала и перевода.

Семантические описания ставят перед нами различные содержания глаголов, так как толкование глагола *repül* ('ember-repülőgépen utazik') и толкование глагола *вылететь* (1. 'Летя, направиться, отправиться куда-нибудь' *Самолет вылетел по расписанию. Птенец вылетел из гнезда. Вылетело* (безл.) *из головы* (перен.: забылось; разг.). 2. 'Летя, появиться откуда-н.' *Самолет вылетел из-за облаков.* 3. 'Оказаться уволенным, исключенным откуда-н.' (прост.) расходятся в значительной мере. Венгерский глагол не содержит никакого фразеологиче-

ского оттенка, когда глагол *вылететь* носит в себе и коннотативное значение, причем образность. Используя толковые словари двух языков в ходе анализа, можно заметить и тот факт, что русские словари передают значение слова более детально чем венгерские, также дают соответствующие в употреблении стилистические пласты.

Глагол *присутствовать* в русском оригинале переводится глаголом *részt vesz* формой которая образуется от инфинитива *részt venni* и употребляется в третьем лице единственного числа. Имея в виду семантические описания двух глаголов обнаруживаются одинаковые содержания и также общие черты в сфере употребления. Присутствовать: 'иметь место, иметься, наличествовать' передает тот же самый смысл как и венгерский глагол *részt vesz* 'elmege valahová, hogy jelen legyen'.

В русском оригинале в предложении «*Об этом сообщает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-секретаря президента Наталью Тимакову*» конструкция со *ссылкой* передается венгерским деепричастием *hivatkozva*. В русском обороте употребляется форма с+существительное в творительном падеже, а венгерский язык передает информацию деепричастием. «*Dmitrij Medvegyev orosz elnök Moszkvából Krakkóba repült, hogy részt vegyen a lengyel elnök – Lech Kaczynski – temetésén. – számol be az Interfaksz hírügynökség hivatkozva Natalja Timakovra, az elnök szóvivőjére.*». В этом случае происходит замена частей речи. Интересно и обратить внимание на разное членение предложений в двух языках. В русском оригинале информация включена в двух предложениях (см. выше, в таблице), а в подлиннике передается при помощи одного предложения. Здесь имеем дело с переводческой трансформацией, которая называется грамматической заменой, базирующиеся на разном членении предложения.

Считается, что имена собственные переводятся как бы сами собой, автоматически. Значение имени собственного становится актуальным и при межкультурных и межъязыковых контактах. При переводе их на другой язык, они в основном сохраняют свой первоначальный звуковой облик. Слова «Интерфакс» и имена собственные *Дмитрий Медведев* и *Наталья Тимаков* переводятся при помощи транслитерации.

В ходе **дальнейшего анализа** – типа вышесказанного – можно было бы выяснить подобные расхождения, возникающие в связи со структурой, и грамматическим своеобразием двух языковых систем. Но, **на наш взгляд**, важнее сам контекст и значение глаголов в нем, в дальнейшем анализируются несколько глаголов, при помощи которых можно обнаружить актуализацию разных значений в разных контекстах. Сам контекст придает той или иной единице языка однозначность и делает возможным выбор одного из нескольких потенциально существующих эквивалентов данной единицы в переводящем языке. Конечно, роль контекста далеко не ограничивается разрешением многозначности слов, однако важная его функция заключается именно в этом.

В зависимости от характера контекстов различаются лексический, грамматический и сме-

шанный (лексико-грамматический) типы контекста. При лексическом типе важно лексическое значение слов, под влиянием которых и происходит выбор семантически связанной с ними части значения ядра. Грамматический контекст возникает тогда, когда в роли индикатора выступает какая-либо грамматическая функция, но чаще всего, однако, для верного выбора части объема значения многозначного слова используется смешанный (лексико-грамматический) тип контекста, где важно и лексическое значение, и грамматическое оформление.

Многозначность глаголов означает наличие у глагола более чем одного языкового сигнификативного значения. С этой точки зрения выбор значения при функционировании глагола в речи можно рассматривать как наложение референциальных ограничений на вероятностную языковую многозначность слова. Контекст содержит указание на сферу, характер, качества явлений действительности, которое делает приемлемым, совместимым с этими данными только одну интерпретацию.

Перевод во многом зависит от контекста, то есть для него, как правило, самым значимым уровнем является уровень предложения.

Русский оригинал	Венгерский перевод
<p>Президент России Дмитрий Медведев вылетел из Москвы в Краков, чтобы присутствовать на похоронах президента Польши Леха Качиньского. Об этом сообщает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-секретаря президента Наталью Тимакову.</p>	<p>Dmitrij Medvegyev orosz elnök Moszkvából Krakkóba repült, hogy részt vegyen a lengyel elnök – Lech Kaczynski – temetésén. – számol be az Interfaksz hírügynökség hivatkozva Natalja Timakovra, az elnök szóvivőjére.</p>

Глагол *сообщать* имеет следующие значения в связи с переводом с русского языка на венгерский: 1. közöl, tudat vkivel vmit 2. átad, kölcsönöz [28]. значения которые и являются в его толковании.

1. *о чем*. Рассказать кому-н. о чем-н., уведомить кого-н.
2. *что кому-чему*. Довести до чьего-н. сведения, передать словами.
3. *что кому-чему*. Передать другому (какое-н. свое качество, свойство; книжн.
4. *что чему*. Придать (какое-н. свойство, качество), сделать (что-н.) чьим-н. свойством (книжн.) [21].

В этом случае, имея в виду наш пример и контекст, реализуется первое значение глагола, так как в статье речь идет о передаче информации о путешествии президента Медведева. В венгерском переводе значение глагола

сообщать передается венгерским глаголом **beszámol**, который соответствует русскому глаголу, также реализуется основное, первое значение (*tn. ige-vmiről jelentést tesz, számot ad, ill. vmit ismertető, vmiről tájékoztató*) [26, p. 121].

Интересно заметить, что в русско-венгерском словаре Хадровича-Галди среди значений не цитируется глагол **beszámol**, все-таки, имея в виду контекст, этот глагол полностью передает содержание глагола-оригинала. В словарной статье венгерско-русского словаря глагол *сообщать* также не является потенциальным эквивалентом. В венгерском переводе глагол *сообщать* можно было бы заместить и глаголами, например **tudósít, tájékoztat, közöl**. В этом случае имеем дело с явлением синонимичности, однако контекст как бы сам определяет вариант глагола **beszámol** так как

в случае газетных текстов выбор определяется и по стилистически, имея в виду специальную лексику языка публицистики.

Глагол **сообщать** выступает и в случае следующего примера, когда венгерский оригинал переводится на русский язык:

Венгерский оригинал	Русский перевод
A krakkói reptér szövívője szerint az orosz delegáció két gépe megérkezett a lengyelországi nagyvárosba. Annak ellenére indult el az <u>orosz elnök</u> <u>Lengyelországba</u> , hogy az izlandi vulkán hamufelhője miatt gyakorlatilag az egész európai légiközlekedés megbénult.	Приземлились два самолета русской делегации в крупной польской город, – сообщает пресс-секретарь Краковского аэропорта. Президент России отправлялся в Польшу несмотря на то, что из-за облака исландской вулканической пыли сорвался воздушное сообщение Европы.

В венгерском языке через слово **szerint** переводится содержание глагола **сообщать**. Слово **szerint** как послелог по части речи с помощью местоимением перед ним выражает и передает значение глагола сообщать. В толковании послелога он сам сопровождает

ся и глаголом (*nu-1. vminek megfelelően, vmivel egyezőleg 2. vmit tekintetbe véve ill. vmire nézve 3. vmilyen értesülés alapján*) [26, p. 1256].

Контекст связывает реализацию слова с одним из семантических вариантов глагола **сообщать**.

Русский оригинал	Венгерский перевод
Премьер-министр России Владимир Путин заявил , что кандидатура на президентский пост РФ в 2012 году будет принята совместно им и действующим президентом Дмитрием Медведевым, сообщает 26 ноября Интерфакс.	Az orosz kormányfő – Vlagyimir Putyin – a 2012-es választások kapcsán kijelentette : az elnöki posztra való jelölés kérdését a jelenleg hivatalban lévő elnökkel, Dmitrij Medvegyevvel közösen fogják megvitatni – tájékoztat november 26-án az Interfaksz hírügynökség.

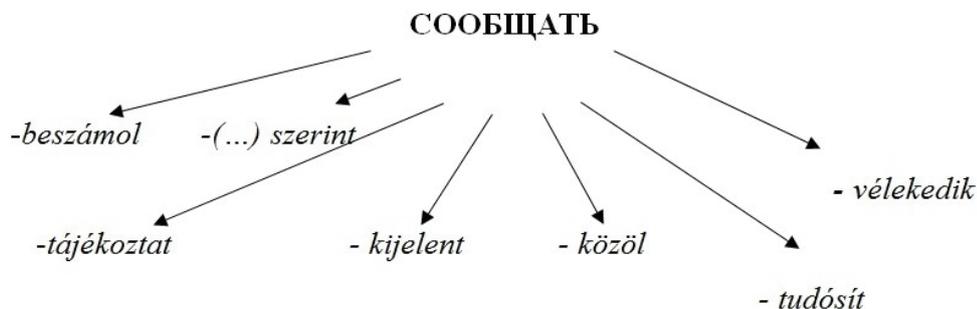
В приведенном примере в венгерском переводе значение глагола **сообщать** передается глаголом **tájékoztat**. В этом случае венгерский глагол выступает в своем втором значении, опираясь на его толковании (*ts- ige 1. útbaigazít vkit 2. felvilágosítást ad vkinek*) [26, p.1296].

гола **сообщить**, (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова) однако в венгерском языке переводится глаголом **kijelent**, у которого имеются значения следующие: (*ige- sajtó vál 1. határozottan, nyíltan kimond, állít vmit 2. vall kinyilatkoztat vmit 3. vkinek az elköltözését kijelentő lapon a hatóságnak bejelentí*) [26, p. 682].

В газетных текстах часто присутствует глагол **сообщить**, при переводе которого всегда следует уделять особое внимание контексту, в соответствии с ним перевод может сильно варьироваться и приобретать значения, характерные только для данного текста. Нужно и при этом учитывать стилистику и коммуникативное задание текста.

Ярко видно, что первое значение глагола исключительно употребляется в сфере публицистики. Одновременно следует отметить, что у русского глагола **сообщить** в венгерском языке, в переводе существует несколько вариантов-эквивалентов (рис 1.).

В этом же примере употребляется и глагол **заявлять**, который считается синонимом гла-

Возможные при переводе венгерские глаголы-эквиваленты (контекстуальные эквивален-

ты) включают в себе сегменты денотативного значения русского глагола. Интересно заме-

тить, что у глагола **сообщать** имеется и идиоматическое, устойчивое значение, которое и проявляется у вышеуказанного венгерского глагола **beszámol**. (пр: *Отец сообщил сыну интерес к наукам. – A fiú örökölte apjától a*

tudományos érdeklődését. – в венгерском языке глагол **beszámol** имеет также устойчивое значение – *Id. Jól beszámolt neki*).

В нижеследующем примере глагол **сообщить** опять проявляется в русском переводе.

Венгерский оригинал	Русский перевод
<i>Intenzívebbé váltak a spekulációk, hogy a jelenlegi orosz kormányfő ismét elnök akar lenni - közölte kedden az AFP. Vlagyimir Putyin ugyanis azt mondta nagy nyilvánosság előtt, hogy Franklin Delano Roosevelt is négyszer volt amerikai elnök.</i>	<i>Стали интенсивнее такие допущения, на основе которых нынешний премьер вновь хочет быть президентом – сообщил АФП во вторник. Владимир Путин объявил перед всем, что и президент США Франклин Делано Рузвельт избрался четыре раза президентом.</i>

В случае перевода с венгерского языка на русский глагол **közöl** переводится как бы автоматически глаголом **сообщить**, так как русский глагол как и венгерский имеет закрепленную в языке публицистики форму. (*közöl: 1. tudtára ad vkinek vmit 2. kinyomtatva közzétesz*) [26, p. 765].

Глагол **peredavать** в своем содержании имеет следующие значения:

- 1) давать кому-либо что-либо.
- 2) отдавать в собственность другому, поручать другому

3) делать известным другому, делиться чем-либо.

4) **сообщить** кому-либо чью-либо просьбу, поручение или то, что услышали, узнали

5) давать возможность услышать, увидеть (с помощью радио, телевидения и т.д.)

Глагол также имеет смысл соответствующий глаголу **сообщить**, так как в следующем примере переводится на венгерском языке опять глаголом **közöl**.

Русский оригинал	Венгерский перевод
<i>Президента США считают самым влиятельным политиком мира 82% опрошенных, а Владимира Путина, занявшего вторую позицию в списке – 62%. Российскому президенту Дмитрию Медведеву отдали свои голоса 42% респондентов, передает ПРАЙМ-ТАСС 23 апреля.</i>	<i>Az amerikai elnököt a megkérdezettek 82%-a véli a világ legbefolyásosabb politikusának, ezzel szemben Vlagyimir Putyin 62%-os eredménnyel második helyet foglal a listán. A válaszadók 42%-a szerint Dmitrij Medvegyev orosz elnök a legbefolyásosabb politikus – közli a Prime Tass hírügynökség április 23-án.</i>

Глагол **peredavать** имеет несколько эквивалентов в венгерском языке, как и **átad, közöl, továbbít, jelent, hírül ad, lead, közvetít, kézbesít**. В этом контексте реализуется именно значение **közöl, hírül ad**. Если проанализируем перевод и при помощи так называемого диагностического предложения, обнаруживается, что контекст как бы разрешает и следующие глаголы, создавая баланс.

Нп.: *A válaszadók 42%-a szerint Dmitrij Medvegyev orosz elnök a legbefolyásosabb politikus – közli/adja hírül/jelenti a Prime Tass hírügynökség április 23-án.*

3. Заключение

Основная идея данной работы заключается в изучении перевода как процесса, того каким образом и при каких условиях реализуются значения глаголов-эквивалентов при переводе с венгерского языка на русский и с русского языка на венгерский. Контекст реализует в языке и однозначности, и многозначности, которое является существенной характеристикой системы языка.

Исходя из этого положения, в качестве объекта анализа мы выбрали несколько, наиболее употребительных в языке газетных текстах глаголов с тем, чтобы провести анализ, как и какое у них значение актуализируется в разных контекстах.

В ходе анализа, мы обратили внимание и на дополнительные значения глаголов, имея в виду идиоматичность и сам контекст. Соотношение многозначности глаголов и контекста можно назвать балансом языка, при котором контекст определяет актуальное значение глагола. Правильного употребления варианта глагольных значений во многом зависит и от жанрово-стилистической характеристики и коммуникативного задания текста. В зависимости от этих факторов варианты перевода могут в значительной мере отличаться, однако сам контекст придает той или иной единице языка однозначность и делает возможным выбор одного из нескольких потенциально существующих эквивалентов данной единицы в переводе на язык.

Контекст компенсирует языковой многозначности, в большинстве случаев адекватный перевод достигается при помощи использования тематического контекста, а именно референциальных ограничений, которые могут иметь отдельное указание в контексте. Контекст придает той или иной единице языка однозначность и делает возможным выбор одного из нескольких потенциально существующих эквивалентов данной единицы в переводящем языке.

В двух частях статьи мы попытались показать практическую пользу нашего исследова-

ния, важность анализа разных значений глаголов, на основе которых можно и раскрыть расхождения между двумя языками.

В результате нашего исследования мы доказали, что изучение многозначности глаголов в свете контекстуального значения важно как для познания самого языка, правильного употребления в общении, так и в создании адекватного перевода. По словам немецкого филолога¹: „*Не бывает переводов с языка на язык – а лишь переводы со стиля на стиль*„.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э, Фомина М. И. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (Общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения. 1980. 343 с.
7. Дерibas В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский Язык, 1975. 256 с.
8. Ермолович Д. И. Основа профессионального перевода. М.: РОУ, 1996. 72 с.
9. Жуков Д. Мы – переводчики. М.: Знание, 1975. 112 с.
10. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 2005. 154 с.
11. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 192 с.
12. Крупное В. Н. Лексикографические аспекты перевода. М.: Высшая школа, 1975. 192 с.
13. Миловский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1987. 287 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 816 с.
15. Паршин А. Теория и практика перевода. М.: Русский язык, 2000. 202 с.
16. Прагматика слова / отв. ред. В. Д. Девкин. М.: МГПУ им. В.И. Ленина, 1985. 109 с.
17. Рецкер И. Я. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 215 с.
18. Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Новое тысячелетие, 1996. 326 с.
19. Розанова В. В. Краткий толковый словарь русского языка. М.: Русский Язык, 1982. 245 с.
20. Ушакова Д. Н. Толковый словарь. М.: Советская энциклопедия, 1935-1940.
21. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Филология три, 2002. 416 с.
22. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слов // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. М.: Наука, 1982. С. 142–154.
23. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
24. Hadrovics László-Gáldi László: Orosz – magyar szótár. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1951.
25. Klaudy Kinga: Orosz-magyar fordítástechnika. Tankönyvkiadó Budapest. 1980.
26. Puzsai Ferenc. Magyar Értelmező Kéziszótár. Akadémiai Kiadó. 2003.
27. Tóth László: Igeaspektus és fordítás. In: Translatologia Pannonica. Pécs. 2007. I. évf. 1. szám. С. 136–138.

References

1. Apresyan Yu. D. Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola (*Experimental study of the semantics of the Russian verb*). Moscow: Nauka, 1967. 256 p. (In Russian).
2. Balli Sh. Francuzskaya stilistika (*French stylistics*). Moscow: Ehditorial URSS, 2001. 392 p. (In Russian).
3. Barhudarov L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) (*Language and Translation (Questions of General and Particular Translation Theory)*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).
4. Valgina N. S., Rozental' D. Eh, Fomina M. I. Sovremennij russkij yazyk (*Modern Russian language*). Moscow: Logos, 2002. 528 p. (In Russian).
5. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (Obshchie i leksicheskie voprosy) (*Introduction to Translation Studies (General and Lexical Questions)*). Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 p. (In Russian).
6. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode (*Untranslatable in translation*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1980. 343 p. (In Russian).
7. Deribas V. M. Ustojchivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka (*Stable verbal-nominal word combinations of the Russian language*). Moscow: Russkij Yazyk, 1975. 256 p. (In Russian).

¹ Ульрих Вилламовиц-Меллендорф (1848–1931) – немецкий филолог-классик.

8. Ermolovich D. I. Osnova professional'nogo perevoda (*The basis of professional translation*). Moscow: ROU, 1996. 72 p. (In Russian).
9. Zhukov D. My – perevodchiki (*We are translators*). Moscow: Znanie, 1975. 112 p. (In Russian).
10. Kolshanskij G. V. Kontekstnaya semantika (*Contextual semantics*). Moscow: Nauka, 2005. 154 p. (In Russian).
11. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie (*Modern translation studies*). Moscow: EHTS, 2001. 192 p. (In Russian).
12. Krupnoe V. N. Leksikograficheskie aspekty perevoda (*Lexicographic aspects of translation*). Moscow: Vysshaya shkola. 1975. 192 p. (In Russian).
13. Miloslavskij I. G. Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo yazyka (*Brief Practical Grammar of the Russian Language*). Moscow: Russkij yazyk, 1987. 287 p. (In Russian).
14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka (*Dictionary of Russian*). Moscow: Russkij yazyk, 1989. 816 p. (In Russian).
15. Parshin A. Teoriya i praktika perevoda (*Theory and practice of translation*). Moscow: Russkij yazyk, 2000. 202 p. (In Russian).
16. Pragmatika slova (*Pragmatics of the word*) / ed by V. D. Devkin. Moscow: MSPU named after V. I. Lenina, 1985. 109 p. (In Russian).
17. Recker I. Ya. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika (*Theory of Translation and Translation Practice*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 215 p. (In Russian).
18. Rozhdestvenskij Yu. V. Obshchaya filologiya (*General Philology*). Moscow: Novoe tysyacheletie, 1996. 326 p. (In Russian).
19. Ushakova D. N. Tolkovyj slovar' (*Dictionary*). Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1935–1940. (In Russian).
20. Fedorov A.V. Osnovy obshchej teorii perevoda (Fundamentals of General Theory of Translation). Moscow: Filologiya tri, 2002. 416 p. (In Russian).
21. Shvedova N. Yu. Tipy kontekstov, konstruiruyushchih mnogoaspektnoe opisaniye slov (*Types of contexts that construct a multidimensional description of words*) // Russkij yazyk. Tekst kak celoe i komponenty teksta. Vinogradovskie chteniya XI. Moscow: Nauka, 1982. P. 142–154. (In Russian).
22. Shvejcer A. D. Teoriya perevoda. Status, problemy, aspekty (*Translation theory. Status, problems, aspects*). Moscow: Nauka, 1988. 215 p. (In Russian).
23. Hadrovics László-Gáldi László: Orosz – magyar szótár. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1951.
24. Klaudy Kinga: Orosz-magyar fordítástechnika. Tankönyvkiadó Budapest. 1980.
25. Pusztai Ferenc. Magyar Értelmező Kéziszótár. Akadémiai Kiadó. 2003.
26. Tóth László: Igeaspektus és fordítás. In: Translatologia Pannonica. Pécs. 2007. I. évf. 1. szám. C. 136–138.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.6):82-4

Ю. Ю. Клычников, М. Е. Колесникова
«СЛАДКАЯ ПЕСНЯ ОТЧИЗНЫ...»: О НОВОЙ
КНИГЕ ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

Рецензия на монографию: Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX в. Армавир; Ставрополь: Дизайн студия Б, 2017. 402 с.

Северный Кавказ – уникальный во многих отношениях регион России, представляющий собой особый культурно-исторический тип. Особенность его определяется как разнообразием естественно-географических условий и геополитическим своеобразием, так и многонациональным и поликонфессиональным составом его населения. Традиционно Северный Кавказ остаётся одним из наиболее противоречивых регионов современной России. И хотя конфликтный накал, характерный для 1990 – начала 2000-х гг. преодолён, мы то и дело сталкиваемся здесь с проявлением террористической угрозы, межэтническими противоречиями, экономическими трудностями и т.п. Если в советский период в общественном сознании регион и народы, его населяющие, воспринимались, как правило, позитивно, ассоциировались с местом отдыха, знаковыми персонажами отечественной культуры, привлекательной, хотя нередко выдуманной восточной экзотикой, то теперь отношения не столь однозначны. Военно-политические катаклизмы, межнациональная вражда, клановость и раздражающее экономическое иждивенчество стали для части граждан нашей страны доминирующими характеристиками, которыми они наделяют Северный Кавказ [7, 11, 12]. Все это вызывает озабоченность властей и общественности, в том числе научной. Историки-кавказоведы немало сделали для обобщения позитивного опыта взаимодействия народов Северного Кавказа и Российской империи в XIX в., показав, что историческое взаимодействие русских и горцев имело разнообразные формы репрезентации [1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10].

Yu. Yu. Klychnikov, M. E. Kolesnikova
“SWEET SONG OF RUSSIA”: ABOUT THE NEW
BOOK ON CAUCASUS STUDIES

Review: Dudarev D. S., Dudarev S. L. The North Caucasus in the eyes of representatives of the Russian society of the first half – middle of the XIX century. Armavir, Stavropol: Dizajn studiya B, 2017. 402 p.

Столь противоречивый разброс мнений, неоднозначность в оценке происходящих на юге страны процессов заставляют обратиться к изучению взглядов российского общества на кавказскую действительность в исторической ретроспективе. В этой связи исследование Дмитрия Сергеевича и Сергея Леонидовича Дударевых видится актуальным и представляет не только академический, но и практический интерес. Рецензируемая монография посвящена эволюции взглядов различных представителей российского общества первой половины – середины XIX в. на пути и методы политической, социально-экономической, культурной интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи. Особое внимание обращено на особенности инкорпорирования представителей северокавказских социумов в российское общество.

Во Введении, которым открывается работа, авторы обосновывают собственное суждение о важности сформулированной ими темы, отмечая, что время «бросает новые и серьезные вызовы, проверяя на прочность отношения Большой России и Северного Кавказа. В этой связи у историков региона возникает настоятельная необходимость вновь обратиться к тому периоду истории Северного Кавказа, а именно к первой половине – середине XIX в., когда он переживал важный этап интеграции в состав Большой России» [5, с. 6]. С самого начала импонирует умение найти параллели между событиями двухвековой давности и днём сегодняшним, которые, при всей условности сравнения, всё же позволяют выявить некие общие черты в воспроизводящейся на

Северном Кавказе социально-политической и культурной ситуации, что демонстрирует устойчивость местного цивилизационного архетипа.

Хронологические рамки работы мотивированы и имеют логическое обоснование. Данный период уже давно выделяется и обоснован в отечественной исторической науке, и авторы придерживаются устоявшейся традиции. Аналогичным образом определяются и территориальные границы исследования, которые подробно прописаны.

Положительной оценки заслуживает историографический раздел монографии. Авторами проанализирован объёмный пласт дореволюционной, советской и современной литературы, посвящённой проблеме российско-кавказских отношений. Акцент был сделан на рассмотрении работ, связанных с изучением региона, оценкой образа жизни проживавших здесь народов. Конечно, учесть абсолютно все исследования, касающиеся данного вопроса, – задача трудноосуществимая, да авторы и не ставили своей целью сделать это. Главное в представленном обзоре видится в том, что он отражает основные тенденции развития кавказоведения и позволяет, опираясь на уже имеющуюся научную базу, сделать новый шаг в изучении поставленной проблемы.

Сформулированные цель и задачи наглядно демонстрируют авторскую оригинальность заявленной темы, отличаются проблемной новизной и не вызывают возражений. Они перекликаются со структурой работы и логично дополняют друг друга, позволяя создать целостную картину исследуемого социокультурного феномена.

Выбранная авторами методология доказала свою научную состоятельность и эвристическую продуктивность. Удачным видится применение ряда научных парадигм, которые авторы обосновывают во вводной части своего труда. В порядке дискуссии позволим себе отметить, что фронтир, о котором рассуждают авторы и ограничивают его лишь географическими рамками, – понятие более ёмкое, и распространение российской власти на горные районы края не привело к его исчезновению. Рассматривая проблему с позиций имагологии, мы находим многочисленные примеры сохранения фронтирности, элементы которой видим среди прочего и в практике совместничества как сотрудничества-соперничества. Исследователи отмечают, что опыт исторических событий более позднего периода, XX – начала XXI в. позволяет говорить, что «...»фронтирность» в виде т.н. иммунности укоренена в

северокавказской социокультурной среде как ментальная структура...» [5, с. 25]. Вызывает интерес подход авторов в отношении оценки «ориентализма», увлечённость которым пока не привела к выработке единой трактовки и понятийного аппарата к данному явлению в отечественном кавказоведении.

Привлечённые исследователями источники позволили обеспечить основательную доказательную базу работы: документы законодательного и нормативного характера, делопроизводственная документация, статистические материалы, историографические источники, источники личного происхождения, публицистическая и художественная литература. Официальные документы и информация личного характера дополняют друг друга, дают возможность достичь объективности в оценке происходивших событий.

Работа хорошо структурирована, в основе лежит междисциплинарный подход. В первой главе «Официальные представители российского общества первой половины – середины XIX века (военные, чиновники, ученые) о проблемах Северного Кавказа и отношении к его населению» речь идёт о взглядах представителей официальной власти на проводимый курс по включению жителей региона в политическое, судебно-административное, экономическое и культурное пространство Российской империи. Авторы останавливаются на изучении планов по интеграции горцев в состав российской государственности, которые предлагали правительственные круги. Представлен обзор и анализ взглядов чиновников на специфику социокультурного и политического развития горцев Северного Кавказа. Отдельный раздел посвящён проблеме духовного развития автохтонного населения края. Обращает на себя внимание тот факт, что каждый из авторов многочисленных проектов по умиротворению Кавказа предлагал комплексный подход, включавший как меры военного воздействия, так и экономические, правовые и культурно-просветительские шаги. Это говорит о достаточно взвешенной позиции российских интеллектуалов, которые расходились лишь в «пропорциях» применения этого инструментария.

Авторы показывают слабость «ориенталистского» подхода в оценке «Иного» («Другого»), справедливо отмечая, что он не всегда может быть применён при анализе российского кавказоведения. Стремление понять своего исторического партнёра, готовность признать собственные недостатки традиционно были сильной чертой отечественного востоковедения.

ния. Для русского офицера М. Ю. Лермонтова, храбро сражавшегося с достойным противником, Кавказ оставался «сладкой песней отчизны», а его народы вызвали искренний и благожелательный интерес.

Справедливо авторы отмечают и то, что используемые военно-политические методы не следует трактовать исключительно как проявление непримиримой враждебности и желание истребить горские общества. На практике зачастую именно силовая составляющая открывала путь для культуртрегерских усилий, без которых знаменитое пушкинское изречение «Самовар был бы важным нововведением» могло закончиться «кандалами в горском зиндане». Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что исследователи сумели выявить тенденцию, характерную для подходов представителей официальных кругов российского общества в оценке проблемы социокультурного и политического развития горского социума. Они не оставались неизменными, а претерпевали трансформацию – от априори негативных, до стремящихся разобраться в побудительных мотивах, определяющих поступки и образ жизни северокавказских народов.

Вторая глава «Декабристы о народах Северного Кавказа и ситуации в регионе в первой половине XIX века» посвящена анализу взглядов декабристов, которые волею судьбы оказались связаны с регионом и оставили многочисленные воспоминания о своей ссылке в «тёплой Сибири». Благодаря их трудам кавказоведение получило весомый пласт этнографических сведений о проживавших здесь народах. Будучи прекрасно эрудированными и отличаясь любознательностью, многие декабристы посвящали свой досуг знакомству с образом жизни горцев Кавказа. Зачастую это было не просто описание увиденного, но и попытка дать ему объяснение, раскрыть причины поступков горцев.

Любопытно, что наличие определённой оппозиционности к правительственной политике не делает из этих людей недоброжелателей России. Они не только разделяют идею важности присоединения Кавказа и его адаптации к имперским реалиям, но и стараются выработать некую оптимальную модель по его реализации в жизнь. Таким образом, исследование фактически доказывает ангажированность тезиса советской историографии о противостоянии декабристов политическому курсу царского правительства в кавказском вопросе. И это важный вклад Д. С. и С. Л. Дударевых в понимание сути отношения достаточно критично настроенной части общества к происходившим на юге страны процессам.

Третья глава «Общественно-политический и бытовой уклад горцев Северного Кавказа через призму взгляда “кавказских пленников”» даёт представление людей, оказавшихся в силу обстоятельств, включённых в горский социум, не только о повседневности, но и о таком проявлении местной специфики как «плени-продавство». Оценивая положение пленников, авторы показывают, что те при всём трагизме ситуации, в которой оказались, были своеобразным связующим звеном «между местными народами» и «Большой Россией». Многие из них, несмотря на претерпеваемые лишения, с симпатией отзывались о мире «Другого», в котором вынуждены были какое-то время пребывать. И здесь, наверное, было бы уместно сравнить их взгляды с позицией польских кондотьеров, например, Т. Лапинского, который на правах союзника горцев участвовал в вооружённом противостоянии на Кавказе и олицетворял непримиримую оппозицию, испытывавшую неприязнь не только к правящему режиму, но и к России, и к русским в целом. В этом случае характеристика ситуации глазами оппозиции имела бы завершённый характер.

Заслуживают позитивной оценки усилия авторов, направленные на исследование статуса пленного в горском обществе. Этот аспект местной повседневности первоначально был обозначен в литературных произведениях, о которых упоминают Д. С. и С. Л. Дударевы. Но авторы впервые сумели осмыслить эту проблему с позиций академической науки, сформировали целостную картину данного феномена и показали перспективность её дальнейшей разработки.

В заключении приводятся выводы проделанного исследования, подчеркивается, что в первой половине – середине XIX в. в российском обществе были подготовлены различные проекты обустройства региона, включавшие в себя «как силовые, репрессивные методы воздействия на кавказцев, так и хозяйственно-культурные стимулы. Их целью была интеграция горцев в российское социополитическое пространство» [5, с. 254]. Выскажем гипотезу, которая в некоторой степени расходится с выводами авторов. Взгляды на кавказскую действительность и эффективность мер по включению региона и народов, его населяющих, в состав Российской империи следует трактовать не с точки зрения принадлежности к официальному или оппозиционному лагерю, а с позиции степени ответственности за последствия принимаемых решений. В этой связи, не влиявшие на реальную политику лица,

могли позволять себе либо радикально brutальные предложения, либо взывать к человеколюбию, вплоть до пацифизма. «Люди дела» таких крайностей не допускали, а потому чаще всего подвергались обвинениям в нерешительности либо жестокости. Возможно, что именно этот фактор объясняет разброс мнений по Кавказу – как в официальных кругах, так и среди оппозиции.

В качестве приложений к монографии авторы разместили пять очерков, которые имеют самостоятельное научное значение, прежде всего источниковедческое, и одновременно дополняют уже имеющийся в книге материал. Это избранные истории «кавказских пленников» (полные версии) с комментариями: «Видя в них - тех же людей... я роднился с ними»: «Культурные приключения» русского солдата в чеченском плену (40-е годы XIX века) (дневник С. Беляева); «Не оправдывая черкесов... я не буду и строго судить их» (офицер Генштаба в плену горцев) (из воспоминаний Ф. Ф. Торнау); «Никто не освободился из плена без величайших затруднений и неприятностей...» (о пребывании у горцев семей княгинь А. И. Чавчавадзе и В. И. Орбелиани); Женщина-казачка в горской неволе: о восприятии иномира «кавказской пленницей» (из воспоминаний казачки С. К. Гончаренко); Похождения

крестьянки Анны Солоповой (любовная интрижка, завершившаяся пленом у горцев) (по материалам ГАСК. Ф. 82. Оп. 19. Д. 54). Такой подход видится оправданным, хотя имеют место повторы, т.к. часть текста дублирует уже приведенный выше материал.

Самостоятельный научный интерес представляет список использованных источников и литературы, который не только демонстрирует фундированность труда, но и послужит путеводителем для тех, кто решит разобраться в непростых коллизиях формирования российского Северного Кавказа.

Особо хотелось бы отметить дизайнерское оформление монографии, ее иллюстрации и отличную полиграфию, обширное SUMMARY на английском языке.

Работа представляет интерес для историков, этнографов, политологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей средних школ, а также для всех, кто интересуется историей Северного Кавказа. Монография уже отмечена специалистами и используется в кавказоведческих изысканиях. Остаётся пожелать авторам дальнейших успехов, а читателям книги увлекательного знакомства с исторической полифонией полиэтничного Северокавказского региона.

Источники и литература

1. Булыгина Т. А. Образ «Другого» в текстах «кавказцев» XIX века: опыт сравнения // Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Антология в 3 т. Ставрополь: СГУ, 2010. Т. 1. С. 319–326.
2. Великая Е. В., Великая Н. Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.) / год ред. проф. С. А. Головановой. Армавир: РИО АГПУ, 2015. 252 с.
3. Великая Н. Н. Проблемы уклада жизни горцев Северного Кавказа и их интеграция в состав Российской империи // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. С. 25–26.
4. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е издание, расш. и дополн. М.: SPSP; Русская панорама, 2003. 512 с.
5. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX в. Армавир; Ставрополь: Дизайн студия Б, 2017. 402 с.
6. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. 496 с.
7. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении // Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В. Б. Виноградова / год ред. С. Л. Дударева. Вып. 1. Пятигорск, 2016. 99с.
8. Клычникова М. В., Клычников Ю. Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 158 с.
9. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века; 2-е изд., доп./ науч. ред. М. П. Мохначева. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 96 с.
10. Матвеев В. А. Интеграционная составляющая в российской политике на Северном Кавказе в имперский период: опыт классификации методологических подходов // Вопросы южнороссийской истории. Армавир, 2013. Вып. 18. С. 53–66.
11. Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Пашенко И. В., Романов И. В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
12. Суций С. Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы. Перспективы первой трети XXI века. М.: ЛЕНАНД, 2013. 432 с.

References

1. Bulygina T. A. Obraz «Drugogo» v tekstakh «kavkaztsev» XIX veka: opyt sravneniya (*The image of the "Other" in the texts of "Caucasians" of the XXth century: an experience of comparison*) // Opal'nye: russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya. Stavropol': SSU publ., 2010. Vol. 1. P. 319–326. (In Russian).

2. Velikaya E. V., Velikaya N. N. Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801–1859 gg.) (*Peaceful forms of integration of the North-East Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)*) / ed by S. A. Golovanova. Armavir: ASPU publ., 2015. 252 p. (In Russian).
3. Velikaya N. N. Problemy uklada zhizni gortsev Severnogo Kavkaza i ikh integratsiya sostav Rossiiskoi imperii (*Problems of the lifestyle of the mountaineers of the North Caucasus and their integration into the composition of the Russian Empire*) // Rossiiskii Severnyi Kavkaz: problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya i istoricheskogo vybora. Materialy 18 seminara Kavkazovedcheskoi shkoly V.B. Vinogradova. Armavir; Stavropol': Dizain-studiya B, 2013. P. 25–26. (In Russian).
4. Degoev V. V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse (*The big game in the Caucasus: history and modern times. Articles, reviews, essays*). Moscow: SPSSL; Russkaya panorama, 2003. 512 p. (In Russian).
5. Dudarev D. S., Dudarev S. L. Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX v. (*The North Caucasus in the eyes of representatives of the Russian society of the first half – middle of the XIX century*). Armavir; Stavropol': Dizain studiya B, 2017. 402 p. (In Russian).
6. Klychnikov Yu. Yu. Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) (*Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)*). Pyatigorsk, 2002. 496 p. (In Russian).
7. Klychnikov Yu. Yu. Severnyi Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (*North Caucasus: old problems in a new dimension*) // Izvestiya nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoi shkoly V. B. Vinogradova / ed by S. L. Dudarev. Issue. 1. Pyatigorsk, 2016. 99 p. (In Russian).
8. Klychnikova M. V., Klychnikov Yu. Yu. Vkhozhdenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777–1864 gg.) (*The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777–1864)*). Pyatigorsk: IP Filippov, 2006. 158 p. (In Russian).
9. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka (*North Caucasus historiographic tradition: the second half of the XVIII – early XX century*) / ed by M.P. Mokhnacheva. Stavropol': SSU publ., 2011. 96 p. (In Russian).
10. Matveev V. A. Integratsionnaya sostavlyayushchaya v rossiiskoi politike na Severnom Kavkaze v imperskii period: opyt klassifikatsii metodologicheskikh podkhodov (*The integration component in the Russian policy in the North Caucasus in the imperial period: the experience of classifying methodological approaches*) // Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii. Armavir, 2013. Issue. 18. P. 53–66. (In Russian).
11. Matishov G. G., Batiev L. V., Pashchenko I. V., Romanov I. V. Atlas sotsial'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Yuga Rossii (*Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia*). Vol. V. Spetsial'nyi vypusk. Severnyi Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya. Rostov n/D: izd-vo SSC of RAS publ., 2011. 160 p. (In Russian).
12. Sushchii S. Ya. Severnyi Kavkaz: Realii, problemy. Perspektivy pervoi treti XXI veka (*North Caucasus: Realities, problems. Prospects for the first third of the XXI century*). Moscow: LENAND, 2013. 432 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абезин Денис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград) / anisimovap@mail.ru

Агафонов Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / anatoly-agafonov@yandex.ru

Айдунова Татьяна Юрьевна – аспирант института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / tat-apr@mail.ru

Аникеев Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / anikeevst@mail.ru

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград) / anisimovap@mail.ru

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / victorapr@sfedu.ru

Баглай Валентина Ефимовна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета (Краснодар) / baglayvalent@yandex.ru

Белевцова Татьяна Борисовна – преподаватель Ставропольского техникума экономики, права и управления (Ставрополь) / belevtzova.tanya@mail.ru

Вартанова Лиана Робертовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vartanova74@rambler.ru

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ludku@yandex.ru

Вышеславова Татьяна Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Vysheslavova_tf@mail.ru

Гаврилов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / serggavr75@mail.ru

Джуккаева Элеонора Борисовна – соискатель кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dzhukkaeva79@bk.ru

Елдинов Олег Александрович – аспирант Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону) / olegeldinov@yandex.ru

Зайцев Дмитрий Владимирович – приглашенный научный сотрудник Тобольского педагогического институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (Тобольск) / dmitriyzaits@yandex.ru

Зубариев Рамзан Байтуевич – аспирант Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru

Картавцева Ирина Васильевна – старший преподаватель Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / irina.pigareva@mail.ru

Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, руководитель центра изучения истории медицины и общественного здоровья, профессор кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и медицинской информатики Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь) / andreyy_kartashev@rambler.ru

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / klichnikov@mail.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kolesnikovam2017@mail.ru

Коробейникова Дарья Юрьевна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru

Лукинова Светлана Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Lukinova.sa@rambler.ru

Максименко Марина Андреевна – ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / mmoiseenko@sfnu.ru

Мелекаев Руслан Курманович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / merukus@yandex.ru

Навасардова Элеонора Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / navasardova@yandex.ru

Нутрихин Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kafedraep@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pantyukhina@rambler.ru

Рубина Элина Рубеновна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / elina_e90@mail.ru

Рудая Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону) / oiru2011@yandex.ru

Суворов Владимир Александрович – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru

Судацов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / istoriirossii@yandex.ru

Тазиева Мурина Магомедовна – аспирант кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / murina.tazieva@mail.ru

Туболи Агнесса – докторант лингвистики Печского университета (Печ, Венгрия) / tuboly.agnes@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abezin Denis – PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd) / anisimovap@mail.ru

Agafonov Anatoly – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Special Historical Disciplines and Records Management, Institute of History and International, Relations Southern Federal University (Rostov-on-Don) / anatoly-agafonov@yandex.ru

Aidunova Tat'yana – postgraduate, Institute of History and International, Relations Southern Federal University (Rostov-on-Don) / tat-apr@mail.ru

Anikeev Aleksey – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / anikeevst@mail.ru

Anisimov Aleksey – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd) / anisimovap@mail.ru

Apryshchenko Victor – Dr. of Historical Sciences, Director of History and International Relations Institute, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / victorapr@sfedu.ru

Baglay Valentina – Dr. of Historical Sciences, of foreign regional studies and diplomacy, Professor, Cuban State University (Krasnodar) / baglayvalent@yandex.ru

Belevtsova Tat'yana – teacher, Stavropol Technical College of Economics, Law and Management (Stavropol) / belevtsova.tanya@mail.ru

Vartanova Liana – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / vartanova74@rambler.ru

Velichko Ludmila – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ludku@yandex.ru

Vysheslavova Tat'yana – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental, Land, Labour Law, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Vysheslavova_tf@mail.ru

Gavrilov Sergey – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, of Foreign History and International Relations, Institute of History and International, Relations Southern Federal University (Rostov-on-Don) / serggavr75@mail.ru

Dzhukkaeva Eleonora – Postgraduate, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / dzhukkaeva79@bk.ru

Eldinov Oleg – Post Graduate, Don State Technical University (Rostov-on-Don) / olegeldinov@yandex.ru

Zaytsev Dmitry – Visiting Research Fellow, Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (the branch) of Tyumen State University (Tobolsk) / dmitriyzaits@yandex.ru

Zubarev Ramzan – Post Graduate, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru

Kartavtseva Irina – senior teacher, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / irina.pigareva@mail.ru

Kartashev Andrey – Dr. of Historical Sciences, Dr. of Medical Sciences, Head of Center for the Study of History of Medicine and Public Health, Professor of Chair of Public Health, Health Service Organization and Medical Informatics at Stavropol State Medical University (Stavropol) / andreyy_kartashev@rambler.ru

Klychnikov Yurii – Dr. of Historical Sciences, Professor, Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / klichnikov@mail.ru

Kolesnikova Marina – Dr. of Historical Sciences, Head of Russian history Chair, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

Korobeynikova Daria – post-graduate, Chair of Historical and Social-Philosophic Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru

Lukinova Svetlana – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental, Land, Labour Law, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Lukinova.sa@rambler.ru

Maximenko Marina – assistant, Chair of Foreign History and International Relations Institute of History and International, Relations Southern Federal University (Rostov-on-Don) / mmoiseenko@sfnu.ru

Melekaev Ruslan – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law North-Caucasian Federal University (Stavropol) / merukus@yandex.ru

Navasardova Eleonora – Dr. of Legal Science, Professor, Head of Chair of Environmental, Land, Labour Law, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / navasardova@yandex.ru

Nutrikhin Roman – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental, Land, Labour Law, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kafedraep@mail.ru

Panarina Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of General and Russian History at Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

Pant'yukhina Tat'yana – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / pant'yukhina@rambler.ru

Rubinina Elina – Postgraduate, Russian history Chair, Institute of Humanities, North-Caucasian Federal University (Stavropol) / elina_e90@mail.ru

Rudaya Olga – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History and Cultural Studies, Don State Technical University (Rostov-on-Don) / oiru2011@yandex.ru

Suvorov Vladimir – Postgraduate, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / ug_pravo11a@mail.ru

Sudavtsov Nikolay – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasian Federal University (Stavropol) / istoriirossii@yandex.ru

Tazieva Murina – Postgraduate, Chair of of the Administrative and Financial Law, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / murina.tazieva@mail.ru

Tuboly Ágnes – Doctoral School of Linguistics University of Pécs (Pecs, Hungary) / tuboly.agnes@gmail.com

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2018. № 3

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Невоора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 04.10.2018

Дата выхода в свет 12.10.2018

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 25,22	Уч.-изд. л. 24,64
Бумага офсетная	Заказ 73	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2